

XLV г.

№ 45

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLV

1914

Выходить ежедневно (52 № в год), с прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 №№ „Новейших модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 8 ноября 1914 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко“ нн. 22.

Въ разоренной Польшѣ. 1. Изваяніе Богоматери, разбитое нечестивой рукой нѣмцевъ въ Пясечно. 2. У Распятія, оскверненнаго сабельными ударами нѣмцевъ въ Пясечно.

Въ Львовѣ.

(Отъ собственнаго корреспондента „Нивы“).

Львовъ, 16—20 октября.

Трехнедельный жестокий бой по всему галиційскому фронту, бой грудъ съ грудью, „упорный“ бой,—какъ его называла телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго,—конченъ, австрійцы всюду отступили, и новая лавровая вѣтвь вплетена въ неуязвимый вѣнецъ славы нашей могучей арміи.

Какіе это были бои! Только русскіе солдаты, воскресшіе суворовскіе чудо-богатыри, могли ежедневно, начиная съ 24 сентября, днемъ и ночью, не зная ни сна ни отдыха, часто голодая, сражаться съ австрійцами, превосходившими ихъ силами въ три раза.

Австрійскія войска за эти дни боевъ состояли сплошь изъ коренныхъ нѣмцевъ и венгерцевъ; славянскихъ народностей въ ихъ рядахъ почти совсѣмъ не было: славянскія

войска австрійцы отовинули къ французской границѣ, а противъ насъ сосредоточили лучшія свои силы.

Съ безумной яростью нанали они на нашъ лѣвый флангъ у Самбора, намѣреваясь обойти насъ и отрезать Львовъ отъ сообщенія съ Россіей, въ центрѣ нашего галиційскаго фронта они выдвинули огромныя силы, чтобы освободить Перемишль отъ осады нашими войсками, а на нашемъ правомъ флангѣ они также намѣревались насъ обойти вмѣстѣ съ нѣмцами.

Превышая численностью, австрійскіе солдаты въ кровавомъ угарѣ лѣзли на наши окопы—и погибали тысячами. Изъ-за груды непріятельскихъ тѣлъ горой выросавшихъ у нашихъ окоповъ, наша пѣхота иногда не могла стрѣлять:—ничего не было видно, кромѣ труповъ. Приходилось растаскивать эти трупы подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятельскихъ орудій и пулеметовъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Въ Львовѣ — Отклики турецкаго выступленія. (Политическое обозрѣніе). — Великая европская война. (Хроника военныхъ дѣйствій). — Львы Флакды. Разсказъ Н. Н. Брешко-Брешковскаго. — Новая книга А. И. Куприна. Критическій очеркъ К. Чуковского. — На Мазурскихъ озерахъ. П. Олей и сынъ Евстигѣевы. Разсказъ Николая Роминскаго. — Национальные гимны союзныхъ державъ. — „Въ строю“. Сборникъ стихотвореній К. Р. — Хронологія войны. — Объявленія.

РИСУНКИ: Въ разоренной Польшѣ. (3 рис.). Выступленіе германскихъ войскъ изъ Лодзи. Кошунство Вильгельма — Его Величество императоръ Японіи Юшихито — Японскій министр-президентъ. Война на Дальнемъ Востокѣ. (4 рис.). Турецкій флотъ. (8 рис.). Бомбардировка турецкаго города. — Турецкіе запасные, направляющіеся въ казармы въ Константинополь. — Разбитое турецкое орудіе. — Знаменіе Августовской побѣды. — Бой подъ Ярославомъ (на Галицкомъ фронтѣ). — А. И. Купринъ — А. И. Купринъ у своего дома, въ Гатчинѣ. — Лазаретъ для раненыхъ солдатъ, устроенный А. И. Купринымъ въ его квартирѣ въ г. Гатчинѣ. (2 рис.).

На этомъ № прилагается „Полное собраніе сочиненій В. Г. Короленко кн. 22“.

Въ первыхъ числахъ октябрія австрійскій главнокомандующій предложилъ перемиріе на три дни для уборки труповъ, но, зная, что австрійцы этимъ днями перемирія пользуются для новаго сосредоточенія и распределенія силъ и подвоза новыхъ войскъ, наши военныя власти отказали.

Венгерская кавалерія съ осмелюю отгакой атакывала наши позиціи. безчисленные эскадроны одинъ за другимъ стремительно приближались къ нашимъ батареямъ и гибли всадники и кони злой венгерской кавалеріи подъ убойнымъ огнемъ нашей артиллеріи. Дождь шрапнелей низко разрывался надъ, мчавшимися сомкнутыми рядами всадниками эскадроны вен-

Выступленіе германскихъ войскъ изъ Лодзи.

Въ разоренной Польшѣ. Разрушенная Центральная площадь въ Пясеchno. обстрѣлянная шрапнелью.

герцевъ таяли, какъ снѣгъ, и исчезали: вѣдь каждый осколокъ шрапнели при пязкомъ разрывѣ смертеленъ.

На сѣбѣ павшихъ мчались все новые и новые эскадроны, залпы картечи уничтожали ихъ, и въ результатъ — венгерская кавалерія въ этихъ бояхъ почти вся была уничтожена.

Въ синихъ, расшитыхъ шнурами домотканыхъ, въ крапчатыхъ рейтузахъ, съ ментиками изъ бараньей кожи, съ длинною шерстью на воротникахъ, на прекрасныхъ коняхъ, эта венгерская кавалерія была гордостью австрійской арміи. У большинства ея офицеровъ старинные дѣдовскіе плазунтые ягдташи времени Крестовыхъ походовъ и войтъ съ турками: у самой рукоятки ихъ вычеканенный золотомъ, отъ времени уже потемнѣвшій, крестъ. Отъ такой ягдтанъ у венгерца — заветная мечта нашихъ офицеровъ-кавалеристовъ.

На головахъ у венгерцевъ пахты красные кивера изъ юфти. Ударомъ пашки прорубить зтотъ киверъ и баранью толстую кожу ментика во время атаки очень трудно — такова крѣпость кожи, — но паша кавалерія бьетъ венгерцевъ сильными ударами по незащищенной части шеи и затылка, иначе они неуязвимы.

Трупами венгерской кавалеріи, намѣревающейся въ бѣшеныхъ атакахъ сломать наши войска, теперь усеяны поля сраженій.

Кошунство Вильгельма. Изображенія Вильгельма и папы римскаго наряду съ образомъ Ченстоховской Божьей Матери. Не довольствуясь прокламаціями, нѣмцы среди польскихъ крестьянъ распространяли образки, на которыхъ посрединѣ помѣщено изображеніе Ченстоховской Божьей Матери, направо — папа Левъ XIII, нѣлво — Вильгельмъ. Крестьяне, возмущенные этимъ кошунствомъ, съ негодованіемъ разсказываютъ о наглости нѣмцевъ, рѣшившихся рядомъ съ изображеніемъ Богоматери нарицать своего кайзера.

Его Величество Императоръ Японіи Юшихито.

По всему фронту потерпѣвъ пораженіе, австрійцы снѣнно отступаютъ, бросая орудія, пулеметы, зарядные ящики, обозы. Тысячи плѣнныхъ, голодныхъ, измученныхъ, обезсиленныхъ, сдаются, и сдаютъ только потому, что нѣтъ никакихъ человѣческихъ силъ сопротивляться натиску нашей могучей арміи, пробовали три недѣли бороться и не выдержали.

Не дешево далась и намъ эта блестящая побѣда, много человѣческихъ вѣнцовъ пріяла наша армія, но потери австрійцевъ въ этихъ бояхъ — неисчислимы: однихъ плѣнныхъ мы взяли болѣе 20.000 человекъ.

Теперь въ эти дни по всемъ желѣзнодорожнымъ путямъ, тнущимся къ Львову и отъ Львова по направленію къ Россіи, безконечныя поезда везутъ на открытыя платформы громадныя тяжелыя бронзовыя австрійскія пушки, съ жерлами, поднятыми къ небу. Тутъ же ихъ легкія полевые орудія, пулеметы, новозки, ящики, снаряды.

Эти громадныя въ 60 вагоновъ поезда, ползущіе теперь дянными лентами въ Россію, напоминаютъ славные дни августовскихъ боевъ у Тарнополи, Львова и Ярослава, когда мы захватили безчисленное количество трофеевъ.

Теперь на открытыя платформы часто видны громадныя австрійскія локомотивы, съ колесами діаметромъ болѣе аршина, предназначенныя для утрамбовыванія шоссе. Австрійцы, наступая на насъ, срубали тысячами старыя сосны и грабы, укладывали ихъ по дорогѣ рядами и затѣмъ утрамбовывали локомотивами. По этимъ дорогамъ они везли тяжелыя орудія. Въ послѣдніе дни боевъ мы захватили эти тяжелыя орудія, благодаря молодечкому натиску нашихъ войскъ. Изъ нѣкоторыхъ орудій они не успѣли даже сдѣлать нѣсколькихъ выстрѣловъ, а по только-что продолженному шоссе мы гнали австрійцевъ, не давая имъ отдыха.

Японскій министр-президентъ графъ Окума.

Въ товарныхъ вагонахъ и теплушкахъ плѣнные — безъ погонѣ, истерзанные, въ рваныхъ голубыхъ мундирахъ, въ дырявыхъ штиблетахъ, въ помитыхъ голубыхъ кашахъ съ кокардами. — плѣнные, еще такъ недавно отчаянно сражавшіеся, теперь возбуждаютъ только одно чувство жалости. Наши солдаты не жалѣютъ ихъ въ бою, но страшно жалостливо относятся къ нимъ въ плѣну и буквально дѣлится послѣднимъ кускомъ, послѣдней щепотью табаку.

Русское сердце — могучее сердце: великодушіе къ плѣнному врагу — да вѣдь это самая отличительная черта русскаго чуда-богатыря!

И австрійскіе солдаты отлично понимаютъ это чувство. Въ этихъ плѣнныхъ, узнавшихъ хотя бы отчасти душу

Война на Дальнемъ Востокѣ. Японская пѣхота роетъ траншеи близъ Цинь-Дао.

русскаго солдата, уже нѣтъ озлобленности, нѣтъ враждебныхъ чувствъ.

Станція Подзамоче около Львова все эти дни биткомъ набита вагонами съ плѣнными. Солдаты-плѣнные мирно, на какомъ-то чудномъ нарѣчій, состоящемъ изъ кошачьей смеси русскіхъ, польскихъ и нѣмецкихъ словъ, бесѣдуютъ съ нашими солдатами, обѣдая изъ общаго котла: плѣнные австрійскіе офицеры, наоборотъ, жмутся кучкой, смотрятъ недружелюбно и недовѣрчиво.

Ихъ щегольскаго покроя мундиры потрепаны, обувь сильно порвана, но наклонность къ франтов-

Война на Дальнемъ Востокѣ. Японскія дамы готовятъ перевязки для Краснаго Креста.

Война на Дальнем Востоке. Японская артиллерия близ Цинь-Дао.

ству и даже при таких печальных обстоятельствах бросается в глаза.

Один приколол белый цветок к кокарде своего кэпи, другой размахивает стожком, третий старается привести в порядок свою прическу, и только один венгерец в красных ренгузах и синем доломане мрачно вскидывает глаза на каждого, кто с ним близко подходит к нему. Кстати сказать, наши солдаты называют венгерцев «красноштанниками».

На обращенные к ним вопросы австрийские плённые офицеры, повидному, не желая отвечать, говорят что-то крайне неразборчиво, односложно, и только офицеры славянских племен охотно рассказывают, где они были взяты в плен, в каких боях участвовали.

Напрасно в России думают, — говорили мне на ст. Подзамоче австрийский плённый офицер-поляк: — что мы, славяне, не желаем сражаться с вами и охотно сдаемся в плен. Нет, на войне, во время боя нет национальных чувств, национальных симпатий. Я — славянин, но я — офицер австрийской армии, я присягал и исполню свой долг. Во время боя я знаю только одно: если я не всажу пули врагу, то он мне ее всадит!

Что подобные ответы не единичны, об этом мне рассказывал известный в Петрограде лингвист В. И. К., один из немногих лиц, владеющий почти всеми наречиями «лоскутной империи», и теперь, будучи прикомандированным к штабу доблестного генерала Б., допрашивающий плённых. Австрийские офицеры абсолютно опровергают слухи о как будто добровольной сдаче; наоборот, они всё утверждают, что только непреодолимая сила русской армии и полная невозможность сопротивляться принудила их идти в плен.

— Но как же вы, славянин, — допрашивает В. И. К. плённого офицера-боснийца: — могли биться с русскими? Ведь вам известно, что Россия отстаивает всегда славянские интересы и именно из-за этих интересов ведёт теперь войну?

— Да, — отвечает боснец: — я это знаю. Но я — офицер австрийской армии, я люблю Франца-Иосифа, я присягал и должен исполнить свой долг до конца...

Вам неизвестно, — продолжает В. И. К.: — что сербская армия уже вторглась в Боснию, она уже у Сараева, и близок час освобождения боснийцев?

— Развѣ! — отвечает удивленный боснец, и только при этом известии о близком освобождении его родины что-то похожее на радость вспыхивает в его глазах.

Насколько угрюмо настроены плённые офицеры, настолько солдаты-плённые чувствуют себя, как дома.

Тот же В. И. К. рассказал мне случай, бывший с ним.

Наш разведчик наткнулся на австрийскую телеграфную линию, повидному, неповрежденную; телеграфные столбы шли по направлению к австрийским позициям. Зная, что австрийцы пользуются телеграфными линиями для телефонных переговоров, наш начальник передового отряда приказал накинуть на телеграф соединительную телефонную проволоку. Слушаешь. Действительно идут переговоры, но на незнакомом языке. Бывший в отряде В. И. К. стал слушать — оказалось, на матерском языке переговариваются штабы

больших гонимых отрядов.

Все, что нужно было, мы узнали, и наш передовой кавалерийский отряд тронулся дальше, а В. И. К. остался у телефонного аппарата слушать дальнейший разговор венгерских штабов.

Сидит он один в поле, разбѣды далеко, заносит в записную книжку наиболее важные

переговоры вдруг слышит сзади себя конский топот, — оборачивается:

Австрийцы! В утреннем тумане вырисовываются светло-голубые мундиры, скачут по направлению к тому месту, где сидит В. И. К.

— Смерть! — подумал В. И. К.: — спасения нет! — и стал рвать бывший при нем записки.

Оборачивается еще раз, присматривается внимательно. Да нет это наши, а не австрийцы. Слава Богу!

Действительно, это мчались наши кавалеристы с приказанием уничтожить телеграф.

В утреннем тумане почти невозможно различить своих от неприятелей.

Как обеспечены австрийские войска военными запасами, как легко они с ними разсчитаются, показывает следующий случай.

Когда австрийцы уже отступали от реки Сана, а мы наседали на них по пятам, им пришлось быстро переходить один из небольших притоков р. Сана, имевший в глубину полтора аршина и в ширину сажени пятнадцать.

Наводить мост под огнем нашей артиллерии они не могли. Тогда они стали сбрасывать в воду патронные ящики, клали их на дно один на другой поперек всего русла реки до тех пор, пока ящики не показались на поверхности воды. Тысячи ящиков были сброшены в воду, миллионы ружейных патронов устлали дно — и по этому мосту австрийцы, спасаясь от наших войск, спешно перешли реку.

Вот о том, что русские войска хорошо обходятся с плёнными, кормят их, — далеко распространилась по неприятельской армии, и будущее не пугает австрийских солдат.

Часто голодный, полубольной австрийский солдат (в последние дни боев на передовых позициях австрийцы питались одной сырой смеклой и сырым же картофелем, отчего у них свирепствует сильнейшая холера), отбившись от своей отступающей части, бредет просеком, просит хлеба и ввиду встречает один ответ у местных, совершенно разоренных, крестьян, — ответ, ставший здѣсь, в Галиции, классическим:

— Нищя нема.

Война на Дальнем Востоке. К взятию японцами германской крепости Цинь-Дао. Японский флот перед Кiao-Чао.

Турецкий крейсер «Гамидие».

Турецкий крейсер «Меджидие».

Турецкий броненосный крейсер «Султан Осман».

Германский dreadnought «Гёбен», предательски уступленный в эту войну немцами Турции. «Гёбен», под турецким названием «Султан Селим», с германскими офицерами и матросами, переодетыми в турецкую форму, произвел 16 октября с. г. неожиданное нападение на Севастополь. Не причинив значительных повреждений, «Гёбен», обстрелянный орудиями береговых укреплений, с тремя пробитыми ушел в море.

Приказ по кавказской армии от 16 октября.

Турки вѣроломно напали на наши прибрежные города и суда Черноморского флота. Вязочайше повелѣно считать, что Россія в войнѣ съ Турціей, войскамъ вѣренной мнѣ кавказской арміи перейти границу и атаковать турокъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Данковъ.

Турецкий миноносец „Берки-Сатвет“.

Онъ проситъ отвести его къ нашимъ отрядамъ—и опять отвѣтъ, такой же классическій:

— Да на паца.

И этотъ отвѣтъ „да на паца“—какъ будто кто-то предлагаетъ кому-либо купить товаръ, а этотъ послѣдній отказывается отъ покупки—больной австрійскій солдатъ слышитъ до тѣхъ поръ, пока не набредетъ на какого-нибудь сердобольнаго жетѣзнодорожнаго сторожа или сторожиху, которая послѣ долгихъ „да на паца“ приведетъ, безоружная, этого вооруженнаго винтовкой и естней патроновъ австрійка къ начальнику отряда.

Подобные случаи добровольной сдачи въ плѣнъ однако за послѣдніе дни боевъ были рѣдки. Боевъ своихъ солдатъ, боевъ возможности сдачи, австрійскіе штабы, по совету германскихъ, на каждую роту назначаютъ по восьми еубалтернъ-офицеровъ, и эти офицеры безжалостно разстрѣливаютъ изъ револьверовъ всякаго солдата, всякую часть, которая или побѣжитъ съ поля сраженія, или обнаружитъ намѣреніе сдаться.

Турецкіе броненосные крейсера „Кер-Эд-динъ Барбаросса“ и „Ассаръ-и-Тевфикъ“. „Кер-Эд-динъ Барбаросса“ бывший германскій броненосный крейсеръ устарѣлаго типа, построенный въ 1891 г. и проданный туркамъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Для часа ночи. Намъ поѣздъ стоитъ на станціи Броды. томительно ждемъ встрѣчнаго поѣзда и стоимъ, стоимъ. Пусто на станціи, ни души. Съ отроговъ Карпатъ дуетъ снѣгъ, холодно, кругомъ ни зги не видно, одинъ спиртовой фонарь шипитъ и мигаетъ, освѣщая темные ряды вагоновъ.

Вспоминаешь милую родину, семью. И вдругъ пѣсня, русская пѣсня здѣсь, у Львова:

„Вотъ чинится тройка удалая по Волгѣ-матушкѣ зимой...“

Кто можетъ это пѣть? И затѣмъ:

„И угасаю съ вѣтрами днесь, но не вѣю тебѣ ни въ чемъ...“

Турецкій броненосный крейсеръ „Кер-Эд-динъ Барбаросса“ со своимъ экипажемъ.

Прошелъ на конецъ станціи, смотрю, открываются платформы товарныхъ вагоновъ, на нихъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, едва согрѣваясь въ своихъ легкихъ голубыхъ шинеляхъ, спитъ плѣнные австрійскіе солдаты. Одинъ изъ нихъ стоитъ у края платформы и поетъ, поетъ.

— Откуда вы знаете русскія пѣсни?

— Я два года жилъ въ Ригѣ и Варшавѣ, — отвѣчаетъ плѣнный: — игралъ на скрипкѣ въ румынскомъ оркестрѣ. Вотъ судьба, опять їду въ Россію. А вы русскій? Нѣтъ ли у васъ покурить?

Я далъ ему папиросъ — и долго его пѣсни неслись въ ночной тишинѣ...

О чудесахъ стрѣльбы нашей артиллеріи, о ея замѣчательной мѣткости и страшной силѣ разрушенія въ австрійской арміи ходятъ легенды.

Наши артиллеристы — артисты въ стрѣльбѣ, но среди даже артистовъ есть виртуозы артиллерійскаго искусства...

Батарея поручика Г. Бя удивительной

стрѣльбой воехничается вся наша армія, за ея попаданиями съ вѣспланіемъ слѣдятъ во время боя тѣ части войскъ, которыя находятся вблизи.

Вотъ случай изъ послѣднихъ боевъ. У Н. одна непріятельская батарея, хорошо пристрѣлявшись, мѣткими выстрѣлами наносила большой уронъ нашей пѣхотѣ. Батарея поручика Г. стояла на закрытой

Турецкіе запасные, направляющіеся въ казармы въ Константинополь.

наша молодецкая батарея стоитъ на своей старой позиціи за холмомъ, посылаетъ снаряды австрійцамъ, а то открытое мѣсто, гдѣ только что стрѣляла батарея, напоминаетъ буквально адъ отъ числа рвущихся граватъ и шрапнелей.

(Окончаніе будетъ).

Вс. Надеждинъ.

Отклики турецкаго выступленія.

(Политическое обозрѣніе).

Попытка немцевъ эксплуатировать въ пользу Германіи мусульманскій фанатизмъ, какъ и надо было ожидать, окончилась полной неудачей. Ни русскіе, ни англійскіе, ни фран-

Бомбардировка турецкаго города.

позицій, за холмомъ, и хоти и наносила удары непріятелю, но изъ-за положенія мѣстности не могла заставить замолчать непріятельскую батарею.

Наши развѣдчики донесли, что эта австрійская батарея потому такъ мѣтко стрѣляетъ, что ея свѣнальщики сидятъ на едва замѣтной отъ насъ колокольнѣ.

Этого указанія было достаточно, чтобы поручикъ Г. рѣшился на отчаянно храбрый подвигъ. Мгновенно орудія на передки, батарея выносятся на совершенно открытую позицію на холмѣ, гдѣ непріятельскія орудія не могутъ тотчасъ же подбить.

Но прежде чѣмъ ошеломленный неожиданнымъ появленіемъ непріятель успѣлъ навести свои орудія и пристрѣлиться, раздался первый залпъ орудій батареи поручика Г. по колокольнѣ — и вдребезги разнеслась эта колокольня съ австрійскими сигнальщиками, второй залпъ — и подбиты орудія наиболѣе досаждавшей намъ непріятельской батареи. Орудія на передки — и снова-

Остатки разбитаго турецкаго оboза.

цускіе мусульмане не дались въ обманъ и самыя рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ нападенія Турціи на Россію и на державы тройственного соглашения. Въ высшей степени поучительно официальное разъясненіе событій, сдѣланное духовнымъ главою индійскихъ мусульманъ. Въ попыткѣ младо-турецкихъ временщиковъ использовать въ нѣмецкихъ интересахъ религіозную вѣру многихъ милліоновъ послѣдователей пророка онъ справедливо усматриваетъ прежде всего нѣчто глубоко кощунственное. Въмѣстѣ съ нимъ весь мусульманскій міръ рѣшительно и безповоротно отказался признать въ Вильгельмѣ правопреемника Магомета.

Неудачливому Вильгельму не пришлось быть даже калифомъ на часъ. Затѣянная по его приказу легкомысленнымъ Энверомъ-пашою война противъ Россіи не пользуется популярностью даже въ самой Турціи и, вѣроятно, окончится скорымъ низверженіемъ политическаго авантюриста.

Въ видѣ протеста противъ его политики многіе изъ самыхъ видныхъ членовъ кабинета вышли въ отставку. Сочувствіе населенія, отъ котораго война потребуетъ неисчислимыхъ жертвъ и кровью и достоинствомъ, находится явно на сторонѣ мирной партіи. Даже въ темныхъ нѣдрахъ младо-турецкаго комитета произошелъ рѣзкій расколъ. Очевидно, война держится только диктатурой Энвера или, вѣрнѣе, военной диктатурой нѣмцевъ, захватившихъ власть надъ правительствомъ. При пассивномъ отношеніи народа она не можетъ быть сколько-нибудь успѣшной, а каждая крупная неудача на границахъ грозитъ неминуемымъ переворотомъ въ Константинополѣ. И теперь уже младо-турецкая помощь не укрѣпила, а скорѣе еще болѣе ослабила политическое положеніе Германіи. Поскольку самый призывъ къ священной войнѣ и воинственное выступленіе Энвера нашли наибольшій откликъ въ той странѣ, гдѣ онъ дѣятельно работалъ—въ мусульманской Триполитаніи,—постольку онъ заставилъ Италію яснѣе и осязательнѣе почувствовать солидарность своихъ интересовъ съ интересами антигерманской коалиціи. Въ константинопольскихъ событіяхъ данъ толчокъ къ болѣе рѣшительному и активному выраженію господствующаго на Аппенинскомъ полуостровѣ германофобскаго направленія общественной мысли. Италія еще можетъ охранять нейтралитетъ по отношенію къ Австріи и Германіи, какъ своимъ вчерашнимъ союзникамъ, но ей трудно будетъ сохранить его по отношенію къ вчерашней противницѣ, при раздѣлѣ послѣдствій которой можетъ что-нибудь перепасть и сосѣдкѣ. Триполи и Киренаика, въ которыхъ призывы Энвера-паши грозятъ вызвать много непріятностей для итальянцевъ, далеко не удовлетворили аппетиты римскихъ политиковъ, но для того, чтобы получить что-нибудь еще, имъ приходится выступить противъ Турціи вмѣстѣ съ державами тройственнаго соглашения. И битая Германія, и тѣмъ болѣе торжествующая Австрія, зажавшая въ кулаки дѣлѣ итальянскія провинціи, имъ ничего не могутъ дать, а при неизбежномъ раздѣлѣ Турціи, при хорошихъ отношеніяхъ съ европейской коалиціей побѣдоносный римскій кабинетъ имѣетъ полное право рассчитывать и на удовлетвореніе своихъ законныхъ національныхъ требованій и на расширеніе культурно-колонизаторской дѣятельности въ Албаніи и Малой Азіи. Въ такомъ же приблизительно положеніи находятся и Румынія и Болгарія. Во время приѣма депутаціи націоналистовъ-профессоровъ Фердинандъ румынскій выразилъ полную солидарность съ ихъ требованіями рѣшительныхъ и активныхъ мѣръ и просилъ вѣрить въ искренность его національно-патріотической политики, которая вынуждена временно держаться выжидательнаго курса, чтобы не создать опаснаго конфликта съ Болгаріей. Национальные интересы Болгаріи точно такъ же требуютъ совместнаго выступленія съ Россіей и остальными балканскими государствами, потому что только посредничество Россіи можетъ гарантировать болгарамъ справедливое разрѣшеніе македонскаго вопроса и возвращеніе Адрианопольскаго округа. Съ первымъ выстрѣломъ нынѣшней войны ненавистный болгарамъ Бухарестскій трактатъ, обеспечивавшій равновѣсіе силъ на Балканахъ, фактически уже пересталъ существовать. Греція еще до исхода войны расширила свои владѣнія присоединеніемъ Эпира, Сербія и Черногорія обезпечили себѣ огромное расширеніе на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, Румыніи предстоитъ почти удвоить свою территорию присоединеніемъ Трансильваніи—можетъ ли одна Болгарія остаться безъ всякихъ компенсаций и прирѣзковъ? Это мыслимо только въ томъ случаѣ, если она пойдетъ противъ породившей ее Россіи и объединенной Европы. Обручившись съ обреченными на раздѣлъ Австріей и Турціей, она раздѣлила бы участь обреченныхъ, но живой инстинктъ національнаго самосохраненія не допустить болгарскій народъ до пагубнаго акта политическаго самоубійства.

Великая Европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Четвертый мѣсяцъ войны принесъ нѣмцамъ ясно обозначившееся поражение на обоихъ фронтахъ. Побѣды русской арміи въ аррьергардныхъ бояхъ подъ Ловичемъ, Радомомъ и пр. были столь сокрушительными, что, вопреки своему первоначальному плану и рѣшенію, нѣмцы не рискнули даже задержаться на тщательно укрѣпленныхъ позиціяхъ по р. Варѣ, позволили нашимъ корпусамъ почти безпрепятственно перейти ее въ нѣсколькихъ пунктахъ и поспѣшно бѣжали дальше по направленію къ

линіи своихъ долговременныхъ и укрѣпленныхъ крѣпостей Краковъ, Торнъ, Кѣнигсбергъ. Изъ дошедшихъ до насъ подробностей нѣмецкаго отступленія выясняется, между прочимъ, секретъ, почему они сравнительно такъ мало теряютъ пушекъ. Очень просто: артиллерія принимаетъ самое незначительное участіе въ ихъ аррьергардныхъ бояхъ и снимается съ передковъ уже при первыхъ признакахъ рѣшительной атаки противника, благодаря чему вся сила удара послѣдняго падаетъ, разумеется, на оставленную безъ артиллерійской поддержки пѣхоту. При такихъ пораженіяхъ нѣхота несетъ удвоенныя и утроенныя потери, но зато пушки остаются въ арміи, а не фигурируютъ въ роли трофея побѣдоноснаго врага. Дорого стоящее орудіе экономный Вильгельмъ цѣнитъ неизмѣримо выше, чѣмъ жизнь лишней тысячи солдатъ. Съ своей точки зрѣнія онъ, пожалуй, правъ: на денежномъ рынкѣ пушка цѣнится куда дороже, чѣмъ дешевое пушечное мясо, въ роли котораго теперь безропотно фигурируютъ гордые нѣмецкіе бюргеры и даже обаятая воинственнымъ пыломъ германская социаль-демократія. Подъ общимъ командованіемъ германцевъ такую же тактику отступленія выработали у себя и австрійцы. Оправдываются ли однакоже практическими результатами такая экономія въ пушкахъ и расточительность на солдатскую кровь? Сомнительно. Нѣмцы и въ своей системѣ отступленій совершаютъ одну и ту же, вообще свойственную имъ, ошибку—предпочтенію матеріальнаго духовному.

Война, которая ведется силами вооруженныхъ массъ, должна быть построена на тонкомъ расчетѣ массовой психологіи. Всѣ великіе полководцы отъ Цезаря, Наполеона и Суворова были въ то же время глубокими знатоками толпы, повелителями ея думъ и чувствъ. Вильгельмъ—неудачный стратегъ уже по одному тому, что онъ чрезвычайно самоослѣпленный человѣкъ и плохой психологъ. Третяку своихъ солдатъ, какъ бездушное пушечное мясо, онъ не понимаетъ народной души, не сообразуетъ съ ея законами. Онъ не принимаетъ въ расчетъ того, что армія, истощенная безчисленными потерями, сохранившая артиллерию, но утратившая вѣру въ побѣду, уже не можетъ побѣждать. Человѣчскій матеріалъ даже съ узко практической точки зрѣнія неизмѣримо цѣннѣе механическаго, потому что всякій механизмъ въ конечномъ счетѣ приводится въ дѣйствіе только человѣческими духомъ. На бранномъ полѣ массовый гиннозъ имѣетъ безграничную власть.

Нѣмецкія арміи съ надломленнымъ духомъ, зарвавшіеся дальше, чѣмъ сколько позволяли ихъ силы, вынужденныя съ востока и запада отступать на родную землю послѣ понесенныхъ ударовъ, и на родину принесли уже надломленный духъ и утраченную энергію сопротивленія. Не полагаясь уже на устойчивость своей восточной арміи, императоръ Вильгельмъ снова съѣздно перебрался въ Бельгію въ подкрѣпленіе 500-тысячный корпусъ изъ Бельгіи, вынужденный отказаться отъ продолженія настойчивыхъ атакъ по направленію къ Ламаншу.

Быть-можетъ, положеніе нѣмцевъ на западѣ еще безнадежнѣе, чѣмъ на востокѣ. Легко читать на столбцахъ газетъ чуть не ежедневно повторяющіяся фразы: «атака отбита»—но страніе реальнаго смысла этихъ, сдѣланныхъ стереотипами, словъ. Вѣдь каждая отбитая германская атака оставляетъ послѣ себя груды труповъ, устланныхъ несъ путь двойного прохожденія атакующихъ колоній подъ огнемъ, скрытаго въ окопахъ непріятеля. Цѣлые два мѣсяца нѣмецкіе корпуса медленно истекаютъ кровью въ желѣзной оградѣ окружающихъ со всѣхъ сторонъ на цѣля 600 веретъ англо-французскихъ и бельгійскихъ окоповъ. Выдержанный и расчетливый генералиссимусъ Жоффръ не желаетъ рисковать жизнью сотенъ тысячъ своихъ воиновъ, а безъ рѣшительнаго удара онъ не можетъ сразу выгнать нѣмцевъ на Маасъ и Рейнъ—но чѣмъ дольше остаются они въ Бельгіи и на сѣверѣ Франціи, тѣмъ хуже для нихъ, тѣмъ больше уничтожилея германская сила въ безплодныхъ попыткахъ сопротивленія, тѣмъ меньшіе остатки ея вернутся на родину.

Перебросивъ изъ рядовъ западной арміи полмилліона штыковъ на востокъ, нѣмцы будутъ вынуждены скоро очистить Бельгію или добровольно, или же подъ усилившимся натискомъ союзниковъ, которые не примнутъ нажать своими усилившимися корпусами на порѣзанные тевтонскіе ряды. Нужно ожидать, что рѣшительный натискъ съ запада будетъ произведенъ своевременно, т. е. именно въ тотъ моментъ, когда будетъ окончательно рѣшаться судьба германской имперіи на востокѣ. Предстоящее сраженіе на фронтѣ германско-австрійскихъ крѣпостей, по всей линіи перерѣзывающихъ сѣверъ Галиціи, Силезіи и Познани, будетъ, вѣроятно, еще болѣе ужаснымъ и кровопролитнымъ, чѣмъ всѣ предыдущіе бои. Выдернувъ могучимъ движеніемъ изъ своего необъятнаго гѣла кровавую занозу германскаго вторженія, разгнѣванная Россія подниметъ грозную руку, чтобы наказать дерзкаго врага въ его собственныхъ владѣніяхъ. Ей придется сломить послѣдній отчаянный отпоръ и однимъ героическимъ ударомъ окончательно сокрушить владычество тевтонскаго насильничества надъ міромъ. Свергнувшіе звѣриное иго народы, преслѣдуя разгромленныя тевтонскія орды съ востока и запада, закончатъ кровавую страду европейской исторіи братскимъ рукопожатіемъ на площадяхъ капитулировавшаго Берлина. Начало четвертаго мѣсяца войны ознаменовалось паденіемъ германскаго оплота на Востокѣ—Цин-Дао и взятіемъ турецкаго оплота—Баязета.

Знаменіе Августовской побѣды. Рисунокъ И. Ижакевича. (См. „Отклики войны“)

Новая книга А. И. Куприна.

Критический очерк К. Чуковского.

I.

Вы сидите на скамье подсудимых и слушаете речь прокурора. Прокурор называет вас извергом, сулит вам жесточайшие кары. А вы слушаете его с восхищением:

— Какая превосходная речь!

Это случилось со мной, когда я читал Куприна, его новую последнюю повесть. В ней Куприн уличает меня и всех нас в ужаснейших, величайших злодеяниях. Он доказывает, что мы из шайки преступников, которые торгуют людьми, и что если в повести повесилась женщина, то повесили ее, в сущности, мы. А я читаю эту повесть с восторгом и на каждой строке повторяю:

— Какая превосходная повесть!

Повесть Куприна есть пощечина всему современному обществу.

— Как вы смаете пить чай, ходить в гости, разсуждать о высоких материях, если здесь, за углом, в двух шагах, гибнут по вашей вине, ради наживы омерзительных прихотей, униженных и оскорбленных женщин! Как вы смаете смотреть людям в глаза, если из-за вас и для вас гни-здитя среди вас проституция! — вот о чем кричит эта повесть.

Читая ее, ощущаешь, что здесь нет виноватых и правых, что здесь виноваты мы все — осквернители человеческой личности, насильники, убийцы, душители глупых, голодных, больных, пьяных, безпомощных женщин.

— Живы! Живы! Боже мой, они живы! — вопил у Чехова какой-то студент, попавший на минуту к этим «тварям». Гаршин тоже, чуть глянул на них, так и забился в истерику. Пристально на них никто не смотрел, только минуту, не больше. Посмотреть, закричать караул и назад.

Но Куприн ненавидит истерику. Истерикой здесь не поможешь. Здесь нужно не рыдать, а изучать. И ровным, медлительным голосом, спокойно, деловито, без всхлипываний, даже, пожалуй, лениво, даже как будто с лѣвотой начал он показывать нам каждую пылинку, каждый гвоздик этих отвратительных мѣст, заглянул во все щели, понюхал все запахи, перетрогал все вещи, и — чудо! — его ровная, лѣгкая речь для нас, как удары кнута, страшнее всех истерик и воплей.

Это — почти диссертация, безстрастный научный трактат, а читаешь, и хочется каяться, и чувствуешь, что ты заклеймлен, что это твой приговор, твоя кара, и что тебе не будет прощенья...

II.

До сих пор я не очень-то вѣрил в чудотворное влияние книг. Мне казалось: смѣшно утверждать, будто «Записки охотника» или «Антон Горемыка» освободили крестьян. Легенду, будто Александр II под влиянием повествований Тургенева дал волю крѣпостным мужикам, я считал очень наивной легендой.

Но теперь я вѣрю в это чудо.

Я вѣрю, что тот, кто прочтет Куприна, эту его новую, жгучую повесть, уже не повторит никогда преступных своих надругательств над оплеванной, продающейся женщиной.

Я вѣрю, что русское общество, именно под воздействием этих купринских страниц, каким-то героическим усилием, воли, в одну минуту, как в сказку, сбросит с себя эти скверные язвы, как что в такое прекрасное утро мы проснемся и с ликованием узнаем, что древнее, вѣчное рабство, позорившее нас тысячи лѣтъ, уже печально, не таясь над нами, звонит же во все колокола, обвиняйте, поздравляйте друг друга, вѣдь впервые мы тогда посмеем сказать заветное слово: *свобода*! До сих пор мы только оскверняли его, ибо уста, которые цѣлуют продажную, не смѣют говорить о свободе.

Вы скажете, что это утопия. Или вы забыли, что живете в России? В России возможно все. Могла же она в один миг, в фантастический, сказочный день сразу сбросить с себя проклятие вѣковѣчнаго пьянства.

Если бы нам сказали об этом заранее, мы только махнули бы рукой. Еще вчера мы так робко мечтали о том, как бы уменьшить это страшное море выпиваемаго народом вина хотя на капельку, хоть на миллионную долю! И это казалось баснословной утопией, несбыточным поэтическим бредом. Но наступает магический день, и весь сто-миллионный народ, точно по мановению жезла, преобразается в единственный миг.

То же будет и здесь, я увѣрен. Нынѣ — время великих чудес. Все русское общество жаждет воскреснуть, обновиться, очиститься. В астаз самообновления, в порыв к великому будущему, оно одним каким-нибудь изумительным жестом, просто, легко, без натуги, как будто шутя и играя, искоренит этот ужас, и тогда-то купринская повесть останется на вѣки вѣков памятником этого великаго подвига, как «Жизнь Дяди Тома» осталась для всех поколений памятником освобождения рабов.

Купринская повесть и есть наша русская «Жизнь Дяди Тома». В ней тот же велико-лѣпный протест против пассивности и рабства. Наши дѣти с изумлением читают, что когда-то можно было пойти на базар и купить себя за нѣсколько рублей человека. Таким же чудовищно-странным покажется нам через нѣсколько лѣтъ то, о чем повѣствует Куприн. — «Неужели это было возможно: пойти на такую-то улицу и купить себя женщину за два рубля, за полтинник!»

Я видел в музее записку одного русского барина: «Препровождаю при сем моего человека и прошу дать ему двадцать штей».

Точно так же пора поскорѣ в музей другую роковую бумагу: желтый блѣтый проститутки. Ему не мѣсто в нашей современной жизни, скорѣ же его под стекло! Он должен сдѣлаться музейной рѣдкостью. Ибо уже никакое перо не может написать на бумаге: «этот человек продается»...

III.

Новая книга А. И. Куприна носит название: «Яма».

Это не та «Яма», которую мы все прочитали нѣсколько лѣтъ тому назад, а другая, — еще никому неизвѣстная.

До читателя она пока не дошла, но тѣ, кто, подобно мне, имѣли возможность познакомиться с нею, чувствуют, что эта новая «Яма» нѣсколько не похожа на прежнюю, хотя ее первого взгляда и кажется, будто она есть продолжение прежней.

Тѣ же лица, та же обстановка, но какой-то новый волнующий пафос, которого не было там. Там были картинны, патетические, а тут смятение, тревога и боль.

Та «Яма» не только не жалила сердце, но, напротив, скорѣ баюкала. Мне она казалась всегда глѣбозомъ фотографических карточек: «вот Манька, вот Сонька, вот Нюра, вот Тамара, вот Эмма, все сняты превосходным фотографом, в профиль, en-face, во весь рост, по одиночкѣ и цѣлыми группами, — на что мне эти дюжины карточек? Для чего старательный фотограф изложил их в такомъ чрезвычайномъ количествѣ?» — думалъ я, равнодушно разсматривая эти равнодушные снимки.

Оттого-то меня так и обрадовало, что эта пылкая новая «Яма» нѣсколько не похожа на ту!

В этой — напряженъ каждый нерв. Это — книга великаго гнѣва. Вся она — с виду такая безстрастная, — охвачена всепоглощающей страстью. Читаешь ее словно в трансѣ и даже забываешь подумать, хороша она или бездарна. Все ее страницы — какъ в огонь!

Прежняя «Яма» была апелличная. В ней не было ни фабулы,

А. И. Купринъ.

А. И. Куприн у своего дома, в Гатчинь.

ни действия, никакого кипения жизни, здесь же цблая буря событий, цблый ураган катастроф. словно множество молний ударило в мирно дремавшую заводь, и все в ней зашевелилось, закорчилось, и вот, как в кинематограф, понеслись перед нами сонмы самоубийц, сумасшедших, подкальывателей, воров, баронесс, скупщиков живого товара, погаригов, босяков, генералов, — какія искаженные лица, какія корчи и судороги!

Все стало трагично и грозно. В прежней „Ямъ“ все действие протекало в одномъ закоулке, а в пылинной авторъ швыряет насъ в тысячу мбств: изъ кафе-шантана на кладбище, изъ мертвецкой в веселый домъ, изъ участка в студенческую келью, и сквозь эту пеструю сутолоку разнообразнйшихъ лицъ и событий просвѣчиваетъ единая грандіозная тема, единое мощное чувство, какого опять-таки не было в той „Ямъ“.

Тамъ было описание нравовъ, здесь — проповѣдь, призывъ, обличение, — и недаромъ Купринъ эту повѣсть посвящаетъ юношамъ. Онъ съ истинно-отцовской заботливостью хочет ихъ предохранить и спасти. Онъ какъ бы говоритъ своей повѣстью:

Напутствовать юное хочется мнѣ поколѣніе. Отъ мрака и грязи уми и сердца уберечь. Быть-можетъ, среди правдивейшей скверны впасть отъ паденія! Спасать задушевнай рѣчь.

Онъ иарочно изображаетъ предъ нами одного изъ такихъ падшихъ подростковъ, котораго ничья „задушевнай рѣчь“ не „уберегла отъ паденія“, и, кляк на экранѣ, показываетъ намъ, какіи преступленіями и ужасамъ этотъ падшій обрекается себя.

IV.

Казалось бы, что здесь ужаснаго, если Коля Гладышанъ, полуробенокъ, веселый, румяный кадетъ, проберется, озираясь, къ Манькѣ Бѣлень-

Лазаретъ для раненыхъ солдатъ, устроенный А. И. Купринымъ въ его квартиру въ г. Гатчинь. На постели ранена сидитъ дочь писателя.

кой и купить себя на два рубля поцѣлуетъ?

Казалось бы, это безобидно и мило, и трагедія тутъ итъ никакой. Да Манька и сама ему рада: угощаетъ его карамельками, зоветъ его дурашкой и бебешкой.

Вамъ кажется, что это скорбѣ идилія, чѣмъ драма: что нужно улыбаться, а не хмуриться.

Но Купринъ говоритъ: милый Коля, мой краснощекій бебе, ты знаешь ли, какую цбную куплена эта идилія? Ты знаешь ли, черезъ какіе застѣжки и пытки должны были пройти сердца людей, чтобы ты, такъ забавно краснѣя и такъ бравадно насмѣываясь, могъ пробираться въ потемкахъ въ твой дешевый трехрублевый Эдемъ?

Позволь же первѣе всего познакомить тебя съ Горизонтомъ. Семенъ Яковлевичъ Горизонтъ. Пожми ему руку, это — твой ближайшій товарищъ, хоть ты его никогда не видалъ. Если бъ не Семенъ Горизонтъ, могъ ли бы ты, милый Коля, такъ романтично и весело тратить свои рубли на любовь? И если бы ты ихъ не тратилъ, что дѣлалъ бы Семенъ Горизонтъ?

Вы связаны съ нимъ неразрывными узами и служите другъ другу всей душой: онъ вѣдь гуртовой, оптовый поставщикъ блондинокъ, брюнетокъ, пожилыхъ, молодыхъ, малолѣтнихъ, гречанокъ, армянокъ, евреекъ, русекихъ, румынокъ, литвинокъ въ харьковскія, кievскія, минскія, одесскія, житомирскія „Ямы“.

Закажи ему — и онъ доставитъ тебѣ цбную партію, десять-пятнадцать вагоновъ этого живого товара. Лхватитъ и для тебя, и для Прохорова, и для всѣхъ, гнонхъ школьнымъ товарищей.

За одну получаетъ онъ триста, за другую —

пятнадцать рублей. Свою жену продаетъ онъ за тысячу, свою возлюбленную — лишь за полсотни. У него широкое торговое дѣло, у него связи съ Аргентиной и Турціей, у него бездна самыхъ почтенныхъ клиентовъ. Онъ на этомъ огромномъ невольничьемъ рынкѣ крупнѣйшій промышленный тузъ: бракуетъ, покупаетъ, расцѣпываетъ, перепродаетъ, сортируетъ живое человеческое тѣло, точно это вобла или сельдь.

Ты — его сподвижникъ, милый Коля, и каждой своей трехрублевой поощряешь его ремесло.

Онъ не одинъ: ихъ десятки и сотни, такихъ работоторговцевъ —

промышленниковъ. Купринъ выводитъ ихъ одного за другимъ: вотъ Шапшировичъ, вотъ Кербешъ, вотъ Шойбесъ, вотъ маламъ Типнеръ, маламъ Барсукова. — со всѣми ими ты связанъ единою цбной взаимныхъ интересовъ и выгодъ.

Безъ этой крѣпкой спайкиной организации невольничества быть бы совершенно невозможнымъ твой комфортабельный трехрублевый развратъ.

Для того, чтобы ты безъ хлопотъ, аккуратно, по такѣ могъ покупать Маньку Бѣленькую, ее держать въ такомъ безпроевѣтномъ, чудовищномъ рабствѣ, предъ которымъ крѣпостная неволя кажется идеаломъ свободы: она въ рабствѣ у городского, у портняжника, у швейцара, у хозяйки, у экономки, у дворника, и Купринъ отчетливо показываетъ, какой ужасъ ожидаетъ ее, если она возжаждетъ свободы и попробуетъ порвать эти путы.

Главный эпизодъ его повѣсти — какъ одна такая „разнесчастная“ Любка попробовала бѣжать изъ притона, и какъ она вернулась назадъ, истонченная, вся въ ранахъ и струпахъ, и какъ ея тюремница-хозяйка била ее по лицу, а она молила, рыдая:

Самое же страшное то, что въ итогъ такой безпросвѣтной невольничьей жизни оторванная отъ семьи, отъ материнства, отъ общества, заплеванная, оскорбленная женщина получаетъ, какъ вѣнецъ, какъ награду, какъ воздаяніе за свой страдальческий путь, позорную свирѣпую болѣзнь, которая въ нѣсколько лѣтъ искромсаетъ, изжуетъ ее всю. Мудрено ли, что эта болѣзнь становится ея страшнымъ орудіемъ для отищенія тѣмъ, кто сдѣлалъ ее гниющею падалью. И вотъ у Куприна — грандіозный, трагическій образъ такой демонической метильницы.

И рѣшила заражать ихъ всѣхъ, — молодыхъ, старыхъ, бѣдныхъ, богатыхъ красивыхъ, уродливыхъ, — всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ! — шепчетъ она въ лютомъ отчаяніи.

Неужели тебѣ ихъ не жалъ? — спрашиваетъ одна изъ подругъ. А меня тебѣ не жалъ? А себя тебѣ не жалъ? А эту Любку разнесчастную не жалъ?.. Пускай они гниютъ, пускай переясытъ заразу на своихъ женъ и дѣтей!

Эта мѣсть безчеловѣчно-жестокъ, но развѣ мы не заслужили ея? Кто осмѣлится осудить эту женщину? Не она виновата предъ нами,

Е. М. Куврина.

Лазаретъ для раненыхъ солдатъ, устроенный А. И. Купринымъ въ его домѣ въ г. Гатчинь. Сестрой милосердія въ лазаретъ состоитъ супруга писателя, Е. М. Куприна.

— Миленькая, не бейте! Дорогая же вы моя, не бейте!

Безъ нобоевъ совершенно немислимъ укладъ этихъ невольничьихъ мбствъ.

Купринъ словно за руку взялъ безпечальнаго кадетика Колю и водить его отъ ужаса къ ужасу. Онъ показываетъ ему слабую Пашу, которая сидитъ на полу и мычитъ съ идиотской улыбкой. Она помутилась въ разсудкѣ, не выдержала здѣшняго быта. И писатель говоритъ юношѣ:

Вотъ жертва твоей трехрублевой любви!

И ведетъ его дальше въ какой-то отвратительный уголъ и показываетъ ему „разнесчастную“ Женку, повѣсившуюся на шнурѣ отъ корсета:

— Это тоже твоя вина!

Едва ты переступаешь порогъ этой веселой залы, гдѣ тебя встрѣчаютъ такъ радостно:

Кадетикъ, кадетикъ пришелъ!

ты становишься палачомъ и душителемъ, соучастникомъ преступныхъ насильниковъ.

Это преносходно, что Купринъ посвящаетъ свое произведение юношамъ. Юношамъ оно нужнѣе всего. Оно воочию вскрываетъ предъ ними тайную, невидимую, глубоко-сокрытую связь между ихъ ребяческимъ безпечнымъ развратомъ и величайшими социальными бѣдствиями. Прочитавшій эту книгу уже не можетъ сказать:

А кому какое будетъ горе, если я поѣду на Ямскую!

Зависимость между такими побѣдами и самымъ тяжкимъ человеческимъ горемъ установлена на этихъ страницахъ незыблемо.

а мы виноваты предъ ней, — внушаетъ своей повѣстью Купринъ. Одинъ изъ тѣхъ, кому она такъ отомстила, ластѣлился и написалъ передъ смертью:

„Виновать во всемъ случившемся, а значить — и въ моей смерти, одинъ только я. Я и заслужилъ наказаніе, которое самъ на себя налагаю“.

Коля Гладышанъ, котораго она поцѣдила, тоже чувствуетъ передъ нею раскаяніе:

— Прости! Ты простишь ли меня, Женя? Простишь?

— Да, мой мальчикъ, да, мой хороший, да, да...

Многое намъ еще предстоитъ совершить, чтобы заслужить такое прощаніе падшій.

V.

Но не думайте, что, желая привлечь наши сердца къ этимъ падшимъ, Купринъ изображаетъ ихъ мученицами, въ чарующемъ ореолѣ страданія.

Напротивъ, онъ не скрываетъ отъ насъ, что тѣ болышинствѣ это — наглъя, лѣнныя, глупыя, пьяныя, циничныя „твари“, нисколько не похожія на гариневскихъ застѣнчивыхъ и кроткихъ Магдалинъ. (Такія, какъ купринская Сусанна — рѣдкость, исключительный случай).

И главное, онъ самъ не знаетъ, что онъ такъ безнадежно-несчастны. Жирный и сытный обѣдъ, пестрые и модные платья, кофе, вино, кадрили, бездѣльная и безтревожная жизнь, спанье до четвертаго часу доставляютъ имъ столько удовольствія, что онъ даже не поймутъ нашей жалости.

По именно в том-то весь ужас, что он не чувствует ужаса. Раба, которому не тяжело рабство, — самый падший из падших людей! Их продают, покупают, топчут на винт и на мерзости, а он, как овца, равнодушен и не понимает! — ужасался когда-то Чехов, жалел их больше всего именно за отсутствие муки.

Если даже в этом аду он не чувствует тоски и отчаяния, значит — он востину падший, и тем тоскоче наша вина, что мы довели их до такого падения.

То же говорить у Куприна одна из его героинь:

— Все девушки, с которыми я встречалась и с которыми вот теперь живу, — поймите, поймите меня! — ведь он ничего не сознает! Говорит, ходит куски мяса!

И, конечно, самое страшное в „Яме“ — не „разнесчастная“ Женя, проклинаясь всем и повесившаяся, а та счастливая жирная острейшая нитка, которая с такой нисой душой аккуратно занимается позорным своим ремеслом и никогда не поймет, почему мы глядим на нее с пугливым омерзением и жалостью.

Напрасно писателю, желая привлечь наше сочувствие к падшим, придает им позитивно-страдальческий облик. Куприн — первый, безо всяких прикрас, сказал о них жестокую правду.

Он сказал: он гадки, но, чем он гадке, тем больше позора для нас. Нечего спасать их, лоскревать; их нужно не спасать, а уничтожить. Нужно так перестроить весь наш общественный быт, чтобы для них в нем не было места. Здесь нужны не личные героизмы и подвиги, а серьезный общественный труд, к которому и зовут нас Куприн.

VI.

Итак, эта новая книга есть проповедь? Нравоучение? Наказание? Мораль?

Нисколько. Это чистая живопись. Художник ни на миг не покинул своей богатой и щедрой палитры. Так же энергично и смело пишет он эту же за атодом. Попробуем для него величайшее счастье: всматриваться в каждую вещь с жадным,

На Мазурских озерах.

Рассказ Николая Рюмина.

II. Отец и сын Евстигфевы.

После удачного дня нас, по неудачному для меня боя я упал вместе с лошадью, и она мне сильно помяла колено, причинившее при каждом движении рязкую боль. Когда я лежал в походной палатке и старался не двигаться, пришел денщик и доложил, что меня желают видеть казачий унтер-офицер. Я догадался, что, вероятно, это — мой вчерашний знакомый Евстигфев, и приказал позвать его.

Он вошел, длинный, крепкий, ответил на мое приветствие отчетливым, но погримом „здравия желаю, ваше высокоблагородие“, по сейчас же спросил других тоном о состоянии моей ноги, отделив этим тоном службу от знакомства. Садись, Евстигфев, гостем будешь.

И приказал денщику приготовить чайку.

Он не стал себя просить вторично и сел, но и здесь показал так и скромность, сумев сел так, что видно было, как он хорошо понимает дисциплину, и знает, что здесь нужна не дисциплина, а уважение.

— Я, собственно, с поручением: мой отец просил узнать о вашем здоровье и приказал доложить, можно ли ему зайти к вам, ваше высокоблагородие?

— А где отец?

— Да он тут, ожидает.

— Так прои же его скорее.

— Слушаю-с.

И Василий, сильно согнувшись в низкой палатке, вышел. Я приказал денщику принести еще один стул и с любопытством ждал гостей: мне нравились оба казака.

Старик вошел, осторожно ступая, точно у меня в палатке была не трава, как везд, а скользкий паркет. Снял фуражку, перекрестился и поставил на стол большую банку варенья. Малинового, — как будто знал, — моего любимого.

Я удивился:

— Это что?

И у меня появилось нехорошее, неприятное чувство к обоим казакам. Очевидно, варенье не было куплено, а взято у какого-нибудь нитки, говорю проще — ограблено. Мне всегда казалось, что если грабеж преступен в мирное время, то он вдвойне преступен в военное, когда с особенною рязкостью должна быть проведена граница между воюющим войскам и мирными жителями, и так в достаточной мере страдающими от войны.

Отношение к неприкосновенности мирного жителя как его самого, так и ему принадлежащего имущества, является самым втрным показателем культуры, и поэтому меня больше рязнуло именно в старик, прежде столь симпатичный, легкое отношение к чужому добру.

Но старый Евстигфев не смутился: он осторожно поставил

ненасытным любопытством и потом изображать ее подробно, любовно, рачительно.

У него гениальный глаз. Если бы он не был писателем, он был бы непременно живописцем. Лучший его страниш — картины. Педаром его враги говорят, будто он писатель-описатель. Он гурмански смакует зримое. Для него чрезвычайно важно, какой в „Яме“ узорчик обоев и какие костюмы, причеки, ботинки у каждого его персонажа. Каждое пятно на стбн, каждая складка на скатерти — для него страшно приманчивы, и, каюсь, иногда мне мерещилось, что глазом он живет больше, чем сердцем.

Но теперь и вижу, что его глаз на службе у его сердца. Именно благодаря своей могучей изобразительной силе, эта повесть и волнует меня, как страстная, вдохновенная проповедь.

Каждый ее образ так рельефен, точно ты его ощущаешь рукой, оттого-то он бьет тебя по сердцу. Кербеш, Сонька Руль, Анна Марковна, доктор, Ванька-Встапка, Эмма, Семен Горюнов — все они нарисованы так, что если бы и их встретишь на улице, и узнал бы их среди огромной толпы. Все изображенное в повести стало как бы частью моей биографии, как будто пережито мною самим — как же мне не волноваться и не мучиться?

Я сравнивал „Яму“ с „Хижиной дяди Тома“, но, конечно, по своим живописным достоинствам „Яма“ выше в тысячу раз. Я люблю „Хижину дяди Тома“, как свтзарное воспоминание детства и как священную скрижалю человечества, но не могу же не видеть, что на любой страничке этого купринского творения больше образов, красок, картин, чем во всем американском романе. Какой-нибудь кафе-панталонный дирижер, или кладбищенский сторож, или цбная собака Амур, которым Куприн посвящает по три, по четыре строки, больше жизненны, красочны, ярки, чем дядя Том с тетей Хлоей!

Впрочем, и у Куприна его второстепенные, эпизодичные лица выходят живнее главных героев, и нужно радоваться, что, по завту Толстого, в этом новом его сочинении нбт ни второстепенных, ни главных героев, а есть один, который прекраснее всех и который называется: правда.

банку, нажимать на меня ясным и чистым, незамутненным взглядом и, выждав, пока я ковчу говорить, мило и ласково сказал:

— Зачь? Никак нбт, — смбл кунай себя на здоровье.

Я рязко отодвинул банку:

Возми, старик, — я не могу бст грабленное!

Но он ласково улыбнулся, — ласково, но с примбью какой-то плутоватости.

— Постой, постой, батюшка, ваше высокоблагородие, ты не торопись, сначала послушай, — тут, и тебб скажу, цблая история! Я взглянул на Василия. Он тоже слегка улыбался, и не насмбливо изи дблано, а искренно, как-то по-дбски, совершенно как и его отец. Также с легким намеком на плутоватость: когда, мол, узнаешь, не то скажешь!

Ну, ладно, садитесь, гости будете. А только варенье не возмю, пока не узнаю, что оно досталось совсем чисто.

— А то как, как же! Извбтное дбл! Видишь, батюшка, погб боя Василий мне рассказал все про этого учителя, фука-то этого. Про того самого, что, помнишь, говорил с тобою в телефон? А этого учителя мы знали уже раньше, апостолом называли. А называли так потому, что все ихне жители бовта нас, ненавидят, а он совсем какой-то особенный: „ти-солдаты, я — учитель; ты свой дбл, вой, и добру учил; вот как!“ Эй-Богу, так и говорил. Он вбд здорово говорит по-русски: „любител руский“, — говорит. Мы это, казаки, как прбхали сюда еще в первый раз, так тут не даб Бог что было: ббгают, бабы голосят, и через пять минут ни единой души не видно. Ну, мы это бдем, извбтно, наготовб, и даже рала два выстрелили, чтобы поугать их, — нельзя иначе, а то осмбляются и сами начинают стрбнт в нас, — бдем к дому побольше. Подбжаем, ндим: школа: скамы, как и у нас, стоят. Только выходить это на балкончик такой, — большой, крытый, — крыцо такое, — сдой старик. Стоит, и волосы втрерок слегка колыхает. „Здравствуй, говорит, господин казак.“ Я, извбтно, сильно удивлен. Кб нему это. „Здравствуй и ты, говорю. Гдб бы тут лошадей попить, ведро б?“

— „Вот, говорит, голубчик, — п дает недро. — Я тебя в клдец проведу.“

„Оставил нас около колодца, а сам поскорб в дом.“ „Удереь сейчас, — думаю.“ Ан, оказалось другое. „Много вас?“ — спрашивает.

„Посмотрб я на него внимательно и заподозрб. — Збсь-то, говорю, немного, а за нами дивизия идет. Знаешь, спрашиваю, что это дивизия?“

„А он и руками замахал: „Что мне до дивизий, я не могу кормить дивизий, я пам хочу дать мозбча с мед.“

„И в самом дбл: сказал что-то старух, — смотрю, несет молоко и мед. Потом булки и масло: „Кунай, кунай на здоровье.“ Мы бдим, пьем, — по очереди: он хоть и апостол, а все только половина здб, другая в полной готовности у коней стоит. Ты не смотри, что Вася тут тихоней прикидывается, — там он ором: строгий урядник, умбть уряд держать! И сам первый во всем показчик!“

„Поли это мы у него, поили, лошадей покормили и дальше сказали только, чтобы жителей успокоил: безоружному волоса не тронем, а вооруженному или шйону-доносчику пули или шаники не мновать, — потому все создать, не в свое дбл не мбшай!“

„Он и руками замахал: „И гдб мне, старику, мбшаться? Дать бы Бог умереть спокойно.“

— Не про тебб говорю, — другим скажи, молодым: мое слово твердо. — Это уже Васи ему говорить, — вооруженному и доносчику пули. — Медленно так говорить, с разстановкой. Говорить и смотреть произительно. Апостол наш даже побжился, — понял, значит.“

Евстигфев помолчал, опустив глаза в землю. Потом поднял и опять заговорил:

— Так понимаю теперь как меня колыхнуло, когда я узнал, что в телефон именно сам-то апостол и говорил? Ах, ты, думаю, проклятая липа, — а у него такая и фамилия. — Вася сказывал, ваш полковой адъютант говорил, — а мы все апостол да апостол...

„Послб боя, как рассказал мне все Вася, такая меня против него злба взяла, бст, знаешь, не могу, — кусок стает поперек горла!“

„Так и бст яе стал, встал и говорю: „Слушай, Василий: отпроси меня у есаула да и побдем к нашему апостолу. Есаулу ничего не скажем, — может не усбть, а так, просто отпросимся, побдем. Тут недалеч, да и прихлонем старую Лису. Уж очень обидно он нас обомбл, значит. Да и другим наука будет. Сь гадиной покончить нужно.“

„П знаешь, столько у меня этой самой злбы, и сказать не могу, так и душит всего!“

„Прбжаем. Видишь, стоит на своем крылечк, и втрерб сдые волосы разбнать. Увидб — точно родным обрадовася: сь балкона ббжит и кричит еще издали: „А, стари казак. Здрав, здрав!“

„Мбв и так злба мутила, а тут к сердцу так и подошло, — наружу рвется!“

„Слажу это я сь копв медленно-медленно. Копи привязываю тоже не сбна.“

„Он заглянул мне в лицо и побббл, заикнулся и замолчал. Я повернулся к нему и все так-то медленно... Хочу говорить и не могу: только так к сердцу и приливает: прильет и уйдет назад и сейчас опять поднимется...“

„Потом взял его за грудь и говорю, сквозь зубы пробжикаю: „Говори, гадина, гдб телефон?“

„Выскочила одна старуха, потом и другая и так по-бабьему: „ах, ах“, — одна упала и лежит, потом вскочила и поббжала, а другая ревмя-ревет. Ббжит около меня и поровить за руку ухватить, руку цбловать хочет. И вот, страшное дбл, я тебб скажу, — ей-Богу, не злой человек, а тут никакой тебб жазости! Ни кб нему ни кб бабам, — а вбд он-то совсем уж неповинный! Злба так и душит: убил бы и не оглянулся бы!“

„Отвбл это я их рукой: отойдите, трекзайте шемы, — убью!“

„Смотрю на учителя, а он уж позеленбл весь: губы трясутся, как в лихорадк, хочет что-то сказать и не может.“

— „Что, говорю, — солдат свой дбл, а учитель добро учить, — гдб телефон, трекзайте плсмя?“

„А он молчит и только дрожит. И никакой у меня жалости ни кб нему ни кб старухам нбту.“

„Посмотрб на Василия. А он сидит верхом, точно памятник Петра императора. Не шелохнется.“

„Я опять кб учителю. Трясу его, — ведн кб телефону! А он дрожит, и губы у его кокают. Выпустил грудь ему, вынул шашку: раз, — ведн! Два, — ведн!.. Попернулся он и пошел. Пдет и мнмзть что-то, не разберешь, — хочб сказать, да язык не повируется. Привбл на пбску, там у него деска два ульбв, открыл один и показывает. Вижу — телефон. Не выдержал и, снял трубку, оторвал и по мордб его смазал. Так смазал, легонько, — ни кровинки не показало.“

„Увидн, что мне при этих словах покорило, Евстигфев почел долгом извиниться: „нельзя, батюшка, уж очень злба меня мучила.“

Потом продолжал дальше:

— А Вася за нами так и бздит. Все на конб. Бздит и молчит. А потом и сказал:

— А бн патриот.“

„Учитель-то, значит. И как сказал он это слово, так во мне перенорб: плохо, значит, что апостолом прикинулся, а то что жб что телефон? А и бы не помог своим?“

„И стаза меня злба душит уже на Василия. — зачь он, так же слово сказал?“

„Повернулся я кб нему да и говорю: „Мозги, ценю.“

„А он сидит на конб, как статуя, и не шевельнется, только и сказал это слово.“

„Повернулся я кб учителю, — вижу, пропал у меня весь заряд, — не то что убить — по мордб не могу как сббует дать, — да как закричу что есть голосу!“

— „А, ферфлюхтер! — это проклятый по-ихнему, по-нбмецкому, — посылб Евстигфев.“ — Закричал это и думаю: ладно, ну а дальше что?“

„А он дрожит, сббный такой и только бормочет: „Ах, Готт, ах, Готт!“ — Готт это Бог по-ихнему. — „Давай, говорю, втрень, чортов сын!“ Угощу хоть согню, думаю. А как молоко, тогда нас поил, так и видбл в кладонк, — весь угол был банками заставлен.“

„Крикнул это я про варенье, и стыдно мне посмотреть на Василия. Злба-то совсем прошла. — ничегошеньки не осталось. Стыдно только. Вижу — не то дбл, а признаться не хочется. — „Накричался, — это я про себя думаю: — орлом хотбл быть, а сбл курицы, — варенья потребовать.“ — Сам думаю, а отказаться стыдно перед Василием: как сын может про отца думать, что он что сдуру сббл?“

„И стал я весь красный, а бодрюсь, хочу хоть криком показать, что все обдуманно дбл.“

— „Понимаешь, — говорю, кричу скорб, а не говорю: — понимаешь? Давай все варенье: казак-то угощать буду!“

„Не понимал долго, потом, — как уже поныл, — как заббгает сам, как зачнет старух гонить: ббгают, банки в корзины укладывают!“

„А Вася на дворб остался, — сидит верхом и никакни!“

„Вышел это я, прикидываю злым да свирбным и команду, как лучше варенье подвизать. Сбл на конв, — думаю: скажет же еще что-нибудь нужно: потрясь и нагайкой и говорю: „Счастлив твой Бог. А только смотри, — еще поймю сь телефоном — живым тебб не оставлю.“

„Как ббсом бхали, смбх мне разобрать, и говорю Васб: „Как быть сь вареньем-то? Скажут, мародер старый Евстигфев.“ — А варенье тоже жалб бросить... Отвбл бы я ему и назаб, — стыдно...“

„Сбном прикрыл корни да так и побхал...“

— „Не обезсудь, возми банку-то! Себб банку за труды взял, а остальные девб сотб отдал. Одиннадцат всего банк было.“

„Не заводн телефона, значит, — не мбшайся вь солдатский дбл...“

Прошло нбсколько дбл. Судьба опять стокнула меня сь Евстигфевым, но уже при совершенно иных обстоятельствах. Нбсколько казаков поили лошадей. Около, верхом, сидбл старый Евстигфев. Он увидбл меня, медленно повернул коня и криво усмбнулся:

— Поздравь меня, ваше благородие, сь повышением: получил уряд сына Василия...

Но что сь ним? Пепельный цвбт лица, какав-то страшная медлительность движений...

Он напузся сь сбда ко мне и тихо спросил:

— Можно кб тебб зайти душу огнест?

— Разумбется. Чего и спрашивать!

Так я сейчас! — Кудряшев, останься за меня, возми и коня, — и послб приду.

Он сбзс сь конв, передал казаку, и мы поили. До палатки шли молча. Он вошел и сбл. Как-то безсильно, как мбшос. Я сидбл против него, и сббл, проходивший вь раскрытое полотнище палатки, падал ему вь лицо. Да, он нбзбншен: постарбл и как-то завял. Начал говорить и нбсколько времени не мог: губы дрожали, рот кривился, но слова не шли. Потом сббл усилие и заговорил твердо и сурово:

— Васн-то... того...

— Убнть?

— Пропал. И говорить стыдно: за печеную картошку... За печеную картошку, понимаешь? Это такой человек, как Василий. Скажут никому не смб, смбаться будут... Так и вь станиц, — если Бог во гнбб своем меня оставит вь живых, — ничего не скажу. Тебб другое дбл, ты — человек чужой, посторонний, послушай и забудь, а там же все знают: Васька-то Евстигбб, скажут, за печеную картошку пропал. Георгбвский-то кавалер.“

Я взянул из груди старика: кб прежним трем Георгбм присоединил четвртый, большой зозотой. Он замбтил мой взгляд.

— За тот день даи, помнишь, как воду перебзжали? За это, да батарею тогда атаквали, одну орудю взяли.

Помолчал, потом опять начал:

— Так вот слушай: рыскали это мы и забрались за линию ихнего обфления: и, Вася покойный, Кудряшов да Пбвун. Шум, значит, набблали и теперь домой бдем. Сначала нбмцы гонялись за нами, да сббл потерли. Вь лбсу тихо, прбтво. бдем шажком и наткнулись: сидят ихне три улана около кострика. Мы это зорал по-казачьему и на них. Умудрились как-то на коней вскочн и усакал. Прогнали мы это их версты три и бдем назад потихонечку. Все около рбчки да около рбчки. Ан, гляд, и добхали опять до кострика. Смотрим, а он, как ббжали, то один потерял винтовку, а другой — свою шашку уланскую. Костер-то тоже затих, только ды

мокс, стелется. Слѣзъ Кудряшъ подобрать оружіе.— трофеи, значить, подошелъ и къ кострику: подковырнуть, а тамъ картошка печеная. А около въ банкѣ изъ-подъ ваксы и соль стоитъ. А подъ кустомъ бѣлая мисочка и въ ней масло. Попробовалъ: картошка въ самомъ смаку!

„Посмѣялись мы находѣ, слѣзли съ коней и давай ѣсть: ужинать хоть въ столѣцѣ!“

„Сначала осторожно, на чеку, знаемъ, что непріятель подъ бокомъ, потомъ смѣлѣе да смѣлѣе. Тихо, не шелохнется, и кони спокойны. Потомъ только я подумалъ, чего кони были спокойны: оно хоть и тихо, а дымокъ-то такъ и тянуло отъ насъ ко врагамъ нашимъ, кони поэтому его и не чуяли. А онъ былъ тутъ, въ пятидесяти шагахъ, лежалъ и смотрѣлъ на насъ.“

„Тѣмъ это мы картошку, похваливаемъ да тихо балакаемъ. А Вася-то, покойникъ,—старикъ перекрестился,—дай ему, Боже, вѣчный покой,—и говоритъ: „искупаюсь я, батя?“—„Что же, говорю, купайся: все тихо, а мы поосторожимъ.“

„И все жуемъ картошку.“

„Раздѣлся-то это онъ, снялъ оружіе, положилъ около коня, какъ и надлежитъ казаку,—голый да съ оружіемъ,—и шастъ въ воду. Онъ купается, а нѣмцы смотрятъ... А мы ничего, тоже довольны: Кудряшъ и Пѣвунъ спорятъ, кому теперь очередь...“

„Только вдругъ „урра“, совсѣмъ по-нашему. Видимъ, бѣгутъ нѣмцы, со всѣхъ кустовъ, вѣрно, больше сотни.“

Кудряшъ и Пѣвунъ сразу на лошадей, а я попридержался, хочу посмотреть, поспѣетъ ли Вася добѣжать до коня. Вижу, вотъ онъ ближе, ближе. Сидѣлъ одного нѣмца, что ужъ очень насѣдалъ, толкнулъ другого, нагнулся, схватилъ шашку и на коня.

„Ну, слава Тебѣ, Господи. Я тоже на коня, а меня уже нѣмцы держатъ, внизъ тянутъ, хотятъ казака живьемъ взять,—птица рѣдкая!“

„Я саданулъ шашкой двухъ,—упали. Остальные выпустили, конь рванулъ, еще двухъ-трехъ перевернулъ,—выскочилъ я живъ и невредимъ, поскакалъ.“

„Сѣхались мы: я, Кудряшъ и Пѣвунъ,—Васю поджидаемъ... Да такъ и ждемъ до сей поры...“

„Самъ видѣлъ, какъ на конѣ сидѣлъ и шашку держалъ: живымъ, значить, въ плѣнъ не отдалъ.“

Мы долго сидѣли молча. Потомъ я спросилъ:

— Почему ты все называешь его покойникомъ? Да, можетъ, онъ живехонекъ?

Евстигнѣвъ обидѣлся:

— Простой казакъ не сдается живьемъ въ плѣнъ, не то что Василій.

— Противъ рожна не попрешь, можетъ-быть, только раненъ, можетъ, даже и здоровъ—хоть казакъ, а все человѣкъ: ихъ было много, развѣ не могли скрутить?

Евстигнѣвъ подумалъ и недовѣрчиво покачалъ головой:

— Не могли: самъ видѣлъ, какъ сидѣлъ на конѣ и шашку держалъ...“

Онъ перекрестился:

— Погибъ казакъ, дай ему, Боже, царствіе небесное.

Но я разсердился:

— Ой, старикъ, не служи панихиды по живомъ,—грѣхъ!

Прошло еще нѣсколько дней. За это время обстоятельства измѣнились, и намъ пришлось отступать: многочисленныя силы непріятеля надвигались намъ въ обходъ, и противъ подобнаго обхода, производимаго значительно превосходящими насъ силами, тактика, эта „математика здраваго смысла“, знаетъ лишь одинъ способъ: усиленное задерживаніе противника съ того фланга, который онъ хочетъ обойти, и послѣднее отодвиганіе угрожаемыхъ частей, т.-е. центра и другого фланга, до того момента, когда мы будемъ въ состояніи противопоставить противнику силы, равныя ему или, если возможно, превосходящія.

Это элементарное правило тактики относится какъ къ маленькимъ частямъ, не больше роты, такъ и къ полкамъ, дивизіямъ, корпусамъ и цѣлымъ арміямъ. Въ послѣднемъ случаѣ, разумеется, все происходитъ въ грандіозныхъ размѣрахъ, что даетъ основаніе, людямъ, конечно, не посвященнымъ,—думать, что подобное отступление равносильно поражению. На самомъ же дѣлѣ часто бываетъ, что это является разбѣгомъ для прыжка, гдѣ прыгающій тоже сначала отступаетъ, чтобы, разогнавшись, съ большей силой выпонить свою задачу.

При отступленіи, на мой батальонъ, шедшій въ арьергардъ, выпала тяжелая и крайне неблагоприятная задача оберегать отъ непріятеля уходящія наши войска, принимая на себя удары энергичнаго противника.

Мы поминутно разсыпали боевыя цѣпи и огнемъ пѣхоты, пулеметовъ, а если надобилось—то и артиллеріи, охлаждали пылъ насѣдающаго противника. Объ отыхѣхъ и снѣ, разумеется, надо было забыть, и лишь изрѣдка удавалось посидѣть спокойно.

Но наши войска двигались быстро и безъ задержекъ, и пѣхотныя части противника начали отставать. Кавалерію мы легче осаживали огнемъ, и намъ изрѣдка удавалось немного отдохнуть.

На третью ночь мы сидѣли и грѣлись у костра. При отходѣ намъ нечего было бояться разводки огня: мы были послѣдними, сзади насъ былъ лишь непріятель, котораго мы ждали, готовя всякую минуту гостинца. Мы отъ него не скрывались, а напротивъ—вызывали его.

Пройдя широкій, слегка болотистый, лугъ и небольшую, но глубокую, ягору около пятидесяти ширины,—рѣчку, мы спокойно остановились на опушкѣ лѣса. Мѣстность была сухая,—наибольше довольно высоко поднимался надъ низиной пройденнаго луга.

Позиція была очень удобная: мы при думѣ видѣли каждую травинку, рѣка являлась серьезнымъ препятствіемъ не только для кавалеріи, но и для пѣхоты. Мы рѣшили задержаться здѣсь подольше,—отдохнуть самимъ и дать нашимъ войскамъ спокойно двинуться дальше.

Въ первую половину ночи иногда появлялась непріятельская конница, но затѣмъ и она исчезла. Около часу ночи въ со-сѣднемъ батальонѣ, несшемъ такую же службу, какъ и мы, затрещало—было пулеметы и поднялась оживленная ружейная стрельба, но она затихла такъ же внезапно, какъ и началась. Тогда все поле замолчало. Надъ всѣмъ легла тишина. Въ первый разъ за 80 часовъ ни въблизи ни въдали не было слышно ни одного выстрѣла.

Солдаты развели огромный костеръ и все таскали новые и новые сучья. Мы, офицеры, сидѣли у другого, маленькаго костра, и ѣли печеную картошку съ солью и масломъ. Было вкусно, спокойно, тепло.

Большинство солдатъ спало, лежа кучками у костровъ. Мы, группа офицеровъ, лѣниво дождались картофеля и ѣдали: разговоры кончились, и намъ тоже хотѣлось спать. Я все время думалъ о Василии, пропавшемъ изъ-за такой же печеной картошки...

Вдругъ по полю пронесся какой-то странный стонъ,—что-то въ родѣ ау... ау... но странное, протяжное, тягучее.

Мы встревожились. Многие дремавшие поднялись и встали за ружья.

Звукъ былъ ближе, повторялся и стономъ неся по полю.

— Вурдазакъ,—сказалъ одинъ солдатъ и перекрестился.

— Что жъ, и не штука: сколько теперь христіанскихъ душъ блуждаютъ по полю.

А звукъ неся, то затихая, то усиливаясь.

Прошло полчаса.

Крикъ повторялся рѣже, но все приближался. Двѣ собаки, провозвавшія батальонъ въ походѣ,—одна лохматая, по имени Мурмузъ, еще изъ Россіи, и другая пѣмецкая, тоже лохматая, носившая чисто-русское имя Явучки, конечно, данное уже нашими солдатами,—начали выть.

При тишинѣ ночи этотъ стонъ, несшійся по полю, и собачій вой дѣйствовали на нервы, раздражали ихъ. Припорочили, состоятельный человѣкъ, избѣженный и когда-то выхоленный, часто капризничавшій, вскочилъ и началъ быстро ходить около костра.

Вотъ онъ, вотъ!

Дѣйствительно, по лугу, по направленію къ намъ, двигалась какая-то сѣрая фигура. Человѣкъ то держалъ руки кверху, то опускалъ ихъ. Шелъ онъ нѣсколько зыгзагами, какъ будто пьяный или сильно усталый, борящійся со своими силами, человѣкъ. Онъ остановился, поднялъ руки кверху и ясно крикнулъ:

— Ахъ, Готтъ, ахъ, Готтъ!

— Что онъ кричитъ?—спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Ахъ, Готтъ, ахъ, Готтъ.

— Сумасшедшій, что ли?

— Вѣроятно.

Одинъ изъ солдатъ хотѣлъ выстрѣлить: я въ-время остановилъ его.

Шедшій подошелъ къ рѣкѣ, поднялъ руки кверху и крикнулъ опять свое жалобное, стонущее „ахъ, Готтъ, ахъ, Готтъ“. Затѣмъ, не опуская рукъ, дошелъ до воды и повалился въ нее. Я думалъ, онъ сразу поидетъ ко дну. Рѣчка была глубока, но онъ поплылъ, молча доплылъ до нашего берега и, выйдя изъ воды, поднялъ руки и опять простоналъ свой вѣчный призывъ.

Это былъ нѣмецкій солдатъ. Очевидно, безумный. Собаки бросились къ нему, но онъ ихъ не замѣчалъ и шелъ дальше.

Подойдя къ костру, остановился, и какъ только остановился, вода начала капать съ его платья.

Вся его фигура была какая-то странная и при другой обстановкѣ казалась бы комичной: онъ былъ больше своей одежды. Брюки были коротки и вылезли изъ сапоговъ. Крѣпкія руки торчали изъ короткихъ рукавовъ. Въ рукахъ онъ держалъ кусокъ хлѣба, замоченный при его переправѣ черезъ рѣчку.

Какое-то жалкое соединеніе мощи тѣла и слабости духа.

Увидѣвъ группу офицеровъ, онъ направился къ намъ. Когда онъ подошелъ къ костру, я рассмотрѣлъ его лицо,—оно было мнѣ хорошо знакомо, я его гдѣ-то встрѣчалъ. Онъ заговорилъ, и я вспомнилъ: Василій Евстигнѣвъ! И тогда же замѣтилъ то, что въ его лицѣ поразило меня: казаки носятъ длинные волосы, у него же они были острижены подъ гребенку, что придавало его лицу не казачій видъ.

Онъ тоже узналъ меня, взялъ похъ козырекъ и отпартовалъ:

— Честь имѣю явиться, ваше высокоблагородіе,—старшій урядникъ Василій Евстигнѣвъ—первый изъ нѣмецкаго плѣна прибылъ!

Хотя онъ бодрился, но скорѣ можно было замѣтить, что онъ говорить и дѣлаетъ больше механически. Напримѣръ, на вопросы офицеровъ онъ отвѣчалъ почтительно и толково, но ужъ очень односложно:

Какъ ты бѣжалъ изъ плѣна?

— Такъ точно, бѣжалъ.

— Да, но какъ?

— Ударилъ генерала и выскочилъ.

— Какъ ты его ударилъ?

— Кулакомъ, ваше благородіе.

— Куда?

— Въ лицо.

— Данно это было?

— Такъ точно.

Сколько дней?

Евстигнѣвъ напряженно думаетъ.

Національные гимны союзныхъ державъ *)

„RULE BRITANIA.“

Англійскій Гимнъ.

Англійскій гимнъ.

I.

Когда Британію Творецъ
Нѣтъ тверди ясной сотворилъ,
Она была всѣхъ странъ вѣнечъ.
И пѣлъ ей хоръ небесныхъ силъ:
„Правъ, Британія,
Царствуй надъ морями!
Дѣти твои никогда,
Никогда не будутъ рабами!“

II.

Печаленъ жребій странъ пныхъ—
Имъ тиранія суждена,
Ты жъ процвѣтешь, сильна, властна,
Угрозы, завистью для нихъ!

Правъ, Британія,
Царствуй надъ морями!
Дѣти твои никогда,
Никогда не будутъ рабами!

III.

Надменный деспотъ никогда
Твоихъ сыновъ не сокрушитъ.
Въ борьбѣ лишь ярче заблеститъ
Твоя счастливая звѣзда!

Правъ, Британія,
Царствуй надъ морями!
Дѣти твои никогда,
Никогда не будутъ рабами!

ЧЕРНОГОРСКІЙ ГИМНЪ.

Величественно

Черногорскій гимнъ.

I.

Черногорию родную въ горной ризѣ величагой,
Огражденную свободой, гордой доблестью и славой,
И того, кто вмѣстѣ съ нами знамя чести сохранилъ,—
Сохрани Царя-Николу, Царь святыхъ небесныхъ силъ!

II.

Пусть пребудетъ здравымъ, мощнымъ, всей странѣ на
украшеніе,
Равный доблестію предкамъ злымъ врагамъ на утрашеніе,
Къ добрымъ—кроткій, къ дерзкимъ—строгий,—нашей
вольности оплотъ,
Оборона вѣры нашей—пусть вѣки онъ живетъ!

III.

Отъ коварства и напасти защити его съ семейю,
Проклять тотъ, кто помышляетъ на него душою злою!
Пусть того, кто вѣру губить, правды мечъ низвергнетъ
въ тѣни!

IV.

Всюду съ нимъ и за него мы кровь свою пролить готовы—
За него, за наше имя, за того, кто впалъ въ оковы.
Своему святому долгу мы послушны всякій часъ.
Боже свѣтлый, буди съ нами, сохрани его и насъ!

*) Русскій, французскій и бельгійскій гимны помѣщены въ № 44 „Нивы“. Ноты гимновъ, воспроизводимыхъ здѣсь, издавы музыкальной фирмой Ю. Г. Циммерманъ, въ Петроградѣ.

СЕРБСКИЙ ГИМНЪ.

Сербскій гимнъ.

I.
Боже правый, Ты спасал насъ
Отъ напастей и враговъ.
Голосъ нашъ услышь и нынѣ,
Будь и нынѣ нашъ покровъ!
Ты паправъ десницей мощиой
Мѣгъ родного корабля,
Сохрани, спаси, Всесильный,
Нашъ народъ и короля!

II.
Въ узы братства и единства
Сербскихъ братій Ты сплоти,
Чтобъ могли мы грозной силой
За отчизну въ бой итти.
Пусть великій плодъ свободы
Наша возраститъ земля!
Сохрани, спаси, Всесильный,
Нашъ народъ и короля!

III.
Гнѣвъ Твой, праведный и грозный,
Да не обратится къ намъ!
Ниспосли благословенье
Сербскимъ нивамъ и полямъ!
Если жъ день борьбы настанетъ,
Духъ побѣды въ насъ вдохни.
Боже свѣтлый, Боже правый,
Короля и насъ храни!

IV.
Изъ могилы мрачной, темной
Вновь возсталъ нашъ сербскій край.
Ты зажги надъ нимъ сиянье,
Счастье новое намъ дай!
Сохрани страну родную,
Достигъ битвъ и скорби плодъ.
Сохрани, о Боже правый,
Короля и нашъ народъ!

ЯПОНСКИЙ ГИМНЪ „KIMIGAYO“.

Японскій гимнъ.

Славный міра властелинъ,
Солнца утренняго свѣтъ!
Вѣкъ живи!
Вѣкъ царь!
Крѣпокъ, свѣтелъ и могучъ—
Солнца лучъ!
Вѣселись будь, какъ вѣченъ свѣтъ,
Правъ для славы и побѣдъ!
Пусть моря уйдутъ въ гранитъ,
Пусть разсыплются въ песокъ
Выси скалъ,
Цѣпи горъ—
Свѣтелъ, несенъ и нысокъ,
Ты царь!
Дольше скалъ и волтъ морскихъ,
Ярче утренней зари!

„Въ строю“.

Сборникъ стихотвореній К. Р. Петроградъ. 1915. Цѣна 25 коп.

Современныя событія, въ которыхъ такую яркую роль играетъ военная мощь Россіи, возбудили въ широкихъ слояхъ общества особый повышенный интересъ къ военной жизни и быту. Съ тѣмъ болѣе вниманіемъ наша читающая публика должна отнестись къ только что вышедшей книжкѣ стихотвореній Августѣйшаго поэта К. Р., озаглавленной „Въ строю“.

Здѣсь собраны исключительно стихотворенія военнаго содержания, произведенія уже извѣстныя, но въ свое время еще не имѣвшія возможности быть оцѣненными въ такой исключительной степени, какъ теперь, въ военное время. До сихъ поръ эти стихотворенія К. Р. были популярны по преимуществу въ военной средѣ, теперь для нихъ пришелъ чередъ быть популярными въ самыхъ широкихъ читательскихъ кругахъ.

Сборникъ „Въ строю“, собственно, предназначенъ для народа. Стихи К. Р. посвящены именно солдату: въ нихъ поэтъ говоритъ о жизни солдата, о его долгѣ, о воинской чести, о его подвигахъ и трудахъ. Чувствуются глубочайшее душевное единеніе между авторомъ и тѣми незамѣтными въ массѣ героями, которыхъ онъ воспѣваетъ, сердечная любовь къ нимъ и знаніе всѣхъ мелочей ихъ жизни.

Этотъ сборникъ стихотвореній будетъ дорогимъ и милымъ подаркомъ на позиціяхъ и въ лазаретахъ. Но въ то же время эти

военныя стихотворенія К. Р., отмѣченныя свойственными таланту Августѣйшаго поэта сердечностью и поэзіей, несомнѣнно будутъ по достоинству оцѣнены и читателями иныхъ круговъ.

Въ сборникѣ помѣщено тринадцать стихотвореній. Въ самомъ началѣ книги помѣщены три извѣстныхъ стихотворенія, сразу дающія должный тонъ всему сборнику: „Полкъ“, „Новобранцу“ и „Часовому“. Въ нихъ опредѣленно и ярко выражено отношеніе Августѣйшаго поэта къ роднымъ воинамъ. Стихотвореніе „Умеръ Ѳдинтъ“ уже вошло цѣликомъ въ народъ и поется въ видѣ народной пѣсни по всей Россіи. Другимъ стихотвореніемъ, несомнѣнно, предстоитъ такая же славная доля, на примѣръ, предестинъ поэмъ „Уволенъ“, въ иныхъ (на примѣръ, „Въ дежурной палатѣ“, „Письмо къ дежурному по полку“ и др.) рисуется въ мягкихъ, акварельныхъ тонахъ своеобразная полковая жизнь. Наконецъ мы встрѣчаемъ и чисто героическія строфы въ стихотвореніи „Портъ-Артурцамъ“.

Сборникъ „Въ строю“ изданъ изящно, снабженъ двумя портретами Великаго Князя Константиновича и многими численными рисунками, подобранными съ большимъ вниманіемъ и вкусомъ. Издатель (Н. Н. Сергіевскій) позаботился также и о томъ, чтобы дать краткій, но сильный и содержательный очеркъ жизни и дѣятельности Августѣйшаго поэта.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

XLV г.

№ 46

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. Короленко, А. Н. Майкова и Эдмунда Ростана, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 15 ноября 1914 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLV

1914

Великая общеевропейская война. (Хроника военныхъ дѣйствій).

Военныя дѣйствія на нашемъ австро-германскомъ фронтѣ пріобрѣтаютъ нѣсколько затяжной характеръ. Отброшенные нами вражескія арміи, сумѣвшія сохранить прочно организованное ядро, быстро возстаиваютъ свою нрѣмешно утраченную боепособность, задерживая наше преслѣдованіе систематической порчей дорогъ и взрывами мостовыхъ сооружений, выгадываютъ время, чтобы оправиться отъ понесеннаго удара, подымаютъ къ себѣ новыя подкрѣпленія и пытаются мѣстами остановить наше дальнѣйшее преслѣдованіе, мѣстами же сами держатъ переходъ въ наступленіе. Попытки остановить наше вторженіе въ Восточную Пруссію въ районѣ Стадупенена, Іоганнсбургъ и Сольдау нѣмцамъ до сихъ поръ не удавались. Русскія арміи крайняго праваго фланга побѣдоносно продвигаются впередъ, несмотря на то, что густан сѣтъ параллельныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ нѣмецкомъ тылу даетъ возможность быстро сосредоточивать войсковыя массы въ любомъ пунктѣ. Огромное преимущество врага въ видѣ тактическаго использования преносходныхъ путей сообщенія мы

стараямъ уравновѣсить путемъ усиленныхъ тыловыхъ рейдовъ молодецкой кавалеріи, которая, прониканъ въ глубь Восточной Пруссіи, совершаетъ отчаянно дерзкіе набѣги на не-

пріятельскіе обозы, взрываетъ мосты, портитъ желѣзнодорожное полотно и т. д. Разказы газетныхъ корреспондентовъ о лихихъ казацкихъ набѣгахъ въ тылу непріятельскихъ армій воскрѣщаютъ времена Денисовыхъ и Фигуровъ. Въ страшно рискованныхъ предпріятіяхъ есть гдѣ развернуться личному мужеству и личной предпримчивости. Талантливые кавалеристы находятъ широкое и благодарное поприще для проявленія легендарной храбрости, находчивости и неутомимости. Сами нѣмцы высоко оцѣниваютъ развѣдочную и разрушительную работу русской кавалеріи.

Ихъ авторитетные военные писатели объясняютъ успѣхи русскаго наступленія удивительной развѣдкой, тонкимъ умѣньемъ русскыхъ выискивать наиболѣе слабое мѣсто противника и направитъ на него максимумъ силъ въ томъ расчетѣ, чтобы послѣ прорыва фронта въ слабѣйшемъ пунктѣ заставить путемъ усиленныхъ фланговыхъ атакъ въ обихъ направленіяхъ и захожденіи въ тылъ остающагося на позиціяхъ частямъ вынудить непріятельскую армію

Образъ Спасителя, находившійся на погибшемъ отъ вражеской мины крейсера „Паллада“ и всплывшій на поверхность моря. Найденный у острова Куггшерь, образъ доставленъ въ Петроградъ и находится въ Хрѣмѣ-памятникъ Спаса на водахъ.

Содержание.

ТЕКСТ: Великая общеевропейская война. (Хроника военных действий). — Нейтралитет держав к германским беззакониям. (Политическое обозрение). — Стихотворение Бориса Ландшверга. — В. Лавров. (От собственного корреспондента "Нивы"). (Окончание). — Морис Метерлинь. Очерк. Б. П. Ниномов. — Раненый. Стихотворение Сергея Городецкого. — На Мазурских озерах. Рассказ Николая Романова. (Окончание). — Опростолюбивший немец. Рассказ Бориса Саломея. — Хронология войны. — Объявления.

РИСУНКИ: Образ Спасителя, находящийся на погибшем от ожога крейсера "Паллада" и асимметрично на поверхности моря. — Прибытие Их Императорских Высочеств в Двинск. — Паша в бою. 125 портр. — Первая помощь под огнем. Бельгия. (7 рис.). — Немец из Бельгии. Генерал фон-дер-Гольц, назначенный генерал-губернатором Бельгии, от разоренного Брюсселя. — Из героической эпопеи защиты Антверпена. — Морис Метерлинь. — Метерлинь со своей любимой собачкой "Пеласом". — Дом Метерлиня на Гроше-Сен-Симон, близ Люнеза. — Заключительная сцена пьесы Метерлиня "Пелас" и "Мелсандра". — Дом Метерлиня. Входная дверь. — Польские крестьяне избивают германских фуражиров, разграбляющих деревню. — Немецкая айдша очистишь Радом. — Взорвали мост. — Беглецы из Антверпена на улицах Остенды. — Последний овиный поезд, покидающий Антверпен. — Беглецы из Антверпена, прибывшие с семьями в голландское селение. — Великая европейская война. (6 рис.).

На этом № прилагается "Полное собрание сочинений В. Г. Короленко кн. 23".

к отступлению по всему фронту. Таким образом, частичные прорывы в слабых пунктах неизменно влекут за собою очищение и прекрасно защищенных пунктов. Вообще в ведении нашего нынешнего наступления на Восточную Пруссию чувствуется рука тонкого знатока и мастера дела. Сравнительно обильный ход второго и первого вторжений, ясно видный разницу между лихим набегом и строго обдуманной наступлением, между демонстрацией и настоящим ударом. Нынешний главнокомандующий нашей армией в Северо-восточной Пруссии сразу придает всем своим операциям печать прочности и непрерывности. Между тем, кажется, никогда так резко, как в настоящую войну, не велась самая широкая игра занятыми городами и территориями. И русские и германо-австрийские армии как будто бы не придают никакого значения занятию отдельных пунктов и цблых районов и своей и неприятельской земли. Современные стратеги наступают, чтобы отступить, и отступают без боя, чтобы через неделю-другую вновь вернуть уступленное пространство обратно.

Бедные австрийцы уже четыре раза переходили Галицию и западную Польшу в одном направлении с гордо распушенными знаменами, в другом — уже без знамен и почти без пушек. Будем надеяться, что их последние прогулки действительно останутся последними. Мы тоже переходим через всю Галицию счетом в третий раз. Захватив с собою первого австрийского разгрома, мы перед началом нового австро-германского наступления очистили ее без боя, оставили даже обложивший Перемышль, чтобы вслать зайти, собрать все наличные силы в кулак, одним ударом опрокинуть всю неслучайную австро-германскую рать и снова безпрепятственно вернуть себе все то, что только было отдано без боя. Непосвященному в стратегические тайны читателю такие приемы кажутся очень странными и непонятными, а между тем на деле они вполне оправдываются результатами: не прошло и четырех недель со времени нашего стратегического очищения западной Галиции, как она уже вновь в наших руках, и Перемышль снова обложен, и к Кракову мы уже гораздо ближе, чем были до отступления. После разгрома под Варшавой и Радомом вытеснен немцев с русской территории тоже приобрело характер окончательного решения судьбы. Однако же искусственная задержка преследования, подход новых корпусов и возможность тылового маневрирования при помощи густой сети германских железных дорог позволяли немцам вновь сосредоточить между Вартой и Вислой густые войсковые массы и снова начать наступление против нас по направлению от Плоцка на Варшаву. Однако же новое движение неприятеля не застигло нас врасплох и встретило своевременно подготовленный отпор. Как на северном фланге, так и здесь немцам все равно придется отступить, потому что моральная сила русской армии неизменно больше немецкой.

При таком неоспоримом превосходстве все самые тонкие стратегические соображения генерала Гинденбурга могут только продлить борьбу на лишнюю неделю, могут заставить нас еще раз попытаться на несколько десятков верст назад, чтобы через несколько дней снова прогнать врага, но не могут изменить конечного исхода операций, не могут нарушить резко обозначившийся общий перевес наших сил и сделать действительным уже сложившееся решение судьбы. Сознание или, вернее сказать, инстинктивное ощущение последнего до такой степени ясно чувствуется всеми русскими обществом и всей русской армией, что переход разбитых германцев в частичное наступление никого не поразил неожиданностью и ни в ком не вызвал большой тревоги. К новой рискованной операции германского штаба все отнеслись совершенно спокойно, с полным доверием к нашему командующему составу и с непоколебимой верой в благополучный исход завязавшихся на фронте Плоцк — Ленчица боев.

На бельгийско-французском фронте пост беззастенчивого самострельщика на р. Мерв германцы по приказу Вильгельма не еще большим масштабом повторили ту же операцию вокруг Шира и Диксмонде. В этой безудной игре им всего больше помогает умнее переоборудовать свои войска по внутренним операционным линиям, сосредоточивая их в пунктах, выбранных для нападения. Захватив после отчаянных ночных и дневных атак оба эти пункта, германцы не были в силах удержать за собою ни тот ни другой, особенно после разлива воды, затопившей их траншеи, и сосредоточения новых сил со стороны противника. Кровопрлитная борьба за

обладание аршинными и чуть не вершковыми полями сражений, перестрелка из глубоких окопов, похожая на безконечное сореживание в долготерпении, продолжается, но все говорит, что она скоро надобно обречь сторонам и закончится давно жданным отступлением к Маасу. Для заносателя, вторгшегося в чужую сторону, сидеть безконечно в окопах не имеет смысла. Если он не имеет возможности идти вперед, ему остается только повернуть назад. Горький опыт показать немцам, что для них нет дороги ни к Парижу ни к Ламаншу. Следовательно, им приходится идти по единственной дороге, которая открыта — по дороге к фатерланду. И рано ли, поздно ли они пойдут по ней, потому что больше идти им решительно некуда.

Не лучше обстоит и дела их союзников — младо-турок. В сущности, в угоду Вильгельму Турция объявила нам не настоящую, а скорее только символическую войну. Ее флот явно уклоняется от встречи с нашим, а ее армия, успевшая похвастаться несколькими поражениями, даже и после очищения нами неприкосновенных позиций, игравших роль подступов к трудно доступному зимнему Эрзеруму, лишена возможности вторгнуться в русские пределы. Решение судьбы Европы и Азии во всяком случае не на Востоке, а на Западе, — там, где лицом к лицу столкнулись наконец в смертельном бою вбывшие противники всемирно-исторической арены — славяне и германцы.

Нейтралитет держав к германским беззакониям.

(Политическое обозрение).

Призыв бывшего президента С.-Американской республики Рузвельта к активному дипломатическому выступлению Америки против германских зверств толкуется многими только как крайний жест, способный служить пенимым утешением общественности, который вынужден самими условиями своей политической карьеры снискивать себе популярность и симпатии в широких кругах населения. Нельзя отрицать, что громкая карьера Рузвельта изобилуета подобными жестами, нередко носившими грубо рекламный характер. Тем не менее уже то обстоятельство, что теперь он ищет популярности, организуя моральный и политический протест против немецкого парварства, красноречиво свидетельствует о господствующем среди американского общества настроении и показывает, куда дует ветер народных симпатий. Повидимому, все затраты немцев на германофильскую агитацию в Америке были сделаны совершенно непроизводительно. Варварское истребление памятников искусства и старинных в Европе, свято чтимых американскими туристами, а также естественное чувство племенного родства с англичанами стихийно повернули струю народных симпатий в Америке в сторону союзников. При сознании племенной солидарности отвлекающие пожелания приобрятают уже до некоторой степени деловой, практический характер.

Притом же, крохотная племенная солидарности, есть еще и шкурная солидарность. Сегодня немец воеет с англичанами, французами и русскими, а ведь завтра он может быть в войн с американцами. Сегодня он разрушает Рейнский собор, а завтра будет обстреливать статую Свободы в Нью-Йоркской гавани. Протест против незаконных приемов войны оправдывается эгоническими интересами не только ноющих, но и невоющих держав. Но для того, чтобы он был сколько нибудь действительным, необходимо, чтобы он не был только бумажным. В этом смысле Рузвельт совершенно прав. Америка, как и Германия, подписала постановления Гаагской конференции и, следовательно, приняла на себя обязанность следить за выполнением последней. Если, с общего согласия всех держав, гуманные приемы войны были признаны законом, то равнодушное созерцание нарушения общечеловеческих законов становится похотимым на сознательное попустительство преступления. В нравственном смысле положение нейтральных держав в высшей степени ответственно и нежелательно. Все гуманные законы писали, ежели оные не исполняют. Их торжественное сочинительство при полном безразличии относительно их нарушения в жизни превращается в лишний акт междонародного лицемерия и в сознательный обман народов.

Подписав правила международного соглашения, каждая держава тем самым приняла на себя обязательство следить за

их строгим выполнением. Подобно тому, как законы отдельной страны выполняются каждым ее гражданином под вынуждением всего общества в лице судебной, полицейской и даже военной власти, точно так же цблбля государства должны понуждаться к исполнению международных законов всею совокупностью государств цивилизованного мира. Если Америка придает подписанным ею постановлениям Гаагской конференции значение обязательств, она обязана или формально потребовать от Германии безпрекословного выполнения основных правил международной порядности, или же объявить ей войну, по при-

мру Англии, объявившей Германии войну за нарушение подписанного ею нейтралитета Бельгии. Можно соблюдать строгий нейтралитет в войн народов, но когда безумный народ возстал на борьбу с правом и этикой, с культурой и цивилизацией, когда он в изступлении национальной гордыни дерзко попирает все законы божеские и человеческие, тогда уже нейтралитет по отношению к беззакониям превращается в попустительство и падает несмысленным позором на головы слишком равнодушных к этической оценке политиков. В этом вопросе нельзя не согласиться с Рузвельтом.

Его Императорское Величество Государь Император, Ее Императорское Величество Государыня Императрица, Ее Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Николаевна, Ее Императорское Высочество Великая Княжна Татьяна Николаевна. 1. Витебский губернатор, шталмейстер Даура Его Императорского Величества Арцимович. 2. Заместитель председателя динской земской управы А. Н. Яблоновский. 3. Бывший член 3-й Государственной Думы, гласный земства М. К. Ермолаев. 4. Член земской управы И. В. Козлов. 5. Старший врач динского земского госпиталя д-р А. М. Пальмо. 6. Младший врач динского земского госпиталя д-р Ринне. Дамы-патронессы и сестры милосердия-добровольцы.

Президиум Их Императорских Высочеств в Двинск, 2 ноября с. г. Посещение Их Императорскими Высочествами динского земского госпиталя, учрежденного на средства динского уездного земства. Госпиталь оборудован на 100 кроватей.

* *

Я звать тебя когда-то в умиленье, —
Моей мольбе ты не хотела внять.
Я ждал твоей любви, как обновления, —
Но нет, ты не пришла меня понять!

Я помню баль... Я помню блеск жемчужный
Хрустальных люстр... И были мы с тобой
В веселье том не близкою, не дружной,
Но чуждою, холодною четой.

Слова любви, рождались, умирали,
Убиты, как холодом зимы.
И голос твой был холоде стая,
И был твой милый взор темнее тьмы.

И ты ушла в туманность грезь далеко —
И тень твою меня манила в даль.

Я был один по повелению рока.
И было все кругом меня — печаль

И вогь сейчас с крестом и бальмом плати —
Видение печали и добра —
Ты над моей склоняешься кроватю,
Святая милосердная сестра.

Печезло все было без возврата.
Уж я не тот, и ты совсем не та —
Наша сочелась прежних чувств утрата
И новых чувств святая красота.

Уж я не тот... Сраженный враждой сталью,
Калка я... Прошла моя пора...
И братскою любовью и печалью
Теперь с тобой мы влчаны, сестра!

Борис Ландшверский.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ

ВѢЧНАЯ СЛАВА

Корнетъ Н. А. фонъ-Рутценъ. Капитанъ В. Ф. Гильдебрандтъ. Прaporщикъ Б. Ю. Сернъ. Подпоручикъ Н. П. Гессе. Капитанъ Б. К. Кищенко.

Капитанъ В. Е. Авдѣевъ. Штабъ-капитанъ А. П. Масловъ. Поручикъ А. И. Кузововъ. Штабъ-капитанъ А. Г. Фулльновъ. Поручикъ В. И. Штольцеръ.

Лейтенантъ В. И. Князевъ. Корнетъ П. Г. Карцевъ. Корнетъ Г. Г. Христиани. Прaporщикъ С. В. Пирамидовъ. Подпоручикъ М. Е. Гусевъ.

Подполковникъ А. Г. Корниловъ. Капитанъ М. В. Гилеровичъ. Капитанъ Н. В. Степановъ. Поручикъ А. А. Осининъ. Капитанъ Е. Г. Сербуловъ.

Поручикъ А. А. Янниковъ. Войсковой старшина князь Д. А. Хилновъ. Штабъ-ротмистръ А. А. Шевцовъ. Штабъ-капитанъ А. К. Кочержевскій. Прaporщикъ А. В. Боновъ.

Первая помощь под огнемъ.

23 октября с. г. отправился на театр военныхъ дѣйствій японъ сформированный по мысли Великой Княгини Марии Павловны отрядъ для подачи раненымъ первой помощи подъ огнемъ врага. Главная цѣль отряда—слѣдовать непосредственно за частью войскъ и подавать первую помощь, тѣмъ же по полученіи раны. Въ составъ отряда вошли: докторъ Б. П. Лыжнинъ, сестра милосердія В. В. Скачкова, пять санитаровъ (они же—кучера), одинъ доброволецъ—братъ милосердія іеромонахъ о. Арсѣій, и, какъ уполномоченный отряда, игуменъ камчатской миссіи о. Несторъ. Весь отрядъ съ инвентаремъ посаженъ на трехъ повозкахъ и одномъ тарантасѣ. Повозки сдѣланы по образцу обыкновенныхъ крестьянскихъ телегъ, на которыхъ возятъ сѣно съ луговъ въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ дорогъ, а есть камыши и болота, а тарантасъ—типа сибирскихъ коровокъ на дрожжахъ, выдерживающій въ Сибири огромные перегоны по тайгѣ безъ дорогъ.

Въ Львовѣ.

(Отъ собственного корреспондента „Нивы“).

(Окончаніе).

Что дѣлалось въ Львовѣ? Тамъ нѣсколько дней царилъ тревожное затишье, въ особенности въ первыхъ числахъ октября, когда австрійцы навалились на нашъ лѣвый флангъ въ безплодной попыткѣ обойти насъ и отрѣзать Львовъ отъ путей сообщенія съ Россіей.

Улицы опустѣли, магазины стали закрываться, населеніе попряталось. Собирались на перекресткахъ четыре-пять человекъ, о чемъ-то шушукались. Чувствовалось что-то тревожное.

Но мы героически отбили нападеніе, далеко прогнали отъ Самбора австрійцевъ и затѣмъ разбили ихъ на голову—и населеніе Львова какъ будто сразу увеличилось, все высыпало на улицы, магазины открылись, городъ ожилъ, и теперь его жизнь бьетъ ключомъ, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе.

Характерно, что во время этихъ боевъ жители Львова знали обо всемъ происходящемъ на нашемъ галицкомъ фронтѣ гораздо лучше и скорѣе насъ, пребывающихъ здѣсь русскихъ. Что дѣлается въ Галиціи, мы узнавали изъ телеграммъ Петроградскаго Агентства, передававшихся сюда изъ Петрограда, да изъ разсказовъ офицеровъ, случайно прѣзжавшихъ въ Львовъ изъ арміи. Мѣстные жители получали, очевидно, свѣдѣнія, передававшіеся изъ устъ въ уста, и эти свѣдѣнія доходили куда скорѣе, чѣмъ официальные телеграммы.

Мы безусловно увѣрены, что Галиціи отнынь наша, и никакія силы не заставятъ насъ отдать ее.

Львовскіе торговцы быстро учли благоприятный моментъ и также быстро перевели кроны на рубли: что стоило три кроны, стоитъ теперь три рубля, и что стоило нѣсколько талеровъ, теперь стоитъ столько же копеекъ.

Австрійскіе деньги въ обращеніи совершенно нѣтъ, они исчезли,—это дѣло рукъ мѣстныхъ спекулянтовъ. Австрійская крона теперь стоитъ низко—30 коп., она упала въ цѣнѣ почти на третью, спекулянты надѣются, что съ окончаніемъ войны она дойдетъ до своего прежняго курса и хороший барышъ обезпеченъ. Спекулянты и торговцы радуются, болышан же часть населенія буквально страдаетъ отъ наступившей дороговизны.

Много горя и слезъ шло въ Львовъ за періодъ войны. Австрійскіе банки вытѣкали въ Вѣну, забравъ все деньги населенія. Не только частные банки, но и Австро-Венгерскіе банки, правившіе здѣсь роль нашего Государственнаго банка, удрать, увезя съ собою все суммы частныхъ лицъ, бывшіи на текущемъ счету, все цѣнные бумаги и всю наличку.

Вчерашніе богачи оказались нищими. Фабрично-заводская промышленность, торговля, подвозъ съѣстныхъ припасовъ, движеніе поштовъ, почта, телеграфъ—все приостановилось. Настали страдные дни: населеніе голодало, въ городѣ не было хлѣба, соли, сахара, мяса.

Семьи двѣнадцати тысячъ австрійскихъ чиновниковъ, три мѣсяца уже не получающихъ жалованья, семьи банковыхъ и конторскихъ служащихъ, телефонистки, приказчики, фабричные служащіе—не остались безъ куска хлѣба. Многие отцы семействъ бѣжали въ Австрію, бросивъ женъ и дѣтей.

Наше правительство въ лицѣ галицкаго генералъ-губернатора гр. Г. А. Бобринскаго приняло на помощь населенію, оно дало безплатно мѣстному магистрату тысячи пудовъ хлѣба, муки, консервовъ, сахару, соли: оно развѣсивъ ежедневно доставлять для нуждъ города десять нагоновъ съ провинціи, заставило понизить цѣны на продукты первой необходимости, но у правительства главная забота—благосостояніе нашей арміи.

подвозъ ей всего необходимаго, и всѣхъ нуждъ населенія оно не можетъ восполнить.

Теперь цѣны понизились, но все-таки они значительно выше нормальныхъ.

Въ Львовѣ ощущается до сихъ поръ большой недостатокъ въ углѣ, дровахъ и керосинѣ, печей нигдѣ не топятъ, даже въ гостиницахъ холодно ночью отчаяннѣй. Железныя дороги не могутъ провозить частныхъ грузовъ для какого большого города, какъ Львовъ: ихъ главная забота, какъ и сказалъ, обезпеченіе арміи, лошадей же забирали австрійцы при своемъ отступленіи. Бѣднѣйшее населеніе Львова яолокомъ гашитъ изъ ближайшихъ рощъ и лѣсовъ только-что срубленныхъ деревья и продаетъ ихъ по 20 коп. пудъ,—сажень дровъ такимъ образомъ обходится въ 40 рублей. Танцы волокомъ дерево на вѣрѣхъ за нѣсколько верстъ это тяжелый трудъ, много не прогнешь.

Въ вечерній часъ, когда заботами нашей администраціи на главныхъ улицахъ горитъ электричество, когда толпы народа суетливо идутъ мимо оконъ освѣщенныхъ лазаретовъ, когда всюду царитъ оживленіе благодаря присутствію нашихъ офицеровъ, солдатъ, персонала многочисленныхъ отрядовъ Краснаго Креста, общеземской и общедворянской организаціи, госпиталей; когда въ толпѣ то и дѣло слышится русская рѣчь,—можетъ показаться, что городъ живетъ своей нормальной жизнью, но это уличное движеніе обманчиво: нормальная жизнь въ Львовѣ еще не вошла въ свою колею, война наложила на нее свой тяжелый отпечатокъ.

Въ девять часовъ вечера нѣтъ обязанности быть дома, движеніе замедляетъ до утра, только изрѣдка пройдетъ казачій патруль, да на улицахъ улицы расхаживаетъ мѣстная милиція, совѣмъ шатающаяся—въ черныхъ котелкахъ или рыжихъ мятыхъ шляпахъ, въ длинныхъ штатскихъ пальто, съ перевязью на рукавѣ, съ торчащими изъ кармана эфесомъ какой-то очень сверкающей рыцарской шпаги.

Завоеванный городъ спитъ, и только луна освѣщаетъ многочисленные статуи католическихъ святыхъ, съ молябю протнпаваніи къ небу свои мраморныя руки...

Положеніе сельскаго населенія Галиціи, тѣхъ мѣстностей, гдѣ или бои и гдѣ отступали разбитыи австрійскіи войска, поистинѣ ужасно. Дома, жилища, сараи, амбары сожжены, разрушены, стоятъ безъ крышъ, скота нѣтъ: коровы съѣдены, лошади взяты австрійцами, поля разорены, картофель выкопанъ, а главное—нѣе почти мужское населеніе, сколько-нибудь способное носить оружіе, унесено австрійцами.

Наше правительство оказываетъ всякаго рода помощь сельскому населенію, посылаетъ хлѣбъ и провантъ, устраиваетъ безплатныя столовыя, даетъ сѣмена для обсемененія полей, но нужда велика, и помощи нужна въ колоссальныхъ размѣрахъ.

Русское общество, судя по приходящимъ сюда хотя и очень запоздалымъ газетамъ, живо откликнулось на помощь пострадавшей Польшѣ, но и тутъ нѣтъ таканъ же нужды, если не больше, однако о частной помощи изъ Россіи здѣсь ничего не слышно.

Наша почта въ Львовѣ пока находится въ зачаточномъ состояніи: письма можно давать только въ одномъ мѣстѣ, въ почтамтѣ, нашихъ почтовыхъ ящиковъ еще нѣтъ, а австрійскіе стоятъ закрытыми, нѣтъ пока отправки заказныхъ писемъ, частныхъ писемъ пока недоступна отправка телеграммъ и денегъ въ Россію и обратно. Въ львовскомъ почтамтѣ до занятія его нашими войсками работало нѣсколько сотъ чиновниковъ и почтальоновъ, теперь же персоналъ нашихъ почтовыхъ чиновниковъ не болѣе тридцати.

Они работают сверхъ всякихъ человеческихъ силъ, стараясь удовлетворить и облегчить связь нашей арміи съ родиной, и не ихъ вина, если они не всегда успѣваютъ въ этомъ. Разобраться въ той горѣ писемъ и посылокъ, которую ежедневно шлетъ Россія своимъ сынамъ, при такомъ немногочисленномъ персоналѣ,—трудъ тяжелый, скажу болѣе—трудъ каторжный. Отправить письма изъ арміи въ Россію, сложивъ ихъ въ соответствующія почтовые сумки, гораздо легче,—вотъ почему, вѣроятно, письма изъ арміи въ Россію доставляются чаще и скорѣе, чѣмъ въ армію изъ Россіи.

Характерно, что запечатые и теперь бездѣйствующіе австрійскіе желтые почтовые ящики, съ австрійскимъ гербомъ, повсюду развѣшанные въ городѣ, хранятъ одну дату, очень дорогую и важную для насъ.

На нашихъ русскихъ почтовыхъ ящикахъ обыкновенно пишутся часы выемки писемъ, на австрійскихъ же вставляется особая бѣлая металлическая пластинка, на которой отпечатанъ часъ ближайшей выемки писемъ. Теперь на всѣхъ австрійскихъ ящикахъ одна дата: 4 ч. 30 м. Это—дата взятія Львова нашими войсками.

Въ 4 часа дня наша армія заняла городъ, и австрійскіе почтальоны попрятались, не успѣвъ опорожнить почтовыхъ ящиковъ. Такъ и до сихъ поръ въ нихъ лежитъ почтовая корреспонденція.

Первымъ буквально влетѣлъ во Львовъ по опустѣвшимъ улицамъ автомобиль желѣзнодорожнаго батальона, за нимъ съ другого конца—передовой разъѣздъ, сообщившій генералу Рузскому, что городъ очищенъ непріятельскими войсками.

Населеніе растерялось, власти австрійскія бѣжали.

Офицеры передовыхъ нашихъ отрядовъ, вступивъ въ городъ, отправились обѣдать. Нѣкоторые вошли въ залу одного изъ лучшихъ ресторановъ—ресторана Жоржъ. Былъ обѣ-

Бельгія. Блиндируемый поѣздъ, понинувшій Антверпенъ и оперирующій противъ непріятеля на французской территоріи.

Бельгійскій развѣдчикъ, вснабравшись на телеграфный столбъ, высматриваетъ расположеніе непріятеля.

денный часъ въ Львовѣ.

При появленіи русскихъ офицеровъ мѣстная публика встала съ своихъ мѣстъ. Офицеры приказали подать шампанскаго (это былъ единственный день, когда можно было пить шампанское въ Львовѣ), велѣли разнести бокалы всѣмъ присутствующимъ и провозгласили тостъ за здравіе Государя Императора и за русскую армію.

Всѣ присутствующіе кричали „ура“. Оркестру приказано было играть нашу гимнъ. Оркестръ сыгралъ, правда, на память,—онъ его не совсѣмъ хорошо зналъ—но сыгралъ, хотя и съ музыкальными ошибками. Публика слушала гимнъ стоя.

Вс. Надеждинъ.

Бельгія. На блиндируемомъ поѣздѣ. Стрѣльба по непріятелю.

Бельгія. На блиндируемомъ поѣздѣ. Въ огнѣ.

Морисъ Метерлинкъ.

Очеркъ Б. П. Никонова.

I.

Трудно найти писателя, который былъ бы болѣе сближенъ своей родиной, чѣмъ Морисъ Метерлинкъ.

Метерлинкъ, какъ писатель, выросъ цѣликомъ изъ духовнаго существа Бельгіи. Обвиненный съ дѣтства въ мистицизмѣ и философской поэзіи ея прошлаго, онъ съ особенной любовью пугдировалъ средневѣковыхъ мистиковъ—Рюисбрека Удивительнаго, Новалиса, Эмерсона, изучалъ романтиковъ нѣка королевы англійской Елисаветы и въ нихъ почерпнулъ свою удивительную по оригинальности и свѣжести философію и свой мистицизмъ и романтизмъ. Въ этихъ источникахъ слѣдуетъ искать первоисточникъ метерлинковскаго символизма, не всегда понятнаго для того, кто читаетъ произведенія Метерлинка, не познакомившись предварительно съ его философскими воззрѣніями. Знакомиться же съ ними не представляетъ затрудненія, потому что Метерлинкъ самъ позабо-

Домъ на одной изъ главныхъ улицъ Антверпена, разрушенный германской бомбардировкой.

тился о томъ, чтобы приблизиться къ читателю. Въ его философско-поэтическихъ трактатахъ—напримѣръ, „Сокровище Смирненнаго“ или „Погребенный Храмъ“—мы находимъ полное объясненіе его взглядовъ, убѣднѣй и поэтическихъ тенденцій.

Говоря о творчествѣ Метерлинка, невольно вспоминаешь нашу русскую легенду объ озерѣ Свѣтлоярѣ.

Въ Свѣтлоярѣ таится незримый свѣтлый городъ Китсежъ. Онъ ушелъ въ волшебное озеро и существуетъ тамъ и понывѣ. И тотъ, кто чистъ душою, кто добръ и свѣтелъ духомъ, какъ дитя, тотъ можетъ слышать звонъ колоколовъ китежскихъ храмовъ и видѣть самый городъ. На озерѣ какъ бы параллельно существуютъ двѣ жизни, два существованія: одно—незримое простому человеку, но настоящее, истинное, и другое—видимое, но ненастоящее, недостойное того, чтобы къ нему обращаться духомъ и сердцемъ.

Эта двойственность, этотъ дуализмъ видимаго-ненастоящаго и незримаго-истиннаго проникаетъ собою все творчество бельгійскаго поэта. Параллельно съ нами, съ нашей будничной жизнью,

Нѣмцы въ Бельгіи. Генераль фонъ-деръ-Гольцъ, назначенный генераль-губернаторомъ Бельгіи, въ разоренномъ Брюсселѣ.

съ нашими скорбями и радостями существуетъ незримый міръ духа, въ которомъ все—свѣтъ и истина. Кромѣ дѣйствительности реальной, существуетъ дѣйствительность нереальная, въ которой однако и таится настоящая реальность. Здѣсь говорятъ и дѣйствуютъ люди, тамъ—души. И царство душъ неизмѣримо значительнѣе здѣшняго видимаго царства людей, и тѣ мелкія, будничныя событія и случайности повседневной жизни, которыя не окрашены ни значительностью, ни поэзіей, ни трагизмомъ, тамъ—въ царствѣ душъ—принимаютъ важную и яркую окраску, и все простое здѣшнее находитъ тамъ особый серьезный и даже трагическій откликъ. И такъ вся жизнь людей проходитъ параллельно съ жизнью душъ. И задача поэтическаго творчества—ввести насъ въ тайны высшаго міра и подслушать бесѣду душъ.

Люди между собою, по словамъ Метерлинка, бесѣдуютъ двойнымъ языкомъ: языкомъ словъ и неслышимымъ языкомъ душъ. Поэтому молчаніе—болѣе важный актъ сравнительно съ словами. Молчаніе Метерлинкъ вообще разматриваетъ, какъ нѣчто особо цѣнное, какъ наилучшій способъ „разговора душъ“.

„Въ молчаніи скрываются богатѣйшія истины,—говоритъ Метерлинкъ.—Въ обѣтованной землѣ царитъ молчаніе, а въ надзвѣздномъ мірѣ душа забываетъ всѣ свои горести и слова... Метерлинкъ идетъ и далѣе: „Всякое безпокойное движеніе испытующей мысли даже мѣшаетъ жить другой жизнью, которая

Изъ героической эпопеи защиты Антверпена. Моряни доставляютъ боевые припасы въ траншеи.

скрывается в тайну". "Чтобы познать то, что существует реально, надо воспитывать между людьми молчание, ибо только в молчании распускаются неожиданные и вечные цветы, мнящиеся форм и окраску согласно души, близи которой мы находимся. Души взаимодействуют в молчании, как серебро и золото в чистой воде, и произносимые нами слова имеют смысл только благодаря молчанию, в котором они плавают..." ("Сокровище Смирненных"). "Уже наши души говорят раннее, чем открыются уста". "Покуда ты говоришь, слышу голос своей души. Когда же умолкаю, звучит твоя душа". ("Аглавена и Селизетта"). "Мы обмениваемся словами лишь в те часы, когда не живем". ("Сокровище Смирненных").

Всё творчество Метерлинка построено душою человека: для него — альфа и омега эта таинственная область, незримого реального. Он хочет приподнять завесу над потусторонними тайнами и проникнуть в природу высших сил. Метерлинка ставит нас перед великой бедною потусторонней жизнью и пытается даже охватить ее пространными величинами. Как и в своем догадывании молчания, он даже бросает ослепительные каскады глубочайших и вечных афоризмов, которые с первого взгляда также кажутся парадоксами, но из которых святая истина мудрости и проникновенности в то, чего еще не видел и не слышал никто.

Царство души громадно. "Неизвестно, до каких предельно души простирается вокруг человека" ("Непрощенная Гостя"). Но наступит время, когда царство души станет совсем близко к нам. "Наставит время (а многое познать, что оно уже приближается), когда души будут узнавать одна другую без посредства чувств". "Нить сомнения, что область духа с каждым днем больше и больше расширяется. Теперь душа гораздо ближе от нашего видимого существа и простирается в наших действиях гораздо большее участие, чем два-три века назад" ("Сокровище Смирненных"). В исторической жизни человечества Метерлинка разделяет пять периодов, когда душа сдала и получила не проявляла своего присутствия. Такими были, например, "прекрасные века, когда царствовали красота и образованность, но душа не показывалась совсем". Так, она очень далека от Греции и Рима". Наоборот, "то, что нам известно о древнем Египте, позволяет предположить, что он прошел через один из таких духовных периодов" ("Сокровище Смирненных"). В настоящее время, по убеждению Метерлинка, душа опять всплывает на поверхность человечества: "Люди становятся ближе к самим себе и к своим братьям, они начинают смотреть друг на друга и любить серьезно и задушевно. Они понимают и ближе и глубже ребенка, женщину, животных, природу и предметы". И, быть может, уже близко то время, когда "вся душа, подобно чистой воде, вырвется из глубины печали" ("Алладина и Паломид"). В настоящее время душа с ее тайнами становится так близка к человеку, что, христианство, которому бы дано внезапно дарь выразить то, что у него в душе, высказал бы в наши дни то, чем еще не обладала душа Расина". Гамлет, смотрящий на Клавдия или свою мать, научился бы теперь тому, чего тогда еще не знал, ибо, кажется, теперь души не окутаны таким же чистым покрывалом, как прежде" ("Сокровище Смирненных").

Душа настолько начинает проникать бытие людей, что уже трудно становится укрыть сокровенные мысли от постороннего. "Знаете ли вы, что если вы сегодня утром опечалились, хоть одну душу, душа христианина, с которым вы станете беседовать, о грехе или дожде, была бы этим уведомлена еще раньше, чем рука его открыла вам дверь" ("Сокровище Смирненных"). Напомним, что Метерлинка говорит о молчании и о разговоре души. Теперь такой разговор, такое общение невозможно и легче, чем два-три века тому назад. Люди говорят о дожде, о солнце, об эде, но души их в этот момент ведут иной разговор, непонятно важный, быть может, решающий их судьбу... И такое непосредственное общение души теперь становится все непосредственнее и легче... И легче и непосредственнее теперь водятся в душу человека внутренние красота и "незримая доброта", корнящиеся все же в том же невидимом царстве души и просвечивающая теперь сквозь земную реальную жизнь человека, как скрытый изнутри огонь. Эту таинственную вневещную жизнь души проводил, по словам Метерлинка, люди гораздо меньшего гения, чем Расин или Шекспир, только потому, что они жили и живут в более одухотворенном мире. И если мы будем внимательно присматриваться к творчеству Метерлинка, то ясно увидим, что все оно, в сущности, направлено к выявлению этого внутреннего огня, к отражению жизни людей изнутри.

Истиннодушную ценность имеют лишь то, что живет в глубочайших тайниках души. Метерлинка в силу этого принципа старается изобразить глубину самого простого жизненного акта: то, что протекает здесь перед нашими земными глазами, мы видим бледных будничных событий, быть может, отражаемся в таинственных глубинах души, как великая трагедия. Трагедия повседневности — вот лозунг, которому Метерлинка следует в большинстве своих произведений, в особенности первых по времени.

Его не удовлетворяют трагедии прежнего типа (трагедии больших приключений), по его терминологии. Там рвется цепь, "о борьбе одного желания с другим или о вечном разладе между страстью и долгом". Но насколько интереснее, если рвется не борьба, а то, чтобы показать то изумительное, что заключается в единственном факте жизни, чтобы заставить слышать за обыкновенной беседой разума и чувств какой-то более горестный и немолчаливый диалог... ("Сокровище Смирненных"). "Безусловно, и нужно понять, как Атриды, для того, чтобы в нашу жизнь низвергнуть вечный Бог? И не является ли Он, также посидеть с нами при неодолимом свете нашей лампы? Разве не ужасно наше спокойствие, когда о Нем подумаешь, и когда звезды за Ним наблюдают? Разве счастье или минута обыкновенного отдыха не скрывает нечто более серьезное и более постоянное, чем волнения страстей? Не затрагивает ли все это душу глубже, чем удар пинжала в обыкновенных драмах?"

"Я пришел в театр, говорит далее Метерлинка: — в надежде увидеть нечто из жизни, приключенное к ее источникам и тайнам узам, которых я не имел ни случая ни силы замечать каждый день. Я пришел в надежде увидеть на мимолетную красоту, величие и значительность моего скромного бытийного существования. Я надеялся, что мы покажем что-то невидимое присутствие, могущественно или бога, живущего со мной, в моей комнате. Но в большинстве случаев мы показываем человека, который простирает влечение, почему он ревнив, оравляет или лачит убивать себя..."

"Я восхищаюсь Отелло, но мне не кажется, что он живет ежедневной нелицевой жизнью Гамлета, у которого есть время жить, потому что он не соперничает проступков". Не раз я думаю, что старик, сидящий в своем кресле, который просто ждет кого-то при свете лампы или слушает, сам того не зная, неконечные законы, царствующие вокруг его дома, — не раз мне казалось, что такой безмолвствующий старик живет на самом деле жизнью более глубокой, более человечной и более значительной, чем любовники, душающие свою возлюбленную..."

В этих главах, цитируемых нами из "Сокровища Смирненных", — вся теория драматической литературы, созданная Метерлинком. На ней следует остановиться, потому что такой взгляд на "трагическое" чрезвычайно характерен для Метерлинка, а также и потому, что громадная доля его творчества приходится именно на драматическую литературу, в которой он создает нечто исключительно своеобразное и необычное. За немногими исключениями, почти все драмы Метерлинка (а также и его стихотворения) проникнуты этой "трагедией повседневности", в которой скрываются такие же катастрофы, как и в "трагедиях больших приключений", но неизмеримо более и ярче просвечивает внутреннее существо человека — его душа.

В разноречивом предельно духовном взором Метерлинка безконечном мире души он видит особые таинственные силы, "которые царят в нас самих, которые находятся как бы в общности с обстоятельствами". Он говорит: "Мы носим в своей душе прагмы. Они знают, что делают и что заставляют нас делать". Эти силы, по словам Метерлинка, способны готово предупредить нас о бедности, но просто для того, чтобы потом, когда будет уже поздно, заставить нас сожалеть о том, что мы не прислушались к их неопределяемым и насмешливым советам.

Но есть, кроме этих насмешливых сил, и "добрые обстоятельства" — то, что мы называем предчувствиями и роковыми опасениями. Эти бедные, робкие сестры "близко безопасным попыткам помочь нам, но мы их отстраняли, как назойливых насекомых, потому что другие силы уже давно соединили бесчисленные обстоятельства и события, которые должны привести нас к неминуемой минуте, месту и времени, где ждут нас слезы.

Это, в сущности, не что иное, как античный фатум, как Рок. В нашем неистинном-реальном мире мы не имеем никакого представления о том, что уготовано нам в мире настоящим-невидимом. Но это не видный Рок, каким его представляли древние, а Рок, углубленный в глубочайшую духовную природу человека. Позднее, в своем другом большом философском сочинении "Погребенный Храм", Метерлинка более развил свое учение о Роке и тайных, живущих в нас, силах и проявил себя большим оптимистом, заявив, что человек все-таки имеет возможность управлять до некоторой степени живущими в нем богами и обезпечивать себя при этих условиях счастливую жизнь. Но в первом периоде своей философско-художественной деятельности, во всех его сочинениях прославляющих преклонение перед великим фатумом и скорбь перед неизбежным концом некоего существа. Позднее Метерлинка старался свергнуть Смерть с трона, но в первых своих драмах он только оплакивал бессилие человека перед ее строгим ликом...

Если присоединить к только что сказанному нам еще два положения — особую мистическую роль, которую Метерлинка приписывает женщине ("женщина стоит ближе к Року"), и два главных элемента метерлинковского трагического — любви и смерти — то нам станет понятным содержание всех его пьес, в особенности пьес первого периода.

Благодаря своеобразным воззрениям Метерлинка на сущность вещей, его произведения отличаются редкой оригинальностью как по содержанию, так и по форме и языку.

Он крайне несложен по структуре. В них действительно нет и тени "больших приключений". Так оно и должно быть: ведь трагедия Метерлинка происходит на большой глубине духа. Он — поэт внутренних событий, он отражает жизнь героев изнутри в области несконченного и сокровенного, а это неизбежно ведет к высшей упрощенности в построении художественного произведения. Уже если сами слова изысканы, а важно лишь молчание, то тем же поэту пужается в том, что мы вульгарно называем "действием" в пьесе. Кроме того, вспомним слова Метерлинка о трагедии повседневности, о трагедии простых и маленьких фактов.

Вот мы видим, что в целом ряде пьес Метерлинка, принадлежащих к первому периоду его творчества, языком пьесы примитивен и даже блуден: и зритель читатель в самом деле чувствует, что здесь дело вовсе не в обычных разговорах, а в том, что делается и говорится в тайниках души и действующих лиц. Чувствуется молчание, сосредоточенность тишины здесь, и то время, когда приближается грозная катастрофа отсюда... У Метерлинка есть пьеса, в которой главные действующие лица так и остаются в течение всего хода пьесы безмолвными, и все, что у них делается и происходит, зритель узнает лишь из разговора второстепенных лиц ("Там внутри"). И по силе настроения, по углубленности, по общей кротости и нежности фона это — одна из лучших пьес бельгийского поэта.

Мы забыли о нереальной действительности... Метерлинка не дает нас туда и открывает перед нами новый мир идеальных образов. Повесть кроткой и нежной идеальной любви, он дает образы чистых душ, ничем морально не зашоренных существ, в которых все — гармония и красота. Если исключить его первую по времени написания пьесу "Принцесса Малень", где есть демонический образ злой королевы Алены, и где чувствуется нечто шекспировское по общему тону и ужасу, то в остальных пьесах, а также и в стихотворениях мы встречаем понятный зачатый солнцем души человеческие образы. Вербный своему лозунгу изобразить человека, "освещенного изнутри светом души", Метерлинка погружает читателя-зрителя в атмосферу величайшей нежности и кротости. В его "трагедиях повседневности" (к ним не относится "Принцесса Малень") нет злодеев, если не считать невидимых "насилливых сил" и Рока. Герои и героини Метерлинка, среди которых совершается трагедия повседневности, кроткие, душевные люди, иногда простодушные (Королева в "Семи принцессах"), "старик в "Там внутри", иногда безумные по своей духовной и физической красоте (Аглавена в "Аглавена и Селизетта").

Идеальным человеческим образом должна соответствовать и идеальная обстановка, отрешенная от обычных условий реальной действительности. И в самом деле, Метерлинка только в самых первых своих пьесах: "Слэпы", "Там внутри", "Непрощенная Гостя" — дает более или менее определенную по месту и времени обстановку. Позднейшие же его пьесы ("Аглавена и Селизетта", "Алладина и Паломид" и др.) происходят, можно сказать, вездь и всегда. В них можно было бы усмотреть эпоху Средневековья, так как Метерлинка с особой охотой изображает старинные замки, жуткие подземелья, ветхия башни. Но этот колорит излюбленного им мистического Средневековья вступает в большинство пьес (за исключением, пожалуй, "Пелеаса и Мелисанды") в явный конфликт с изображенными героями, которых следует считать нашими современниками по тонкой духовной организации...

В пьесах, где главную роль играют Рок и смерть, Метерлинка счел нужным придать большое значение разным приметам, предчувствиям, предзнаменованиям... Рок говорит с людьми таинственным языком, и чем совершеннее по своей духовной организации люди, тем понятнее для них этот

язык. "О, как падают вокруг меня листья!" — говорит Гальмар, ливнившийся на свидание с Угланой. — "Никогда я не видел эти осенние деревья более странными... И как облака над луной волнуют! Никогда я не видел эту роу более страшной, чем в этот вечер... Никогда я не видел больше предзнаменований, чем в этот вечер!" В "Принцессе Малень", откуда мы заимствуем эти строки, Метерлинка призывает в качестве странных предзнаменований даже космические силы: над замком появляется комета кровавого цвета, на замок падает звездный дождь. Небо на западе облегалось какой-то особенно злобной тучей. В "Семи принцессах" встречается целую гамму пугающих предчувствий: сияющая Урсала — одна из семи принцесс — имеет общий вид, пугающий принца: ее трудно видеть, она как-то странно прячется, тогда как остальных ее подруг, сияющих за стеклянным окном, хорошо видно. На ее лице легла странная тень. Она как-то необычно держит руку. Королева умоляет принца не глядеть на нее: "Не будем больше смотреть на них, нам станет страшно. Отвернитесь, отвернитесь! Вы не знаете, что может случиться!" Эта маленькая и необыкновенно простая по содержанию пьеса вся полна странных предчувствий, которые действительно и оправдываются: шесть принцесс потом просыпаются, но возлюбленный принца, Урсала, для которой он и приехал сюда, не встает. Она умерла...

Еще больше предчувствий в пьесе "Непрощенная Гостя": Смерть тихо является в мирное семейство, где все, казалось бы, налажено в смысле благополучия: врач посылит роженца и напел, что она уже не опасна. Все в дом успокоился, и только старик думает, слэпый и дряхлый, никак не может отогнать от себя мрачные предчувствия: ему все кажется, что в дом прохладит что-то неладное: кто-то пошел, где-то зазвенела коса, по лестнице кто-то поднимается, вокруг как будто стало темно. Окружающие успокаивают его, но старик беспокоится еще более. Наконец раздается громкий вопль новорожденного младенца. В комнату входит сиделка и жестом дает понять, что больной скончался... Старик и младенец оказались правы: они услышали и узнали смерть. Предчувствия не обманули старого дда...

Метерлинка является автором стихотворений, пьес и философских трактатов. Кроме того, ему принадлежат философско-научные исследования "Разумный быт" и "Жизнь плоти". Последнее произведение по справедливости приобрело громкую известность во всем культурном мире: Метерлинка сумел здесь обобщить чисто научные данные в глубокий философско-поэтический синтез и создал вместе с тем настоящий шедевр изящной литературы.

Характерно то, что все эти, казалось бы, разнообразные по цели и по свойствам, произведения должны резко отличаться друг от друга. В действительности не то: Метерлинка сумел объединить все написанное им общими идеями. В философских трактатах ("Сокровище Смирненных", "Погребенный Храм", "Мудрость и Судьба") он объясняет свое художественное творчество. В научных исследованиях ищет объяснений и доказательств для своих философских утверждений и исканий. Метерлинка удивительно гармоничен и един в своих созданиях.

Метерлинка начал свое художественное творчество стихотворениями, собранными в книгу "Теплицы". Затем последовали драмы, которые можно разделить на три части: драмы "Рока и Смерти", драмы любви и драмы философско-сказочного характера. К первым относятся "Слэпы", "Там внутри", "Непрощенная Гостя", "Семь принцесс", "Смерть Тентажная". К драмам любви мы можем причислить "Пелеаса и Мелисанду", "Алладину и Паломид", "Аглавену и Селизетту". К драмам сказочного и вместе с тем философского характера относим "Сиюю Итшу", "Куазель". Отдельно стоят "Принцесса Малень" и две "оперы" (Метерлинка сам называет их так, объясняя что писал их по просьбам композиторов, как канву для оперной музыки): "Сестра Беатриса" и "Ариана и Синия Борода".

Морис Метерлинка.

Отдельно также стоит резко-натуралистическая пьеса „Монна-Ванна“ и комедия „Чудо святого Антония“, написанная в тонах реального комизма. Наконец совершенно особняком стоит новелла „Избиение младенцев“, изображающая избиение детей в Фламандии, учиненное кровавым императором Филиппом II.

Из философских трактатов Метерлинка мы уже упоминали неоднократно два наиболее главных: „Сокровище Смирненных“ и „Сокровенный Храм“. К ним же относятся трактаты „Смерть“, „Мудрость и Судьба“ и „Двойной Сад“. Мы также уже упоминали о своеобразных научных исследованиях Метерлинка „Жизнь пчелы“ и „Умь цветов“. Присоединяя сюда ряд небольших статей и заметок: „Похвала боксу“, „Запах“, „Войны войны“ и др., а также книгу стихотворений „Фламандский псалм“, мы получаем все, что было создано талантливым поэтом-философом до последнего времени.

О драмах первого периода (драмы Рока и Смерти) Метерлинка сам сказал свое слово в предисловии к этим драмам. „Неоскучаемое, сумрачное, действительное присутствие смерти заполняет все промежутки поэмы. Это—смерть безразличная и неумолимая, слепая, бредущая ощупью по волѣ случая, уносящая преимущественно самых молодых и наименее несчастных только потому, что они держатся менее спокойно, чѣм угнетенные судьбой, а всякое слишком резкое движение во мглѣ привлекает ее внимание. Вокруг нея тѣнятся только маленькія существа, хрупкія, дрожащая от холода, пассивно-задумчивыя. Произнесенныя ими слова, пролитыя слезы приобретают значение только от того, что они попадают въ пропасть, на краю которой разыгрывается драма, и звучать въ ней такъ, что бездна кажется необъятной, ибо все въ ней исчезающее рождает неслышимый и глухой звук...“

Метерлинка перед своим домом.

на встрѣтившейся ему загадочной и таинственной маленькой принцессѣ Мелисандѣ, вскорѣ убѣждается, что Мелисанда любит его брата Пелеаса... Алладина долгое время чувствует себя чужой въ пышномъ и уютномъ замкѣ стараго Абламора и не может привыкнуть ни къ своему жилищу ни къ старому мужу. Она какъ бы предчувствует, что Рокъ назначилъ ей совсѣмъ иного возлюбленнаго. И вотъ является молодой Паломидъ—это и есть ея настоящий возлюбленный.

Во всѣхъ этихъ драмахъ трагическая коллизія любви случайной съ любовью роковой, отиѣченной съ начала вѣковъ, кончается страданіемъ и смертью. Умираетъ маленькая Селизетта, бросившаяся съ башни. Умираетъ Мелисанда, раненая Голо. Умираютъ Алладина и Паломидъ, нечаянно упавшие въ отравленное озеро. Рокъ вѣнчаетъ ихъ случайно встрѣтившуюся любовь, но не щадитъ ихъ и бросаетъ ихъ въ объятія смерти...

Въ этихъ пьесахъ Метерлинка разсыпалъ щедрой рукой свои воззрѣнія въ таинственную область души, на разговоръ души, на мистическое значеніе молчанія. Можно сказать, что пьесы эти—художественное резюме „Сокровища Смирненных“.

Метерлинка со своей любимой собакой „Пелеасомъ“.

Въ нѣкоторой связи съ ними пахотается тѣ стоящія особнякомъ пьесы, о которыхъ мы упоминали: „Принцесса Малень“ и „оперы“ („Ариана и Синяя Борода“ и „Сестра Беатриса“).

„Принцесса Малень“—одно изъ самыхъ юныхъ произведений Метерлинка. Она и появилась въ печати довольно своеобразнымъ образомъ: Метерлинка самъ напечаталъ ее на ручномъ станкѣ, не имѣя возможности издать ее по-настоящему. Это—пьеса ужасовъ и крови, построенная по образцамъ шекспировскихъ пьесъ, но въ ней свѣтитъ яркимъ внутреннимъ сияніемъ образъ маленькой принцессы Малень съ страдальческимъ взглядомъ задумчивыхъ глазъ. Это уже истинный метерлинковский образъ. И любовь ея къ отвергнутому отъ нея принцу Гальмару—именно та любовь, какая сияетъ въ произведеніяхъ Метерлинка: безкорыстная, идеальная, готовая на всякія жертвы и мученія. Принцесса Малень идетъ за Гальмаромъ въ чужую страну, занимается въ служанки къ его новой возлюбленной, Угланѣ, чтобы только быть ближе къ своему возлюбленному, и въ концѣ концовъ добивается того, что Гальмаръ снова любитъ ее и готовъ отказаться отъ надменной Углань. Но такой поворотъ дѣла не въ интересахъ матери Углань, злой королевы Анны, и послѣдняя убиваетъ маленькую принцессу Малень. Въ этой пьесѣ Метерлинка еще не далъ такихъ идеальныхъ образовъ, какъ въ пьесахъ позднѣйшихъ, въ ней много лишннихъ нагроможденій всякихъ ужасовъ и наивностей, и она совершенно естественно отходитъ нѣсколько въ сторону отъ его остального творчества.

Въ „Сестрѣ Беатрисѣ“ Метерлинка облекъ въ прелестную форму мистической сказки извѣстную легенду о чудѣ Мадонны, которая для искупленія грѣшницы-монахини сонла съ Своего пьедестала въ монастырь, превратилась въ эту монахиню и долгіе годы исполняла за нее ея монастырскія обязанности. Въ этой пьесѣ мистическій колоритъ сочетается съ глубокимъ проникновеніемъ въ страдающую человѣческую душу и съ божественнымъ прощеніемъ грѣха, совершеннаго сестрой Беатрисой ради любви къ Беллидору. И почти вся суть пьесы исчерпывается въ прелестной пѣснѣ Мадонны:

„Всякой плачущей душѣ,
Вѣдной грѣшницѣ мгновенья
Простраю въ лонѣ звѣздъ
Руки съ благостью прощенья.
Грѣхъ не можетъ больше жить,
Гдѣ любовь, грусти, вздохнула.
Духъ не можетъ умереть,
Гдѣ любовь слезой баснула.
Если жъ тѣмъ, кто полюбилъ,
Суждено съ дороги сблѣсъ—
Слезы ихъ текутъ во Млѣ
И не могутъ заблудиться“.

Домъ Метерлинка въ Грюше-Сенъ-Симеонѣ, близъ Люнерэ.

себя свободной отъ него и уходитъ. И, уходя, зоветъ съ собой остальныхъ женъ. Но тѣ, привыкшія къ тюрьмѣ, слабодольнымъ, еще не созрѣли для свободы и остаются съ своимъ тираномъ... Въ лицѣ Арианы Метерлинка далъ нѣкоторымъ образомъ идеальную женщину, но мы напрасно стали бы искать въ ней свойственныхъ творчеству этого мистика поэтическихъ чертъ.

Съ этой пьесы Метерлинка начинаетъ уклоняться въ сторону реализма. Въ особенности ярко такой уклонъ оказался въ его слѣдующихъ пьесахъ: „Монна-Ванна“ и „Чудо святого Антонія“. Первая изъ этихъ пьесъ написана даже въ натуралистическомъ тонѣ, и въ ней почти нельзя узнать прелестнаго Метерлинка. Это однако не значитъ, что она слабѣе другихъ его пьесъ. Она просто лишь совсѣмъ въ другомъ родѣ. Въ ней чувствуется ароматъ здороваго человѣческаго тѣла, — сказалъ про нее одинъ изъ критиковъ. „Чудо святого Антонія“ представляетъ блестящую сатиру на буржуазные нравы современнаго общества.

Но Метерлинка не кончилъ на этомъ поворотѣ къ реализму и вскорѣ далъ новыя произведенія, въ которыхъ предъ нами во весь ростъ опять всталъ бельгійскій поэтъ, философъ и мистикъ.

VII.

Подобно тому, какъ „Сокровище Смирненных“ помогаетъ намъ разобраться въ первыхъ пьесахъ Метерлинка, такъ и „Сокровенный Храмъ“ даетъ намъ психологическія указанія для „Жуазели“ и „Синей Птицы“.

Въ „Сокровенномъ Храмѣ“ Метерлинка ищетъ все тѣ же золотыя ключи отъ незримыхъ тайнъ. Его занимаютъ вопросы: что такое справедливость, мораль? Какъ видоизмѣняется въ человѣческомъ воспріятіи тайна („эволюція тайны“)? Что такое прошлое и будущее? На чемъ основаны удача и неудача въ человѣческихъ дѣйствіяхъ? Возможна ли борьба съ Рокимъ? Насколько значительна роль нашего безсознательнаго „я“?

Метерлинка является въ этомъ философскомъ трактатѣ оптимистомъ, уже отошедшимъ вдалѣ отъ былыхъ страховъ предъ „Непроницаемой Гостей“ и предъ „Злуклыми и насмѣшливыми силами“. Въ центрѣ всего онъ ставитъ человѣка и его внутренній міръ и въ особенности

Заключительная сцена пьесы Метерлинка „Пелеасъ и Мелисанда“.

Домъ Метерлинка. Входная дверь.

Метерлинка въ своемъ рабочемъ кабинетѣ въ Парижѣ.

Маленькія хрупкія существа—это дѣйствующія лица „Непроницаемой Гостей“, „Слѣпыхъ“, „Смерти Тентажиля“.

VI.

Въ драмахъ любви Метерлинка тоже даетъ намъ очень простые схемы. Онъ не знаетъ здѣсь правыхъ и виноватыхъ, но даетъ намъ понять, что и любовь, какъ и все въ жизни человѣка, предопредѣлена Рокимъ, и что заранѣе предназначенные другъ другу люди не всегда сразу встрѣчаются, и свершившаяся наконецъ ихъ встрѣча вноситъ трагедію какъ въ жизнь третьихъ лицъ, такъ и въ ихъ собственную. И здѣсь Метерлинка отдаетъ дань предчувствіямъ и признакамъ грядущаго горя. Изображаемые имъ возлюбленные вначалѣ счастливы: имъ кажется, что они любятъ другъ друга, но тайная тревога не покидаетъ ихъ: имъ кажется, что кто-то долженъ помѣшать имъ, что къ кому-то они должны и будутъ ревновать. И вотъ является этотъ другой, этотъ таинственный „кто-то“, котораго они тайнѣ боялись. Они стараются не вѣрить въ это, дѣлаютъ видъ, что ничего не случилось, но и для него и для нея уже ясно, что именно теперь раскрывается настоящая жизнь, а все прошлое было самообманомъ. Рокъ предъявляетъ свои требованія: явившійся „другой“ (или другая) уже давно—быть-можетъ, до созданія міра—любитъ одного изъ счастливыхъ донынѣ возлюбленныхъ—и настаетъ день, и они объяснились... А тотъ, кто оказался теперь уже лишнимъ, узнавъ объ этомъ—и всѣ трое погибли...

Въ этой примитивной схемѣ разыгрываются всѣ три драмы любви: „Аглавана и Селизетта“, „Пелеасъ и Мелисанда“, „Алладина и Паломидъ“. Маленькая Селизетта покинута Мелеандромъ для прелестной и мудрой Аглаваны. Старый Голо, женившійся

безсознательную (или „подсознательную“) деятельность его души, — иначе говоря, работу тѣхъ уголковъ нашего сознания, которые въ обычное время ничѣмъ не даютъ знать ни о себѣ ни о накопленныхъ въ нихъ знаніяхъ и опытахъ, но проявляютъ свою силу и свой психическій запасъ лишь при необычныхъ условияхъ. Человѣкъ и его внутренний міръ — все. Въ немъ заложены и начала справедливости (нѣтъ надобности искать первопричину справедливости въ природѣ и вообще внѣ человека), и счастье, и удача, и тѣ безчисленные боги (по терминологіи Метерлинка), которые направляютъ нашу жизнь въ великой области неизвѣстнаго. Сама смерть теперь менѣе страшна Метерлинку: „Не стану отрицать, что тяжесть смерти уменьшается съ каждымъ поколѣніемъ по мѣрѣ того, какъ ея страшныя формы и загробныя ужасы ослабѣваютъ. Мы думаемъ о ней и опасаемся ея гораздо меньше, чѣмъ прежде. Она мало-по-малу становится самой собой и уже довольно часто бываетъ теперь желаннымъ успокоеніемъ послѣ долгой жизни“. Метерлинка прибавляетъ, что эти устранинныя страхи смерти человечество приобрѣло большія выгоды: „Въ насъ скрытъ запасъ безразличныхъ силъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, и когда у насъ отнимаютъ какой-нибудь ужасъ, печаль, разочарованіе, на нхъ мѣсто являются восторгъ, довѣріе, надежда...“ И этой эволюціей человекъ обязанъ опять-таки самому себѣ и своему внутреннему міру, въ которомъ таится такъ много благотворныхъ жизненныхъ силъ.

Такимъ образомъ Метерлинка и здѣсь отводитъ громадную роль душѣ человека, громадной таинственной области, находящейся надъ нимъ и безконечно далеко въ сторону отъ него въ прошломъ и будущемъ. Но онъ теперь ставитъ человека въ центръ этого громаднаго царства и считаетъ, что человекъ только выигрываетъ отъ этой перестановки. Прошлое онъ считаетъ органически связаннымъ съ нами, но не настолько, чтобы оно оставалось всегда неизмѣннымъ для насъ. „Прошлое миновало, — говоримъ мы. — Но это неправда. Прошлое всегда существуетъ“. И не оно лежитъ на насъ тяжелымъ бременемъ, но мы сами обрекаемъ наше прошлое несоответствующимъ отношеніемъ къ нему. „Наше прошлое зависитъ отъ нашего настоящаго и постоянно мѣняется вмѣстѣ съ нимъ. Все зависитъ отъ того, какъ оцѣнивать его“. Былые факты подъ влияніемъ нашего измѣняющагося нравственнаго существа принимаютъ иной обликъ и изъ кучи развалинъ, гниющихъ въ тѣни, создаютъ городъ, который снова населяется, и надъ которымъ вновь восходитъ солнце... „Нѣтъ мертвыхъ!“ — какъ говоритъ Тильтиль въ „Синей Птицѣ“...

Такъ же отъ насъ самихъ зависитъ и урегулированіе нашего будущаго. Метерлинка вообще полагаетъ, что будущее, какъ и прошедшее и настоящее — лишь одно изъ психологическихъ нашихъ недоразумѣній. Существуетъ лишь обширное настоящее, вѣчное, неподвижное, въ которомъ все, что случилось, и все, что случится, безостановочно случается, заранее установленное въ обширномъ всемірномъ бытіи. Метерлинка даже удивляется, отчего люди до сихъ поръ не знаютъ своего будущаго. „Почти невѣроятно, чтобы мы не знали своего будущаго, — говоритъ онъ. — Можно бы подумать, что у человека всегда было такое чувство, точно простой недостатокъ его ума отдѣляетъ его отъ будущаго...“ И опять-таки отъ личнаго совершенства человека, очевидно, зависитъ когда-нибудь устранить этотъ досадный недостатокъ. Метерлинка заинтересовался одно время гадалымицами въ Парижѣ и пришелъ къ выводу, что это — почтенная наука, и что наша подсознательная деятельность можетъ оказать намъ и здѣсь важныя услуги, такъ какъ, по его мнѣнію, современные пророки и пророчицы читаютъ будущее не по какой-либо таинственной силѣ, но путемъ особаго самовнушенія въ нашъ же безсознательномъ мірѣ.

Въ нашъ безсознательный духовный міръ перебрались съ Олимпа всѣ былые боги. Мы должны знать ихъ и владѣть ими и умѣть пользоваться ихъ силой для того, чтобы бороться съ идущимъ къ намъ навстрѣчу Рокомъ, избѣгая его или уклоняясь отъ него, нанося опасныя для насъ или благотворныя намъ людей...

Раненый.

Его лицо загаръ здоровый
Покрывалъ налетомъ золотымъ.
Его въ окопахъ въ часъ суровый
Осколкомъ ранило пальнымъ.

И вотъ лежитъ онъ недвижимо,
Закрывъ запавшіе глаза.
Ему еще непостижимо,
Что боя кончилась гроза.

Онъ слышитъ взлетъ и взрывъ шрапнели
И голосъ ротного: „Въ штыки!“

Онъ видитъ, какъ австріецъ цѣлится,
Онъ видитъ вражіе козлы.

Онъ бредитъ боемъ и побѣдой,
Воюетъ, бьется и во снѣ,
И странно слышать крики бреда
Въ больничной бѣтой тишинѣ.

Сестра сейчасъ перемѣнила
На головѣ компрессъ ему...
Ужель возьметъ его могила
Въ свою торжественную глупу?

Сергѣй Городецкій.

VIII.

Отраженія всего только-что сказаннаго мы и находимъ въ „Жуазели“ и „Синей Птицѣ“.

„Жуазель“ — одинъ изъ шедевровъ Метерлинка. Эта пьеса проникнута здоровымъ оптимизмомъ и вѣрою въ внутреннее могущество человека. Волшебникъ Мерлинъ хочетъ создать для своего сына Лансеора счастливую, основанную на вѣрной и выстраданной любви, жизнь. Ему необходимо помѣнить для него женщину, которая полюбила бы его именно такой любовью. Онъ заставляетъ свою душу Аріэль (здѣсь Метерлинка впервые выводитъ на сцену человеческую душу въ отдѣльномъ отъ человека образѣ) указать такую возлюбленную для Лансеора. Аріэль указываетъ на Жуазель, но въ то же время заявляетъ, что Жуазель должна составить счастье и самого Мерлина. Иначе Мерлинъ попадетъ подъ чары недостойной Вивіаны и погибнетъ, а съ нимъ вмѣстѣ погибнетъ и Аріэль. Но Мерлинъ не колеблется и охотно жертвуетъ своимъ счастьемъ для счастья сына. Онъ соединяетъ на своемъ волшебномъ островѣ Жуазель и своего сына (послѣдній пока не узнаетъ въ волшебникѣ своего отца) и подвергаетъ ихъ любви самымъ страшнымъ испытаніямъ, которыя могутъ навсегда разъединить ихъ. Но Жуазель остается вѣрной Лансеору. И тогда Мерлинъ считаетъ испытанія законченными и благословляетъ Лансеора и Жуазель.

Если припомнимъ страницъ „Погребеннаго Храма“, то мы легко найдемъ въ „Жуазели“ созданный Метерлинкомъ на этихъ страницахъ апофеозъ человека и его могущественнаго внутренняго міра, способнаго провидѣть грядущій рокъ и свое счастье.

Въ „Синей Птицѣ“ Метерлинка изъ фантастической сказочной формѣ даетъ такую же апологию человеческого могущества. И въ этой пьесѣ воскресаютъ главы „Погребеннаго Храма“: дѣти, Тильтиль и Митиль, отправляются на поиски Синей Птицы (Счастья) и въ страну Воспоминаній, и въ страну Грядущаго, и въ царство Ночи, и на кладбище, къ мертвецамъ. Въ странѣ Воспоминаній они встрѣчаются съ умершими родственниками, которые оказываются живыми и не понимаютъ, что такое смерть. Въ странѣ Грядущаго дѣти знакомятся съ неродившимися существами, которымъ отъ нѣка предопредѣлено каждому сдѣлать что-нибудь и принести сдѣланное въ міръ — новый опонцъ, новое изобрѣтеніе, новую болѣзнь. Здѣсь же томятся любовью отмѣченные судьбою отъ вѣка влюбленные, которые потомъ на землѣ будутъ, быть-можетъ, тѣсно искать другъ друга и потерпятъ такую же катастрофу любви, какъ Селизетта или Паломидъ. Судьба человека здѣсь отмѣчена, и мы должны понять, что нѣтъ ни прошедшаго ни будущаго, а одно только вѣчное настоящее.

Въ царствѣ Ночи Тильтиль видитъ Ужасы и Страхи. Они уже потеряли свою силу, и люди ихъ не боятся. Тайны, тщательно хранимыя Ночью, также во множествѣ разгаданы человекомъ. Ночь жалуется: „За послѣдніе годы я прямо перестала понимать Человека. Что ему нужно? Неужели онъ долженъ узнать все? Онъ овладѣлъ третью моихъ Тайнъ, всѣ мои Ужасы боятся и не смѣютъ выйти изъ дома, мои Призраки разбѣжались“.

И даже маленький Тильтиль смѣло вступаетъ въ пререканія съ Ночью и не боится ея Ужасовъ. Не боится онъ и кладбища съ мертвыми и убѣждается, что мертвыхъ нѣтъ. А Синяя Птица, которую онъ такъ тѣсно искалъ, оказывается у него въ собственномъ домѣ. Счастье находится въ самомъ человекѣ, у него въ домѣ, и надо только найти его и быть достойнымъ его, чтобы оно не улетѣло, какъ улетѣла Синяя Птица отъ Тильтиля. Но и тогда можно снова найти и поймать ее.

Этой жизнерадостной пьесой мы и заканчиваемъ нашъ обзоръ творчества Метерлинка.

Метерлинка дорогъ намъ въ особенности тѣмъ, что онъ ставитъ насъ надъ жуткимъ краемъ бездны и открываетъ изумительныя перспективы. Мы можемъ относиться скептически къ его убѣжденіямъ, но его слова всегда трогаютъ насъ и раскрываютъ предъ нами великія глубины.

Польскіе крестьяне избиваютъ германскихъ фуражировъ, разграбившихъ деревню. Рисунокъ И. Владимірова.

На Мазурских озерах.

Рассказ Николая Ромниского.

(Окончание).

Когда все затихло, молодость Евстигьева взяла свое, и он заснул. Да так заснул, что когда утром появилась сначала неприятельская конница, а к девяти часам утра появилась пехота, которую мы встретили огнем пушек и пулеметов, то я приказал перенести его в более безопасное место. Шесть человек несли его, и несли никак не бжно или осторожно, но он не проснулся.

— Показачи спать, — смеялись солдаты.

С наступлением ночи атаки немцев ослабли. Мы похоронили своих убитых, отправили вперед раненых, развели костры побольше и, оставив около костров гусарь, отправились за своими войсками.

Пришлось разбудить и Евстигьева. Но не разбудили и первые шагов двести вели под руки, а он ругался и вырывался.

Потом на вечернем холоде разошелся, пришел в себя, на ходу пошел и рассказал мне свои приключения:

— Я добжал до лошади и схватил ружье и шашку. Но и немцы уже добжали. Добжали и первым делом выхватили винтовку из рук. «Шашка, думаю, нужна», — бросил я немцам винтовку, не стал возмущаться, и на лошади! Вскочил, сразу за шашку, — другое несчастье: я держу ножку, а немцы тащат из-под шашки. Я стою по головам кулаком, а меня кто-то по глазам, — аж искры посыпались!.. Вижу, шашки уже нет, ножка одна! Силу я на коня, как младенец, — с ножкой в руке!..

«Вижу, — пропало мое дело, вся надежда на коня: может, вырчит! Крикнул я, дернул, конь... рванул!»

«Ружье ему подставили под ноги, что ли, на немца ли накнулся, а только упал конь на колени. Сейчас и вырвался, да поздно было. — Немцы народ здоровый и с конями умейте обращаться: переднюю ногу ему подняли и подвязать успели, — конь рвется, а только на трех ногах куда же ему!»

«А тут и меня поволокли, хотя с коня стацили».

«Нить, думаю, это еще не видано, чтобы казака с коня стацили!»

«И верно: — со всеми конем ворочают, а стацили не могут!»

«А я руки вырываю; удачи — дам кому попадет, одному да другому, да и опять мои руки ухватить. Даже я уважение к немцам почувствовал: забористый, стойкий народ, и, за что возмущаюсь, хорошо делают! Как изловчусь руку вырвать, да дам — сразу падал, а новые сейчас меня за руки опять держат!»

«И дисциплина хорошая: один хотел меня тесаком хватить, что у них заместо пистолета на ружье наделается. Офицер закричал, и он опустил тесак. Послушался. Живьем, значит, хотелось меня взять».

«Повозились, повозились — а я все на коня сижу!»

«А только сила, чувствую, у меня уже не прежняя, устал, изнемог весь. Держать мои руки немцы, рвущие — нить, ве то, не могу вырвать!»

«Побрыкался еще, как вязать начал, — от обиды, зная, сила опять явилась, да уже не надолго... Забросил веревку и повалили меня вместе с конем на землю. Тут навалились и скрутили... Здорово скрутили!»

«Ног потом распутали, хотели, чтобы я за ними шел. Нить, думаю, господа немцы, не будет того. Скрутили, так и везите, как барина! Хотят убить, все равно помреть!»

«И били меня! Здорово били! Моей же нагайкой хлестали... А я лягу — скажу: лучше уж под родной нагайкой погибну...»

Василий засмеялся. Я удивленно посмотрел на него.

— Бить не умейте! Инструмент у них был, а владеть им не умейте. Дали бы мне, я бы им показал, как казачья нагайка бьет!

«Опять пришел пхый офицер. Видит мое упорство, и захотелось ему похвастаться плетником. Так ведь что? Ну, убили бы. Одним казачком меньше стало, вот и все. А так приехать можно, в Берлин в клетку показывать... похвастаться: вот, мол, каковы эти самые казаки, какого мы экземпляра живьем захватили!»

«Как пришел офицер, — приказал перестать бить. Окатили меня водой. — думали, верно, что я уже чувств лишился, — подняли и положили на патронную двуколку».

«Привезли в городок и действительно стали показывать. Офицеров поприходило, и все меня разглядывают, между собою разговаривают, — все живые казаки, да еще связанный, безвредный, интересен».

«Солдаты, ть, под шумок, сначала все норовили долбануть меня, но офицер заметил и настрого приказал меня не трогать, — хотеть, значить, чтобы у меня вид был чистый».

«Потом приехал какой-то важный офицер в автомобиль. Еще молодой, но все с ним так почтительно. Ему захотелось иметь все казачье снаряжение. Вижу, несут мою винтовку, нагайку, револьвер, шашку. Показывают. А шашка у меня дядовская, как на войну хал, бая благословлял. Лучше бы

он себя оставил, — чеченский клинок, гвозди рубить, как палочки, работа тонкая, пашка серебряная. Долго дивились, ахали, работу разглядывали. Потом нагайку смотрели: не понравилась. На винтовку и револьвер только взглянули: общего образа, неинтересно!

«Потом пришел еще один офицер. Пришел, и все ему обрадовались, руки пожимают, лопочут по-своему, на меня показывают».

«Чего вы, думаю, точно гуси около воды загоготали?»

«А он подошел ко мне да и говорит:

«Здравствуй, казак!»

«Чуть это я ему не ответил, — здравия желаю, ваше благородие». Да во время вспомнил, что он немец.

«Потом, как говорил, сразу видно было, что немец, хотя он и говорил очень бойко, но как сказал, — здравствуй, казак! — я думал, что он русский. Так чисто сказал эти два слова».

«Видит он, что я молчу, и стал меня оплакивать: «Не бойся, казак, мы ведь тебя не съдим. Ты так молодецки защищался, что мы полны уважения, — так и сказал: «мы полны уважения». — А я все молчу. Думаю: «полны уважения, а привезете в Берлин, все равно в клетку посадите, — не в желзную, так в камневую»».

«Сначала офицеры слушали, молчали, потом видят, что я ни слова, опять гоготать начали. Потом начал говорить тот, что в автомобиле приехал. Выслушал его мой переводчик, взял под козырек и пошел ко мне».

«Хочешь, казак, в баню попариться?»

«Всякий человек в поход, думаю, хочет в баню попариться», — но ему ничего не сказали: почему я знаю, что у них там на уме».

«Он говорил-говорил и наконец так копчил:

«Вот сейчас тебе ноги развяжут, а как поможешь, если дашь честное казачье слово не убегать, мы тебе и руки развяжем».

«Тут я не выдержал и спросил его:

«А ты, говорю, орла пробовать спрашивать, что он в улетит, когда ему крылья распутают?»

«Тут все к нему: «что, мол, он сказал?» Потому это были мои первые слова».

«Он смеется, переводит имя. И все стали смеяться».

«Развязали мне ноги, отвели в баню. Не баня, а ванная. Помылся я хорошенько, и дали мне чистое белье. «Спасибо, думаю, так-то приятно на чистое белье чистое белье падать!»

«Привели это меня назад, поставили среди офицеров. Стою я не связанный... И мысль это у меня: «А что, кабы дернуть? Растолкать тех, что у дверей и на дворе? Вроде военное, лошади оседланы всегда есть...»

«И начало сердце у меня биться, — чуть не выскочить. «Ой, думаю, как бы моих вальсеров да не замести!»

«А тут офицер спрашивает меня:

«Ну, что же, даешь казачье честное слово, что не будешь пытаться убегать? Что не убежишь до конца войны, хоть бы и было можно?»

«Насупился, почертел даже, думаю, я весь. Молчу. А он опять спрашивает, и так торжественно выходит при таком молчании».

«Помолчал я и говорю:

«А ты уже орла спрашивал? Что он тебе ответил?»

«Все сейчас опять к нему: «что, мол, сказал казак?»

«Перевел он имя, опять, как гуси, загоготали, — не смеются, а разговаривают это они так».

«Ну что же, сам ввновать, — сказал офицер и приказал принести кандалы».

«Надвай».

«Протянул я руку, как дитя покорное, надвй кандалы. Еще и руки ворочал, чтобы замкнуть было легче. А потом не выдержал и говорю:

«Никто, как Бог. Коли Ему угодно, Он и кандалы снимет, и улеу я из вашего плена».

«Сказал это и про себя думаю: «Чего говорить-то? Разве возможно теперь уйти?» Я в не звал, что мои слова пророчески будут!»

«Отвели меня потом в такую тюрьму — маленькую, отдельную камеру. Дали хорошо поесть и бутылку пива. Пиво хорошее, недаром немцы им слава. Как я поел, пришел к офицеру, что говорил по-русски:

«Это тебе ужин от того офицера, что взял твою снаряжение. Он все взял, говорит, и винтовку, и револьвер, и шашку, сдло, лошадь и нагайку».

«А потом оказалось еще больше: встал я утром — за одежду, — вместо казачьей лежит плохая одежда немецкого солдата. Значит, и одежду мою казачью взяли... Да все от Бога: кабы оставался в казачьей, не привелось бы теперь видеться...»

«Дев и полночи пришлось провести еще в немецком плени».

«На другую ночь разбудили меня: шум, бжотня. Дали мне

Немецкая армия очищает Радомь.

мокрое полотенце, показывают, чтобы я утерся. Кричат все: «генерал!», «генерал!». Прибжал и тот офицер, что по-русски говорит.

«Будь, говорит, почтительней, — сам генерал...» ... позавать его фамилию».

«Привели меня. Он стоит около стола, и все офицеры кругом его. Говорит им что-то. Мы потихоньку остановились. Пожалел я, что не говорю по-немецки. — Верно, важное что-то говорил генерал, что ночью всех разбудили, — мог бы, пожалуй, важные новости доложить. Потом кончил, ему про меня доложили. Он сразу важность бросил и расселся».

«Генерал стал меня разглядывать: повернись так да повернись так».

«Я ворочаюсь и все на окна смотрю: темно на дворе. «Кабы, думаю, не кандалы, можно было бы... Ночь, лошади яввно есть...» И стало у меня дыхание спирать. «Наши не могут быть далеко... Возможно в один присест догнать до своих...»

«Так мысли и бжгут в голову, так и бжгут...»

«Начинаю думать, как бы получше, и ршил, что ничего больше не придумаю, как самого генерала по голове долбануть. В первый момент сомлел бы все немцы, а момента мне достаточно, — выскочил бы и был таков!»

«Вот только, есть ли звзды на небе, чтобы не похвать в неприятельскую сторону? Стою, хочу в окно рассмотреть, — темно, ничего не видно!»

«Да вот кандалы еще... Хотел кабы знать, что Бог звзды поставил, ничто бы и кандалы: неужто в кандалах с лошадью не справлюсь?»

«Вихрем все у меня в голове несется, а я перед генералом ворочаюсь, шаг чеканю, точно он не немецкий, а наш генерал».

«Только вдруг, смотрю, бжжит к нему унтер-офицер и ключик в руках держит».

«Офицер-переводчик мне и говорит:

«Его превосходительство мускулы твои посмотреть хочет, — крепки ли казачьи мускулы».

«Отмыкает унтер-офицер мои кандалы, а у меня сердце в груди колотится: — Господи, услышал Ты мое моленье!»

«А сам вытянулся, каблучками щелкнул, к генералу повернулся да как брякнул:

«Цу бешель, зкселенц!»

«Все так и ахнули. Мой офицер, что переводил, поднял брови и спрашивает:

«Ты знаешь по-немецки?»

«Я и перед ним вытянулся:

«Никак нть! Слышал здесь, как говорят с его превосходительством!»

«Перевел. Генерал улыбается, доволен. А я про себя думаю: «как только снимешь, долбану генерала и выскочу!»

«А только не вышло: он снял кандалы, двери открыл, офицер пришел, и вижу, в дверях стоят уданы. Как бы я ни рвался, могли бы задержать. Погодить надо, мое время еще не пришло!»

«Скази генералу: «рад стараться, ваше превосходительство»».

«Это говорит мой офицер. А я стою перед ним навтыжку и не понимаю, свое думаю. Сдблат я услыше, поймать, в чем дело, да и говорю:

«Никак невозможно сказать таких слов по-немецки».

«Переводчик хотел мне что-то сказать, но генерал заговорил, он и замолчал. Потом спрашивает меня:

«Почему же нельзя по-немецки?»

«Потому что только русский может на войну радостно стараться, — сразу ответил я. Ответил да и думаю: «уж не обидеть ли генерала?» Мне-то теперь важно, чтобы побольше без кандалов побыть...»

«Может, ов, спасибо ему, ве то перевел, а только генерал ничего, даже посмлся».

«А меня так и тянет к двери. Голова мутится, так тянет. Один раз даже качнулся. Качнулся и испугался: «а что, если замтили?» Оглянул всех, — нть, как будто нвчего».

«Сердце у меня стучит, и кажется, что всякий шум его слышит. В ушах гул стоит, — жду удобного времени!»

«Сквив мундир с правого плеча, — говорят мне».

«Я сквнул».

«Закасай рукав».

«Закасай».

«Согни руку в локоть, вот так, да посились: его превосходительство хочет твои казачьи мускулы видеть».

«Гну я руку, мускул дрожит, прыгает... Генерал нагнулся совсем близко, трогает, щупает, твердо ли...»

— Ну, выручай, Святитель Николай Угодник Божий!

Разжал я руку и генералу сколько было сил в лицо ударил. Крикнул, бросился ва толпу, швырнул кто был на дороге, выскочил, увидел лошадей и как быть на кони!

Только меня и видел...

Так по улице и понесся,—лишь бы в поле выехать. За то потом своего коня погони не слышно...

Посмотрел на небо—ни единой звёздочки. Где наши? Куда ехать? Ничего не знаю... Несусь, куда глаза глядят.

Вот и конец городка, вот и поле, а что толку, когда, может, и в другую сторону погони...

Остановил я коня,—думаю: «и ковы дамы откопнуть и послушать, ить ли погони». И чуть стал, ясно слышу, как гонят за мной многие верховые,—так и идет гул топота в ночной тишине.

Нечего делать, гони дальше... Погнался я коня... А погони ближе, уже и так слышно. Может, у меня просто в ушах отдавало...

Свернул я напрямик, через поле. Увяз конь в болот, забарахтался, но выскочил, пошел дальше. Оглянулся я,—да, скачут, видно темную группу.

Сначала проскакал мимо, дальше по дороге, потом как-то замедлил, свернул за мной. Свернули да несчастливо: в болото попали, слышу, теперь уже они барахтаются.

А я прямо и прямо. Через канавы—спасибо неглубокие—через плетни,—в кто плетни по полю растыкать?

Они из канавы и болота вылезли и опять за мной гонят. Да, впрямь, кроме того по телефону приказали, потому слышу, и из других мест конные скачут. Ради этого чуть я не попал: доехал прмчичи по полю до дорожки и пошел по ней, вдруг навстречу целый разбег! Я назад и опять в поле. Спасибо, снова болото выручило: ковы упали, я перелетел через голову, да удержал повод. Поднялся, осторожно притянул коня и поехал. С вбмцами худо вышло: застряли, и я мог ускорить от них.

Выехал в чистое поле,—погони больше не слышно, можно одуматься, с свлами собраться.

На небе ни звёздочки. У меня ни компаса ни чего другого, по чему можно было бы узнать, куда ехать. Где наши? В какую сторону восток? Хотя я и немецким солдатом одет, но кого я спрошу без языка?

Но и думать не пришлось долго: слышу, опять гонят. Насторожился я, прислушиваясь, да про коня и забыл. А он-то меня и подвел,—впрямь, знакомые кони были,—он и заржал. Ночью так его крики и проносилось. Эхом так и гудеть.

Голос своего коня они узнали, или было строгое приказание ловить всякого:—вид и мое-то преступление было велико,—ударить такого важного генерала!

Представляю, что бы со мной сделали, если бы удалось захватить меня...

Скажем мы теперь так: я по полю, они по трем дорогам: две справа и слева меня—третья, впрямь, шоссе, потому что видны телеграфные столбы,—наискосок ржет. Выходит, куда бы я ни поехал—должен с ними столкнуться.

Их много, я один. Часть отделилась и, вижу, съезжает на поле. Съехали и разсыпались.

Теперь уже я, как в мышеловки, сижу,—немцы окружили со всех четырех сторон. Что делать? Куда ткнуться?

Что же, думаю, двум смертям не бывать, а одной не миновать,—и пустил я коня прямо через шоссе. Чтобы сохранить силы кони на нужное время, пустил его рысцою: задние еще далеко, пусть конь отдохнет, чтобы во всю пойти, только когда понадобится.

И действительно,—видел мени: как поехал я так вольготно, поджидать вачали. И вижу я, как они по всему шоссе становятся. Поняли, значит, даже, что я затваю. Мало того,—вижу, съезжают даже ва ту сторону дороги, чтобы образовать вторую линию:—проскочить, мол, одну, другая поймает!

Смотрю я на своего коня и спрашиваю: выручишь? Он идет, ушами прыгает, приглядывается. Вижу, своих ковей чуёт, навстречу лошади его эскадрона. Для меня это плохо,—может так и пойти к знакомым лошадям, ничем и не удержишь.

Будь у меня нагайка, я бы заставить его слушаться, а я, птний кавалерист, даже без шпор. Ничего-ничегошеньки у меня нту: ни оружия ни даже веревки! Поводком его подхлестывать, что ли.

И пришла мне в голову безумная мысль: выхватить саблю у конного, что заграживают мне дорогу. Если удастся, я так полосану своего коня, что он послушается. Пропадать все равно, почему не попробовать.

И вот еду я и все вилню,—то вправо подамся, то влево поверну. А лошадь и вправду свой эскадрон чуёт и чем ближе, тем охотнее идет.

А тут еще одно думаю: хорошо, коли приказано меня живьем взять,—может, тогда и спасусь, а если приказано, то легко подстрелить, потому что я в пятидесяти шагах от шоссе чуть

не шагом поехал. Теперь уже коня сдерживать вужно,—обрадовался своим и ржет, чуть не переставая.

А немцы отлично понимают, что я прорваться думаю, и чем ближе, тем гуще на шоссе собираются. А тут и задние все приближаются.

Окинул я взором,—нть, Василий Васильевич, на этот раз не удастся...

Уж очень я осмелел, пожалуй, поздно теперь! Можно прорваться с оружием, но не с голыми руками через толпу всадников!

А задние приближаются и тоже начинают подкрутить дбать...

Вот тут я сразу и ршился,—не у тхх, что ва шоссе, надо отобрать саблю, а у тхх, что сзади наседаю: они меньше ждут!

И повернул коня, дал ему шею, что он на мст подскочил, и на первого же улана! Проскочил мимо, промахнулся. Второй сам летит навстречу,—спасибо тебе, голубчик! Руки-то у меня свободны, легки, а он, вместо того, чтобы меня саблей ударить, хотел лошадь схватить за повод. Уж коли приказано было живьем взять, так нечего было лошади-то жалеть!

Я его ногой в грудь, а рукой за саблю! Этот свалился, а нового, что палетел, уже ихней же саблей пришиб!

Вот тут чуть меня не поймали: один был умнее п выстрелил в моего коня. Тот так и грохнулся и, разумеется, с ним и я. Но и тут помог Николай Угодник: конь того, что я только-что ударил, скачет мимо меня. Хороший конь, спасибо ему, ошальтый какой-то, дикий. Как вскочил я на него, так он чуть не взбесился: закусила мундштук, голову нагнула, хвост подняла в мимо шоссе.

Я через шоссе, мимо второй линии—и в поле!

Вот тут началась охота и-п, Боже избави! И гнали же мы! Конь попался добрый, говорю. Сначала близко гнали, потом стали отставать:—мой конь лучше! Тогда начали стрелять. Да уж такая стрельба с коня!

Совсем я развеселился: уйду, думаю. Вдруг—трах, рчка, поросшая густым тростником! И,—вот тебе и раз,—по ту сторону цблая уйма кавалеристов! Как подехал ближе, увидел, как они в кустах мелькают.

Теперь же что? Назад—втям в лапы, вперед—тм!

Вскочил с разгона в воду мой конь, да как быть ошалелый, так и тут остался: не удержался на ногах и покотился. Это меня и спасло: он пошел не прямо к тому берегу, а по тростнику. А я остался. Немцы видят, как тростник ворохается, и бегут за ним. Шагов двести он по берегу по тростнику путался, а там выскочил на ту сторону и пошел в кусты.

Ть, что были по ту сторону—за ним, а ть, что по эту,—начали собираться. Ночью не разобрать хорошо: может, думали, и я на коня поехал, может, думали, в рчкх утонул. На всякий случай давай берега обыскивать. Да где же ночью казака в тростник отыскать.

Но упрямый народ немцы: остались до утра сторожить. Возможно, что и поймали бы меня, да что-то у них случилось. Наши ли подошли, или что другое, а только сильное движение войск началось. К утру я успел версты четыре пробраться по рчкх, днем пошло еще скорее, иногда я прямо выходил и бжжал около берега,—хотел быть подальше от того места, где меня в воду загнали. Тут я и видел, как ихия колонны двигались.

Двое суток я так в кустах валялся. Захлять совсем, фсть-то нечего было.

На третий уже сутки, днем, лежу в кустах, и лихорадит меня; чувствую, не то сплю, не то в глазах мутится. Вдруг втки раздвигаются, и голова протягивается. Вижу, немецкий солдат...

Он на меня смотрит, я на него. И лихорадка у меня прошла,—думаю: «теперь что?» И вспомнилось мне, как учитель Альтфукс жалобно говорил. И вот тут, сам не знаю, как, закивать я головою, заморгать глазами да совсем как Альтфукс: «Ах, Готт, ах, Готт».

Смотрю, их еще двое. Лопочут между собою, говорят мне что-то. А я все свое да свое.

Тащат они меня из кустов, а я упираюсь. Вижу, они в самом деле меня за юродивого принимают. Пожалели, кусок хлеба дали, повздыхали и пошли.

Евстигфев замолчал, и мы долго шли, не говоря ни слова. Наконец я спросил:

— Но ведь прошло еще несколько дней, пока ты добрался до нас?

— Так точно... Да что там уже... Бредь, голодать, от людей прятался, а приходилось плохо—юродивым прикидывался... Так Бог и вывел и довел до своего стана...

Когда уходил, утром сказал:

— Спасибо за все доброе, ваше высокоблагородие... Помолчал и добавил:

— Батя-то обрадуется... Шалку-то только жаль... Да и стыдно... Больше я с Евстигфевыми не встречался, но койна еще тнется,—может, опять придется вместе поработать...

Опростоволосившийся немец.

Разказ Бориса Садовского.

Старик Балакирев был не в духе. Заслуженному петровскому шути, любимцу покойного императора, ему в увеселительных государыни Анны Иоанновны отводилось теперь всегда последнее место. Новые ниоземные шути-проходимцы явно презирали Балакирева и подчас позволяли себе подшучивать над ним весьма жестоко, да и герцог Бирои не жаловал старика. Если бы не императрица Анна, по странной прихоти благоволившая к Балакиреву и допускавшая его к своей особе, старому шути Петра Великого пришлось бы, пожалуй, круто.

Теперь, в тихий субботний вечер, 27 июня 1737 года, сидел он одиноко в своей камере под лбтницей и, кряхтя,

допивал свой жидкий и горьковатый кофе. На могучей, крепкой груди у Балакирева полузастегнут был ярко-красный, дорожный сукна кафтан; одна пола на кафтане была овчинная, другая—из сермяги. Огромный завитой парик сдвинулся набок: из-под крутых его завитков высматривали внимательно узкие мышинные глазки, и короткие стриженные усы над запавшей губой шевелились тоже по-мышинному, будто нюхали воздух: жесткой старческой рукой Балакирев перебирал разбивно на стол шутеские свои снаряды: пестрый мшпок страиного вида, набитый пухом и перьями, несколько пул, табакерку с перцем и чемерицей, зазубренный ножик, гребень.

Вдруг по всем покоям дворцовым пошел часовой пере-

Взорвали мост. Рисунок В. Садовского.

звонь, будто вечерняя переключка. Сначала пробили хриплые часы въ кофшешенской, надъ головой у Балакирева; имъ отвѣчали звучно столовые изъ хрустальной столовой; дальне пробили серебряные часы турецкаго султана, и нѣжными ударами звонкаго колокольчика откликнулись французскіе — подарокъ короля Людовика XV покойному государю Петру I. Часы пѣли и звонили на всѣ лады; потомъ голоса ихъ смѣшались и потонули въ гудѣньи субботнихъ колоколовъ.

— Шесть часовъ, — перекрестясь набожно, прошепталъ Балакиревъ и тотчасъ, восторженно, вскрикнулъ: — Охъ, чтобъ тебя! Раздался громкій пѣтушій окрикъ, и къ ногамъ старика блестящимъ колесомъ подкатился тучный приземистый человѣкъ въ каскѣ съ малиновымъ гребнемъ и пестрымъ хвостомъ позади.

— Перепугалъ ты меня, князенька, — задрезжалъ ласково Балакиревъ, съ улыбкой трепая забавника по круглому животу. — Ишь, какимъ вырядился пѣтухомъ.

Любимый шутъ государыни, князь Михайло Голицынъ, по прозвищу Квасникъ, мужчина пожилой, съ лицомъ неумнымъ и красивымъ, отряхнулся самодовольно.

— Слышь, дѣдушка Балакиревъ, — вяло заговорилъ онъ какъ бы коснѣющимъ языкомъ, вода по сторонамъ молочино-голубыми глазами: — я того... ей... того... все курицей клохталъ... насѣдкой, а теперь, слышь, пѣтухомъ... того...

— Что и говорить: молодецъ ты, князенька, мастеръ. — Балакирену приходилось завскакивать передъ любимымъ царнымъ шутомъ: такъ въ старину передъ нимъ заискивали петровскіе царедворцы. — А чѣмъ тебя угощать прикажешь?

— Венгерскаго мѣдъ... венгерскаго, — мямлилъ Голицынъ, чмокан, какъ младенецъ, губами и по-дѣтски заглядывая въ лицо старику. — Изволь, князенька, изволь, милъ-дружокъ, — для тебя и венгерскаго не жалко.

II.

Балакиревъ и себѣ напилъ стопку... Доброе вино развязало ему языкъ.

— Охъ мнѣ, старому: горе мое, горе, — началъ онъ вполголоса. — Бывало, покойный царь-батюшка Петръ Алексѣевичъ (царство ему небесное) жаловалъ и любилъ меня, дурака. Хотѣ и отвезти иной разъ по спинѣ дубишкой, такъ вѣдь не зря, а за дѣло: врп, молъ, Балакиревъ, да мѣру знай. Дубишкой-то вздуешь, а потомъ шубу либо червонецъ подарить. А нонѣ въ концѣ замучили нѣмцы нашего брата-русскаго. Житья не стало отъ нехристей, право слово.

Тутъ старый Балакиревъ спохватился и утерся овчинной полой, но, взглянувъшъ зорко въ круглые, неподвижные глаза Голицына, понялъ, что собесѣдника боится нечего: не выдастъ. Допивъ стопку до дна, князь стряхнулъ на языкъ себѣ послѣднія капли, улыбуясь, причмокнулъ радостно и выкатился колесомъ въ дверь.

Горько покачивая головой, старикъ прибралъ сулею со стопками въ поставецъ и, пристѣвъ у стола, зѣвнулъ.

— Дуракъ, — думалось ему: — дуракъ князенька Голицынъ, какъ есть круглый дуракъ: глубѣе не бываютъ. Да нешто шутъ дуракомъ быть долженъ? Шутъ только видѣ глупый долженъ показывать, а быть чтобъ изъ умныхъ умнымъ.

За дверью послышался шестеръ шелковыхъ юбокъ; розовое дѣвичье лицо глянуло, улыбаясь.

— Аннушка! Касатка моя! — всплеснулъ руками шутъ. — Пожалуй ко мнѣ, голубка!

Аннушка вошла, прижимая розовенькій палецъ къ губамъ и оглядываясь съ опаской. На фишкахъ цѣтоваго уса, раздуваясь, шумѣло голубое платье и разлетѣлось легкимъ облакомъ чуть не на всю каморку.

— Да что ты, тоскуешь ровно, моя красавица? — вглядываясь въ лицо Аннушки, нѣжно допрашивалъ старый шутъ. — Вонъ и глазки припухли у тебя: плакала, видно? Чтѣ съ тобою, сударыня?

Аннушка сдержала слезы и отвѣчала чуть слышно:

— Сватаютъ меня, дѣдушка Балакиревъ.

— Сватаютъ? Ишь ты, какъ бы, не изъ чего тужить: дѣло дѣвичье. А за кого сватаютъ-то тебя?

— За пѣмца.

Балакиревъ вздохнулъ и развелъ руками: мышиные глазки его закрылись.

— За пѣмца... Прямое дѣло... А сватаетъ кто?

— Самъ герцогъ, — еле выговорила дѣвушка, съ трудомъ удерживая рыданія.

— Чтѣ жъ ты?

— А я не хочу. — Аннушка улыбнулась сквозь слезы. — Больно онъ гадкій.

— Такъ, такъ... Скверный да гадкій, со всей нѣмецкой порядкомъ, носъ въ табакъ, голова въ парикъ, сытъ крупшей, пыль водичей, шиломъ брѣтсы, дымомъ грѣтсы.

— Такъ и есть дѣдушка.

— Э, да это не графъ ли Аллендорфъ?

— Онъ...

Балакиревъ призадумался. Аннушка тихо рыдала.

— Не тужи, моя красавица. Богъ дастъ, переженется. И не такія дѣла сходились съ руки. Авось вызволю тебя, дай срокъ.

Въ кофшешенской часы прохрипѣли семь, имъ отвѣтили задумчиво хрустальные въ хрустальной столовой: пробили звучно куранты турецкаго султана, и колокольчиками заиграли французскіе часы.

III.

Ясный лѣтній день вызвалъ государыню на лужокъ. Сквозь дощатый легкій заборъ прохожіе могли видѣть Анну Голицыну на высокомъ, съ рѣзною спинкою, креслѣ, дородную и веселую: подлѣ красовалось нѣсколько вельможъ въ парикахъ и шитыхъ кафтаняхъ, съ тростями, но герцога Вирона не было видно между ними. Два заморскихъ шута, Педрильо и Ла-Коста, оба грязные, вертлявые, похожіе лицомъ и ухватками другъ на друга, выкидывали на лужайкѣ свои колѣвца, кувыркались и дрались. Императрица смѣялась. Квасникъ-Голицынъ прокатился нѣсколько разъ колесомъ, крича по-пѣтушью, и былъ зато награжденъ червонцемъ. Карлица-калмычка, Авдотья косоглазая, злобно сунулась, все шептала что-то государынѣ на ухо и сердито коснулась на шутовъ. Анна Голицынова наконецъ ее оттолкнула и спросила громко:

— А гдѣ же Балакиревъ? Все хвораетъ?

— Видать, что хвораетъ важный баринъ, — пропищала калмычка.

— Русский синья не долженъ быть хворъ, — весело замѣтила герцогъ Виронъ, вошедшій въ дворцовый садъ изъ боковой калитки.

При его появленіи шуты спутались и умолкли, а вельможи, окружавшіе государыню, низкими поклонами привѣтствовали его свѣтлость. Виронъ отвѣтилъ имъ кивкомъ и устылся на услужливо представленное кѣмъ-то кресло рядомъ съ императрицей. Въ это самое время Балакиревъ выбѣжалъ на лужайку.

— Кары! кары! — кричалъ онъ, наскакывая на сидѣвшихъ кучкой шутовъ, и, кружась, распустилъ надъ ними руки, какъ птичка крылья.

— Кто ты таковъ? — притворно-строго спросила Анна Голицынова.

— Воровъ, матушка.

— Куда летншь?

— Пѣтушка провѣдать. — Балакиревъ подлетѣлъ къ Голицыну и хотѣлъ его обнять, но поскользнулся и толкнулъ князя такъ пеловко, что у Квасника съ головы свалился пѣтушій гребень.

Князь зарыдалъ отъ огорченія и, размазывая слезы, зашагалъ прочь по дорожкѣ, какъ обиженный ребенокъ. Императрица приказала калмычкѣ донести его и воротить, а Балакирева графъ Аллендорфъ больно ударилъ нѣсколько разъ по спинѣ золоченой тростью.

— Старый пѣсь, — сказалъ графъ, недовѣдшій Балакирева за его шутки о нѣмцахъ: — вотъ тебѣ твой награда!

— Ой, жжется золотая палочка, жжется! — кричалъ Балакиревъ, гримасничая и кривляясь.

IV.

Графъ Аллендорфъ, какъ настоящій природный нѣмецъ, былъ въ то же время жестокъ и чувствителенъ сердцемъ. Умилять его равно могли: звуки настроенныхъ прочно клавиатуръ, видъ изрядно выращенныхъ цвѣтовъ, красивый закатъ вечерній. Исключая въ кровь слугу или выслушавъ равнодушно дикіе вопли виновныхъ солдатъ, наказуемыхъ палками, графъ Аллендорфъ могъ тотчасъ же съ нѣжными чувствами мечтать о невестѣ или сочинять для нея, упорно царшая перомъ, приторная нѣмецкія вирши.

Старый Балакиревъ во вчерашнихъ дѣлкахъ своихъ весьма вѣрно изобразилъ графа. Любимый адъютантъ Вирона, графъ Аллендорфъ являлъ собой сухопарую, надменную и прямую фигуру, съ тонкимъ угреватымъ лицомъ, длиннымъ носомъ и журавлиной походкой. Одѣвался графъ Аллендорфъ всегда по модѣ: въ широкополюй цѣтной кафтанъ съ блестящими и шитыми въ разноцвѣтные чулки; сегодня натягивалъ онъ на правую ногу красный чулокъ, а на лѣвую синій, завтра — на лѣвую пестрый, на правую — полосатый. На головѣ у графа возвышался неизмѣнно семярусный, туго-завшій парикъ съ припиленной къ нему маленькой треуголкой.

Императрица съ герцогомъ и свитой, натѣшившись игрой шутовъ, позволила удалиться во дворецъ. Графъ Аллендорфъ одивъ остался въ саду и, продолжалъ свою мѣрную прогулку, незамѣтно отдалился отъ цвѣтника. Задумчивость графа происходила отъ двухъ причинъ. Первое: смущала его холодность прекрасной невесты, фрейлины царской, Аннушки Прибыловой, а второе: видѣлъ графъ Аллендорфъ необходимость доказать вѣрность любвию свою. Зналъ онъ, что всѣ женихи дѣлаютъ презенты своимъ невестамъ, но скарденная скупость превозмогала нѣжные чувства. Поднести Аннушкѣ перстень или серьги казалось безуміемъ для скупого нѣмца, и теперь, прогуливаясь, размышлялъ онъ о томъ, какъ бы такъ удовлетворить невесту, чтобъ и для дѣла было хорошо и для кармава не трудно.

Проходя огородами, графъ замѣтилъ въ густой травѣ, подлѣ кустомъ, крупную ягоду земляники. Она будто нарочно была приготовлена для него. Огромная, спѣлая, душистая, притаилась ягода въ травѣ в нѣкла, совсѣмъ ужъ готовая опастъ.

Обезьявнымъ движеніемъ, взмахнувъ руками, графъ отщипнулъ свою бархатную шляпу отъ парика и прикрылъ ею пыльную ягоду земляники.

О, я поднесу ее Анхенъ! — молвилъ онъ вслухъ и поспѣшилъ во дворецъ вдоль грядокъ, похожіхъ издали на летящаго журавля.

Едва сухопарая его фигура исчезла, какъ изъ-за кустовъ показался рогатый парикъ Балакирева. Сморщенное мышиное лицо старика улыбалось: онъ подмигивалъ и потиралъ руки.

Бросившись опрометью къ себѣ въ каморку, старый шутъ выбѣжалъ черезъ минуту съ мѣднымъ кофейникомъ подлѣ мышки и рысью пустился къ оставленному кусту. Почти тотчасъ за нимъ съ крыльца сошла плавно Аннушка объ руку съ графомъ Аллендорфомъ.

Бѣглецы изъ Антверпена на улицахъ Остенда. Идутъ очереди въ гостиницу.

V.

Когда графъ и Аннушка подошли къ лежащей попрежнему на травѣ маленькой фиолетовой бархатной шляпѣ, влюбленный нѣмецъ всталъ на одно колѣно и, вперивъ умильный взоръ въ розовое лицо невесты, заговорилъ:

— Солнце души моей, изобильный и пресвѣтлый мой богъ! Ваше хладность меня убиваетъ изъ-подъ сердце. Но я сейчасъ любовью мою вамъ показать нѣмю. Кладите ваше амульный ручка подлѣ сей шляпы — и тамъ вы сердце мое обрѣсти найдете.

Аннушка потупилась и покраснѣла. Еще годъ не прошло, какъ мачеха привезла ее изъ подмосковной, гдѣ съ сѣнными дѣвушками рѣзвилась молодая боярышня въ горѣлки и на качеляхъ: все еще не могла она привыкнуть къ царскому двору и къ придворному обиходу. Теперь

Послѣдній воинскій потѣздъ, поникающій Антверпенъ.

Графъ упалъ на колѣни.

— Нейп... ради Богъ... я пропалъ... — задепегалъ онъ, складывая руки и готовый заплакать.

— Пропалъ ты съ глазъ моихъ, поскудникъ! И не смѣй свататься за меня, а то все расскажу царцѣ! — крикнула грозно Аннушка и тутъ же покатила со смѣху, видя, какъ долговязый нѣмецъ съ счастливымъ и глупымъ лицомъ пустился бѣжать по грядкамъ, утираясь на бѣгу щегольскимъ платкомъ. Высокій парикъ съѣхалъ на спину графу и открылъ огромную, засѣянную, какъ зеркало, на солнцѣ плешь.

— Ха-ха-ха! — заливалась счастливая Аннушка.

— Ха-ха-ха! — заворилъ ей чей-то веселый хохотъ, и въ кустахъ увидѣла она на четверенькахъ ползущаго къ ней Балакирева съ кофейникомъ въ рукѣ.

— Вотъ тебѣ и женихъ, — говорилъ старикъ, подымая на ноги и захлебываясь отъ смѣха. — Экъ какъ улепетываетъ, нѣмецкая образина! Ну, и плешь у него, нечего сказать: что твой армитажный глобусъ!

Бѣглецы изъ Антверпена, прибывшіе съ семьями въ голландское селеніе.

Великая европейская война.

1. Наблюдение съ вышки за падением артиллерійскихъ снарядовъ.
2. Битва на Марнѣ. Французскіе пулеметчики въ дѣйстви.
3. У пулемета на автомобилѣ.
4. Аэропланъ „Фарманъ“ съ пулеметомъ.
5. Германское 11-дюймовое орудіе.
6. Отрядъ воздушной эскадры.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

XLV г.

№ 47

Выходитъ ежедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. Короленко, А. Н. Майкова и Эдмонда Ростана, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложоній, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 22 ноября 1914 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XLV

1914

Атака сибирскихъ казаковъ. Рисунокъ И. Владимірова.

Содержание. ТЕКСТЫ: У Казанской. Стихотворение Сергея Городецкого. — Великая европейская война. (Хроника военных действий). — Сестры. Стихотворение Павла Орфинского. — Ночь императора. Рассказ Ю. В. Татищева. — Отклики войны. — Объявления. РИСУНКИ: Атака сибирских казаков. — Сестра милосердия при Тьерской общине, Евгения Сергеевна Митюрева. — Наступление наших войск в Восточную Пруссию (4 рис.). — Командант крепости Ивангорода генерал-майор А. В. Шварц. — Английский (австралийский) крейсер „Сидней“. — Английский (австралийский) крейсер „Чатам“. — Война с Турцией. На кавказско-турецком фронте (10 рис.). — Бельгийский блиндированный поезд. — Французский аэроплан с пулеметом. — Французская артиллерия, замаскированная конными солдатами. — Бельгийский блиндированный автомобиль. — Падшие в бою (2 портр.). — Подводная лодка (4 рис.). — Крейсер „Жемчуг“. — Германский крейсер „Эмден“. — Пожар огромных масляных цистерн в Сикли (Британская Индия). — Друскининки. Уголок парка. Родники. Друскининки теперь. Развалины сожженного немцами курзала. — Братская могила на р. Немань. — В разоренной Польше (2 рис.). — В Инстербурге (в Восточной Пруссии), захваченной нашими войсками. — В разоренной Польше. На могиле товарища. — На Галицийском фронте (7 рис.). — В штыки. — Чугунная доска с австрийским гербом, находившаяся на пограничном столбе и сорванная нашими войсками при вступлении в Галицию.

К этому № прилагается „Полное собрание сочинений Ростана нн. 5“.

У Казанской.

У Казанской Божьей Матери
Тихо тлеют огни.
Жены, дочери и матери
Къ Ней приходятъ въ эти дни.
И цветы къ Ней подножатъ
Ставятъ съ жаркою мольбой:
— Матерь-Дѣва, силой Божьей
Охрани ушедшихъ въ бой!
Надъ врагомъ побѣду правую
Дай защитникамъ Руси,
Дай сразиться имъ со славою
И отъ смерти ихъ спаси!
На крестѣ Твоемъ Сынь Единственный
За любовь Свою страдалъ,

И Его Глаголь таинственный
Къ этимъ битвамъ Русь позвалъ.
Мы воюемъ за спасеніе
Братьевъ страждущихъ славянъ,
Мы свершимъ освобожденіе
Подъяремныхъ русскихъ странъ.
Съ кѣмъ врагъ ищетъ Русь лучистая —
Врагъ и Сына Твоего.
Дай же, Дѣва, дай, Пречистая,
Нашей силѣ торжество!
У Казанской Божьей Матери
Дивно-свѣтлы вѣнныи взгляды.
Жены, дочери и матери
Передъ Ней съ мольбой стоятъ.

Сергей Городецкий.

Сестра милосердія Тьерской общины
Евгения Сергѣевна Митюрева, раненая въ сраженіи подъ Гумбиненомъ.

ной германско-австрийской армидругая генеральная атака на тот же пожелтый центр — Варшаву, повернуть разбитые и бѣгущіе корпуса на противника и попробовать вырвать у судьбы побѣду, которая никакъ не дается сама въ руки, для выполненія такого рискованнаго маневра нужно обладать недюжинной энергіей и настойчивостью. Германской главнокомандующій пробуетъ выиграть ставку битвы картами. Въ выполненіи задуманнаго сложнаго маневра ему страшно помешаетъ густая сеть германскихъ стратегическихъ жѣлѣзныхъ дорогъ, дающая возможность въ теченіе двухъ-трехъ дней перебросить нѣсколько корпусовъ съ западнаго фронта на восточный и сосредоточить ихъ въ любомъ пунктѣ расположенія.

Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію. На германской границѣ. Эйденбургъ, разрушенный и брошенный отступившими нѣмцами.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Трехнедельное преслѣдованіе опрокинутой подъ Варшавой германской арміи замерло и закончилось почти около самой германской границы. Въ глубинѣ вражеской территоріи, въ районѣ крепости Торна, нѣмцы успѣли произвести сосредоточеніе новыхъ силъ, отчасти перебросенныхъ съ бельгійскаго театра военныхъ дѣйствій, гдѣ временно всѣ германскія атаки затихли, замѣнившись однимъ артиллерійскимъ обстрѣломъ союзническихъ позицій, отчасти же сформированныхъ изъ отступавшихъ корпусовъ, пополненныхъ новыми кадрами ландвера, ландштурма и добровольцевъ сверхъ-предѣльнаго возраста.

Собранная около Торна солидная по своимъ размѣрамъ армія ринулась на линію русскихъ войскъ и произвела новый энергичный натискъ въ пространствѣ между рѣками Вартой и Вислой по направленію къ Варшавѣ. Гонимые перешли въ наступленіе, преслѣдующіе были вынуждены въ этомъ пунктѣ остановить свое преслѣдованіе и самымъ перейти къ оборонѣ. Начинать генеральную атаку въ новомъ направленіи отъ Торна послѣ того, какъ только-что была побѣдоносно отражена съ полнымъ пораженіемъ всей многомиллион-

Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію. На германской границѣ. Разрушенный вонзель въ Эйденбургъ.

Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію. Гумбиненъ.

Для того, чтобы парализовать это преимущество противниковъ, всегда располагающихъ возможностью неожиданно сосредоточить въ любой части фронта нѣсколько линійныхъ корпусовъ для начала новой атаки въ новомъ направленіи, нужно всегда имѣть въ распоряженіи въ ближайшемъ тылу значительные резервы для поддержанія боевой линіи въ наиболее угрожаемыхъ пунктахъ. Такіе неожиданные удары всегда возможны, но при должной подготовкѣ противника нисколько не опасны. Подъ натискомъ сосредоточенныхъ массъ отдѣльными частями нашей арміи иногда приходилось въ теченіе нѣсколькихъ дней и отходить, до тѣхъ поръ, пока не подоидутъ подкрѣпленія изъ ближайшаго резерва и не уравновѣсятъ соотношенія силъ въ районѣ, избранномъ для атаки, — но такой отходъ, при спокойномъ и хладнокровномъ веденіи кампаніи Главнокомандующимъ, всегда сохранить только частичный характеръ, только мѣстное и временное значеніе, не будетъ сопровождаться потерей временно отступающими частями непосредственной связи съ соседними корпусами и никогда не превратится въ опасный прорывъ центра боевой линіи.

Именно такую картину мы наблюдали въ районѣ новаго германскаго наступленія между Вислой и Вартой. Оно ни на минуту не оставило общаго наступленія русскихъ войскъ въ Восточной Пруссіи, гдѣ мы побѣдоносно проходимъ и обходимъ колючія тѣнины Матерныхъ резервовъ для поддержанія боевой линіи въ наиболее угрожаемыхъ пунктахъ. Такіе неожиданные удары всегда возможны, но при должной подготовкѣ противника нисколько не опасны. Подъ натискомъ сосредоточенныхъ массъ отдѣльными частями нашей арміи иногда приходилось въ теченіе нѣсколькихъ дней и отходить, до тѣхъ поръ, пока не подоидутъ подкрѣпленія изъ ближайшаго резерва и не уравновѣсятъ соотношенія силъ въ районѣ, избранномъ для атаки, — но такой отходъ, при спокойномъ и хладнокровномъ веденіи кампаніи Главнокомандующимъ, всегда сохранить только частичный характеръ, только мѣстное и временное значеніе, не будетъ сопровождаться потерей временно отступающими частями непосредственной связи съ соседними корпусами и никогда не превратится въ опасный прорывъ центра боевой линіи.

Именно такую картину мы наблюдали въ районѣ новаго германскаго наступленія между Вислой и Вартой. Оно ни на минуту не оставило общаго наступленія русскихъ войскъ въ Восточной Пруссіи, гдѣ мы побѣдоносно проходимъ и обходимъ колючія тѣнины Матерныхъ резервовъ для поддержанія боевой линіи въ наиболее угрожаемыхъ пунктахъ. Такіе неожиданные удары всегда возможны, но при должной подготовкѣ противника нисколько не опасны. Подъ натискомъ сосредоточенныхъ массъ отдѣльными частями нашей арміи иногда приходилось въ теченіе нѣсколькихъ дней и отходить, до тѣхъ поръ, пока не подоидутъ подкрѣпленія изъ ближайшаго резерва и не уравновѣсятъ соотношенія силъ въ районѣ, избранномъ для атаки, — но такой отходъ, при спокойномъ и хладнокровномъ веденіи кампаніи Главнокомандующимъ, всегда сохранить только частичный характеръ, только мѣстное и временное значеніе, не будетъ сопровождаться потерей временно отступающими частями непосредственной связи съ соседними корпусами и никогда не превратится въ опасный прорывъ центра боевой линіи.

Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію. Стадупененъ.

зурскихъ озеръ, и на фронтѣ Ченстоховъ — Краковъ, гдѣ рѣшается судьба послѣдней австрийской твердыни, наполовину уже обойденной русскими войсками, и въ Галицію, которую мы снова очистили отъ австрийскихъ войскъ, протнанныхъ за карпатскіе перевалы. Мы вездѣ идемъ впередъ твердо и неотступно къ намѣченной цѣли и только въ узкой полосѣ между Вислой и Вартой въ теченіе нѣсколькихъ дней подались назадъ.

Отходя передъ напорающими отъ Торна густыми нѣмецкими колоннами, мы уступили германцамъ и Кутно, и Полоцкъ, и рядъ селеній до Ленчицы, но не потеряли связи съ соседними корпусами и не позволили прорвать линію нашего боевого расположенія. Въмѣсто столь желаннаго нѣмцамъ прорыва получилась только временная вогнутость линіи. Но двинутыя къ угрожаемымъ пунктамъ подкрѣпленія изъ резерва быстро успѣли уравновѣсить наши силы съ нѣмецкими. По всей линіи германскаго наступленія произошли ожесточеннѣйшіе бои, благоприятный для насъ исходъ которыхъ опредѣлился вполне ясно.

Послѣ ряда отбитыхъ атакъ на сѣверѣ отъ Лодзи уже обозначился отходъ нѣмцевъ по всей линіи Стрыковъ — Згержъ — Шадекъ — Здунска Воля — Возники. На сѣверо-западѣ отъ Лодзи наши войска энергичной контръ-атакой сбросили наступавшаго противника около Лодзи, захвативъ тяжелую нѣмецкую батарею и 10 пулеметовъ. На линіи Ленчица — Орловъ подошедшіе русскіе полки опрокинули успѣвшихъ утвердиться нѣмцевъ и захватили въ плѣнъ два съ половиною германскихъ полка и много орудій. Очевидно, пытались обойти насъ, часть нѣмецкой арміи сама очутилась въ мѣшкѣ и была вынуждена сдаться. Сдача цѣлаго германскаго корпуса говоритъ о полномъ разгромѣ нѣмцевъ. Эта неудача тяжело отзовется для нихъ на всемъ теченіи войны, она окончательно ликвидируетъ всю наступательную кампанію германцевъ и открываетъ собою переходъ къ оборонительной зимней кампаніи. Замѣчательно, что маневръ генерала Гиндсбургга не внесъ никакого смятенія ни въ души русскаго общества ни тѣмъ менѣе въ распоряженія нашего генеральнаго штаба. Онъ

Командантъ крепости Ивангорода генералъ-майоръ А. В. Шеерцъ, блестяще оборонившій крепость и доблестно защитившій ее отъ сильнаго натиска непріятеля. За геройскую оборону крепости А. В. Шеерцъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ и произведенъ въ генералъ-майоры. (См. «Отклики войны»).

ни на один день не задержалъ нашего побѣдоноснаго вторженія въ Пруссію и Галицію, не затормозилъ обложенія Перемышля и Кракова, не остановилъ твердаго и увѣреннаго захожденія фланговъ.

Сравнительно съ событіями на русско-прусскомъ фронтѣ ходъ военныхъ дѣйствій въ Турціи не имѣетъ большого значенія. На берегахъ Вислы рѣшается судьба всей Европы, а на горныхъ перевалахъ къ Эрзеруму рѣшается развѣ только участь одной Турціи, притомъ же давно, въ сущности, уже предрѣшенная. Въ

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Отрядъ конныхъ курдовъ близъ нашей границы. (См. «Отклики войны»).

стого тумана. Мы первые замѣтили непріятеля и успѣли дать удачный залпъ изъ всѣхъ орудій по «Гебену». Удачный залпъ вызвалъ пожаръ на непріятельскомъ дредноутѣ, сбиль башни съ тяжелыми орудіями, причинилъ нѣсколько пробойвъ и тѣмъ самымъ ослабилъ его отвѣтныи огонь.

«Гебенъ» не могъ продолжать бой и предпочелъ воспользоваться быстротою своего хода. Эта морская побѣда стояла намъ очень немногихъ жертвъ и налого вывела изъ строя крупнѣйшую силу Турціи на Черномъ морѣ.

виду непроходимости въ зимнее время горныхъ дорогъ для осадной артиллеріи, мы не идемъ къ Эрзеруму и ограничиваемся только отраженіемъ турецкихъ атакъ и очищеніемъ занятыхъ областей отъ турецкихъ и курдскихъ шаекъ. Для того, чтобы затруднить снабженіе турецкой арміи по Черному морю, нашъ флотъ бомбардировалъ и уничтожилъ ближайшіе къ театру войны турецкіе порты. Въ смыслѣ обладанія Чернымъ моремъ большое значеніе имѣетъ побѣда, одержанная нашимъ флотомъ надъ дредноутомъ «Гебеномъ». Около Херсонеса турецко-германскіе крейсера были неожиданно настигнуты нашими судами, приближившимися къ нимъ подъ покровомъ ту-

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Лагерь курдской конницы.

Бой «Сидиса» съ «Эмденомъ» велся на разстояніи двухъ морскихъ миль и длился полтора часа. Пользуясь преимуществомъ въ быстротѣ хода, «Сидней» держался въ обстрѣлѣ четырехдюймовыхъ орудій «Эмдена» и разгромилъ его своими шестидюймовыми орудіями.

Крейсеръ «Кёнигсбергъ» на ряду съ «Эмденомъ» топилъ торговые пароходы въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ. Англійскій крейсеръ «Чатамъ» послѣ долгихъ поисковъ обнаружилъ крейсеръ «Кёнигсбергъ» 17 октября въ 6 миляхъ вверхъ по рѣкѣ Руфийн

Англійскій (аустралійскій) крейсеръ «Чатамъ», запершій въ бухтѣ Руфійи (въ Восточной Африкѣ) германскій крейсеръ «Кёнигсбергъ».

на о. Мафія у береговъ германской Восточной Африки. Германскій крейсеръ стоялъ въ неглубокой водѣ, а экипажъ его окончился на побережьи рѣки. «Чатамъ» обстрѣлялъ «Кёнигсбергъ» съ моря, но въ дѣтнѣ густыхъ пальмовыхъ зарослей не удалось установить размѣры причиненныхъ поврежденій. Чтобы воспрепятствовать выходу германскаго крейсера изъ рѣки, въ ней были затоплены угольщики. Такимъ образомъ «Кёнигсбергъ» какъ бы арестованъ и дальнѣйшее его каперство прекращено.

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Турецкая иррегулярная конница. Курды въ разбѣдѣ.

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Вооруженные курды.

Англійскій (аустралійскій) крейсеръ «Сидней», уничтожившій германскій крейсеръ «Эмденъ» въ Индійскомъ океанѣ, близъ порта Килинга.

Тортумское озеро въ Эрзерумскомъ еклайетѣ.

Водопадъ на р. Тортумъ-чай въ Эрзерумскомъ еклайетѣ на границѣ съ Ольтинскимъ округомъ.

Эрзерумъ. Центральная уллица.

Турчанки въ Эрзерумѣ.

Эрзерумскій еклайетъ. Озеро Тортумъ-гель въ Тортумскомъ ущельѣ близъ Ольтинскаго округа.

Чорохскій ирай. (Ущелье рѣки Арданучъ-чай близъ г. Ардануча).

Русско-турецкая война. На кавказско-турецкомъ фронтѣ.

Сестры.

Рассказ И. Кипренского.

I.

После перевязки все лежало — все палата, в которой насчитывается 20 кроватей. Не все, хотя этого и, может быть, не всем вад. Но так требуется строгий и немолчаливый по части больницы порядок и добрый, милый и готовый на все согласиться и во всем уступить, но все же частных случаях, старший врач и хирург Антон Михайлович Дреков. Таковы заведенный им порядок.

Но лежать добросовестно только трое: ефрейтор Матак, казак Забайло и татарин Кардамытов. У них есть на это причины.

У казака, впрочем, причина внешняя: строгое приказание доктора, — а то он ни за что не лежал бы. Потому что при его изумительной живости и подвижности и каком-то дьявольском темпераменте это — настоящая мука. Когда его, не вставая, не вставая, привезли сюда прямо из огня, он был, как сам о себе повествовал, «весь в дырах»: у него были раны и царапины всюду — и на руках, и на спине, и на шее, и на бедрах, а на левой ноге он не считывался цыблого мизинца, но он и в усь себя не дул и уверял, что чувствует так, как будто его «здорово покусали блохи». Но зато и заживало все это как-то неистинно по-военному. Столько жизни было в этом строении, гибком, классически сложенном, телье, и оно торопилось поскорее прийти в порядок, чтобы жить и действовать. И такая уже, должно быть, была в нем здоровая кровь.

И уже давно был на ногах, ходил по всем палатам, перешагивая со всеми ранеными и гестрами, мечтал о возвращении в полк и обиделся, что не вернется на родину раньше, чем не отправит на тот свет собственноручно по крайней мере сотню немцев. Но доктор находил, что после перевязки ему нужно лежать дольше, чем другим, и он повиновался.

У ефрейтора была всего только одна рана в плечевой области, но глубокая, с повреждением костей и очень болезненная. Странно было видеть, как этот крупный мужчина лезть тридцати пяти, с густой бородой, молодого телосложения, во время перевязки страдал и перничал, как женщина. Иногда лицо его бледнело, и он впадал в обморочное состояние. Когда же потом приходил в себя и отдыхал, то говорил своему соседу, Кардамытову:

Вот, братец ты мой, нутка-то кака. Тридцать шесть часов стоял мы в окопах и по болотам плясали, залезали по пояс в грязь, и чего только не было в сражении-то, и пер — как с гуся вода. А этого вот не могу: душа не терпит. Ей-ей, даже совместно доктору и сестрицам в глаза смотреть. Уж прямо тебе хуже всякой бабы... Ей-ей...

Что касается татарина, то его дело было хуже всех, и ему приходилось лежать все время. С неделю тому назад ему отрезали ногу, и рана после операции заживала очень туго.

Необходимо роста, тонкокостный, узкогрудый, он лежал на спине, бледный, похутивший, с бритой головой, с узким лбом и с безжизненно грустными глазами.

Остальные лежали «через гилу» только потому, что этого требовал порядок. Раны у них легки, заживали исправно и позволяли свободно расхаживать по палате, заходить друг к другу, присаживаться, болтать, забираться и в другие палаты, где лежали товарищи, и даже заходить в коридор, чтобы взглянуть на публичку с улицы и толкотню.

Все это были люди из разных войсковых частей, и раны свои получили они в различных делах. Слово кто-нибудь нарочно позавиделся об этом — они представляли тут все концы обширной России. Смуглый хохол занимал кровать рядом с белокрысым эстонцем, тут же поблизости помещался широкоплечий гигант, житель приуральской стороны, а около него ютился молчаливый, нильный и какой-то заморенный молдаванчик из Аккермана.

Говорили они каждый на своем наречии, но прекрасно понимали друг друга и чувствовали себя членами одной большой семьи.

Принесли обеденный порцион и поставили около каждого на стол. Тем, кто нуждался в помощи, помогали сиделки. Над кушаньями они не любили возиться долго. Они принесли сюда военную привычку есть быстро, между двух сражений. И так же быстро исчезла опустошенная столовая посуда.

Теперь начинались долгие, тугие часы, которые нечего было наполнить, и можно было бы помереть от большой скуки, если бы не сестры.

Утром они давали лекарства, промывали и перевязывали раны. Конечно, что и говорить, спасибо им за это. И сами собою разумеется — это главное, для того и в лазарет лежишь, чтобы заживали твои раны. И никто же так этого не делает, как сестры, и не какая-нибудь определенная, та или другая, а всякая.

Видно, они мняются — дежурить по очереди, а то какая-нибудь переходит в другой госпиталь или уезжает на войну, а на ее место приходит другая.

Но, все равно, про всех это говорится. про всех сестер:

у всех у них, нежные руки и, должно быть, чуткое сердце, которое чувствует малейшую неловкость у больного при повороте или сотрясении.

Может быть, что-нибудь и не совсем так делается, как полагается по науке, и за это их бранят. Но зато уж как приятно! Фельдшер Чумилов все делает, как следует, это и самый старший врач Антон Михайлович признает и всегда, когда бывает что-нибудь очень серьезное и сложное, ему поручают. Но руки у него точно железные, и вот уж можно сказать: чужой боли он не чувствует. Так же тебя поворачивает во все стороны, словно ты не живой человек, да еще простреленный, а полотно.

И все-таки, — вот поди же ты, как странно устроены человек, — не за это они главным образом ценят сестер. А вот когда наступают эти часы томительно-скудного больничного житья, когда все медицинское на этот день кончено — лекарства, перевязки, кому нужно — ванны, кому массаж, а другому действие разных там лучей, — много ведь теперь всякой всячины для больного человека изобретено, и когда накормили и напоили, — вот тут без сестер прямо можно пропасть.

Разговаривать друг с другом, само собою, не возбраняется, разговаривай сколько хочешь, да о чем? Ведь уже обо всем переговорили. Каждый рассказывает про свою родину — и про отца и мать, и про братьев и сестер, и про жену с детьми, коли у него есть. И о боевых делах, в которых они участвовали, и о ране, как и где получили, и как доставили в Петербург. Все это было уже рассказано всеми десятки раз и никого не интересовало, даже надоело.

И лежали они или сидели, или бродили из угла в угол, с скужающими лицами, но зная, куда дѣвать время, которого так еще много.

Но вот появлялись сестры, и все, точно железные стрелки к магниту, поворачивали лица к ним, и лица эти делались веселыми, улыбающимися, глаза светились.

Даже бедняга Кардамытов силится приподняться и хотя при этом кривился от боли, которую причиняла ему несуществующая уже нога, но улыбался и радостно кивал головой.

Как будто в эту сумрачную, тягучую атмосферу безбрежной скуки и незнания, куда дѣвать себя, вдруг вливалась струя жизни.

II.

Сестры были разные. Часто появлялись новые, в свежих халатах, в нарядных белых носынках. Они являлись на перевязки — одну, другую, а потом исчезали. Пробовали, должно быть, свои силы, но без удачи.

Бывали и настоящие, серьезные, которые принимались за дело, как следует, но их переводили в другие отделения, где не хватало сестер или открывались новые палаты. А то еще много приходило сюда учиться. Это те, которые еще не были сестры, а только готовились на них. Но они только смотрели, а если и доверяли им работу, то лишь самую простую и легкую — «дтескую», как про это говорили.

Но эти три, они были необходимы от палаты. Казалось, удалить одну из них — это то же, что разломать одну из стін здания: оно рухнет. Ведь раненые, находившиеся в палате, двух из них застали уже тут, третья пришла позже, но быстро сделалась такой же необходимой, как и те две. И они, хотя и нѣмало ирано на дежурство и отдых, были в больнице почти неотлучно: каждая, по соглашению с другими, брала себя для своих дел один день в неделю.

Палата состояла при огромной больнице, в которой было много врачей и всяких медицинских чинов и инстанций, сложная администрация и многочисленная служба. Но раненые, лежавшие в палатах, этого ничего не замечали. Им скорее могло показаться, что центром всей больницы были «их сестры», что все вокруг них вертится, им повинуются, что они-то и зорчают всей больницей.

В действительности этого, разумеется, не было. Сестры не обладали никакой властью и были подчинены чуть ли не всем остальным. Но у них, в их деятельности, было нечто такое, что заставляло так думать, это — настойчивость во всех тех случаях, когда нужно было отстоять что-нибудь для раненого.

Иногда это было пустяк, но случалось и важное. Бывали случаи, что из-за лишнего стакана молока или пары яиц приходилось затѣвать цѣлую историю. Где-то, в какой-то канцелярии или в кабинете управляющего, о которых раненые не имели понятия, по каким-то высшим соображениям, решено того-то не выдавать, а тут как раз и нужно. Больной обращается к фельдшеру, тот пожимает плечами: не его дело: к старшему врачу — разводить руками, дескать, да, нужно, необходимо, но что же он может подѣлать, если там так распорядились...

И тогда — последняя инстанция: сестра. Да, ей жалуются больной, как последнему приближенному, и она принимает к сердцу, хлопочет, стучится во все двери, просит, а где это лучше дей-

Бельгійскій блндированный потъдъ обстрѣливаетъ германскія войска на побережьи Сѣвернаго моря.

ствует — бранится, угрожает — и в конце концов — таки добивается.

Сестра для раненого, это все. Когда ему предлагают опасную операцию, на которую он может и не согласиться, и предлагать не кто иной, как старший врач, известнейший хирург, сам Антон Михайлович, — он смотрит на нее и, если на лице ее видит сочувствие, ободрение, соглашается.

Она знает, что она подумала обо всем, навела справки, обсудила.

Благодаря сестре, раненый чувствует себя в больнице, как дома. Когда его привозят, ему все чуждо, и он всего немного личит. Строгая фигура врачей и начальства удручают его. У этих людей так много работы, им некогда познаться с человеком. Они видят только рану, с ней возятся, а лица, может быть, и не замечают.

Французскій аэропланъ съ пулеметомъ.

касающихся, типа II, может быть, потому-то он и делал так.

Ирина Аркадьевна Кугасова, высокая стройная женщина лет

Французская артиллерія, замаскированная колнами соломы.

двадцати трех. Белая косынка удивительно красиво оттеняла ее иссиня-черные густые волосы. Белый больничный халат или передник придавали ей матово-смуглому лицу колорит печали. Но лицо это и без того всеми своими красивыми линиями выражало какое-то глубокое, как видно, уже пережитое и запечатлевшееся в них, горе.

Бельгійскій блндированный автомобиль на франко-бельгійской границѣ.

ВЪЧНАЯ ПАМЯТЬ

ВЪЧНАЯ СЛАВА

Капитанъ
И. А. Крестини.Капитанъ
И. С. Лопатко.Подпоручикъ
В. В. Аспелундъ.Капитанъ
Б. Д. Сохачевскій.Капитанъ
С. И. Добрынинъ.Капитанъ
А. Н. Поповъ.Корнетъ
А. А. Горянковъ.Подпоручикъ
С. И. Симанкинъ.Штабс-капитанъ
И. А. Григорьевъ.Капитанъ
С. Ф. Гончаровъ.Прапорщикъ
Р. И. Аболингъ.Ротмистръ
К. К. Фроммъ.Прапорщикъ
П. П. Назаровъ.Штабс-капитанъ
М. К. Поповъ.Капитанъ
М. В. Андреевъ.Капитанъ
В. И. Басевичъ.Капитанъ
К. Е. Белоцерковецъ.Подпоручикъ
Н. К. Семковскій.Капитанъ
В. В. Гренъ.Поручикъ
П. В. Вунчъ.Подпоручикъ
Г. Н. Базилевичъ-
Кияжеховскій.Капитанъ
И. Н. Рудановскій.Подполковникъ
С. П. Слюкѣцкій.Штабс-капитанъ
В. В. Жерве.Капитанъ
А. А. Молчановъ.

Подводная война. Роль подводныхъ минъ въ современной морской войнѣ.

1. Траалеры, либо приспособленные суда для вылавливанія минъ. Для протравливанія загражденнаго минами участка моря употребляется трааль, состоящій изъ двухъ дилетовъ, связанныхъ между собою линемъ. Зацѣпляя живую минъ, они вылавливаютъ ихъ наподобіе рыбачьей сѣти.

2. Выпусканіе минъ изъ подводной лодки.

3. Ходъ минъ подъ водою — свѣтлая полоса на водѣ указываетъ движеніе выпущенной минъ.

4. «Глазъ» подводной лодки перископъ, выдающійся на поверхности моря послѣ погруженія лодки. Онъ даетъ возможность командѣ лодки посредствомъ комбинаціи оптическихъ стеколъ видѣть все происходящее на поверхности моря.

Ея сдержанные, мягкие, изящные движения, неумолимо-прекрасная манера держаться, выбор слов и произношение их — все это говорило о том, что надъ ея воспитаниемъ усердно работали. Это такъ и было.

Прина Аркадьевна происходила изъ семьи, занимавшей видное положение въ свѣтъ, со средствами и имѣвшей княжескій гербъ и титулъ. Семья и теперь существовала и занимала свое положение, и Прина Аркадьевна жила въ ней, но сюда она вошла безъ титула, полагая, что онъ здѣсь нектати и ни на что не нуженъ.

Трагедія, которая запечатлѣлась въ чертахъ ея лица, была глубокимъ переживаниемъ самаго недавняго прошлаго. Еще годъ тому назадъ въ лицѣ этомъ сіяло счастье безъ границъ. Исторія интимнаго свойства, о которой въ свое время не безъ затаеннаго злорадства говорили въ ея кругу.

Героемъ былъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ львовъ, на которыхъ обращено всеобщее вниманіе, и которые являются желанными во всякой семьѣ, гдѣ есть свѣта, человекъ, награжденный всеми витѣнными преимуществами: красотой, огромнымъ богатствомъ, великолѣпными связями, а слѣдовательно — завидной карьерой.

Вскормленный легкими нравами и податливостью очаровательныхъ женщинъ своей среды, онъ въ лицѣ этой дѣвушки столкнулся съ глубокой натурой, способной только къ глубокому чувству. Прина Аркадьевна не понимала легкой любовной игры. Любить въ ея пониманіи значило отдать всю себя, но зато и взять всего человѣка. И такъ какъ при этомъ она обладала душой глубокой и богатой содержаніемъ, а къ тому же и красотой, то увлекла и его.

И былъ романъ, изумлявшій всѣхъ своей серьезностью и совершеннымъ отсутствіемъ въ немъ легкомыслія, которое придаетъ ликанность отношеніямъ мужчины къ женщинѣ. Но всѣ видѣли, что было большое счастье — оно сіяло въ глазахъ не только ея, но и его. Завидовали дѣвушкѣ, которой удалось такъ привязать къ себѣ или, какъ говорили, „покорить“ этого героя, который раньше умѣлъ только перепархивать съ цѣпка на цѣпоть и въ недавнемъ прошломъ считалъ за собою столько жертвъ. Говорили о предстоящемъ бракѣ, и даже въ семьѣ Кутасовыхъ готовились къ этому.

Но произошло несчастіе, котораго, впрочемъ, слѣдовало ждать. Отдала всю себя любимому человѣку, Прина Аркадьевна ни для чего не сдѣлала исключенія — изъ дѣлъ чувства ей была совершенно чужда осторожность. А для него это было желанное завершеніе пламенныхъ исканій, но ту сторону котораго уже нѣтъ ничего. И послѣдовало охлажденіе, равнодушіе и обычное для него уклоненіе отъ долга подъ разными благодѣтельными предлогами.

Для нея же это была настоящая трагедія — она не умѣла взять обратно душу оттуда, куда отдала ее всю. Но свое горе она сиротала глубоко и осудила себя на вѣчное одиночество.

Но для общества это были блестящій поводъ для пересудовъ, неисчерпаемая тема для разговоровъ по секрету, для скверныхъ выдумокъ и для злословія. Она ничего этого не слышала, такъ какъ вся ушла въ переживание своего горя и никуда не выѣзжала.

Но у нея были братья, старшіе, только сошедшіе со школьной скамьи и вступившіе въ жизнь, — человѣкъ горячихъ, быстрыхъ и безповоротныхъ рѣшеній. До него дошли гнусные толки и намеки, онъ вызвалъ героя — настойчиво, демонстративно, нарочно оставивъ дѣло такъ, чтобы тотъ не могъ отказаться, и убилъ его.

И вотъ теперь, какъ только началась война, Прина Аркадьевна Кутасова стала учиться уходу за ранеными, а потомъ поступила въ лазаретъ. Она, конечно, могла бы при своихъ средствахъ и связяхъ сдѣлать это аффектно, такъ что мнѣ ея повторяться бы въ обществѣ и въ газетахъ и было бы окружено ореоломъ героизма.

Но ей это было нужно меньше всего. Она шла по внутреннему призыву. Тотъ мѣръ, который окружалъ ее, теперь не представлялъ для нея никакого интереса. А этотъ, что открывался передъ нею, сулилъ ея обиженному сердцу такъ много поводовъ для горячей дѣятельной любви.

И онъ не обманулъ ее. Тутъ впервые послѣ катастрофы губы ея сложились въ улыбку. Когда она увидѣла людей, потерявшихъ ноги, здоровье, силы и нестерпимо страдавшихъ — не за свое личное счастье или нужду, а за родину — она поняла, какъ ничтожно было ея личное горе, и какъ мало заслуживало оно, чтобы съ нимъ возиться.

Тутъ встрѣтилась она съ Марьей Герасимовной Побѣдиной, которая своей личностью являла передъ нею цѣлый новый мѣръ, дотолъ невиданный, но по насильно представлявшійся ей чѣмъ-то евоемъ противоположнымъ тому, что она имѣла.

III.

Когда онъ встрѣтились, и Прина Аркадьевна случайно отъ другихъ узнала, что Побѣдина по профессіи актриса, она выпрямилась и вся насторожилась. Первое ихъ знакомство было холодное, даже почти враждебное. И выпало это такъ помню ихъ воли, еамо собой.

Кутасова, всю жизнь вращаясь въ опредѣленной средѣ и раздѣлявшая всѣ ея предразсудки, а всѣ другіе слои видѣвшая только издали, къ актерскому міру относилась подозрительно. Вѣдь это были тѣ, кого въ фешенебельныхъ гостиницахъ Сергѣев-

ской улицы и Англійской набережной не принимаютъ, — тотъ мѣръ, гдѣ попораны всѣ условныя приличія и презирается то, что въ ея кругу считается свинскимъ, гдѣ легко прощаются и даже поощряются то, за что въ ея кругу лопутъ къ барьеру и убиваютъ. Такое представленіе разъ навсегда составилось въ ея душѣ объ этомъ мѣрѣ.

На помощь раненымъ воинамъ, на уходъ за ними, обмываніе ихъ ранъ, облегченіе страданій она несла все свое сердце и всѣ силы. И когда она увидѣла у того же свитого дѣла женщину изъ того міра, первое слово, какое приняло ей въ голову было: „кощунство“.

Ей казалось, что женщина отсюда не можетъ быть искренна въ дѣлѣ помощи ближнему, что данъ ей это можетъ быть только забавой, развлеченіемъ, какъ и ея искусство, ея жизнь и все на свѣтѣ. А когда она вглядѣлась пристально въ лицо Побѣдиной и наблюдательнымъ взоромъ разглядѣла, что у нея слегка подведены глаза и чуть-чуть подчернены брови, то ей стало непріятно отъ сознанія, что предстоитъ работать вмѣстѣ съ „такой женщиной“ въ такомъ дѣлѣ.

Но она не высказала этого никому и съ новой знакомой обонилась по вѣжливости корректно, не отказавъ ей даже въ знакомствѣ. Все-таки не въ этомъ же было дѣло, не это главное, зачѣмъ она сюда пришла.

Тогда лазаретъ при больницѣ еще только организовался. Ей съ Побѣдиной суждено было встрѣтить первыхъ раненыхъ и принять ихъ на свои руки. Въ предварительной работѣ, въ различныхъ приспособленіяхъ онѣ сталкивались, но чисто витѣнными образами. Тутъ не было еще ничего такого, въ чемъ могли бы проявиться человѣкъ, и все это время между ними отношенія были формальныя и холодныя.

Марья Герасимовна Побѣдина сразу замѣтила, вѣрнѣе — почувствовала отрицательное отношеніе къ ней со стороны Кутасовой. И объяснила, хотя и не совсемъ правильно, но прямолинейно и просто: „княжна... Дѣвушка съ трагическимъ лицомъ... Любая драматическая героиня ухватилась бы за это лицо, какъ за превосходный мотивъ для грима... Должно-быть, претерпѣла свѣтское разочарованіе, романтическій крахъ и пришла совершать „подвигъ милосердія“... Принужденно-корректна и презрительно-любезна. Актрису, должно-быть, считаетъ печадіемъ ада, существомъ третьяго сорта и негодуетъ на судьбу за то, что стала выносить ее съ столь презрѣннымъ міромъ... Ну, и пусть... Я поставлю между собой и ею стовѣрное разстояніе“.

И поставила. И работали надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, и притомъ такимъ, которое для обѣихъ было свято, дѣлѣ взаимно другъ друга отталкивающія души.

Побѣдина была далеко не первая встрѣчая актриса. Въ театральномъ мѣрѣ это имя было одно изъ самыхъ выпуклыхъ, его такъ знали всѣ. Она занимала прекрасное положеніе. Война и связанное съ нею закрытіе многихъ театровъ нисколько не коснулось ея. Она могла въ любомъ театрѣ найти для себя почетное мѣсто во всякое время.

Но какъ-то вдругъ почувствовалось ей, что она только оскорбитъ искусство, если въ такое время, какое тогда наступало, будетъ посвящать ему свои силы. Попробовала играть на сценѣ разъ, другой — и увидѣла, что выходитъ слабо, неискренно, принужденно. Это была игра по привычкѣ, по хорошо изученнымъ приемамъ, не больше, и это не могло удовлетворить ее. Это было то, что дѣлается по нуждѣ. Обмануть публику, заставить ее вѣрить въ искренность — не трудно. А у нея не было нужды, и обмаывать она не хотѣла. А отсюда уже прямое рѣшеніе — въ лазаретъ. Она и пошла.

На сценѣ она одинаково умѣла быть изящной, тонкой, свѣтской женщиной и грубоватой мѣщанкой, въ жизни же не была ни тѣмъ ни другимъ. Театральное призваніе лежало у нея въ крови, такъ какъ она происходила изъ актерской семьи и третьемъ поколѣніи. И, конечно, она была актриса съ ногъ до головы, со всеми достоинствами и недостатками этого круга, и ей было въ высшей степени свойственно болѣзненно развитое самолюбіе, тонкое и чуткое къ малѣйшей попыткѣ задѣть его. И когда она подобную попытку почувствовала со стороны Кутасовой, то сейчасъ же, даже, можетъ-быть, въ преувѣщенномъ видѣ, отвѣтила на нее.

Вѣжливостъ у нея была привлекательная. Лицо, по чертамъ своимъ далекое отъ красоты, заключало въ себѣ что-то дѣтское, а умные большіе красивые глаза какъ-то странно, несмотря на серьезную и грустную обстановку, всегда искрились веселостію.

Но пока, въ этотъ періодъ организаціи, когда въ больницѣ не было раненыхъ, а толпились все посторонніе дѣла люди, эта веселостъ ни въ чемъ, кромѣ глазъ, не проявлялась. Марья Герасимовна проявляла дѣлительностъ и работала почти молча.

Она была довольно пыскаго роста, но нѣсколько уступала въ этомъ отношеніи Принѣ Аркадьевнѣ, очень худощавая и гибкая. Движенія ея отличались быстротой и ловкостію. Ей было двадцать шесть лѣтъ, но кожа лица ея была не такъ свѣжа. На ней, очевидно, оставили свой губительный отпечатокъ краски грима, кой-гдѣ на кожѣ лица были замѣтны шероховатости. Кромѣ того, многолѣтнее пребываніе на сценѣ, гдѣ она выступала еще въ дѣтскихъ роляхъ, приучило ее къ подчеркиванію тѣхъ или другихъ линий лица, и она уже не могла обходиться безъ того, чтобы не усилить темный цвѣтъ бровей, что было такъ красиво при

свѣтло-русыхъ волосахъ, не подвести глазъ, не припудрить щекъ. И это было у нея не кокетство, а профессиональная привычка.

Такъ онѣ, эти двѣ женщины, готовились работать надъ однимъ дѣломъ, какъ бы отвернувшись другъ отъ друга.

Но вотъ привезли раненыхъ. Это произошло въ вечерній часъ, когда уже стемнѣло, и какъ-то такъ вышло, что встрѣтитъ ихъ и принять выпало на долю одной Побѣдиной съ двумя помощницами. Прина Аркадьевна была избѣжена, но ея не оказалось дома. Она вернулась послѣ десяти часовъ и тотчасъ же пошла въ лазаретъ.

Несмотря на ночное время, палата была непривычно оживлена. Больные половины кровати были заняты ранеными. Большинство изъ нихъ послѣ осмотра и перевязокъ спокойно лежало подъ одеялами, отдыхая отъ утомительнаго перѣзда. Нѣкоторые чувствовали себя настолько уже сносно, что могли, приподнявшись на локтѣ, разговаривать другъ съ другомъ.

Но было нѣсколько тяжело раненыхъ, и среди говора и суевъ бѣгавшихъ сидѣлокъ слышались тихіе, сдержанные стоны.

Прина Аркадьевна обвела взоромъ палату. Ей пришла въ голову мысль: „здѣсь нѣтъ также и Побѣдиной. Неужели и ея не оказалось на мѣстѣ? Какъ же это ихъ приняли безъ главныхъ сестеръ, на которыхъ лежитъ вся забота? Вѣдь это было бы постыдно для нихъ обѣихъ“.

И вотъ она замѣтила около одной кровати небольшую группу людей. Знакомая сидѣлка держала электрическую лампу съ рефлекторомъ. Яркій свѣтъ отъ лампы падалъ на изголовье и отражался на лицахъ людей. Самъ старшій врачъ Антонъ Михайловичъ въ бѣломъ халатѣ стоялъ тутъ, наклонившись надъ кроватью. Рядомъ съ нимъ младшій ассистентъ съ рыжей остроколючей бородкой.

Она подошла туда, заглянула поближе. На постели лежалъ раненый. На вискѣ его была повязка, и пара женскихъ рукъ съ длинными тонкими пальцами возилась около его шеи, накладывая повязку. Больной тихо стоналъ, но лицо его было спокойное.

Кутасова на цыпочкахъ подошла съ другой стороны группы и увидѣла, что это были руки Марьи Герасимовны. Она разглядѣла также и ея лицо. Оно было все сосредоточено на работѣ. Въ глазахъ выѣсто обычной свойственной ей веселости было глубокое, упорное вниманіе.

Прина Аркадьевна хорошо знала искусство перевязки. Проходя курсы, она заставила себя изучить это дѣло добросовѣстно, много упражнялась, работая въ больницѣ, и потому ей было понятно, что Побѣдина дѣлаетъ перевязку превосходно, и при этомъ ея длинные пальцы такъ мягко накладываютъ бинтъ, такъ осторожно прикасаются къ больнымъ мѣстамъ, что раненый, повидимому, не страдаетъ и даже какъ будто чувствуетъ успокоеніе. Перевязка была доведена до конца.

— Отлично, тихо сказалъ Антонъ Михайловичъ и прибавилъ: — женскія руки для этого созданы. И мы слишкомъ мало пользуемся ими. Теперь, голубушка, — обратился онъ къ Побѣдиной: — слѣдите за температурой, на голову кладите ледъ, а завтра ужъ понемногу пулюку. А другая сестра, Кутасова, не прибывала?

— Я здѣсь, — смущеннымъ, изнивающимъ голосомъ отвѣтила Прина Аркадьевна.

— А, вотъ и отлично. Вы, значитъ, будете чередоваться. Другіе раненые почти не нуждаются въ особой помощи, имъ довольно и сидѣлокъ.

Всѣ ушли. Сестры остались вдвоемъ у постели больного. На другихъ кроваткахъ, повидимому, стали засыпать.

Кутасова подошла къ Марьѣ Герасимовнѣ, которая сидѣла на краю постели, придерживая рукой мѣшокъ со льдомъ на головѣ раненаго.

— Вы устали, Марья Герасимовна. Я помогу вамъ... — сказала она.

Та подняла на нее глаза.

— Нѣтъ, я сама... Я уже приспособилась... Ахъ вотъ что, — прибавила она: — тамъ, на восьмой кровати... Эхманъ, кажется, для него заказаны капли. Поищите въ аптеку и, если готово, дайте ему тридцать капель.

Кутасова кивнула головой и отошла отъ нея. Ей не пона-

вилась сухой и почти приказательный тонъ Побѣдиной: мелькнула въ головѣ мысль, что она какъ будто беретъ на себя главенство и разыгрываетъ старшую, тогда какъ онѣ равны.

Но она вышла изъ палаты, навела сивавки о капляхъ для Эхмана, получила ихъ изъ аптеки и подошла къ восьмой кровати.

Эхманъ не спалъ и, повидимому, ждалъ канель. Кутасова познакомилась съ нимъ. Онъ былъ еврей, но говорилъ по-русски очень правильно и почти совсѣмъ безъ акцента. Лицо его отличалось отъ другихъ блѣдностію и прозрачностью кожи. Онъ объяснилъ, что у него рана подъ мышкой, сопровождалась сильнымъ кровоизліаніемъ. Теперь уже ничего, но сердце ослабло, и нервы сильно разстроились. Капли какъ разъ и предназначались для усиленія дѣятельности сердца и успокоенія нервовъ.

Въ то время, какъ она, присѣвъ на кровати, открывала каплю, приготавливала воду въ стаканчикѣ и наливала лѣкарство, Эхманъ, видимо, очень взволнованный, рассказывалъ ей о томъ, какъ они бѣжали въ поѣздѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ Петрограда и вотъ этой покойной койки, пріятной тишины, теплоты, чистоты и свѣта.

— Ну, вотъ, — сказала Кутасова: — теперь вы должны успокоиться. Вамъ тутъ будетъ хорошо. Всѣ ваши желанія и маленькіе капризы будутъ исполняться.

И при этомъ она подняла голову и посмотрѣла на него такимъ сочувственнымъ и полнымъ желаніемъ успокоить его взглядомъ, что онъ дѣйствительно какъ-то вдругъ почувствовалъ, что ему стало легче дышать, и что нолненіе его проходитъ.

Потомъ онъ выпилъ каплю, рассказалъ Кутасовой еще что-то изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній, — уже спокойнымъ голосомъ.

— Какъ хорошо, — прибавилъ онъ: — что я могу все это рассказать вамъ, хотя вижу васъ въ первый разъ... Я, можетъ-быть, говорю пустяки, а вы слушаете...

— Я для васъ — сестра, — сказала Прина Аркадьевна: — и вы можете говорить все, какъ сестрѣ. Вамъ надо заснуть. Спите.

— Да. Благодарю васъ, сестрица. Я буду спать.

Онъ осторожно повернулся на здоровый бокъ. Кутасова встала, взглянула въ ту сторону, гдѣ былъ раненый въ шею. Побѣдина сидѣла попрежнему на краю кровати, и руки ея были вытянуты по направлению къ головѣ больного: она все придерживала мѣшокъ со льдомъ. Хотѣлось Принѣ Аркадьевнѣ еще разъ подойти и предложить свои услуги, но представилось, какъ та опять холодно посмотрѣла на нее и сказала: „не надо“.

И она не пошла туда. Тихонько обонла нѣ запятая ранеными койки и, убабипшись, что всѣ спятъ, и что сидѣлки на своихъ мѣстахъ, вышла и пришла въ комнату дежурныхъ.

Тамъ была младшая сестра. Она сидѣла на стулѣ и дремала. Ирипа Аркадьевна отпустила ее домой. А самой ей не захотѣлось даже сѣсть. Въ душѣ ея было неспокойное чувство.

Съ одной стороны, непріятно было, что, благодаря какой-то глупой случайности, она такъ поспѣшно опоздала. Сколько ужъ дней она томилась по настоящей, серьезной работѣ, къ которой готова и стромится ея душа. И вотъ Побѣдиной довелось принять первыхъ раненыхъ и нести тягосты службы при трудно-больномъ.

Но она тутъ же лонила себя на томъ, что вѣдь это же своего рода завистъ или ревностъ, которой не должно быть мѣста въ ихъ дѣятельности. Кромѣ того, какое-то внутреннее сознаніе говорило ей, что она не еоевѣмъ справедливо отнеслась къ своей товарищѣ.

Она уже успѣла убѣдиться въ томъ, что Марья Герасимовна достаточно умна и чутка и не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно ввести въ заблужденіе формальной любезностію, и она, конечно, почувствовала холодъ въ ея обращеніи.

И Кутасову мучила совесть. Вообще, она была недовольна собой. На столѣ лежала раскрытая книга, невзвѣстная кѣмъ записанная сюда. Это былъ переводъ французскаго романа. Нужно было какъ-нибудь наполнить время, и она сѣла за столъ и пододвинула къ себѣ книгу. Оказалось, что романъ зтотъ она уже читала въ подлинникѣ, и ея на нѣкоторое время развлекло сравненіе перевода съ оригиналомъ. Она видѣла ошибки, неправильную передачу смысла, неловкостъ оборотовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ Бельгіи.

Преданья Оермонитъ и Тацита рассказы

Разскажемъ о тебѣ замѣнимъ для дѣтей.

Горять въ твоихъ вѣнцѣхъ чистѣйшіе алмазы —

То слезы тайныя скорбящихъ матерей,

И яростъ алый блескъ рубиновъ драгоцѣнныхъ

Твоихъ дѣтей святая кровь!

Крестомъ сіяющимъ побѣдъ петлѣнныхъ

Вѣнчается твой вѣнчикъ — любовью.

И пурпуръ твой — святая багряница:

То пурпуръ Господа Христа.

Не ты, о Бельгія, не только ты, царина,

Поругана, распята: пролита

Съ твоею вѣстѣй вновь

Христа поруганнаго кровь.

Приди жь, о Господи, въ предѣлы страны крестовой,

Приди и виждь: страданій тяжкій сѣвъ,

Путь крестный, путь терновый,

На мѣстѣ алтаря — постыдный хлѣвъ,

Дѣтенъ поруганныхъ, разстрѣлянныхъ, нагихъ, —

Все виждь, Всевидающій. Услышь моленіе ихъ,

Замученныхъ и мучимыхъ: приди,

О Праведный, и праведно суди!

Сергѣй Дурылинъ.

Приключения Лизы.

Разсказъ Б. П. Никонова.

Хуторъ „Приволье“ стоитъ у самой границы. Арендаторъ хутора, Илья Самойловичъ Ясный, съ дочкой Лизой и сыномъ Наумомъ, жилъ здѣсь уже больше девяти лѣтъ. То обстоятельство, что въ верстѣ отъ хутора была граница, а далѣе начиналась нѣмецкая земля, никого не смущало и не казалось никому страннымъ и противостественнымъ. Люди, постоянно живущіе въ глубинѣ страны, воображаютъ о границѣ и заграничѣ Богъ знаетъ что... Но тотъ, кому привелось жить вблизи чужого народа, хорошо знаетъ, что ничего особеннаго въ томъ нѣтъ. И тамъ люди, какъ люди. И земля тамъ такая же, какъ здѣсь: тѣ же луга, тѣ же нивы и пашни. И рѣчки тамъ такіе же и трава та же самая. Это то же самое, что поселились рядомъ два сосѣда и отгородились тыномъ. Одни цвѣты съ травой отошли ко мнѣ, а другіе — къ сосѣду. Но и цвѣты и трава тамъ точно такіе же. Никакой разницы.

Люди, жившіе по ту и по другую сторону границы, чувствовали себя именно такой травой, которая только случайно попала туда или сюда. Здѣшніе жители ходили къ нѣмцамъ, нѣмцы ходили сюда. Между собой они говорили по-нѣмецки, но съ русскими умѣли кой-что сказать и на русскомъ языкѣ. А здѣшніе русскіе могли при случаѣ поговорить немножко по-нѣмецки. И самъ Илья Самойловичъ, и Лиза, и Наумъ. За границу отсюда ходили часто, почти каждый день, потому что туда было

Крейсеръ „Жемчугъ“, предательски потопленный германскимъ крейсеромъ „Эмденомъ“, подошедшимъ съ фальшивой четвертой трубой подъ русскимъ флагомъ къ Пенангу и пропущеннымъ французскими сторожевыми судами къ нашему крейсеру.

Пожаръ огромныхъ масляныхъ цистернъ въ Сингапурѣ (Британскія Индіи), причиненный бомбардировкой съ германскаго крейсера „Эмденъ“.

Германскій крейсеръ „Эмденъ“, разстрѣленный и уничтоженный въ открытомъ бою англійскимъ крейсеромъ „Сидней“. Убийца нашего крейсера „Жемчуга“ — германскій крейсеръ „Эмденъ“ послѣ трехлѣтняго разбойничьяго плаванія въ Тихомъ Океанѣ, погубившій на своемъ краткомъ вѣку нѣсколько десятковъ судовъ, былъ наконецъ изловленъ 27 октября англійскимъ (австралийскимъ) крейсеромъ „Сиднеемъ“ у о. Килинга въ Кокосовомъ архипелагѣ въ Индійскомъ океанѣ (на полупутѣ между Азіей и Австраліей), гдѣ „Эмденъ“ собирався разрушить станцію беспроволочнаго телеграфа и перерѣзать кабель. Тамъ онъ былъ постигнутъ крейсеромъ „Сиднеемъ“, который заставилъ его принять бой и, разстрѣливъ его, пригналъ къ берегу. „Эмденъ“ сгорѣлъ. Оставшаяся въ живыхъ небольшая часть экипажа, съ командиромъ крейсера Мюллеромъ, была взята въ плѣнъ.

ближе ходить за покупками. да и дѣла были у Илья Самойловича съ нѣмцами.

Дни шли за днями, какъ всегда. Стояло знойное, душное лѣто. Хлѣба поднялись плохо, травы погорѣли. Потомъ сразу настали холода и дожди, какъ будто осень не захотѣла ждать назначеннаго ей времени и, какъ злой врагъ, силой накинута на природу. Въ одинъ изъ такихъ холодныхъ дней брать Лизы, Наумъ, простудился на рыбаченьѣ и слегъ въ постель.

Самому Илья Самойловича не было дома уже два дня. Онъ уѣхалъ по дѣламъ въ уѣздный городъ. Лиза поутру принялась за хозяйственныя дѣла, но работа у нея не спорилась: ее беспокоила болѣзнь брата. Наумъ лежалъ въ жару, горѣлъ словно костеръ ночью и бредилъ.

— Ой, бѣда! — вздыхала дѣвушка. — Что я стану дѣлать? И отца, какъ на грѣхъ, нѣту дома.

— Горитъ! — стоналъ въ бреду Наумъ. — Хата горитъ!

— Ой, лихо мнѣ! Какая хата? — тревожно спрашивала Лиза.

— Не, не хата. Сердце горитъ! — поправлялся Наумъ и снова начиналъ бредить.

— Надо пойти въ Прусово, къ Сѣрому Дядѣ! — рѣшила Лиза. — Ты, Наумъ, лежи пока. Я живо сбѣгаю. Онъ скажетъ, что дѣлать, и лѣкарства дастъ.

„Сѣрымъ Дядей“ прозвали аптекаря, Франца Крейсера, въ сосѣднемъ селѣ за то, что онъ постоянно носилъ сѣрый костюмъ. Это была самая близкая аптека всего въ пяти верстахъ отъ хутора.

Лиза попросила стряпуху-Анну пригласить за большимъ братомъ, накинута на голову косынку и налегкѣ отправилась по ту сторону пограничной межи, въ знакомое село, гдѣ жили нѣмцы.

Лиза направилась тропинкой между осокорьями. Тамъ было ближе. Ее беспокоила мысль о братѣ, и хотѣлось какъ можно скорѣе добраться до аптеки Крейсера, получить лѣкарство и со всѣхъ ногъ побѣжать опять домой.

Было уже за полдень, когда Лиза миновала лѣсокъ, пересѣкла поле и вышла уже по той сторонѣ границы на знакомое шоссе. Поглощенная своими думами, она не обратила вниманія на то, что по шоссе сегодня почему-то ѣхало много возовъ, словно въ ярмарочное время, хотя до ярмарки было еще совсѣмъ далеко.

Друсеники. Уголѣкъ парка. Родники. Картина О. Клевера.

Велѣ лошадей — тоже словно на ярмарку, и нѣсколько разъ пронеслись на моторахъ, поднимая густую пыль, военные.

Въ аптекѣ было много народа, и Лизѣ пришлось ждать болѣе получаса, пока наконецъ до нея не дошла очередь. Нѣмцы и нѣмки тараторили о чемъ-то, должно-быть, очень важномъ, но Лиза недостаточно знала нѣмецкій языкъ, чтобы понять, въ чемъ дѣло. Нѣкоторые нѣмки почему-то плакали и сердились. Лиза могла понять только то, что у нихъ куда-то уѣзжали мужья и сыновья, и что вообще случилось что-то необыкновенное.

Друсеники теперь. Развалины сожженнаго нѣмцами нурзала. Братская могила на р. Нѣманѣ.

Аптекарь Крейслер, по обыкновению, въ сѣромъ сюртукѣ и весь сѣрый, словно покрытый пылью (у него были тусклое сѣрое лицо и полусѣдые сѣрые волосы), былъ разсерженъ, кричалъ на своего помощника и стучалъ по столу склянками. Увидѣвъ знакомую Лизу, онъ сердито сказалъ ей по-русски:

— А ты чего пришла? Зачѣмъ приходишь въ такое время?

— У насъ нехорошо, — промолвила Лиза: — Наумъ боленъ. Такъ боленъ, такъ боленъ!

— А что мнѣ до Наума? — кричалъ Крейслеръ. — Вотъ скоро придутъ казаки и заберутъ мою хату... Что у тебя съ Наумомъ? Говори скорѣе!

Лиза, торопясь и волнуясь, объяснила, въ чемъ дѣло. Аптекарь нахмурилъ брови, сказалъ Лизѣ, что у Наума воспаление, и далъ ей коробочку съ лѣкарствомъ. Лизѣ только это и надо было, и она торопливо побѣжала обратно домой.

Вотъ и сторожевая хибарка на шоссе. Отсюда поворотъ на знакомую тропинку — туда къ канавѣ. Изъ хибарки выскочить сторожъ.

— Нельзя, нельзя туда! — крикнулъ онъ Лизѣ. — Не ходи!

Лиза удивилась:

— Отчего нельзя?

— Нельзя и нельзя! — еще строже крикнулъ сторожъ.

— Мнѣ надо до дому!

— Не попадешь теперь до дому. Не велѣно пускаты!

— Да отчего же?

— Оттого что война!

Лиза еще болѣе удивилась. Какая война? Гдѣ она? Война — это когда солдаты скачутъ на коняхъ, какъ нарисовано на картинкѣ, и когда стрѣляютъ изъ ружей и пушекъ и убиваютъ. Притомъ война всегда бываетъ гдѣ-то далеко: вонъ въ Японіи дѣйствительно была война. Туда посылали товарища Наума, Осипа Лещенко, и Осипъ сказывалъ, что тамъ, въ Японіи, въ самомъ дѣлѣ воевали, какъ пишутъ въ книжкахъ: стрѣляли и пилихъ людей даже совсѣмъ побили. Но чтобы здѣсь, въ Яновѣ, Ковалишкахъ, Прусовѣ, была война — этого быть не можетъ! Съ какой стати?

— Брешешь, — усмѣхнувшись, сказала она сторожу.

Тотъ разсердился и махнулъ рукой:

— Ну, поди сама посмотри!

Лиза повернулась и пошла по дорогѣ, крѣпко прижимая къ груди коробочку съ лѣкарствомъ, чтобы какъ-нибудь, не дай Богъ, не обронить и не потерять. «Надо торопиться, — подумала она. — Забылась я тутъ съ глупостями, а Наумъ хвораетъ, да и отецъ, того гляди, придетъ. Некому встрѣтить отца... Разсердится...»

Лиза прибавила шагу, кутаясь въ косынку отъ пронизывающаго вѣтра. Вѣтеръ все усиливался, словно сердясь на кого-то. Онъ дулъ изъ Россіи сюда, въ измѣтчину. Лизѣ казалось, что онъ тоже не пускаетъ ее домой и что-то сердито шепчетъ ей въ уши...

За нѣсколько саженъ до поворота съ большой дороги на тропинку изъ-за придорожныхъ деревьевъ вдругъ выскочили солдаты на коняхъ. А между ними нло пѣшкомъ нѣсколько человѣкъ. Или они съ растерянными видами, понуривъ головы, а солдаты подгоняли ихъ, толкая ружейными прикладами.

И не успѣла Лиза ахнуть, какъ солдаты закричали ей по-нѣмецки: «Стой!» И когда она въ смущеніи остановилась, создать толкнулъ ее и заставилъ присоединиться къ толпѣ.

— Мнѣ надо до дому! — взмолилась она. — Пустите, ради Бога, у меня братъ боленъ!

— Марин! — крикнулъ солдатъ. И толпа потащила Лизу за собой, а кони затоптали тѣжкими копытами по пыльной дорогѣ.

Въ толпѣ людей, скатыхъ между конями, были все русскіе. Многихъ Лиза знала: тутъ былъ маляръ Тарасевичъ изъ сосѣдняго хутора, часто приходившій работать къ Лизѣ Самойловнѣ, потомъ былъ здѣсь больной и близкій сапожникъ Ицка Европа изъ Янова, затѣмъ вдова Самосудиха изъ Ковалишекъ. Лиза подошла къ нимъ поближе и стала разспрашивать, куда ведутъ ихъ солдаты.

— Охъ, ничегошеньки не знаю, — плакала Самосудиха. — Шла я до дому, а меня у самого столба поймали. «Ступай, говорятъ, опять къ нѣмцу! Война началась». А какая она такая война? Ой, анхо мнѣ!

— Какой злыый чортъ, прости мнѣ, Боже, черное слово, придумать войну? — спрашивалъ Тарасевичъ. — Честное слово, то нѣмцы, придумали, чтобы бѣдныхъ людей грабить. У насъ, въ Россіи, никакой войны нѣту. Разрази меня Богъ, если это неправда! Гдѣ это видано: ходить я сегодня въ нѣмецкую Радѣ повидать свояка. Ну, повидать свояка и пошелъ обратно. Анъ, меня и схватили. Война! А покажите мнѣ эту войну! Если вы честны люди, такъ скажите мнѣ, гдѣ она? Кто ее выдалъ?

Такъ же недоумѣвали и задавали такіе же вопросы другъ другу и остальные люди. Иные осторожно спрашивали солдатъ, но солдаты молчали, словно каменные, и вели ихъ все дальше и дальше. Ужъ давно миновали и Прусово, и Радѣ, и еще два-три нѣмецкихъ села съ высокими кирпичными и красными крышами домовъ. И пришли въ такія мѣста, гдѣ Лиза еще ни разу въ жизни не бывала. Она вначалѣ считала дорожные столбы, чтобы хоть знать, сколько верстъ проишла, но потомъ и счетъ потеряла. Хуторъ «Приволье» и село Ковалишки становились все дальше

и дальше, и когда Лиза вспоминала, что дома ее ждетъ больной Наумъ, то у нея на глаза выступали слезы тоски и досады.

У Лизы уже ныли ноги отъ усталости. Но вотъ бѣжавшее шоссе завернуло къ желѣзнодорожному пути, и пѣшнники перешли черезъ рельсы. Одинъ изъ солдатъ вдругъ словно проснулся, показалъ на станцію и ломаными русскими языкомъ промолвилъ:

— Туда приходилъ. Тамъ русска побѣхалъ на машина.

Другой солдатъ прибавилъ:

— Тамъ русска будутъ стрѣлять.

И грубо захохоталъ, словно заколачивалъ пустую бочку. Кто-то въ толпѣ испугался и заплакалъ. Лиза поняла, что солдатъ шутитъ, однако и у нея сжалось сердце.

— А что, будьте такіе добренькіе, скажите, — обратилась она къ Тарасевичу: — далеко отсюда будетъ нашъ хуторъ?

— Вашъ хуторъ? Э, спрашиваетъ тоже! Ужъ какой тамъ хуторъ!

На станціи пѣшнниковъ отвели въ темный пакгаузъ и заперли на ключъ. Къ удивленію Лизы, тамъ уже были другіе пѣшнники, и тоже все русскіе, но только изъ какихъ-то другихъ мѣстъ. Всѣ были напуганы и растеряны и говорили шепотомъ. И никто не зналъ, что съ ними будетъ дальше. Многие плакали. Плакала и Лиза. Она такъ и не могла ни у кого допытаться, чѣмъ все это кончится, и когда же наконецъ она получитъ свободу и привесетъ Науму лѣкарство...

Когда наступила ночь, пакгаузъ отперли и пѣшнниковъ вывели на платформу. Тамъ стоялъ товарный побѣздъ, состоявшій изъ открытыхъ вагоновъ. Нѣмцы грубо потащили русскихъ людей къ побѣзду и велѣли садиться въ вагоны. Паровозъ хрипло свистнулъ, и побѣздъ съ грохотомъ и визгомъ тронулся.

Лиза робко спрашивала у своихъ сосѣдей:

— Куда мы ѣдемъ?

Ицка Европа ничего не отвѣчалъ и вообще ни съ кѣмъ не говорилъ. Онъ словно помѣшался: смотрѣлъ неподвижными глазами въ одну точку, не шевелился и не понималъ, что ему говорили. Самосудиха безпрестанно плакала и стонала. Другіе тоже плакали и вздыхали и говорили: «Ой, что съ нами будетъ?» Тарасевичъ бранился.

— Куда насъ везутъ? — бормоталъ онъ. — Спроси у машинны. Она тебѣ скажетъ лучше, чѣмъ нѣмцы. Выдумали тамъ какую-то войну и везутъ, а и сами не знаютъ, куда везутъ... Захотѣли обидѣть бѣдныхъ людей и обижаютъ!

— Холодно! — жаловалась Лиза.

Сильный холодный вѣтеръ еще болѣе усиливался отъ движенія побѣзда и пронизывалъ Лизу. У нея не было никакой защиты отъ холода, кромѣ маленькой косынки. Она ничего не взяла съ собой изъ теплой одежды, потому что рассчитывала еще до вечера вернуться домой.

— Ты ложись прямо на полъ, — посоветовали ей: — лежать теплѣе.

Она легла на грязныя доски. Песокъ набивался ей въ глаза, уши, носъ. Тѣлая известковая пыль щипала глаза. А на душѣ было смутно и нехорошо. Побѣздъ грохоталъ въ темнотѣ и куда-то мчался, далеко въ сторону отъ родныхъ мѣстъ. Иногда мелькали огоньки. Огоньки свѣтили такъ же, какъ и въ родныхъ мѣстахъ, но въ нихъ Лизѣ все-таки чужилось что-то чужое и страшное. А въ стукѣ колесъ и въ визгѣ рельсовъ, по которымъ мчался побѣздъ, звучали какіе-то чужіе и страшные голоса.

Времени усталость брала свое, и Лиза впадала въ тяжелую дремоту. И видѣла около себя отца и брата, и радовалась, и въ то же время почему-то тревожилась за нихъ. И торопливо искала лѣкарство, чтобы отдать Науму, но лѣкарство терилось... Лиза никакъ не могла найти его и плакала отъ досады и тоски. Затѣмъ она внезапно просыпалась и понимала, что все это просто мерещилось во снѣ. Лѣкарство было съ нею: она нащупывала коробочку. Но зато ни отца ни брата не было, и слезы подступали ей къ горлу.

Побѣздъ останавливался на какихъ-то невѣдомыхъ станціяхъ и толпѣ подогу. Паровозъ отбѣгалъ въ сторону, катился по другимъ путямъ, пробѣгалъ съ оглушительнымъ свистомъ мимо побѣзда и сотрясалъ вагоны своей страшной тяжестью, подъ которой стонала земля.

Потомъ около побѣзда оказался другой побѣздъ, биткомъ набитый нѣмецкими солдатами. Солдаты выѣшались изъ оконъ и дверей, кричали, пѣли нестройными голосами пѣсни. Они были пьяны, и Лиза прижималась къ стѣнѣ, чтобы они какъ-нибудь не увидѣли и не обидѣли ее. Побѣздъ съ солдатами, впрочемъ, скоро двинулся, проплылъ, сотрясаясь, мимо и исчезъ въ темнотѣ. И тамъ, гдѣ онъ передъ этимъ стоялъ, показалась темная фигура съ фонарикомъ, и послышалась знакомая Лизѣ полу-польская, полу-русская рѣчь. Лиза обрадовалась, выглянула изъ вагона и спросила:

— А будьте такіе добренькіе, скажите, далеко ли хуторъ «Приволье»?

— Не вѣмъ! — отвѣтилъ челоѣкъ съ фонарикомъ и махнулъ рукой, точно его спросили Богъ знаетъ какую глупость.

— А село Ковалишки далеко отсюда?

— Не вѣмъ! — повторилъ челоѣкъ и отошелъ въ сторону. Лизѣ стало еще грустнѣе. Здѣсь не знали даже, что такое Ковалишки. Куда же наконецъ привезъ ее и ея спутниковъ безжалостный нѣмецкій паровозъ?

Рано утромъ, послѣ мучительной ночи, побѣздъ пришелъ на какую-то большую станцію. Лиза съ тяжелой головой, словно въ мутномъ снѣ, видѣла множество вагоновъ — снова съ солдатами, безконечные побѣзда, груженные какими-то машинными въ чехлахъ, видѣла вагоны съ лошадами... Солдаты были и на платформѣ и вездѣ, куда ни поглядишь...

Лизу и ея спутниковъ стали выгонять изъ вагоновъ. Куда прѣхали? Что здѣсь было такое? — ничего этого Лиза не знала. И никто не зналъ ничего. Оипъ ихъ окружили молчаливые и тупые, двинувшіеся, точно заведенная машина, нѣмецкіе солдаты и куда-то повели. Лиза старательно прятала заѣвную коробочку съ лѣкарствомъ. Долго шли по рельсамъ, какими-то обходными путями, мимо пакгаузовъ, казармъ и станционныхъ зданій и наконецъ привели въ какой-то подвалъ и съ ругательствами втолкнули туда всѣхъ.

Въ этомъ громадномъ и полутемномъ подвалѣ, освѣщенномъ лишь матовыми толстыми стеклами въ

Въ разоренной Польшѣ. Среди развалинъ Калиша.

потолкѣ, уже была новая компанія русскихъ. Во всѣхъ углахъ сидѣли прямо на грязномъ полу мужчины, женщины и дѣти. Здѣсь былъ всякій народъ: и простые люди, и господа, и рабочіе въ потертыхъ пиджакахъ и косовороткахъ, и барыни въ шляпкахъ съ перьями. Дѣтей было очень много. Дѣти плакали и просили пить и ѣсть.

Лиза опустилась на полъ рядомъ съ какой-то дамой съ маленькой дѣвочкой. Дама показала ей попроче и подобрѣ другихъ, и Лиза робко завела съ нею разговоръ.

— Далеко ли село Ковалишки? — спросила она.

Дама вздохнула:

— Не знаю, милая, никакихъ Ковалишекъ. Я сама изъ Кіева. Жили мы у нѣмцевъ спокойно, лѣтились на водахъ, да вдругъ и разразилась эга война. Никто

Въ разоренной Польшѣ. Деореецъ Морильскаго-Луцескаго въ Ленчицахъ послѣ германской бомбардировки.

ничего не ожидалъ, побѣжали всѣ, сломя голову. Да, говорятъ, теперь и побѣдовъ въ Россію совсѣмъ не даютъ. А нѣмцы такіе грубые сдѣлались, просто ужасъ!

Другіе господа и дамы стали въ одинъ голосъ бранить нѣмцевъ. Разсказывали, что на станціяхъ нельзя было достать ни ѣды ни питья. Говорили, что нѣмцы насмѣхаются надъ русскими и даже ѣдятъ ихъ.

— А гдѣ же мы теперь-то? — спросила Лиза.

Кіевская дама назвала какое-то мудреное имя. Лиза все равно не поняла, далеко ли это отъ Россіи. Но кого она здѣсь ни спрашивала, далеко ли отсюда Ковалишки и Яново, никто не зналъ такихъ селъ, не зналъ никто также и Прусова, точно эти села были гдѣ-то совсѣмъ въ иномъ мірѣ, а не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жила Лиза.

Къ вечеру въ подвалѣ заглянули нѣмцы — толстые, съ торчащими усами, затянутые въ мундиры, гордые и прямые, какъ жерди. Всѣхъ русскихъ выстроили словно солдатъ въ ряды, стали спрашивать паспорта и ругались. Потомъ, старшій нѣмецъ махнулъ рукой и ушелъ, а другіе скопомандовали что-то, и русскіе потянулись съ узлами и чемоданами изъ подвала опять на свѣтъ Божій.

— Что же теперь съ нами будетъ? — спросила Лиза.

Тарасевичъ очутился около Лизы. Скуластый, съ почернѣвшимъ отъ пыли лицомъ, съ растрепанной бородой, онъ шелъ, переваливаясь съ ноги на ногу, и сердито говорилъ:

— Спрашивалъ я русскаго господина... Говоритъ, нѣмцы насъ къ себѣ повезутъ. На черную работу погавятъ — картошку копать. И пановъ и простыхъ людей, безъ разбору. Нѣтъ, ужъ это извините! Не желаю я на нѣмцевъ работать!

Лиза молчала, крѣпко прижимая коробочку, чтобы не потерять. Тарасевичъ продолжалъ:

— Смотри, что дѣлается: сколько народу православнаго забрали! Сказываютъ, тутъ между людьми есть великіе наны. Видно, конецъ свѣта пришелъ. Ловкачи нѣмцы! Хотятъ всѣхъ въ батраки попернуть! Нѣтъ, это ужъ душно! Ужъ больно жирно будетъ такую громаду русскихъ людей забирать!

Ицка Европа излеза тоже рядомъ съ Лизой, еле переступая кривыми больными ногами. Онъ все молчалъ, какъ неживой, и глаза у него глядѣли, какъ у неживого. Лиза замолвила ему ласковое словечко. Онъ только застоналъ въ отвѣтъ и заговорилъ

Въ Инстербургѣ (въ Восточной Пруссіи), занятомъ нашими войсками. Парадъ войскамъ.

что-то совсем непонятное — тихое и печальное, точно ручей за журчал.

Русских привели на железнодорожную платформу и велели тут дожидаться поезда. И долго стояли русские путники под открытым небом: поезд все не было. Пошел дождь, укрыться было негде. Дети прятались под платье к матерям. У кого были зонты, отдали больным и слабым. Лиза едва держалась на ногах от усталости и голода. Она со вчерашнего утра ни чего не ела. Но нечего было и думать достать здесь какую-нибудь еду...

Наконец подполз, как длинная змея, громахонный поезд. И почти весь поезд уже был полон пассажиров. Толпа хлынула в вагоны словно на приступ. В давке матери теряли детей, женщины кричали, падали в обморок, и толпа несла их на своих плечах, не давая опуститься на землю. Лиза, стиснутая в толпе, на смерть перепуганная, горько плакала, не зная, что с ней теперь будет. За нее уцепилась маленькая девочка, дочка киевской дамы, и тоже рыдала: она потеряла мать. А немецкие офицеры и солдаты кричали сзади:

— Скорее садитесь! Скорее! Не то будем стрелять!

Солдаты безцеремонно подталкивали толпу безумевших от отчаяния людей ружейными прикладами. Лиза от ужаса потеряла сознание. У нея все помутилось в голове. Как сон, припоминала она потом, что какой-то добрый человек из вагонов сжал ее над собой, протянул ей из окна руки и протолкнул ее через окно внутрь вагона. За нею таким же способом втащили и киевскую девочку. Мать у нея так и не отыскалась.

Несмотря на то, что русских так торопили садиться в вагон, поезд еще долго стоял на месте. Опять мимо него проходили поезда с солдатами. Лиза казалось, что весь мир кругом полон этими солдатами.

А поезд был полон русскими. На нем и раньше ехали русские люди. Поток их все разрастался и разрастался...

Весь кругом говорили о войне.

Лиза должна была верить на слово людям, когда все они упорно говорили, что случилась война. И хотя настоящей войны, какую она ее себе представляла, Лиза так и не видела нигде, но ей начинало казаться, что в самом деле случилось что-то необыкновенное и страшное в мире.

Поезд тащился все медленнее и медленнее мимо неизвестных Лизе немецких городов и селений. Страшно было подумать, сколько уже верст прошла Лиза по немецкой земле, все дальше и дальше от Ковалишек, а между тем все еще куда-то везли. Неужели их в самом деле привезут в самую глубь немецкой и заставить работать на немцев? Работы Лиза несколько не боялась, но ее огорчало до слез, что она так и не увидит Наума и отца.

В вагон, куда попала Лиза, было столько набито людей, что даже шевелиться было трудно. Люди сначала стояли на ногах, но потом изнемогли и повалились на пол, кто как стоял. Лежали в страшной тесноте, почти друг на друге, поджимая ноги, чтобы дать друг другу место. Девочка, потерявшая мать (ее звали тоже Лизой), плакала до тех пор, пока у нея оставались слезы, а потом заснула, прижавшись к большой Лизе. В вагон на каждой площадке стояли немецкие солдаты с ружьями и грозилась стрелять в каждого, кто осмелится выглянуть в окно. Иногда пьяные солдаты пролезали в тесноте через вагон и наступали на лежащих людей, посмеваясь над ними. Какой-то очень важный русский господин, бывший

здесь в вагон в такой же тесноте и муке, как и остальные пассажиры, сердился на солдат и что-то кричал им по-немецки. На одной станции, где в окнах мелькало очень много голубоватых электрических фонарей, и где поезд стоял очень долго, в вагон пришли немецкие офицеры и приказали солдатам взять важного русского господина и вывести его на станцию. Потом уже никто из русских путников не видел его: господина так и не вернулся в поезд. И люди со страхом шептались, что немцы убили его.

Ни пить ни есть попрежнему не давали. Только два-три раза к окнам вагона пробирались немецкие ребята и тайком приносили воду и хлеб. Русские с радостью платили, как заботила Лиза, большие деньги ребятишкам. Лиза потом с ужасом видела, как на платформе немецкий офицер поймал мальчишку, вырвал у него из рук кувшин с водой и разлит воду, вырвал и кошелек с деньгами, а самого мальчишку прибил по щекам и швырнул, как щепку, с платформы вниз под вагоны.

— Не смей давать ничего русским свиньям! — кричали они, как бешеный.

Поздно ночью на другой большой станции в вагон вломился немец и стал грубо гнать всех пассажиров вон.

Лиза решила, что дальше уже не поехать, и, несмотря на неизвестное и страшное будущее, ей стало легче при мысли, что ковчег дорожные тягости. Русские выжили из вагонов, и только тут Лиза увидела, как много их было в поезде, и как разнообразны были все эти русские плетники. Можно было бы составить из всех этих людей целый город в род Ковалишек или Янова.

Немцы выстроили всех на платформе. Загрохотали тяжелыми сапогами по платформе солдаты, окружили плетников и командовали идти.

И вся громадная толпа тронулась куда-то по темным улицам неизвестного Лизе города. Тьма, прорванная огнями фонарей, словно втягивала в себя русских людей, и Бог знает, что ждало их там, в этой тьме, где кончались вереницы зеленых огней...

Солдаты подгоняли толпу, заставляли идти как можно скорее, почти бегом. Лиза еле бежала, чувствуя, что вот-вот упадет. Рядом с нею торопливо шагала Тарасевич с маленькой Лизой на руках (мать у нея так и не нашлась); Лиза изволнованно спрашивала Тарасевича, куда приехали, и близко ли Россия, и что теперь с ними будет. Но тот, залыхавшись от быстрой ходьбы, только отдувался и сердито говорил:

— Ничего я не знаю! Убей меня Бог, ничего не знаю! Люди говорят, будто нас будут стрелять, как куропаток. Да я не вбрю. Брешут! Смешаются проклятые немцы. За что нас стрелять?

— А какой здесь город?

— А Бог его знает. Много городов на проклятой немецкой земле!

Долго, бесконечно долго бежали русские по улицам, подгоняемые солдатами. Точно какой-то темный поток струился во тьме улиц. И поток этот роптал и шумел и гремел своими стонами, жалобами и проклятиями. Люди стонали, задыхались от скорой ходьбы. Какой-то старик упал — солдаты стали его бить. Он поднялся и опять повалился бездельно на землю. Его куда-то оттащили в сторону, и Лиза больше не видела его.

Наконец живой, стонущий, избиваемый поток людей остановился. Щелкнул запор у ворот, завизжали желтые затворы и цепи, и плетники стали втягиваться друг за другом в узкие полукруглые ворота под домом.

В разоренной Польше. На могиле товарища.

Австрийский зарядный ящик, разбитый бризантным снарядом.

Австрийские орудия, взятые после боя у м. Горедна.

Осмотр проволочного мостика перед прохождением войск.

Переход через реку по проволочному мостику.

Наши саперы строят мост через ручей, после того как австрийцы взорвали плотину.

Смотр войск дивизии на поход.

Господская усадьба, разграбленная местными жителями-венгерцами (обычная картина в Галиции).

На Галицийском фронте.

— Куда это нас привели? — говорили кругом. — Что это такое? Вѣдь это тюрьма!

Да, это была тюрьма. Настоящая тюрьма — угрюмая, холодная, как громадный каменный ящик, с маленькими рѣшетчатыми окнами. Внутри были длинные, промозглые, темные коридоры, гдѣ еле горѣли тусклые огни, словно подернутые темным налетом. Звенѣли желѣзные рѣшетчатые двери, пересѣкавшія коридоры, гулко гремѣли шаги тюремной стражи. Откуда-то сверху по узкимъ и тонкимъ, какъ паутинки, желѣзнымъ лѣстницамъ сбѣгали внизъ сторожа со связками ключей.

Русскихъ привели въ грязную и пыльную контору и тамъ разсортировали: мужчинъ отдѣлили отъ женщинъ и развели всѣхъ по разнымъ камерамъ.

Лиза очутилась въ маленькой кельѣ съ окномъ у самого потолка. Въ кельѣ были голыя стѣны, выкрашенные въ грязно-желтую краску, привычная къ стѣнѣ узенькая желѣзная койка, табуретъ и столъ, изрѣзанный ножомъ, словно школьная парта. Келья была назначена для одного человѣка, но нѣмцы посадили сюда вмѣстѣ съ Лизой еще двухъ женщинъ — незнакомыхъ Лизѣ евреекъ, даже не говорившихъ по-русски, съ грудными дѣтьми. Койку не отвѣтили отъ стѣны для сна, но бросили на всѣхъ трехъ женщинъ небольшой спятокъ соломы. Поставили кувшинъ съ водой, чему Лиза обрадовалась всего больше. Вообще ей не показалось здѣсь черезчуръ плохо: она была рада протянуть усталыя ноги и не стѣнялась тѣмъ, что приходится лежать прямо на полу, на пыльной соломѣ, бока о бока съ неизвѣстными женщинами. Дѣти все время плакали и плакали, но и это не беспокоило дѣвушку. Ее тревожило лишь то, что съ нею будетъ дальше, и когда же наконецъ она попадетъ къ себѣ на хуторъ. А еще больше она беспокоилась о Наумѣ и объ отцѣ. Что дѣлается сейчасъ у нихъ? Вѣроятно, они горюютъ о ней и не могутъ взять въ толкъ, куда она дѣвалась. А если имъ и скажутъ, что ее забрали нѣмцы, то печаль у нихъ ничуть не уменьшится... Это волновало и тревожило Лизу, и она нѣсколько разъ принималась горько плакать, пока не уснула отъ усталости и слез...

Все дальнѣйшее она потомъ припоминала, какъ въ туманѣ.

Ей все было непонятно. Зачѣмъ ихъ везли куда-то въ неведомый мѣста, вмѣсто того, чтобы отправить въ Россію? Зачѣмъ мучили, подвергая тѣснотѣ, духотѣ, голоду и жаждѣ? Зачѣмъ насѣхались, зачѣмъ били и грозились каждую минуту убить, такъ что многіе замирали отъ ужаса и долго не могли прийти въ себя? Зачѣмъ се посадили въ тюрьму, словно преступницъ, хотя Лиза не совершила никакого, даже самого маленькаго, преступленія, какъ не совершили преступленія и дѣти, тоже впернутыя въ тюрьму? И никто изъ окружающихъ не могъ толкомъ объяснить ей этого, и всѣ твердили только одно:

— Война!

Лизѣ говорили, что гдѣ-то тамъ, вдали, нѣмцы дрались съ русскими. Люди перестали ходить другъ на друга, какъ цвѣты и трава, растущіе на смежныхъ дворахъ. Люди сдѣлались какими-то особенными, чуждыми другъ другу и озлобленными. И сюда, въ

Мать.

Въ субботу, каждый разъ, когда звонятъ къ вечернѣ, Она идетъ туда, гдѣ въ сумеркахъ поникъ На мраморномъ крестѣ въ вѣнкѣ пѣзъ жгучихъ терній — Знакомый сердцу съ дѣтства — нѣжно-блѣдный ликъ... Она идетъ въ соборъ. Струится ладанъ синій... Какъ вздохъ заката, миль ей гимнъ съ высокихъ хоръ... Она сама — закатъ... Убралъ прическу иной. И тусклъ, какъ искра льдинъ, ея печальный взоръ... На матовый асфальтъ, на голыя ступени, На паперть у креста склониться дремло нипъ Вскутъ ее привычно дряхлыя колѣни... И слезы — жемчугъ росъ на бархатѣ рѣсницъ... Въ ея глазахъ теперь враждуетъ миръ съ тревогой. «Благославенъ, Господи!..» — звенитъ прощальный зовъ... Она идетъ домой безрадостной дорогой, Твердя молитвенный порядокъ скорбныхъ словъ. Въ покинутой квартирѣ жизнь ея — пустыня... Изъ сердца упорхнулъ навѣки свѣтлый сонъ... И неотступно зовъ тревожныхъ мыслей звонъ... Вернетъ ли ей судьба единственнаго сына?

Сестра.

Мерцанья черныхъ глазъ — тревожны въ пѣрстой рамѣ Ея взволнованныхъ прическою волосъ... И это потому, что долгими ночами Пытаеть ихъ красу жестокой приступъ слезъ... Она пришла къ больнымъ пѣзъ стѣнныхъ комнатъ барства, Гдѣ властвовалъ уютъ, визиты, долгій винтъ... И запахъ свѣжихъ розъ смѣнили ей лѣкарства... И ворохъ яркихъ лентъ смѣнилъ ей — скромный бинтъ... Женихъ ея въ огнѣ передовыхъ позицій, Гдѣ пламенемъ объять широкий небосклонъ... Она пришла не дать шакалу или птицѣ Жестоко осквернить его геройскій сонъ... Уже четвертый день, какъ нѣтъ о немъ извѣстій... Быть-можетъ, онъ въ пѣлну... Быть-можетъ, заболѣлъ... А можетъ-быть... забылъ... о преданной невѣстѣ... Или... похороненъ подъ тучей мертвыхъ тѣлъ... Свѣтаеть. «Красный Крестъ! Вотъ — эхо каждой битвы!» — Слетаеть у сестры печально съ тонкихъ губъ. Она спѣшитъ на зовъ, полна нѣмой молитвы. И по пути, въ слезахъ, цѣлуетъ новый трупъ...

Павелъ Орѣшниковъ.

Ночь императора.

Рассказъ Ю. В. Татищева.

Старый императоръ не спитъ. Въ сущности, онъ давно отвыкъ отъ сна. Уже лѣтъ двадцать, какъ онъ отдаетъ ему не болѣе чѣтырехъ-пяти часовъ своей ночи. Это естественно, — старость. Въ этомъ можно усмотрѣть даже мудрость природы: когда голова бѣлѣетъ, какъ снѣга Штейнхаха, шея начинаетъ трестись, а кожа на холодбующихъ ногахъ шуршитъ, какъ старый пергаментъ, — нельзя на сонъ тратить много времени.

Ночь мучительно безконечна. Неприятно полна непроницаемымъ мракомъ обширная комната. Онъ дышитъ, этотъ мракъ. Дышитъ

еще неприятнѣе: нестерпимыя тѣни ступаютъ въ углахъ, въ складкахъ драпировокъ, за мебелью; онъ начнуетъ принимать знакомыя очертанія давно забытыхъ, заглушенныхъ въ совѣсти образовъ. Нѣтъ, не надо спать!

Затекали старыя ноги. Какъ ни положишь ихъ — все неудобно. Если встать, походить и потомъ быстро лечь, онъ сразу приметъ надлежащее положеніе. Рука поднимается кверху и привычнымъ движеніемъ нащупываетъ шнуръ отъ оконной занавѣсы. Тяжелая матерія раздвигается съ сухимъ шелестомъ, открывая стекла

Въ штыки. Рисункъ И. Владимірова.

ровне, глубоко, тяжело. Точно въ складкахъ дверной занавѣси спрятался кто-то и слѣдитъ зоркими, видящими въ темнотѣ, глазами за старымъ императоромъ, но съ трудомъ сдерживаемое громкое дыханіе выдаетъ его. Конечно, это только разстроенные нервы. Никто не можетъ пробраться сюда. Рядомъ съ уборной спитъ старый, преданный оберъ-камердинеръ (вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ онъ помѣщается на ночь тамъ), черезъ коридоръ въ аррьеръ-залъ — парные часовые.

Боги, усталъ, надо повернуться на другой. Глухо промурлыкало одѣло, слабо зазвенѣла пружина въ матрацѣ, кто-то задыхался скорѣе и прерывистѣе. Не зажечь ли свѣтъ? Нѣтъ, при немъ

окна. Лунный свѣтъ, видимо, только и ждалъ этого. Сразу цѣлымъ потокомъ влился онъ въ комнату, отпечаталъ на полу переписъ рамы, выхватилъ изъ темноты золоченую лапу грифа, поддерживающую сидѣнье кресла. Кто-то пересталъ дышать, стало легче.

Императоръ спустилъ изсохшія ноги съ лиловыми жилами и восковыми желтыми ногтями и медленно, устало, шаркая туфлями, подошелъ къ окну. Широкая, усталаяя ропными каменными плитами, площадь внутренняго двора пуста и отъ этого кажется еще обширнѣе. Залитая луннымъ свѣтомъ гаунтахта точно варисована на фонѣ сѣрой стѣны; вынуло чеканится ея пестрый барьеръ, звѣздочкой свѣтится какая-то точка на колоколѣ. Вдоль

Чугунная доска съ австрийскимъ гербомъ, находившаяся на пограничномъ столбѣ и сорванная нашими войсками при вступленіи въ Галицію. Эта реликвія былого австрийскаго владычества въ Прикарпатской Руси доставлена въ Петроградъ. гдѣ будетъ помѣщена въ одной изъ военныхъ музеевъ.

жествующаго врага", — подсказываетъ ему всезнающій отъ долгаго опыта умъ. Конечно, бѣгутъ, что бы ему ни твердили. Галиція уже затаплиена русскими войсками. Они спускаются съ Карпатъ и неудержимо идутъ къ Будапешту: скоро дойдеть очередь и до Вѣны. Придется оставить этотъ дворецъ и прятаться въ Тиролискихъ горахъ...

Что это? Опять! Рѣзкимъ холодомъ охватило вдругъ ослабѣвшія, подогнувшіеся плечи, во всемъ тѣлѣ явилась противная разслабляющая пустота, и опять, опять заглохло въ усталомъ мозгу все то же, отъ котораго некуда дѣваться, слово: — расплата.

Въ постель, скорѣе въ постель, какъ она ни опрокинула!.. Расплата, — и не надо спрашивать, за что. Развѣ вся его долгая, залитая кровью родныхъ и подданныхъ, жизнь не служила отпѣтомъ на этотъ проклятый вопросъ? Скорѣе задернуть занавѣсы: ве надо этого свѣта. Онъ заглядываетъ въ душу. «А въ ней слышнкомъ много мрачныхъ тайниковъ, куда нельзя пропустить ни одного луча. О, слишкомъ много, и что только не погребено на днѣ ихъ!

Но если комната снова погрузилась въ глухой мракъ, то нестерпимо яркимъ свѣтомъ вспыхнули воспоминанія, и одинъ за другимъ, сначала медленно, затѣмъ быстрѣе и наконецъ вихремъ понесли образы прошлаго. Такъ недавно и такъ трагически погибшій его наслѣдникъ, бѣдная, кроткая, замкнувшаяся въ свою безысходную печаль, жена, которую такъ боготворилъ народъ, и отъ которой онъ равнодушно отвернулся съ самаго начала ихъ супружеской жизни; залитый кровью трупъ его единственнаго сына, вся эта кошмарная цѣпь насильственныхъ смертей, обвившаяся вокругъ его трона. Проплываютъ мимо мучительные образы. Но на смѣну имъ появляются другіе: тысячи расгнѣванныхъ въ припадкѣ злобной мстительности венгерцевъ, голыи замученныхъ въ тюрьмахъ и казематахъ наполняютъ императорскую опочивальню; они выходятъ изъ утробы, выглядываютъ изъ складокъ занавѣсовъ и полагаютъ кроваті: они киваютъ окровавленными головами, протягиваютъ къ императору блѣдно-восковыя руки...

Если разсудокъ не окончательно затемненъ ужасомъ, то съ нимъ все же еще можно справиться. Нужно напрячь послѣдніе остатки воли, нужно вспомнить о государственной необходимости и объ интересахъ династіи — и рои призраковъ разбѣгется, какъ утренній туманъ, и исчезнетъ. Но есть одинъ образъ, отъ котораго нельзя этимъ отдѣлаться, и котораго ничто въ мірѣ не можетъ пгнать изъ памяти. Кажется, когда императоръ будетъ лежать въ гробу, въ окѣеннѣшемъ мозгу сохранится его отпечатокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ разразилась эта проклятая война, онъ неотступно пресѣдуетъ стараго императора.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Неотразимый, какъ судьба, неизбежный, какъ смерть, и, какъ она же, безпощадный, встаетъ передъ нимъ давно лежащій въ могилѣ Русскій Императоръ... Изъ-подъ морморнаго высокаго лба, переходящаго въ лысину и съ боковъ обрамленнаго темнорусыми волосами, въ упоръ глядятъ немигающіе свѣтло-голубые глаза: въ складкѣ некрупныхъ, чуть прикрытыхъ небольшими усами, характерно очерченныхъ губъ залегло выраженіе горькаго презрѣнія: высокій жесткій воротникъ давно забытой формы генеральскаго мундира, поднимая голову, подчеркиваетъ это выраженіе. Таковъ онъ былъ шестьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда въ Варшавѣ въ Лазенковскомъ дворцѣ старый императоръ, тогда восемнадцатилѣтній юноша, съ трепетомъ вручать въ его руки судьбы своего государства и своей династіи. Онъ видитъ, — и остатки сѣдыхъ волосъ на головѣ поднимаются отъ холоднаго ужаса, — какъ медленно начинаютъ шевелиться и раскрываются эти губы. Онъ слышитъ, какъ незабытаемый голосъ тихо говоритъ, но каждое слово бьетъ тяжелымъ молотомъ: „ты помнишь, Францъ?“ И скорчившійся подъ отбѣломъ изсохшій старикъ не можетъ, не смѣетъ не пролепетать помертвѣлыми губами: „помню“.

О, да! Онъ слышнкомъ хорошо помнитъ, гочно это было вчера, какъ онъ умолялъ о помощи вотъ этого самаго Русскаго Царя. Онъ помнитъ, какъ клялся въ томъ, что его признательность будетъ вѣчна, и что въ нужный часъ онъ докажетъ ее не словомъ, а дѣломъ: какія полныя искренности и огни находятъ онъ выраженія, чтобы убѣдить Императора! Онъ помнитъ, эту больщущу, съ длинными блѣлыми пальцами, руку, которая во время его рѣчи разсѣянно трогала то вторую, то третью пуговицу на дѣтскаго на Царѣ мундира. Помнитъ онъ и то, какимъ открытымъ жестомъ протянулась къ нему эта рука, сопровождаемая дружескимъ взглядомъ этихъ стальныхъ глазъ.

Невыносимо яркимъ свѣтомъ закигается въ памяти картина другаго свиданія съ Русскимъ Царемъ. Австрія спасена, возвращенная ей русскими войсками Венгрія покорно ждетъ своей участи: онъ бѣдетъ благодарить Русскаго Государя, которому онъ всецѣло этимъ обязанъ. Старый императоръ и сейчасъ не можетъ отнять себѣ отчета въ томъ, какъ и почему онъ не ограничился при этомъ свиданіи одними словами признательности. Можетъ-быть, слышнкомъ фальшивымъ звукомъ вырвался изъ его неблагодарной груди эти слова, и нужно было загладить произведенное ими впечатлѣніе, но невольно сислонилась гибкая шея, и безотчетно прижалъ онъ губы къ спасшей его груди. О, какъ онъ помнитъ этотъ жестъ — какъ ему показалось — плачущія и безразличности, съ которыми рѣзко дернулась наладъ эта гордая рука. Можетъ-быть, на одно короткое мгновеніе доверчивый русскій богатырь почувствовалъ, что это — пощадъ Іуды.

Вспоминанія же до конца! Воскресн въ памяти и самую черную страничку, которую ты безгренетно внесъ въ твою будущую біографію. Черезъ пять быстро промелькнувшихъ лѣтъ ты снова въ той же Варшавѣ и снова бесѣдуешь съ Русскимъ Царемъ. Императоръ Николай таковъ же, какъ и прежде: такъ же властно звучитъ его голосъ, такъ же гордо поднята голова, и развѣ только гдѣ-то въ глубинѣ глазъ, въ складкѣ между бровей затаилась тѣпательно скрываема тревога. Но ты уже не тотъ. Еще старательно скрываешь ты охватывающую тебя при мысли о трудномъ положеніи твоего благодѣтеля радость, но она уже свѣтится и прыгаетъ въ лицемѣрно бѣгающихъ глазахъ. Только теперь прочесть въ нихъ правду Императоръ Николай. Только теперь съ безпощадной ясностью уразумѣлъ онъ, что впага, которую ты выронилъ, и которую онъ самъ вложилъ въ твои трусливыя руки, направлена ему въ спину. „Ты помнишь, Францъ?“ — „О, помню, помню!.. Пощади!..“

Но пощады нѣтъ и не можетъ быть. Мыслимо ли уйти отъ самого себя! И тотъ же незабываемый голосъ, котораго ничто въ мірѣ заглушить не можетъ, продолжаетъ звучать въ его ушахъ. Не первое и не послѣднее было это твое преступленіе. О, ты не думалъ о возмездіи, и когда съ годами мысль о немъ начинала робко прокрадываться въ твоё сознаніе, ты отгонялъ ее, какъ докучливую муху. Ты мечталъ такъ же обмануть Бога, какъ обманывалъ людей, но въ концѣ концовъ обманулъ только самого себя. Видишь ли ты это теперь, одинокій, ничего, кромѣ отвращенія, не возбуждающій старикъ? Расплата неотвратима, и ея часъ насталъ, послѣдній Габсбургъ-императоръ!

Въ скоро ожидающую тебя могилу ты сойдешь, ознаменовавъ твой долгій земной путь вѣроломствомъ, клятвотпреступленіемъ, морями невинной, бесполезно пролитой крови.

Въ глубокомъ обморокѣ поперекъ смятой кровати лежалъ старый императоръ, когда утромъ, встревоженный слишкомъ долгой тишиной въ опочивальнѣ, осмѣлился войти въ нее оберъ-камердинеръ. Усилия созданныхъ лейбъ-медиковъ увѣнчались успѣхомъ, но доклады канцлера и министровъ не могли состояться въ этотъ день. Вечернія газеты оповѣстили объ этомъ вѣроподданныхъ вѣнцевъ, добавляя, что послѣ легкаго недомоганія состояніе здоровья престарѣлаго монарха не оставляетъ желать лучшаго.

Редакторъ В. Я. Свѣтлонъ.

№ 48. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годѣ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. Короленко, А. Н. Майнова и Эдмонда Ростана, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдастъ 29 ноября 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Великая европейская война. (Хроника военныхъ дѣйствій).—Птицы смерти. Очеркъ П. П. Гнѣдича.—Бассора и ея окрестности. (Страна финиковыхъ вальмъ). Очеркъ П. В. Нестерова.—Сестры. Рассказъ И. Книренскаго. (Продолженіе).—Привлеченія Лизы. Рассказъ Б. П. Никонова. (Продолженіе).—Народу Бельгій. Стихотвореніе Вл. Краковскаго.—Германскій богдыханъ. Очеркъ Аркадія Пресса.—Стихотвореніе Сергія Михтева.—Единственная въ мірѣ конница. Очеркъ Н. Н. Брешко-Брешковскаго. Стальные крылья. Стихотвореніе Вл. Краковскаго.—Отклики войны. Объявленіе. РИСУНКИ: Киевъ—Польша. Плакатъ работы В. Котарбинскаго.—Русскій храмъ-усыпальница въ Санъ-Стефано—мѣсто упокоенія русскихъ воиновъ, павшихъ въ русско-турецкую войну 1877—78 г.г.—Твердые герои—крѣпость Ивангородъ. (6 рис.).—Мирныя картины войны. (2 рис.).—Наши войска на галицкомъ фронтѣ—Бассора. (6 рис.).—Фортъ Сель-Зль-Баракъ на берегу Дарданеллъ.—Турецкій крейсеръ „Бреслау“.—На турецкомъ крейсерѣ. Приготовленіе орудія къ бою.—Дарданеллы. Линія турецкихъ фортовъ на европейскомъ и азиатскомъ берегахъ, охраняющихъ проходъ къ Константинополю.—Константинополь въ дни войны. (3 рис.).—Семь короля-героя. (2 рис.).—Король-воинокъ.—Герои на долга.—Нѣмецъ.—Походный домъ Вильгельма.—Императоръ Вильгельмъ съ бывшими начальникомъ германскаго генеральнаго штаба фонъ-Мольтке.—Руководитѣ враговъ. Императоръ Вильгельмъ и французскій генералъ По.—Сестры германской гвардіи „съ тыла“.—Германская главная квартира.—Генералъ Гиндербургъ.—Генералъ фонъ-Клукъ.—Автомобиль императора Вильгельма.—Позоръ XX вѣка—Нѣмецъ парваръ.—Цѣнттели искусства.—Единственная въ мірѣ конница. Въ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко кн. 24“.

Кіевъ—Польша. Плакатъ работы В. Котарбинскаго, написанный для Комитета сбора пожертвованій въ Кіевѣ въ пользу разоренной Польши.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Будущій историкъ нынѣшней войны несомнѣнно отмѣтитъ, что характерною особенностью нашей кампаніи на австро-германскомъ фронтѣ являются глубокая продуманность плана операцій и строгая систематичность дѣйствій въ его выполненіи. Все заранѣе предусмотрено, и ничто не предоставлено слѣпому случаю. Вмѣсто рискованныхъ порывовъ „на уру“ мы наблюдаемъ схематичное развитіе дѣйствій, ведущее къ одному заранѣе намѣченному,

судьбою predetermined, результату. Характеръ азартной игры съ рискованными ставками на случайную удачу носили дѣйствія нашихъ противниковъ, но до сихъ поръ каждая карта ихъ оказывалась битой, каждая новая комбинація оканчивалась неудачей. Наступленіе австрийцевъ на Люблинъ, германцевъ на Нѣманъ, Варшаву, Осовецъ и Ивангородъ—все имѣли одинъ и тотъ же неизмѣнный конецъ. Такимъ же кровавымъ пуфомъ, вѣроятно, закончится и послѣдній натискъ отъ Торна, скомбинированный съ недурно задуманнымъ и заранѣе подготовленнымъ обходнымъ движеніемъ отъ Велюня, гдѣ были сосредоточены большія силы для неожиданнаго удара въ тылъ русскимъ корпусамъ, повернувшимъ свой фронтъ къ арміи генерала Макензена, врѣзавшейся въ пространство между Вислой и Вартой. Нѣмецкій напоръ отъ Торна, проникшій на большую глубину въ сферу расположенія русскихъ войскъ, разбился на сѣв.-западѣ отъ Лодзи и у Ловича о гранитную твердость двинутыхъ ему навстрѣчу нашихъ армій, а предназначенныя для нападенія на тылъ и флангъ колонны изъ Велюня были спокойнымъ ударомъ сосредоточенныхъ противъ нихъ силъ отброшены, при чемъ, перейдя въ атаку, мы выбили изъ Шерцопа германскую гвардейскую бригаду и вынудили ее къ очень послѣднему отступленію. Замѣчательно, что ирорытъ семи германскихъ корпусовъ восточнѣе Лодзи черезъ Стрыковъ и Бресины. Цлонецъ и Гомбинъ въ тылъ передовой линіи русскихъ войскъ по

Русскій храмъ-усыпальница въ Санъ-Стефано—мѣсто упокоенія русскихъ воиновъ, павшихъ въ русско-турецкую войну 1877—78 г.г.—разрушенный и оскверненный турецкою чернью, предадимому нѣмецкими офицерами. Храмъ построенъ по проекту академика В. В. Суслоева, любезно доставившаго намъ снимокъ съ храма.

Въ Ивангородѣ. Разрушенный снарядомъ костель.

вызвалъ среди нихъ нѣ малѣйшей паники и потому всей своей тяжестью, какъ чрезвычайно рискованный маневръ, обратился въ концѣ концовъ противъ самихъ же нѣмцевъ. Они быстро разлились на значительное пространство, захвативъ обширный районъ въ нѣсколько десятковъ верстъ: Колюшкинъ—Тупинъ—Рзговъ, но вслѣдъ затѣмъ были опрокинуты могучимъ ударомъ нашихъ войскъ въ самомъ центрѣ своего дальнѣйшаго наступленія у Лоница и отброшены съ огромными потерями у Лодзи. Въ теченіе почти двухъ недѣль бились нѣмцы, какъ пойманный звѣрь, въ захваченномъ ими районѣ въ тылу нашей линіи, тѣснимые съ фронта и фланговъ сжимающимся кольцомъ русскихъ войскъ. Желая обойти разорванныя части первой линіи нашего расположенія у Лодзи и Лоница, они сами оказались окруженными и были вынуждены пробиваться на сѣверъ сквозь сжимающіеся края русскаго

Въ крѣпости Ивангородѣ. Пленные австрійцы, захваченные при осадѣ крѣпости.

кольца. Быть-можетъ, нигдѣ еще во все время нынѣшней войны борьба не достигала такого напряженія и ожесточенія, какъ въ этомъ районѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ здѣсь не смолкалъ грохотъ пушекъ, огромныя пространства заливались свинцомъ и человѣческой кровью, поля и траншеи заваливались горами нагроможденныхъ труповъ. Окруженные постепенно суживающейся стѣной штыковъ, съ мужествомъ отчаянія бросались гвардейскіе нѣмецкіе полки изъ стороны въ сторону, нища выхода, нащупывая гдѣ-нибудь слабое мѣсто, пытались пробиться сквозь колючую цѣтину штыковъ. Подъ Рзговомъ они ходили въ атаку три раза и въ концѣ концовъ сами были выбиты сибирцами. „Можно подумать, — говоритъ корреспондентъ „Нов. Врем.“, побывавшій на рзговскихъ позиціяхъ: — что кто-нибудь сносилъ и нагромождать на поля трупы — столько ихъ здѣсь. Въ глубокихъ нѣмецкихъ окопахъ по 8, по 10 человѣкъ въ

Генералъ-майоръ А. В. Шварцъ.

Защитники крѣпости Ивангорода во главѣ съ ея командантомъ генералъ-майоромъ А. В. Шварцемъ.

грудь. Переплетаясь, наваливаясь другъ на друга, давя и не видя выхода, падали нѣмцы во время атаки сибирцевъ. И не спрашивается, не свинцомъ пулеметовъ положены они, а штыками и прикладами русскаго солдата. У кого полчерепъ снесено, у кого грудь проколота, кому штыкъ вошелъ въ глазъ или въ ротъ, кому проткнулъ горло, а иной лежитъ съ залитымъ кровью лицомъ, и видно, что его отработали и штыками и прикладами. Отогнанный отъ Рзгова, выбитый изъ Тупина, непріятель снова бросился на Стрыковъ и поднялся къ Гловно, надеясь соединиться съ тѣми частями, которыя шли на Лоницъ.

На всемъ правомъ флангѣ своего наступленія нѣмцы потерпѣли полное пораженіе. Оттѣснивъ ихъ по

всей линіи, наши войска заняли весь фронтъ. Гловно — Бѣлявы — Собота. Занятіе Плоцка, сопровождавшееся захватомъ нѣсколькихъ пароходовъ и баржъ съ боевыми снаряженіемъ, закрывало нѣмцамъ отступленіе по тѣмъ путямъ, по которымъ шло ихъ наступленіе. Окопавшись на линіи Стрыковъ — Згержъ — Шадекъ — Здунска Воля, непріятель отстоялъ свои позиціи на лѣвомъ флангѣ и возлагалъ всѣ надежды на прибытіе новыхъ подкрѣпленій. Подмога новыхъ корпусовъ, экстренно движуемыхъ изъ Познани и Силезіи, не спасла положенія генерала Макензона.

Никакая помощь не можетъ превратить понесенное имъ пораженіе въ побѣду. Новыя атаки свѣжихъ германскихъ колоннъ на только что отбитую нами линію Бѣлявы — Собота остаются безуспѣшными, а сосредоточеніе прибывающихъ подкрѣпленій на лѣвомъ флангѣ германскаго расположенія между Калишемъ и Серадземъ уже не сможетъ выручить разгромленные и наполовину окруженные германскіе корпуса.

Съ занятіемъ Брезинны, Стрыкова, Гловно, Гомбина и Плоцка, значительно суживается тотъ коридоръ, по которому нѣмцы могутъ отступать при неудачѣ своего движенія, и заходящая часть русскихъ войскъ грозитъ окончательно отрезать нѣмцевъ отъ ихъ базы. Отходъ къ Торю можетъ считаться уже по-

Подъ крѣпостью Ивангородомъ. Непріятельскіе окопы.

Германскій автомобиль-мастерская, везущій платформу съ аэропланомъ. Захваченъ нашими войсками подъ крѣпостью Ивангородомъ.

теряннымъ и для основной арміи генерала Макензона и для подошедшихъ къ нему на пыручку подкрѣпленій. Съ каждой мелкой удачей русскаго оружія, съ каждой отбитой атакѣ нѣмецкихъ полковъ общее положеніе нѣмцевъ въ ихъ чрезвычайнорискованной операціи между Вислой и Вартой становится все труднѣе и труднѣе.

Для современныхъ армій, расходующихъ огромныя запасы снарядовъ, тыловое снабженіе имѣетъ первостепенное значеніе, и тѣмъ не менѣе на театрѣ послѣднихъ военныхъ операций мы видимъ части армій съ перепутавшимися тылами. Онѣ

Въ крѣпости Ивангородѣ. Одна изъ австрійскихъ мортиръ, отбитыхъ гарнизономъ крѣпости.

обходить одна другую, мѣняятъ фронтъ, выполняютъ сложные маневры для восстановленія связи съ соседними частями и не теряютъ присутствія духа, идя у себя въ тылу смертоносныя дула непріятельскихъ пушекъ и ружей.

Германцы сдвигаются въ пятнѣ довольно аккурратно, но пока сравнительно еще небольшими отрядами.

Такъ какъ тактическій перевѣсъ во всѣхъ рѣшительныхъ столкновеніяхъ остается на нашей сторонѣ, то можно быть почти увѣреннымъ, что развязка всей этой стратегической путаницы, вызванной слѣшкомъ рискован-

Наши войска на галиційскомъ фронтѣ.

шимъ маневромъ глубокаго вторженія германцевъ въ центръ расположенія русской арміи при неизмѣнномъ движеніи ея впередъ на обонхъ флангахъ—и въ Восточной Пруссіи и подъ Краковымъ—закончится огромной катастрофой для слишкомъ увлекшихся ибменскихъ стратеговъ.

Съ изысканіемъ Бохнін и Виснича и съ захватомъ оборонительныхъ позицій австрійцевъ по р. Рабѣ, перейденной русскими атакующими колоннами вбродъ по груди при начавшемся уже ледоходѣ, обложіе Кракова можетъ считаться почти законченнымъ. Остатки разбитыхъ австрійскихъ армій бѣгутъ за Карпаты и спасаются подъ прикрытіе краковскихъ фортовъ, подрывая тѣмъ самымъ оборонительныя свлы крѣпости.

Повторнымъ разгромомъ способностей австрійской арміи къ сопротивленію уже сломлена. За двѣ недѣли

Мирныя картины войны. „Кто перетянетъ“. По фот. нашего спец. военнаго корреспондента.

послѣднихъ боевъ она сдала намъ пятьдесятъ тысячъ плѣнныхъ, и постѣ паденія Кракова и Перемышля, которое, можетъ-быть, уже далеко, ей остается только положить оружіе къ ногамъ побѣдителя. Такимъ образомъ Австрія можетъ считаться почти что уже выбывшей изъ строя.

Мирныя картины войны. „Наша взяла!“ По фот. нашего спец. военнаго корреспондента.

Птицы смерти.

Очеркъ П. П. Гнѣдича.

Перепечатка воспрещается.

Помню я, какъ мы, гимназисты, всматривались въ странныя изображенія животныхъ „допотопнаго“ міра. Сказочныя, неприличные глазу, формы, страннаго вида черепа, выраженіе огромныхъ глазъ, въ которыхъ было что-то зловѣщее, иногда человѣческое, наводили невольную жуть.

Скептики. — о, и тогда среди насъ были скептики!—говорили: — Все это — бабы сказки. Такихъ животныхъ не было и не могло быть. Взорная фантазія досуужихъ художниковъ.

То былъ періодъ позитивизма. Тогда на очереди стоялъ Дарвинъ съ своей борьбой за существованіе и половымъ подборомъ. Передъ его теоріей падали на колѣни, курили енисіамъ. Позитивизмъ успокаивалъ тѣхъ, кто не хотѣлъ волноваться, кто не хотѣлъ выходить изъ рамки определенной мышцанской окраски будней. Тогда не знали ни странныхъ искъ-лучей, ни свойствъ радуги, ни гипнотизма. Все было просто, заурядно, понятно и плоско. Грѣзы и сны изыскателей тѣхъ временъ напоминали тотъ сонъ, что видѣла бабушка Райскаго: снѣгъ, а на снѣгу щепка. Ни золотисто-опаловыхъ тумановъ, ни радужныхъ трепавій райской любви, ни алмазныхъ храмовъ, ни гармонін небесныхъ сферъ.

Снѣгъ, а на снѣгу щепка.

Больше всего привлекали вниманіе наше въ коллекціи изображеній допотопныхъ животныхъ летучія животныя, напоминавшія формами человѣка. Руки, ноги, плечи, животъ, шея были говѣемъ человѣчьи. Они больше напоминали чѣмъ странныхъ каменихъ „химеръ“, что сидятъ на крышахъ и башняхъ Собора Парижской Богоматери, изобрѣтеніе больной человѣческой фантазіи, чѣмъ живыхъ земныхъ формы. И рисовальщики придавали такое выраженіе ихъ мордамъ, что эти морды скорѣе были похожи на человѣчьи лица. Какъ будто что-то знакомое, давно забытое смутно мерещилось при разглядываніи этихъ рисунковъ. И когда читали мы о томъ, что размахъ крылъ такихъ летучихъ ящеровъ былъ двадцать пять футовъ, — мы высчитывали, сколько это аршинъ, и вымѣрляли, сколько бы занять такой драконъ мѣста въ большой залѣ. И выходило огромное чудовище: три дивана, поставленные одинъ за другимъ, вмѣстѣлись между козцами его крыльевъ.

Маркъ Твэпъ, веселый юмористъ, разсматривая колоссальный скелетъ допотопнаго звѣря, сдѣланный учеными изъ гипса, говорилъ: — У нихъ не хватило мѣла и известки, а то они сдѣлали бы его вдвое больше.

Отписки въ пластахъ земли говорили иное: они указывали на то, что какъ будто существовали и въ самомъ дѣлѣ эти огромные мастодонты, эти мегатеріи: вѣдь слѣпки въ землѣ свидѣтельствовали о забытомъ, легендарномъ первобытномъ населеніи земли.

Когда читали мы про Икара и Дедала, которые захотѣли летать по воздуху, какъ птицы, — намъ объяснили, что вся эта легенда—символъ. Такой же символъ, какъ болитисилусъ Гете. Гомункулусъ — человѣкъ, созданный искусственнымъ путемъ — можетъ жить только въ ретортѣ, вѣе ея пибнеть. И человѣкъ, отдѣлившійся отъ своей стихіи — земли, долженъ также погибнуть. Палицій жаръ солнца созданъ не для земныхъ существъ: онъ сожигаетъ тѣхъ, кто слишкомъ близко подходитъ къ свѣтилу.

Иногда въ старыхъ легендахъ мы читали о драконѣ. Чудесными терцинами одна легенда разсказана у Толстого. Едва ли это не лучшая вещь поэта. Здѣсь, подъ яркимъ рѣзцомъ художника, полнѣе и определеннѣе обрисовывается ужасный образъ летучаго звѣря, чѣмъ въ лубочныхъ изображеніяхъ рисовальщиковъ, работавшихъ для атласовъ подъ наблюденіемъ усердныхъ геологовъ.

...Закатомъ озаренъ,
Какъ выкованъ изъ яркой красной мѣди,
На небѣ такъ вырѣзывался онъ.
Кланусъ, ни львы, ни тигры, ни медвѣди
(толь не страшны!) Никто бы не изобрѣлъ
Такую тварь хотя бы въ горлчкѣ бреда!

А дальѣе поэтъ описываетъ, какъ —
...Насъ охватилъ испугъ.
Иногда, носикъ у насъ надъ головами,
Онъ въ сумеркахъ чертилъ за кругомъ кругъ
И воздухъ былъ угастымъ крылами:
Не какъ орезъ въ поднебесѣхъ паря,
Но вверхъ и внизъ метаяся зубцами,
Неровный лѣтъ являлъ нетопыри,
И виденъ былъ отчетливо для ока
На полостъ, гдѣ скрылась зоря...

Драконъ этотъ несъ въ себѣ смерть. Онъ пожиралъ воиновъ вмѣстѣ съ ихъ доспѣхами. Жужа тѣла, онъ „кривился въ наслажденіи“.

И съ чавканьемъ зубастыхъ челюстей
Въ безвѣтрія къ намъ ясно долетали
Доспѣховъ звигъ и хрупанье костей...

IV.
— Легенда, вымыселъ!—говорили снисходительно одни.
— Не говорите!—останавливалъ ихъ Яковъ Петровичъ Полонскій (а ему-то и была посвящена Толстымъ эта поэма):—не говорите: тутъ больше правды, чѣмъ въ самыхъ реальныхъ кошкахъ и собакахъ.

Помню я, когда Викторъ Васнецовъ выставилъ своего „Царевича на коврѣ-самолетѣ“, Стасовъ кричалъ:

Охота заниматься баснями! Прошла пора коврѣ-самолетовъ.

А инженеръ-механикъ, мой родственникъ, говорилъ мнѣ: „Nautilus“ Жюль Верна—талантливая сказка. Но это—фантазія. Никогда подводныхъ лодокъ не будетъ. Это мало чѣмъ отличается отъ „Сувдука“ Андерсена,—помнишь басню, какъ прокутившійся купеческій сынъ леталъ изъ лѣса на крышу дворца къ невѣстѣ? Никогда не полетитъ человѣкъ на управляемомъ воздушномъ аппаратѣ, потому что этотъ аппаратъ будетъ тяжелѣе воздуха, а возноситься наверхъ можетъ только то, что легче. Птицы потому летаютъ, что у нихъ полныя кости. Когда кости у человѣка будутъ легкія, тогда онъ и будетъ имѣть произвольныя движенія въ воздушномъ пространствѣ.

Когда Робинъ издалъ въ восьмидесятыхъ годахъ свой „Двадцатый вѣкъ“, гдѣ графически были изображены всѣ будущіе аэропланы и дирижабли-дилижансы, скептики продолжали утверждать:

— Это невозможно!

V.
Но время шло. Подводныя лодки стали появляться то тамъ, то здѣсь. Онѣ не были въ состояніи пронзить насквозь корабли, какъ это изображалось у Жюль Верна. Но къ боковымъ лопастямъ этихъ чудищъ придѣланы были такія приспособленія, что можно выпускаться на далекое разстояніе смертоносныя мины. Если бы Вернъ остался живъ—онъ ужаснулся бы тому, что подсказала изобрѣтателямъ. Не о пошлени сотенъ и тысячъ людей думать онъ,—онъ полагалъ, что человѣческой геніи одинаково можетъ царить и на землѣ и подъ водою. Не смерть и разрушеніе должны были нести съ собою его подводныя суда, а расширять кругозоръ челоѣка, хвѣтатъ впередъ науку.

Появились летательныя снаряды. Въ вѣе восторгѣ привѣтствовали новое завоеваніе стихіи. „Воздушный океанъ“ завоеванъ человечествомъ! Теперь нѣтъ безводныхъ пустынь, нѣтъ бездорожья, адскихъ пропастей и горъ. Когда въ одинъ долгій лѣтній день, отъ восхода до заката, принесся ноздухоплаватель изъ Парижа въ Варшаву, стала близкой и понятной возможность долетѣть до сѣвернаго полюса, проникнуть внутрь океаніческихъ острововъ. Никто и не думалъ, что великое завоеваніе можетъ обратиться на гибель людей, явиться однимъ изъ дьявольскихъ изобрѣтеній, служащихъ во только для предварительной развѣдки, но и орудіемъ, несущимъ смерть людямъ.

VI.
Однако именно такъ взглянули на аэропланы въ Германіи. Когда начали тамъ строить цѣлую флотилію воздушныхъ кораблей, Англія, безпокойно и чутко прислушиваясь, вачала и у себя спѣшную постройку такого же флота. Насторожились и французы и тоже стали изобрѣтать, измѣнять и придавать всему снаряду ту воздушность, съ которой у нихъ сливается предствленіе о всякомъ полетѣ. И у насъ тоже встрепенулись и начали горячо проповѣдывать необходимость воздушнаго флота. Но, Боже мой, до чего мы были далеко отъ всякихъ мыслей, что эти воздушные корабли будутъ играть во только роль необходимыхъ развѣдчиковъ на войнѣ, но и гнусную роль „лугачей“, наводя ужасъ и трепетъ на города! Кто могъ думать, что огромная стрелкозъ будутъ грозить гигантскимъ соборамъ, дворцамъ и мирнымъ жителямъ?

Мы смотрѣли на воздухоплаваніе, какъ на спортъ. Развѣдочная служба и помощь его именно въ военномъ дѣлѣ была очевидна.

VII.
Въ будущемъ стануть биться не только на землѣ, но и на небесахъ и въ водахъ. Когда изобрѣдутъ такія подводныя суда, которыя будутъ опускаться на много саженъ ниже поверхности моря,—бои нти будутъ въ этихъ таинственныхъ глубинахъ. Отдѣленные отъ земного міра, въ зеленой холодной влагѣ, среди рыбъ, полиновъ и водорослей будутъ стараться люди истребить другъ друга,—вѣдь такъ мало всѣмъ мѣста подъ солнцемъ! И будутъ они — умные, молодые, сильные — заживо похоронены въ чудовищномъ металлическомъ гробу гдѣ-то на днѣ океана. А близкіе имъ останутся наверху, на землѣ, и въ смутномъ кошмарѣ будутъ имъ рисоваться ужасная смерть ихъ близкихъ родныхъ.

А наверху, въ воздухѣ, гдѣ рѣзая прежде однѣ птицы, а давно когда-то чертили зигзаги допотопныя ящеры, будутъ шпырять гигантскія стрелкозъ. Онѣ будутъ пожирать другъ друга, отрывая

крылья и падать съ заоблачной высоты на землю. Онѣ будутъ сыпать на землю смерть, и ихъ ужасные снаряды будутъ разрываться среди людей и селеній, пробивать крыши, зажигать соборы, уничтожать цѣлые города. Армія воздухоплателей, какъ адская саранча, поднимется надъ землею, — и свѣтъ солнца будетъ заслоненъ ея стальными тѣлами.

VIII.

Нынѣшніе одиночные полеты превратятся въ сильное, сплошное войско. И это войско будетъ нести ужасную смерть. Тысячи, десятки тысячъ брошенныхъ на городъ снарядовъ уничтожатъ, испепелятъ его вконецъ, не такъ, какъ Везувій испепелилъ ибкогда Помпеи: она сохранилась, какъ въ футлярѣ, въ застывшей лагѣ. Везувій далъ возможность бѣжать населенію, — а будущее дирижабли и аэропланы будутъ истреблять все, ничему не давая пощады.

Старыя легенды приходили въ ужасъ отъ крылатого хищника, прилетаваго съ горъ, чтобы пожрать иѣсколькихъ человѣкъ. Но когда этихъ крылатыхъ хищниковъ будутъ десятки, сотни, тысячи, можетъ-быть, десятки тысячъ, — какъ теперь есть десятки тысячъ паровозовъ на желѣзныхъ дорогахъ, — тогда ледяный ужасъ еще глубже проникнетъ въ мозги нашихъ потомковъ, и имъ будетъ казаться, что наступилъ послѣдній день міра.

Начало полетовъ этихъ сказочныхъ воздушныхъ драконовъ смерти мы уже видѣли этой осенью. Надъ Парижемъ, надъ этимъ дивнымъ городомъ, надъ этой очаровательной Лютеціей, гдѣ скопилось все ядро культурнаго свѣта, — стали по вечерамъ летать зловѣщія птицы и съять смерть на улицахъ и площадяхъ. Онѣ носились надъ башнями и шпилями и выбирали мѣсто, куда бросить свой дьявольскій снарядъ. И люди, трепеща, слѣдили за кривыми линиями ихъ полета...

IX.

Когда-то Екатерина Великая сказала своему сыну: — Ты — лютый звѣрь, если не понимаешь, что съ идеями нельзя бороться съ помощью пушекъ.

Бассора и ея окрестности.

(Страна финиковыхъ пальмъ).

Очеркъ П. В. Нестерова. (Съ 6 рис. на стр. 920, 921 и 922).

На этихъ дняхъ телеграфъ принесъ извѣстіе о занятіи англичанами города Бассоры или Басры на рѣкѣ Шатъ-эль-Арабъ.

Среди немногочисленныхъ городовъ Месопотаміи Бассорѣ принадлежитъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Значеніе этого города главнымъ образомъ обуславливается его географическимъ положеніемъ. Бассора расположена на правомъ берегу р. Шатъ-эль-Араба, приблизительно въ восьмидесяти верстахъ ниже мѣста слиянія двухъ, составляющихъ его, рѣкъ—Тигра и Евфрата и приблизительно въ ста верстахъ отъ мѣста впаденія этой рѣки въ Персидскій заливъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что англичане заняли этотъ городъ не временно, а навсегда. Послѣ подчиненія своему вліянію южной Персіи и объявленія протектората надъ османскимъ султаномъ англичане естественно должны были смотрѣть на р. Шатъ-эль-Арабъ, какъ на узелъ, который долженъ связать въ одно цѣлое Индію и Египетъ. Съ занятіемъ Бассоры англичане открываютъ себѣ свободный путь ко всей Месопотаміи, этой житницѣ всей Западной Азіи. Несомнѣнно, въ рукахъ англичанъ Бассора стѣлается въ скоромъ времени однимъ изъ выдающихся военныхъ торговыхъ центровъ Азіи.

Шатъ-эль-Арабъ достаточно широкъ и глубокъ. Весною въ періодъ половодья, когда въ горахъ Арменіи, откуда берутъ свое начало Тигръ и Евфратъ, начинаютъ таять снѣга, большіе морскіе пароходы не только свободно подходятъ къ Бассорѣ, но нѣкоторые изъ нихъ рискуютъ даже подниматься дальше вверхъ по Тигру прямо до Багдада. Судостроеніе же по Шатъ-эль-Арабу до Бассоры не прекращается даже въ лѣтніе мѣсяцы, когда многія месопотамскія рѣки, питающія Тигръ и Евфратъ, совершенно высыхаютъ. Благодаря морскимъ приливамъ, которые въ Персидскомъ заливѣ достигаютъ значительной высоты, Шатъ-эль-Арабъ даже въ это время два раза въ сутки становится доступнымъ для большихъ судовъ.

Уже за вѣскольکو десятковъ миль до устья Шатъ-эль-Араба въ Персидскомъ заливѣ ясно обозначается близость этой рѣки. По мѣрѣ приближенія ея къ устью, воды Персидскаго залива становятся все болѣе мутными и желтыми, особенно въ періодъ отлива, когда мутныя воды Шатъ-эль-Араба, не встрѣчая препятствій, свободно вливаются въ море. Но вотъ отливъ смѣняется приливомъ: вода медленно начинаетъ подниматься, среди мутныхъ водъ появляются просвѣты чистой воды, которые, расширяясь, спокойно, но неуклонно устремляются къ устью Шатъ-эль-Араба, сдерживая его теченіе и поднимая уровень воды. Пользуясь этимъ, пароходы, ждавшіе этого момента, снимаются съ якоря и направляются къ Шатъ-эль-Арабу, путь къ которому обозначается справа и слѣва отмелями, служащими иѣмыми свидѣтелями созидательной дѣятельности Тигра и Евфрата—созданія Месопотамской низменности насчетъ Персидскаго залива. Начиная отъ устья и далѣе вверхъ по рѣкѣ оба берега окаймляются сплошными пальмовыми рощами. Особенно живописны эти рощи по

А Вильгельмъ теперь не понимаетъ этого. Онъ велѣлъ пылить на пушкахъ девизъ: „вотъ истинный доводъ королей“. Такихъ пушекъ немало мы захватили въ плѣнъ, — и каждый можетъ прочесть и понять, какими „доводами“ руководится властитель Германіи *).

Екатерина сказала свои великія слова полтора года лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ съ этической стороны ни на волосъ не подвижилось развитіе мыслей у тѣхъ хищниковъ, для которыхъ бронированная сила стоитъ на первомъ планѣ.

Стократь будетъ благословенъ тотъ мигъ, когда конференція всѣхъ государствъ дастъ клятву уничтожить всѣ смертоносныя орудія и сравняетъ съ землей тѣ заводы, которые льютъ эти орудія и готовятъ къ нимъ припасы. Пусть великія изобрѣтенія возвышаютъ и увеличиваютъ духовный ростъ человѣчества, а не служатъ къ его истребленію. Пусть телефоны и телеграфы не являются пособниками шпионства. Пусть человѣчество направить свои геніи къ тѣмъ изобрѣтеніямъ, которыя дадутъ духовную красоту его земной жизни, а не увеличатъ количество его тѣлесныхъ страданій.

X.

И если вступить такой мигъ, когда человѣчество направитъ всю свою дѣятельность къ васажденію только добра и свѣта, тогда наступитъ великій переломъ въ его жизни:—поворотъ отъ мрачныхъ временъ жестокостей къ владычеству въ воздухѣ и въ водѣ не для истребленія жизни, а для расцвѣта. Тогда при видѣ летящаго въ далекой небесной синевѣ аэроплана будутъ не страшиться его, а приветствовать, какъ архангела, несущаго благую вѣсть на землю о расцвѣтѣ человѣческаго генія...

*) Надпись эта—латинская. Ея подлежащее—„ratio“—имѣетъ много значеній. „Ratio“ собственно значить разумъ, мысль, то, что отличаетъ человека отъ животнаго. Но въ то же время оно значить и „отвѣтъ“, и „мнѣніе“, и „образъ мыслей“, и „дѣло“.

Бассора. Каналь Ашаръ близъ устья Шатъ-эль-Араба.

находятся богатые нефтяные промыслы, принадлежащіе английской компани и разрастающіеся прямо съ неувѣрною быстротой. Немного выше этихъ промысловъ въ мутный Шатъ-эль-Арабъ вливаетъ свои прозрачныя воды р. Карунъ, берега которой также утопаютъ въ темной зелени пальмовыхъ садовъ. На фонѣ этой зелени особенно живописно выдѣляются невысокіе съ плоскими крышами домики Мохамеры, небольшого персидскаго города, расположеннаго близъ турецкой границы у устья р. Каруна и его широкаго рукава Хаффоръ. Здѣсь пароходы, направляющіеся къ Бассорѣ, обычно дѣлаютъ остановку.

Едва пароходъ успѣетъ стать на якорь, къ нему со всѣхъ сторонъ, словно стая бѣлыхъ чаекъ, устремляются стройныя бѣлыя „белемы“, напоминающія венеціанскія гондолы. Стан этихъ лодокъ, стремясь обогнать другъ друга, сталкиваются и граціозно расходятся, создавая на темномъ фонѣ прибрежныхъ пальмовыхъ садовъ удивительно живописную картину.

Будучи расположенъ на Шатъ-эль-Арабѣ и, кромѣ того, у устья другой судоходной рѣки—Каруна, Мохамера для Персіи имѣетъ

Бассора. Каналь Ашаръ-Басра.

почти такое же значеніе, какъ Бассора для Турціи. Торговое значеніе этого города уже давно было отмѣчено англичанами, которые одно время имѣли даже намѣреніе превратить его въ транзитный пунктъ между Индіей и Европой. Здѣсь Шатъ-эль-Арабъ болѣе глубока, самая же гавань удобнѣе, обширнѣе и лучше защищена отъ вѣтровъ, дующихъ со стороны Персидскаго залива.

Отъ Мохамеры до Бассоры около двадцати верстъ. Пароходъ проходитъ это разстояніе вверхъ по рѣкѣ въ три часа, внизъ же по теченію—не болѣе чѣмъ въ два. На всемъ пространствѣ до Бассоры арабскій берегъ и здѣсь лучше орошенъ, вслѣдствіе чего представляеть непрерывную ленту пальмовыхъ садовъ. По мѣрѣ приближенія къ Бассорѣ, на фонѣ этихъ садовъ все чаще начинаютъ обрисовываться изящныя домики арабскихъ шейховъ и богатыхъ владѣльцевъ садовъ.

Пароходъ останавливается на Шатъ-эль-Арабѣ у устья канала Ашаръ, по берегамъ котораго и расположена Новая Бассора. Этотъ городъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ месопотамской Венеціей. Невысокіе двухъэтажные домики здѣсь расположены всего въ одну линію по обѣимъ сторонамъ канала. Нѣкоторые домики настолько близко подходятъ къ самому каналу, что ихъ балкончики, украшенные рѣшетчатыми окнами, свѣшиваются надъ самой водой. Улицы въ Новой Бассорѣ, по крайней мѣрѣ въ начальной ея части, почти не существуютъ, и сообщеніе поддерживается исключительно по каналу на белемахъ (лодки). Послѣднихъ такая масса, что мѣстами онѣ запружаютъ весь каналъ. Особенно большое оживленіе всегда царитъ около ба-

Бассора. Улица близъ базара.

зара—главнаго жизненнаго центра Бассоры: здѣсь белемы нерѣдко образуютъ непрерывный мостъ, по которому свободно можно перейти съ одной стороны канала на другую. Правый берегъ канала около базара сплошь уставленъ широкими скамьями, сверху защищенными отъ солнца вѣтсами; здѣсь мужское населеніе Бассоры обычно проводитъ большую часть дня или за чашкой кофе, или за кальяномъ, или просто въ созерцавіи таковой же праздной толпы, среди которой преобладаютъ арабы въ своихъ своеобразныхъ одеждахъ и оригинальныхъ головныхъ уборахъ.

Центръ жизни Бассоры—ея базаръ—только одной своей стороною выходитъ къ каналу. Онъ представляетъ собой узкую длинную грязную улицу, совершенно закрытую сверху и потому мрачную, почти лишенную свѣта; по обѣимъ сторонамъ ея расположены маленькія грязныя лавчонки съ грязными и запыленными дешевыми товарами; здѣсь съ утра до вечера стоитъ шумъ отъ криковъ продавцовъ, развощниковъ и носильщиковъ—амбаловъ. На базарѣ преобладаетъ дѣловая публика, и потому чаще встрѣчаются женщины-армянки съ открытыми лицами и арабы съ своеобразной полукрытой маской на лицѣ.

На противоположной сторонѣ канала, соединенной съ базаромъ жидкимъ деревяннымъ мостомъ, находится единственная въ Новой Бассорѣ довольно широкая улица. Эта часть города можетъ быть названа европейской, такъ какъ здѣсь есть нѣсколько настоящихъ магазиновъ съ европейскими товарами, имѣется „Европейская“ гостиница, дома европейскіхъ торговыхъ фирмъ, домъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, консульскіе дома и въ томъ числѣ домъ русскаго консульства, располо-

Бассора. Арабъ, управляющій „белемой“ (лодкой).

женный въ самомъ концѣ Новой Бассоры. Далѣе вверхъ по каналу справа и слѣва идутъ сплошныя пальмовыя сады, среди которыхъ то тутъ, то тамъ живописно выдѣляются красивыя домики шейховъ и мѣстной туземной аристократіи. Въ концѣ этихъ садовъ, которые тянутся по каналу на нѣсколько верстъ, расположены Старая Бассора и ея предместье, соединенныя другъ съ другомъ довольно красивымъ мостомъ, переброшеннымъ черезъ каналь Ашаръ. Старая Бассора, населенная исключительно арабами, разбита на нѣсколько кварталовъ. Здѣсь имѣется нѣсколько большихъ улицъ, но по восточному обычаю эти улицы узкія, кривыя и очень грязныя. Въ Старой же Бассорѣ находятся всѣ правительственныя учрежденія, домъ военнаго губернатора, полицейское управленіе, казармы жандармовъ и аскеровъ, почта, телеграфъ, Оттоманскій банкъ и пр. Мѣстный гарнизонъ состоитъ исключительно изъ турецкихъ солдатъ; административныя должности заняты также почти исключительно турками. Присутствіе турецкаго гарнизона является необходимой мѣрой предосторожности, такъ какъ только его присутствіе и позволяетъ держать мѣстное арабское населеніе въ повиновеніи. Для тѣхъ же цѣлей устрашенія служить и единственное военное судно, старый турецкій пароходъ, вооруженный двумя небольшими пушками и обычно стоящій на Шатъ-эль-Арабѣ недалеко отъ Новой Бассоры. Бассора, въ сущности, всегда находится на военномъ положеніи, и представители мѣстной власти никогда не чувствуютъ себя въ безопасности. Мѣстнаго губернатора, даже во время его разѣздовъ по городу, всегда сопровождаетъ сильная стража съ заряженными винтовками наперевѣсь. Однако, несмотря и на эти мѣры предосторожности, нѣкоторые губернаторы все же становились жертвами арабовъ. Среди мѣстнаго населенія гораздо болѣе шире авто-

ритетом и влиянием пользуются арабские влиятельные шейхи, которые держат в своих руках не только простое население, но иногда и представителей турецкой власти. Большое влияние шейхов основывается главным образом на колоссальных богатствах, которые находятся в их руках. Главным же их богатством и источником доходов являются обширные пальмовые сады как в окрестностях самой Бассоры, так и по обеим сторонам Шатъ-эль-Араба.

Бассорские финики считаются лучшими не только во всей Месопотамии, но и далеко за пределами Персии и Малой Азии. В Бассоре насчитывают до пятидесяти сортов фиников. Самые сорта потребляются местным населением, для которого они служат не только лакомством, но и одним из основных питательных продуктов: во время же переходов по пустыне тонкий лаваш и несколько фиников вполне заменяют арабу

Левый берег Шатъ-эль-Араба против Новой Бассоры. Оросительный канал.

обойти. Главная же часть сбора фиников служит предметом вывоза не только в соседние страны Азии, но и в Европу и даже в Америку. Уже в конце января начинаются работы в мест-

Канал и мост через Шатъ-эль-Арабъ близъ Старой Бассоры.

ных садах: расчистка оросительных канав и каналов, обновление старых и проведение новых. Пальмовые сады содержатся в образцовом порядке. В конце августа и в сентябре наступает сезон сбора фиников, и в это время Шатъ-эль-Арабъ становится особенно оживленным. Масса судов, больших и малых, в это время непрерывно движется вверх и вниз по реке. Однако пальмовые сады являются для местного населения не только источниками доходов, но в то же время, благодаря обильному орошению их, рассадником злокачественной лихорадки, особенно свирепствующей в период разлива Шатъ-эль-Араба. Вообще климат в окрестностях Бассоры нельзя назвать здоровым. Уже с конца апреля и до октября здесь стоит нестерпимая жара, которая дается особенно невыносимой при горячих западных ветрах, нередко приносящих из пустыни тучи раскаленного песка. Уже в мае градусник по Цельсию, нередко даже в тени, поднимается до 50°. В это время Бассора словно вымирает: жилищные классы выжидают в дуги, больше прохладных, места, беднота же скрывается в подвальных помойниках жилищ. Самым лучшим в Бассоре считается время с декабря по май.

Сестры.

Рассказ Н. Кипренского.

(Продолжение).

Иногда прибегала сиделка, нажимала кнопку звонка, брала трубку домашнего телефона и требовала лечь. Это для больного Побединой.

— А что, Марья Герасимовна не устала? — спросила она сиделку.

— Да, должно-быть, что очень устала, да только никого не подпускает. Часто температуру мѣряет, записывает... Такой, говорю, ответственный случай, и мы, сестры, непременно должны сами...

Когда сиделка ушла, Ирина Аркадьевна захлопнула книгу и стала переносить расхаживать по небольшой комнатке. Взглянула на часы, — прошло уже часа три с тех пор, как она вышла из палаты.

Но ведь она там должна быть смертельно утомлена и измучена. Нужно пойти и во что бы то ни стало смѣнить ее. И она хотела идти и заставить Победину дать себе отдых. Но мысль, все та же мысль, что она опять холодно оттолкнет ее, остановила Кутасову.

В это время прибегала сиделка и позвала ее к раненому Эхману, который проснулся от острой боли в области раны. Она поспѣшила туда, успокоила больного, но тот уверял, что чувствует страшное жжение, и умолял снять повязку, освѣжить рану и наложить новую.

Она рѣшилась на это. В сущности, ей следовало бы позвать дежурного ассистента, но она была уверена, что причиной тут была чрезвычайная нервность Эхмана, и самавольно сняла повязку, промыла рану, в которой не нашла ничего подозрительного, и перевязала ее вновь, а Эхману дала еще каплю. Эхман совершенно успокоился, с благодарностью пожал ей руку и опять заснул.

Ирина Аркадьевна направилась к Побединной. Та теперь стояла у изголовья своего больного и осторожно измѣряла его темпера-

туру. Лицо у нея было беззаботно утомленное, но на Кутасову она взглянула только мельком и сейчас же отвела от нея глаза. Ирина Аркадьевна машинально повернула обратно и вышла.

Теперь она села за стол, подперла голову руками и сидела неподвижно. В больнице была тишина. Иногда из какой-нибудь палаты доносился тихий стон больного. Днем не слышный бой часов, висевших в вестибюле над главной лестницей, теперь явственно доносился ей, что было уже три часа ночи.

Прошло еще минут двадцать. Послышались шаги. Вошла Марья Герасимовна. Лицо ее было измученное, глаза утопали в темных кругах.

Войдя, она схватилась за спинку стула, а потом в изнеможении опустилась на него.

— Вы его оставили? — почти непроизвольно вырвалось у Кутасовой.

— У него 37,8... а было 39. Там сиделка...

Кутасова поднялась. Она чувствовала необходимость объясниться с нею. Но разве это можно, когда она совѣтъ без сил? Ее бы уложить в постель... Но в то же время для нея было ясно, что это все не то, что нужно, и не в этом дѣло. Чувствовалось, как будто у нея есть какая-то вина против этой женщины.

Ну да, конечно: она заподозрила ее в несерьезности, в легкомыслии, в игре, а она вон как способна отдавать себя дѣлу, и это дѣло у них общее. Они могли бы дружно работать, в полном согласии, а не так, как вот теперь, стоя спиной друг к другу. И Кутасова приблизилась к ней:

— Слушайте, Марья Герасимовна... Я хочу сказать вам... Я страшно, страшно виновата... Я вас оскорбила мыслью, и вы прочитали ту мысль... Ведь так же, так? Вы чуткая, вы не могли не почувствовать... Но это я по незнанию жизни... Я так глупо воспитана... И оттого вы отвернулись... Вы правы, если презираете меня...

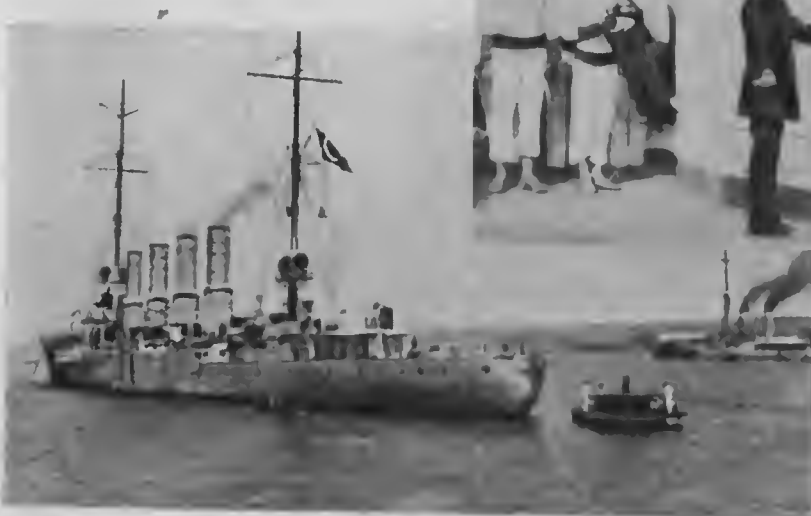
Фортъ Седъ-Эль-Баранъ на берегу Дарданелль.

— О, познате... И Побѣдина повернула к ней лицо и улыбнулась ей и протянула руку:

— Ну, давайте помиримся. Ну, конечно, это недоразумѣніе. Вы такая красивая... Красота не может быть злой. Поцѣлуйте меня. Что вы! Что вы! Слезы? Ну, милая... Я же знаю, я понимаю... Ну, вот мы и друзья...

Они поцѣловались и крѣпко пожали друг другу руки.

— Вот что, голубчик Ирина, идите туда... Все-таки лучше, чтобы мы сами... Яда уже не нужно. Но онъ долженъ быть наготовѣ, и чуть выше восьми десятых—

Турецкій крейсеръ „Бреслау“, купленный у Германіи и оперирующій на Черномъ морѣ вмѣстѣ съ дредноутомъ „Гебенъ“. „Бреслау“ — одного типа съ крейсеромъ „Мадебургомъ“, съѣвшимъ на намни въ Балтійскомъ морѣ и потопленнымъ нашими крейсерами.

опять ледь... А я здѣсь покурю... Что подѣлаете. — прибавила Марья Аркадьевна съ улыбкой: — привычка: а потомъ капельку усну на диванѣ. Въ семь часовъ придетъ Антонъ Михайловичъ, тогда разбудите меня, дорогая, но только вытрите слезы. Ахъ, какая вы...

Кутасова вытерла слезы и вымыла лицо и отправилась въ палату.

IV. После этого они оба принялись за дружную работу, и никогда у них не бывало никаких недоразумѣній. Как-то разомъ они постигли

На турецкомъ крейсере. Приготовленіе орудія къ бою.

друг друга, и каждая поняла и признала особенности другой. Кутасовой стало ясно, что те вышние примѣты и приемы — подведеніе глазъ, куреніе папиростъ и т. п. — являются только привычками среды и не имѣютъ никакого отношенія къ сущности характера и сердца и несколько не мѣшаютъ Марье Герасимовнѣ искренно отдавать дѣлу всю свою душу. А душа эта оказалась красивой и просто обворожительной. Кутасова открыла въ ней новый міръ, который притянулъ ее къ себѣ, и Побѣдина сдѣлалась для нея необходимой.

Съ своей стороны и Побѣдина примирилась съ той вылощенной и условной любезностью, съ искус-

Дарданеллы. Линіи турецкихъ фортъ на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ, охраняющихъ проходъ въ Константинополь.

ственно-обворожительной манерой говорить, — манерой, в которой утопала личность, и нельзя было разобрать искренно это или нарочно. Она поняла, что это лишь результат ефетской выправки, а сама по себѣ Кутасова проста, сердечна и искренна, какъ всякая женщина съ хорошимъ сердцемъ.

Потомъ онѣ сошлись еще ближе, и тотъ новый міръ, который открылся передъ Ириной Аркадьевной, оказался богатъ и поучителенъ для нея. Это былъ большой жизненный опытъ Марьи Герасимовны. Несмотря на свои двадцать шесть лѣтъ, она знала жизнь, „какъ свою ладонь“, — такъ она объ этомъ говорила.

И когда Ирина Аркадьевна въ порывѣ откровенности разсказала ей свою трагическую исторію, она усмѣхнулась и совсѣмъ спокойно замѣтила:

— Ахъ, милая, такъ бываетъ всегда, такъ дѣлаютъ всѣ. Всегда были ловцы, разставляющіе сѣти, и неосмотрительныя птички, попадающія въ нихъ. И если дѣвушка въ семнадцать-восемнадцать лѣтъ не вышла замужъ, то-есть не прошла установленный казенный курсъ опытности, то рано или поздно непременно является ловецъ, и она попадаетъ въ сѣти. Но зачѣмъ же сморѣть такъ трагично, мой ангелъ Ирина? Вѣдь, такъ или иначе, надо же познать жизнь, и въ концѣ концовъ мы всѣ это дѣлаемъ. А что касается этихъ господъ, то если это дѣлаютъ многіе, такъ справедливо ли убивать одного? Моя жизнь, — говорю это вамъ просто, — не была образцомъ цѣломудренности, но это не помѣшало мнѣ сохранить чистое сердце. Увѣряю васъ, — чистое, какъ слеза... Вообще первой драмѣ своей дѣвушкѣ придаютъ слишкомъ большое значеніе. Есть женщины, которыя драмой начинаютъ жизнь, но есть другія, которыя драмой кончаютъ ее, — этимъ гораздо труднѣе, потому что первыя всегда еще могутъ завоевать счастье, а послѣднія уже нечѣмъ воевать...

И когда сестры приходили въ палату по окончаніи всѣхъ обязательныхъ дѣлъ, просто для того, чтобы помогать спонимъ раненымъ провести время, у каждой изъ нихъ было свое дѣло и свои кліенты. Ирина Аркадьевна, съ виду сухая и сдержанная, въ душѣ была чувствительна, и во всемъ у нея преобладала легкая драматическій отбѣнокъ. Далеко не чужды были ей души и сентиментальность и экзальтація. Глаза ея обладали способностью при малѣйшемъ поводѣ наполняться слезами.

И когда какой-нибудь раненый солдатикъ, испытывая подобное настроеніе, иноминиалъ о своей родинѣ, о близкихъ людяхъ, то ужъ Ирина Аркадьевна непременно сидѣла около него, долго и терпѣливо выслушивала его изліянія и выражала ему сочувствіе.

Среди раненыхъ были особенно склонные къ меланхолическому настроенію. Таковы, напримеръ, были Эхманъ, который иногда по цѣлымъ часамъ лежалъ неподвижно, съ глазами, устремленными въ неопредѣленную точку, и все думать объ оставленныхъ имъ гдѣ-то въ Волынской губерніи матерн, женѣ и чужихъ дѣтяхъ. Всегда въ такихъ случаяхъ къ нему подходила Ирина Аркадьевна. Ее тянуло къ такимъ настроеніямъ, и она какъ бы чутьемъ угадывала это. Подойдетъ, остановится, взглянетъ:

— Ну, что, Эхманъ, опять задумался о своихъ?

Эхманъ, гордившійся своей воспитанностью и деликатностью, быстро приподымался и садился на постель.

— Ну, а какъ же! — говорилъ онъ, печально-унылымъ голосомъ. — О комъ же думать, какъ не о нихъ? Вѣдь и они тамъ обо мнѣ думаютъ... Развѣ итъ? — спрашивалъ онъ и какъ будто боялся, что она можетъ сказать: — нѣтъ.

Но Ирина Аркадьевна знала, что нужно говорить, чтобы утѣшить его.

— О, навѣрно такъ. Они все время думаютъ о васъ, такъ же, какъ и вы о нихъ.

Потомъ она присаживалась около него на табуреткѣ.

— Разскажите, Эхманъ, про вашу жену. Какая она? Какъ ее зовутъ?

Эхманъ сейчасъ же оживлялся. Ему именно этого хотѣлось: кому-нибудь разсказать про свою жену и про дѣтей, чтобы кто-нибудь его слушалъ. И онъ начиналъ:

— Ее зовутъ Лія... Лія Абрамовна. Она такая худенькая и роста небольшого, и у нея золотые волосы, совсѣмъ-совсѣмъ какъ червонное золото. И она очень любитъ меня. Когда я ухаживалъ на войну, она заливалась слезами и говорила, что если меня убьютъ, то и она умретъ. А я сказалъ ей, что она должна жить, потому что у насъ есть маленькія дѣти. Нашему сыну четыре года, а дѣвочкѣ только два. И у сына такіе же золотые волосы, какъ у Ліи, а дѣвочка въ меня — она брюнетка, и у нея черные глаза.

Онъ много говорилъ: иногда онъ останавливался, и тогда Кутасова задавала ему вопросы. Видимо, человѣкъ насыщался и утолялъ жажду собственнымъ разсказомъ, глаза его прояснялись, меланхолія постепенно отлетала отъ него.

Были и другіе солдатикъ, любившіе грустное настроеніе и благодарные Ирине Аркадьевнѣ за то, что она цѣлые часы сидѣла съ ними и выслушивала ихъ жалобы.

Марья Герасимовна совсѣмъ не была способна на это. Случалось, что и ей жаловались и начинали передъ нею изливаться

о деревнѣ, о родныхъ, о коровѣ съ теленочкомъ. Но она всемо умѣла придавать характеръ здоровой веселости, хлопала мечтателя по плечу и говорила:

— Э, полно, милый, что тамъ, — всѣ здоровы, и жена, и сестра, и коровка, и теленочекъ. Что имъ станется? Вѣдь они въ деревнѣ, на волюномъ воздухѣ, а не на войнѣ и не въ лазаретѣ.

И солдатикъ ободрялся и весело улыбался. Но потребность поплачоваться этимъ не укрощалась, она только пряталась и уходила въглубь, а потомъ опять выступала и томилъ человека, и ужъ рано или поздно Ирина Аркадьевна должна была воспринять меланхолическія изліянія души.

И въ то время, какъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ Кутасова сочувственно выслушивала интимную повѣсть о женѣ или невѣстѣ, оставшихся въ деревнѣ, въ другой части палаты собирались весельчаки и окружали Марью Герасимовну. Обыкновенно „главной квартирой“ избиралось мѣсто около кровати татарина Кардамытова, который еще не могъ свободно передвигаться, а между тѣмъ страстно любилъ, чтобы около него было весело. А ужъ по этой части Марья Герасимовна была мастерица. Она и сама умѣла разсказывать смѣшныя исторіи, но прибѣгала къ этому лишь въ крайнихъ случаяхъ; еще лучше она умѣла заставлять другихъ дѣлать это, и сами солдатикъ становились разсказчиками. Она „заводила“ кого-нибудь изъ нихъ, и тотъ начиналъ. Тутъ и подлинныя исторіи, и анекдоты, и сценки, кто что умѣлъ; но Побѣдина вставляла свои словечки, такіе отсмѣнные, что вся аудитория заливалась смѣхомъ.

Она обладала способностью творить вокругъ себя веселое настроеніе. Въ то время, какъ у Кутасовой отношенія съ больными установились хоть и пріятельскія, но основанныя на почтительности, у Побѣдиной они имѣли характеръ товарищескій. Она рѣшительно со всѣми ранеными была уже на „ты“, называла ихъ Васенька, Петенька, Алѣха, какъ они сами хотѣли, а ее они называли „сестрица Маша“, — она отъ нихъ этого потребовала.

Мастерица она была на всѣ руки. Когда она замѣчала, что къ исторіямъ, разсказываемымъ то тѣмъ, то другимъ, — при чемъ она давала имъ направленіе, — интересъ ослабѣваетъ, она вплотную напѣвала пѣсню — то народную, то фабричную, то какіе-нибудь куплеты изъ водевилей, то читала наизусть стихи, всегда выбирая что-нибудь характерное и веселое. Откуда-то брались карты, и цѣлая компанія присаживалась у незанятой кровати и играла въ дурачки. Были и шашки, которыя тоже всѣмъ нравились. Но неизмѣнно съ нею, чтобы она участвовала, потому что это было весело. Безъ нея никому и въ голову не приходило засаживаться за игру. Тогда это была бы просто игра, и довольно скучная. Но съ ея языка такъ и сыпались замѣчанія и словечки, отъ которыхъ не умолкалъ смѣхъ.

Но у обѣихъ въ запасѣ всегда была книга. Раненые и сами почитывали и книги и газеты, которыя приносили имъ сестры, но не всѣ были настолько грамотны, чтобы это могло ихъ удовлетворить, а были и совсѣмъ не читающіе, а главное, это же было совсѣмъ не то. Слушать ясное, выразительное, толковое чтеніе сестеръ — это было совсѣмъ особое удовольствіе.

И въ этомъ дѣлѣ Кутасова и Побѣдина такъ же различались, какъ и во всемъ остальномъ.

Кутасова всегда выбирала чувствительныя, полныя глубокимъ страстей, романы. Читала она нѣсколько монотонно, но голосъ ея былъ густой и красивый, и имъ искупались недостатки искусства. И ея чтеніе обыкновенно слушали съ замираніемъ сердца, а нѣкоторые, еще слабые, оно даже утомляло, такъ какъ вызывало напряженіе вниманія и нервовъ. А были и такіе скептики, которые махали рукой и не хотѣли слушать:

— Ужъ сестрица всегда такое чувствительное выберетъ, что плакать хочется. А что хорошаго плакать-то? Въ жизни и безъ того наплачешься.

Но были и искренніе поклонники, которые могли слушать ее по цѣлымъ часамъ. Словомъ, у нея была своя публика.

Книги, которыя приносила для чтенія Марья Герасимовна, были точнымъ отраженіемъ ея характера. Она безподобно читала Гога. „Тарасъ Бульба“ просто восхищала слушателей. Особенно казакъ Запайло прямо неистовствовалъ, когда она читала эту книгу. Еще въ большемъ ходу былъ у нея Некрасовъ, приводилъ въ восторгъ и чеховскіе разсказы. Это былъ ея главный репертуаръ.

И такъ хорошо чувствовали себя съ ними солдатикъ, что не было у нихъ вовсе скучныхъ часовъ, и тѣ, кому послѣ окончательной поправки приходилось выходить изъ лазарета, чтобы отправиться домой или вновь въ армію, осыпали ихъ горячими благодарностями и даже проливали слезы.

— Никогда не забудемъ васъ, сестрицы. Вотъ ужъ подлинно всю жизнь будемъ помнить. И не всякому Богъ посылаетъ такихъ родныхъ сестеръ, какъ вы были для насъ, простыхъ людей.

Такъ говорили они, прощаясь съ сестрами, а потомъ присылали имъ полныя благодарныхъ словъ открытки съ дороги, изъ деревни, съ позицій, куда кого забрасывала судьба.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Приключенія Лизы.

Разсказъ Б. П. Никонорова.

(Продолженіе).

И далѣе напоминаетъ Лиза.

Опять душный и тѣсный вагонъ. И какой вагонъ! Въ немъ только что везли скотъ, и пѣсь полъ въ вагонѣ загаженъ коровьимъ навозомъ. Но уже не обращая вниманія на грязь, сюда забираются мужчины, женщины и дѣти и въ страшной тѣсотѣ, такъ что нельзя протянуть ногъ, ѣдутъ все далѣе и далѣе въ какія-то невѣдомыя мѣста. Знающіе люди говорятъ Лизѣ названія мѣстъ и городовъ, — но что толку отъ этихъ названій, когда никто не можетъ сказать и объяснить ей, далеко ли отсюда до ихъ хутора или по крайней мѣрѣ до Ковалишекъ или Пруссова?.. Лизѣ кажется, что страшная и загадочная пойна уноситъ ее и другихъ русскихъ людей, словно бѣшенный вихрь, невѣдомо куда, отрывая ихъ отъ родной страны, какъ отрываетъ внезапно налетѣвшая буря деревья отъ земли... Нѣкоторые изъ спутниковъ увѣряютъ Лизу, что пѣмцы хотѣли отправить ихъ всѣхъ въ Россію, но Лизѣ не вѣрится... Какъ же это можетъ быть, если отъ русской границы, отъ Янова и Ковалишекъ и слѣда уже не осталось?

Лизѣ напоминаются разныя странныя происшествія... Она

Константинополь въ дни войны. Турецкая кавалерія выступаетъ изъ Константинополя.

помнить, какъ усталый и голодный Тарасевичъ сталъ просить вѣмцаго солдата выпустить его изъ вагона, чтобы достать на станціи хлѣба. Солдатъ не пускалъ его, и тогда Тарасевичъ разсердился и обругалъ солдата. Послѣдній, не говоря ни слова и даже не измѣнившись въ лицѣ, какъ заведенная машина, размахнулся ружьемъ и всадилъ Тарасевичу штыкъ въ спину. Тарасевичъ только удивленно раскрылъ глаза и безмолвно упалъ на спину. Его вытащили сейчасъ же изъ вагона. Пришелъ фельдфебель и сталъ кричать, что всѣхъ русскихъ перестрѣляютъ...

Потомъ Лиза вспоминаетъ, какъ во время пересадки (ихъ нѣсколько разъ пересаживали изъ поѣзда въ поѣздъ) она пробиралась по вагону и въ страшной тѣсотѣ загнулась обо что-то мягкое. Она наклонилась поглядѣть, на что именно она наступила, — и въ ужасѣ отшатнулась: подъ ея ногой было человеческое лицо, и лицо это смотрѣло на нее остановившимися стеклянными глазами. Лиза узнала его: это былъ несчастный салонникъ изъ Янова, Ицка Европа. Его везли, какъ мертвое тѣло, уже нѣсколько дней. Онъ ничего не понималъ, ни на что не отзывался, не шевелить ни рукой ни ногой. Во время одной изъ слѣдующихъ остановокъ его куда-то убрали, и Лиза его больше не видала, но въ памяти у нея на всю жизнь осталось его блѣдное, безжизненное лицо, на которое она наступила ногой, какъ на неодушевленный предметъ.

Константинополь въ дни войны. Передъ выступленіемъ

Прошло нѣсколько мутныхъ, словно повитыхъ густымъ туманомъ, дней. Наконецъ въ одномъ изъ городовъ русскихъ пѣмницъ опять высадили изъ поѣзда, опять свезли, окруживъ солдатами, по улицамъ среди безчисленнаго народа и привели за городъ. И тамъ заперли въ ескетомъ сараѣ. Говорили, что отсюда русскихъ повезутъ по морю. Но куда? Одни увѣряли, на какой-то островъ, чтобы жать тамъ розы для нѣмцевъ, другіе же говорили, что по морю русскихъ переправятъ въ Россію. Лиза не могла понять, какъ это можетъ статся, чтобы въ Россію изъ нѣмечины везли по морю, когда всѣ ѣздили изъ нѣмечины въ Россію по суку. При чемъ тутъ море? Вотъ въ Америку дѣйствительно ѣздить по морю: двоюродный братъ Лизы, Лазаръ, въ позпрошломъ году поѣхалъ туда черезъ Либаву искать счастья за моремъ; онъ дѣйствительно десять сутокъ плылъ на кораблѣ, и земли, — писалъ онъ, — кругомъ не видно было. Такъ вѣдь это Америка, а не Россія!

Лиза разспрашивала на этотъ счетъ вѣсколькихъ людей — и барынь и господъ. Но одинъ ничего ей не отвѣчали, потому что были слишкомъ опечалены и замучены, другіе объясняли что-то непонятное, будто бы сначала

нужно ехать совсем в сторону от России для того, чтобы попасть в нее. Лиза не могла взять в толк этого. Ей хотелось поговорить с доброй и умной киевской дамой, матерью маленькой Лизы, но киевская дама куда-то исчезла. Лиза не встречала ее с того времени, как сидела в тюрьме. С того времени пропало еще несколько человек: родители остались без детей, дети без родителей, братья без сестер, мужья без жен. Говорили, что будто бы немцы нарочно разделили родственников друг от друга и одних оставили в том городе, где была тюрьма, а других отправили дальше...

В скотском сарае помещалась также и бойня. Пахло навозом, свѣжей кровью и каким-то гнильем. Полъ былъ такой грязный, что даже привыкшую къ грязи Лизу тошнило. За невысокой перегородкой били свиней, и свиньи визжали такъ громко, что было больно ушамъ. Патиники еле могли выносить все это и просились наружу, на свѣжий воздухъ, но немцы не пускали и хохотали, приговаривая:

— Русская свинья попала въ свою компанію. Русскую свинью тоже будутъ скоро рѣзать. Полюбуйтесь, какъ это здѣсь дѣлается

Семья короля-героя. Ея Величество Королева Бельгии Елисавета съ дѣтьми: принцемъ Леопольдомъ, герцогомъ Брабантскимъ (11 лѣтъ), принцемъ Карломъ, графомъ Фландрскимъ (9 лѣтъ), и принцессой Маріей (7 лѣтъ)—у дворца въ Брюсселѣ, за годъ до войны.

Дѣти бельгійскаго короля въ Лондонѣ. Король Альбертъ и королева Елисавета остались со своей доблестной арміей. Помѣщенная здѣсь фотографія снята двѣ недѣли тому назадъ, въ день рожденія короля Альберта. Дѣти короля Альберта выходятъ изъ храма послѣ торжественнаго молебствія.

Ночью въ темнотѣ и духотѣ, подъ гомонъ плача и тяжкаго бреда не одной сотни людей, Лиза спросонку почувствовала, что ее обнимаютъ за шею дѣтскія ручки. Она вздрогнула, но сейчасъ же узнала, кто это. Это была маленькая киевская Лиза, потерявшая мать, но нашедшая себѣ покровительницу—Лизу большую.

— Пить!—стонала дѣвочка:—пить хочу! Дай мнѣ пить!

— Гдѣ же я тебѣ достану пить?—спрашивала Лиза.

— Мнѣ тяжело!.. Пить!—плакала Лиза маленькая и, вся мокрая отъ слезъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, прижималась къ большой Лизѣ.

Та не могла вынести дѣтскихъ слезъ и мучений, встала и пошла къ караульному солдату и стала умолять его наполовину по-русски, наполовину по-нѣмецки:

— Дайте Христа ради воды! Вассеръ!

— Кемъ вассеръ?—сердито отвѣтилъ сторожъ.—Ступай къ чорту!

Не для меня... Для ребенка!..

И Лиза встала предъ солдатами на колѣни. Жестокое сердце какъ будто тронулось. Солдатъ вышелъ на улицу и вернулся съ ведромъ. Лиза съ благодарностью схватила ведро и побижала къ дѣвочкѣ. Но когда заглянула въ ведро, то не могла утерпѣть и зарыдала:—въ ведрѣ, въ мутной жидкѣ, плавали большой кусокъ коровьяго навоза!..

Дни идутъ за днями, и нѣтъ конца ихъ тяжкому мутному шестью. Лизѣ кажется, будто

Король-воинъ.

Бельгійскій король Альбертъ не только предводительствуетъ своей доблестной арміей, но и сражается въ ея рядахъ, плечомъ къ плечу, въ окопахъ, дѣлая со своими воинами народомъ негъ жизни и опасности.

Народу Бельгии.

Пусть всюду смерть и прахъ, пусть вѣтъ страны печаль,
Пусть торжествуетъ врагъ побѣду надъ тобой,—

Борьба не кончена,—ты встанешь изъ развалинъ

Съ героической славой, съ превращеніемъ суцѣбой!
Пройдетъ тяжелый брѣчъ воинственнаго гола—

И жизнь разбудитъ вновь подземные вѣсны,
И надъ твоей страной грядущаго восхода
Прольются мирные и свѣтлые лучи.

Земля, усталая отъ стонанья и насилия,
Уви цѣль новыя міры, волшебный край во снахъ,
И на поляхъ войны цвѣты прекрасныхъ лицъ
Взойдутъ, молниеносно вминая тишину!

И, слушая сквозь сонъ сѣдыхъ былины разсказы,—

Сѣдыхъ время войны, прошедшихъ безъ слѣда,—

На землю упадутъ святой росы алмазы,
И вспыхнетъ первая вечерняя звѣзда...
И, много лѣтъ спустя, пѣ лучахъ твоей короны
Прошедшихъ подвиговъ не будетъ меркнуть свѣтъ.

Придетъ забвеніе, неся свои законы,
Но подвигъ будетъ жить—геройству смерти нѣтъ.

Вѣнчать страданія намъ вамъ не завянуть.
Пройдутъ столѣтія... Пройдетъ глухая боль—
И для вѣстей твоихъ святымъ девизомъ станетъ:
«Родная Бельгія и доблестный король!»

Вл. Краковецкій.

она уже умерла, и вмѣсто нея живетъ какая-то другая, новая Лиза, съ которой случаются не эти необыкновенныя приключенія. Сколько дней прошло съ той поры, когда она отправилась въ Пруссию къ Крейслеру купить лѣкарства для заболѣвшаго брата? Сколько дней тянется это небывалое, необыкновенное путешествіе вмѣстѣ съ множествомъ другихъ страдающихъ людей? Лиза потеряла счетъ времени, да и само время какъ будто остановилось и превратилось въ какой-то мутный туманъ.

Потокъ русскихъ страдающихъ людей—мужчинъ, дѣтей и женщинъ—понекому все тѣнется куда-то въ неизвѣстную даль, въ невѣдомыя для Лизы страны. Люди обносились, загрязнились, замучились. Многие до этого времени лѣчили на нѣмецкихъ водахъ, да такъ больными и выѣхали оттуда въ это страшное путешествіе. Иные еле бродятъ, другіе совсемъ слегли, и ихъ носятъ на рукахъ. А немцы плохо кормятъ ихъ, почти морятъ голодомъ, застраиваютъ ихъ, издѣваются надъ ними. А въ городахъ толпа издѣвается надъ оборванными русскими людьми. Толстые немцы плюютъ вслѣдъ русскимъ, кричатъ: „Pflui!“ „Russische Schweine!“ Даже маленькія дѣти кричатъ гадкія бранныя слова.

— Чтѣ это такое? Почему все это?—допытывается Лиза. И въ отвѣтъ получаетъ одно: это—война! Война безъ сраженій, безъ скачу-

Героини долга.

Бельгійскія телефонистки въ Лувенѣ, Валерія ди-Мартинали и Леонія ванъ-Линтъ, не покинули своего поста во время осады города и продолжали до момента разрушенія станціи передавать по телефону донесенія въ бельгійскій генеральный штабъ. Благодаря ихъ сообщеніямъ о передвиженіяхъ непріятеля, бельгійская армія отошла въ полномъ порядкѣ.

ищих на конях солдат, без выстрелов, но все-таки война, у которой есть также еще и другое имя: „страдание“...

Но вот начинается что-то новое.

Рано утром в дверную щель вагона (окна были плотно закрыты, и солдаты грозились стрелять в того, кто осмелится выглянуть) засияла ослепительная солнечная вода. Поезд остановился, и путешественников выгнали вон, на свежий воздух.

Лиза вскрикнула от изумления: пред нею, за оградой вокзала, между станционными зданиями, ярко сверкала широкая и бесконечно-далекая вода. Лиза никогда в жизни не видела такого водного пространства.

— Морю! — говорили ей спутники.

Так вот оно какое, это море! Лизе стало жутко и несказанно интересно. Она не могла оторвать глаз от сверкающей воды. Немцы грубо толкнули ее и приказали идти следом за другими.

Куда мы теперь поведем? — робко спросила она знакомую женщину.

— Говорить, по России, милая.

— Там Россия? — радостно спрашивает Лиза, показывая на еле видную полосу земли, где кончается вода.

— Нет, там Дания! — отвечают ей. Нам сначала повезут в Данию.

Лизе хочется спросить, зачем их повезут в Данию, когда и ей и всем остальным русским нужно только по России и больше никуда? Неужели и на это отвечают: „война“? Но Лиза боится показаться глупой и спрашивает другое:

— А скажите, будьте такие добренькие, далеко отсюда до Ковалишек?

Никто не отвечает ей на этот вопрос, и Лизе кажется, что Ковалишки теперь уже совсем нить на свете, раз о них никто и говорить не хочет. У нее навертываются слезы на глаза. Жаль Ковалишек!

Русских ведут громадной толпой к берегу. У набережной стоит вереница длинных черных барок. Неподалеку дымят и выпускают шиншил пар небольшой пароход. В барках этих, должно-быть, возили скот, потому что в них много со-

ломы, от них пахнет хлбвом. Путешественники набиваются в барки до тесноты. К Лизе опять прильнула ее маленькая тезка и со страхом и любопытством смотрит на невиданную картину. Пароход громко свистит — и представьте ужас и восторг с тем крайнее изумление обих Лизы: берег отдален от барж и плывет куда-то в сторону. Потом оказывается, что берег стоит на месте, а плывут сами баржи. Пароход тащит их за собой по страшному светлему морю. Из-под кормы у парохода бьет ключом белесая вода и разлетается пыльными зелеными вбром навстречу догоняющим пароход баржам.

Долго тянется бада по светлему и спокойному зеленоватому морю. Вот наконец и противоположный берег.

— Слава Богу! — говорят русские и радостно крестятся. — Кончилась Германия!

Лизе становится тоже совершенно ясно, что Германия — страшная, мучительная Германия — кончилась, прошла, как проходит тяжкая болезнь. Здесь на берегу совсем другое: другие люди и другое обращение.

Под деревьями, в сочной зелени кустов и травы, накрыты длинные столы, уставленные всякой едой и питьем. Бывает молоко из кувшинов, дымятся горячие булочки и котлеты, краснеет земляника на блюдах... Никто не кричит на русских, не бранится, не сгоняет их в шеренги, не грозит разстрелять... Женщины в ярких безрукавках и чепчиках, дети в вязаных колпачках, радостные, улыбающиеся, хлопчут около столов и кругом пафнуков... Это не немцы!

Никто из них не говорит по-русски... Но то, что говорят на своем языке эти добродушные и ласковые люди, понятно и Лизе и остальным русским людям.

— Пожалуйте, отдохните, закусите чем Бог послал!

Это тоже походит на сон, но только совсем иной сон. От этого сна Лиза уже не хотела бы никогда просыпаться... Но где же все-таки Россия, и как попасть в Ковалишки и хутор „Приволье“, к больному Науму, к отцу? И Лиза крепко прижимает к себе заветную коробочку с лекарствами...

(Окончание следует).

Германский богдыханъ.

Очерк Аркадия Пресса.

Перепечатка воспроизводится.

1.
„Король-солнце“, Людовик XIV, занимавшийся всю жизнь войнами и интригами, наполнивший страну нищетою и религиоз-

ной истеричностью, заточивший лучших людей Франции в Бастилию, обижать однажды в парламент в шляпе и с хлыстом в руках и заявил во всеуслышание:

Немец!

Этот сильный и пылкий германский солдат, ворвавшийся в скромный дом бельгийского рабочего, олицетворяет собою всю многомиллионную армию немцев, вторгшихся в беззащитную страну, освященную храмами и семейными очагами...

Вильгельм II король прусский и император германский, любитель музыки и живописи, „просвещенный“ правитель, питающий склонности к наукам и религии, служащий самым обидливым и читающим проповеди, сказал в Потсдаме молодым рекрутам:

— Вам придется стрелять в своих матерей и братьев!

В сентябре же 1897 г. в Кобленце император Вильгельм громко объявил своему народу:

Походный дом Вильгельма.

Дом этот сооружен из асбеста и отапливается нагретым воздухом. В нем устроены большая приемная и спальня. Дом этот переносной и следует за императором в его постоянных переездах с восточного фронта на западный и обратно. Как сообщили газеты, английские летчики следили за передвижениями Вильгельма, и одному летчику недавно удалось бросить бомбу в главную квартиру императора, но Вильгельм успел за четверть часа до этого уехать в автомобиль.

— Государство, это — я!

В своих же „Мемуарах“, составленных пм в старости, Людовик XIV записал:

„Власть короля от Провидения, — источник власти в Боге, поэтому короли за свою власть дают ответ только одному Богу“...

Император Вильгельм с бывшим начальником германского генерального штаба фон-Мольке.

Смотр германской гвардии „с тыла“.

Император Вильгельм производит в Потсдаме смотр своему первому гвардейскому полку. Не довольствуясь видимой вышавкой своих героев-парада, император Вильгельм не только обходит войска перед строем, но и проходит по рядам сзади.

Рукопожатие врагов. Император Вильгельм и французский генерал По.

„Правая рука“ генерал-лейтенанта Жоффра, генерал По, потерял свою правую руку в бою, в франко-прусскую войну. Как известно, император Вильгельм почти не владеет левой рукой. Помещенный здесь снимок представляет встречу (последило до пятнадцатой войны) императора и генерала По на нейтральной почве, в Швейцарии, на маневрах. Лицемерно пожимавший своей владетельной правой рукой единственную левую руку героя-француза, император Вильгельм отлично знал, что он жмет руку будущему врагу; но он вряд ли предвидел, что эта левая рука так скоро поразит его в правую руку.

Германская главная квартира. Мѣстонахождение ея нѣмцы тщательно скрываютъ, но, повидимому, это — или Кобленцъ или Люсембургъ.

„Вильгельмъ I показалъ и придалъ высокое сѣніе сокровищу, которое мы должны свято сохранять: это — царство Божьей милостью, царство со своими тяжелыми обязанностями, своимъ страданіемъ и неустанными трудами, а также со своею грозною отвѣтственностью передъ единымъ Творцомъ, которой ни одинъ министръ, ни одна палата депутатовъ, ни одинъ народъ не могутъ снять съ монарха!“

Людовикъ XIV жилъ въ XVII вѣкѣ, Вильгельмъ II — нашъ современникъ.

Вильгельмъ II возвращаетъ Европу не только къ XVII столѣтію, но къ еще болѣе раннимъ эпохамъ. Отъ Вильгельма II и его политики вѣетъ императорскимъ Римомъ, его лицемѣріемъ и кровожадностью.

Одинъ нѣмецкій профессоръ исторіи напечаталъ брошюрку о римскомъ императорѣ Каракаллѣ. Брошюрку эту прочиталъ Вильгельмъ II и одобрилъ. Но затѣмъ прусская цензура узрѣла въ характерѣ и политикѣ Каракаллы поразительно сходство съ характеромъ и политикой Вильгельма II и поняла, что эта брошюрка — памфлетъ на императора. Одобренная Вильгельмомъ книга была изъята изъ продажи, и авторъ подвергся всякимъ преслѣдованіямъ.

Генералъ Гинденбургъ, командующій арміей на восточномъ фронтѣ — противъ Россіи и только-что произведенный въ генералъ-фельдмаршалы.

Чтобы проникнуть въ мысли Вильгельма II о возрожденіи „монархін Божьей милостью“ и понять направленіе его ума и политики, надо обратиться къ самому источнику этой знаменитой теоріи „власти отъ Бога“, къ произведенію самого „короля-солнца“ Людовика XIV.

„Въ государствѣ, — говоритъ Людовикъ XIV: — существуетъ только одинъ законъ, это — воля монарха. Король — замѣститель Бога на землѣ. Онъ обладаетъ всей полнотой высшей власти въ странѣ. Рядомъ съ нимъ нѣтъ больше никакой власти, никакой политической силы, мысли и воли, которая бы не была отъ него зависима. Кроме него существуетъ только Богъ“. („Oeuvres de Louis XIV. — 1806 ind. 6 vol. — Mémoires Historiques et Sustructions de L. XIV pour le Dauphin, son fils“).

„Король самъ все знаетъ и самъ лично все дѣлаетъ. Онъ никогда не назначаетъ себѣ „перваго министра“.

Людовикъ XIV хотѣлъ самъ быть пер-

чтожилъ власть канцлера. Германскіе канцлеры послѣ Бисмарка оказались болѣе или менѣе послушными исполнителями воли кайзера.

Во всякомъ случаѣ рѣчи и направленіе политики „короля-солнца“ и „короля-кайзера“ совершенно одинаковы.

Вступившись въ нѣкоторыя рѣчи и взгляды Вильгельма II, мы приходимъ къ выводу, что современникъ Людовикъ XIV воплотилъ идеи своего прообраза о томъ, что все имущество страны принадлежитъ ей правителю.

По словамъ близкихъ къ Вильгельму людей, проходы государства онъ иначе не говоритъ, какъ „мон ередства“, „мон доходы“, и объ отношеніи его къ государственной казнѣ можно судить по одному факту.

Въ Германіи существуетъ особый фондъ въ три милліона марокъ, предоставленный императору на особыя нужды государства. Обыкновенно онъ тратится на помощь старымъ ветеранамъ, участвовавшимъ въ войнахъ, жертвамъ разныхъ народныхъ бѣдъ и т. п. Фондъ этотъ не входитъ въ такъ называемый „цивильный листъ“, т. е. въ росписъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе императора и Двора.

вымъ министромъ. Онъ не могъ терять при себѣ ни одного мало-мальски выдающагося министра. Тѣмъ не менѣе Людовикъ XIV былъ настолько уменъ, что сохранилъ Кольбера. Истиннымъ правителемъ Франціи оставался Кольберъ, и Людовикъ XIV берегъ его. Вильгельмъ II пошелъ дальше „короля-солнца“, пошелъ въ этомъ отношеніи по стопамъ римскаго Каракаллы. Каракалла, вступивъ на престолъ, удалилъ своего перваго министра.

Вильгельмъ II удалилъ въ 1890 г. Бисмарка и сказалъ притомъ со свойственнымъ ему нахосомъ:

— Я желаю самъ быть своимъ канцлеромъ!

Людовикъ XIV хотѣлъ самъ быть своимъ министромъ, но имъ не былъ. Вильгельмъ II хотѣлъ самъ быть своимъ канцлеромъ и фактически уни-

Генералъ фонъ-Клюгъ, командующій арміей на западномъ фронтѣ — противъ Франціи.

Автомобиль императора Вильгельма, снабженный спереди особымъ приспособленіемъ для разрыванія проволоки, протягиваемой поперекъ дороги.

Позоръ XX вѣка — нѣмецъ-варваръ, зажегшій провавыя пожарища и затоптавшій мирные очаги.

Этотъ яркій образъ юннющей Германіи, созданный Ф. Рейнгольдсомъ, красуется во всей Англіи, какъ иллюстрація къ призыву лорда Китченера, набирающаго свою милліонную армію въ помощь союзнымъ Франціи и Бельгіи. При видѣ этого отвратительнаго чудовища милитаризма невольно тянется къ оружію каждая рука, которая въ силахъ владѣть имъ.

Между тѣмъ Вильгельмъ II на особый фондъ въ три милліона марокъ смотритъ, несомнѣнно, какъ на свою собственность и вѣроятно не стѣсняется тратить его на маскарады, костюмы, праздники, всякія архитектурныя затѣи и т. п.

Рейхстагъ въ нѣсколько лѣтъ увеличилъ кредитъ на усиленіе флота на 100%. Вильгельмъ не только не выразилъ за это благодарности представителямъ народа, но сдѣлалъ слѣдующее:

Когда братъ его, принцъ Генрихъ, отправился въ Англію на юбилейныя празднества королевы Викторіи, Вильгельмъ II послалъ ему телеграмму на корабль „König Wilhelm“, выражая сожалѣніе, что у него нѣтъ лучшаго корабля, такъ какъ „негодянъ“ изъ рейхстага не даютъ достаточно денегъ.

Эта денежная императора вызвала такой всеобщій взрывъ негодованія въ странѣ, что нѣкоторыя газеты стали говорить о ея подложности. Трудно было повѣрить, чтобы императоръ могъ такъ выразиться о народныхъ представителяхъ.

Но Вильгельмъ II подтвердилъ свою депешу и былъ даже радъ шуму, вызванному ею. Одному изъ своихъ приближенныхъ онъ сказалъ:

— Der Hieb hat getroffen! (Ударъ попалъ!).

Таковъ взглядъ Вильгельма II на право собственности германскихъ гражданъ.

Въ XVII и даже въ XVI вѣкѣ была цѣлая „школа“ политиковъ, признававшая необходимость сопротивленія незаконнымъ дѣйствіямъ правителей. Она называлась школой „монархомаховъ“, т. е. борцовъ съ монархомъ. Это названіе не точно. Вѣрнѣе было ей называться школой „тираномаховъ“, т. е. борцовъ съ тираномъ.

Тиранъ, это — такой правитель, который выходитъ въ своемъ правленіи за предѣлы закона и нравственности. Французскій король Карлъ IX, какъ извѣстно, самъ стрѣлялъ изъ окна въ своихъ подданныхъ во время Варолюмеевской ночи. Политикомъ той эпохи ставился вопросъ, можно ли сопротивляться распоряженіямъ такого правителя. Цѣлый рядъ какъ протестантскихъ, такъ и католическихъ мыслителей высказался противъ тирана. Вотъ что пишетъ Людовикъ XIV по этому вопросу:

„Надо согласиться, что сопротивленіе подданныхъ всегда безконечно преступно, какъ бы дурень ни былъ правитель. Тотъ,

кто далъ людямъ королей (т. е. Бога), хотѣлъ, чтобы ихъ почитали, какъ Его Намѣстниковъ (Ses lieutenants), и Онъ только одинъ сохраняетъ за Собой право судить объ ихъ поступкахъ (!). Его воля въ томъ, чтобы человекъ, рожденный подданнымъ, подчинился безъ разсужденія (sans discernement)...“

Какъ смотритъ Вильгельмъ II на несоответствіе и сопротивленіе германскихъ гражданъ мыслямъ и политикѣ его правительствъ, видно изъ знаменитой его рѣчи, произнесенной въ Потсдамѣ.

Этотъ удивительный документъ — лучший памятникъ Вильгельму II. Вотъ его слова, обращенныя къ молодымъ солдатамъ:

„Дѣти моей гвардіи! Вы теперь мои солдаты, вы принадлежите мнѣ тѣломъ и душой. Вы принесли клятву повиноваться мнѣ во всемъ. Вы должны исполнять мои приказанія безъ малѣйшаго ропота. Съ этого дни у васъ только одинъ врагъ, это — мой врагъ. И если когда-нибудь, — дай Богъ не дойти мнѣ до такой крайности, — я вамъ прикажу стрѣлять въ вашу собственную семью, въ вашихъ сестеръ, въ вашихъ родныхъ, вспомните тогда про вашу клятву, данную мнѣ!“

Эта рѣчь была произнесена и отпечатана всѣми газетами Германіи.

А вотъ ея черновикъ, еще точнѣе выражающій мысль:

„Рекруты! Помните всегда, что германская армія должна быть во всякое время готова сражаться съ врагами, которые могутъ появиться въ нашей средѣ, какъ и за границей. Въ настоящее время недовѣріе и недовольство распространяются по всей странѣ до размѣровъ, неизвѣстныхъ прежде. Поэтому каждую минуту вы можете быть призваны стрѣлить въ членовъ вашей собственной семьи, рубить своего отца, свою мать, своихъ братьевъ и сестеръ. Мои приказанія на этотъ счетъ должны быть исполнены вами съ увлеченіемъ (!) и безъ ропота, какъ всякое другое мое приказаніе. Вы должны исполнять вашу долгъ, не слушая голоса вашего сердца... А теперь ступайте къ вашимъ новымъ обязанностямъ!“

Въ Священномъ Писаніи сказано: „Почитай отца и мать“, а Вильгельмъ II говоритъ: „Руби отца и мать...“

II.

Сходство взглядовъ Вильгельма II и Людовика XIV обнаруживается не только въ отношеніи къ природѣ власти правителя, но и къ парламенту.

Цѣнители искусства.

Въ своемъ вандализмѣ нашествіи на Бельгію и Францію нѣмецкіе солдаты не гнались за офицерами и даже за самымъ крошечнымъ участкомъ искусства, частью разграбили драгоцѣннѣйшія произведенія искусства. Дикой ордой ирываются они въ частные дома, галереи и музеи и разрубаютъ саблями и прожигаютъ сигарами полотна великихъ мастеровъ.

Парламентъ, по мнѣнію „короля-солнца“, есть „собравшаяся чернь“ (une rorilace assemblee).

Вильгельмъ II обозвалъ членовъ рейхстага „негодяями“.

Что касается отношеній государства къ церкви, то Людовикъ XIV подчеркиваетъ свои общіе взгляды на всепоглощающую власть короля.

„Вы должны быть раньше всего убѣжденнымъ,—пишетъ онъ сыну:—что король—абсолютный властитель и обладаетъ полнымъ и сподобнымъ распоряженіемъ всѣмъ имуществомъ, какъ церковнымъ, такъ и свѣтскимъ...“

Несмотря на это, Людовикъ XIV былъ королемъ вполнѣ католическимъ и всю жизнь исполнять, въ сущности, желаній католической церкви.

Царствованіе „короля-солнца“ наполнено непрерывнымъ преслѣдованіемъ протестантовъ и наконецъ ознаменовано, какъ извѣстно, огмѣной Нантскаго адикта, т. е. изгнаніемъ болѣе двухсотъ пятидесяти тысячъ французскихъ гражданъ за предѣлы Франціи.

Ярый „католицизмъ“ короля объясняется вовсе не религиознымъ его настроеніемъ—Людовикъ XIV не былъ религиознымъ фанатикомъ, въ родѣ королей Испаніи. Людовикъ XIV въ католицизмѣ видѣлъ совершенно правильно орудіе своего самовластія. Свѣтское государство короля и духовное государство папы—два родныхъ брата. Католическая церковь всегда была школой и примѣромъ самовластія правителей.

Людовикъ XIV прекрасно это понималъ. Прекрасно понималъ это и Вильгельмъ II.

Почти все его царствованіе ознаменовано ростомъ католицизма въ Германіи. Въ этомъ отношеніи положеніе Вильгельма II, такъ сказать, „щекотливѣе“ политики Людовика XIV. Французскій король былъ самъ католикъ и царствовалъ надъ страной по преимуществу католической, и его роль покровителя католицизма вполнѣ совпадала съ религиознымъ настроеніемъ большинства населенія Франціи.

Совсѣмъ другое дѣло Германія. Это страна по преимуществу протестантская, Германія—даже родина протеста противъ католической церкви.

Такимъ образомъ Вильгельмъ II, самъ принадлежа къ протестантской церкви, будучи главой большого протестантскаго государства, всецѣло поглотить политикой „католицизма“.

Это объясняется отчасти характеромъ Вильгельма II, не привыкшаго смущаться никакими противорѣчіями, особенно когда въ виду побѣды для него выгода.

Нѣмецкіе историки стараются объяснить это противорѣчіе въ жизни Германіи и политикѣ Вильгельма II его взглядомъ на высшее призваніе его власти. Онъ, по ихъ мнѣнію, является властью всѣхъ церквей въ странѣ—для него нѣтъ разницы между церквами протестантской и католической: для него, такъ сказать, всѣ дѣти одинаково дороги.

Вотъ что читаемъ мы въ одной изъ новѣйшихъ книгъ о Германіи: „Вильгельмъ II обнаруживаетъ по отношенію къ католицизму не только терпимость, естественную для монарха имперіи. въ которой признано равноправіе вѣроисповѣданій, но онъ явно считаетъ себя представителемъ всего германскаго христіанства, одновременно государемъ протестантскимъ и католическимъ.“

Отсюда положеніе, занятое Вильгельмомъ II во время китайской поѣздки, которой онъ старался придать видъ крестового похода Ея Императорскаго Величества противъ желтой расы. Отсюда его предупредительность по отношенію къ святому Престолу, его три путешествія въ Римъ (!), его паломничество въ Святую Землю (!).

„Что этотъ образъ дѣйствій продиктованъ политическимъ расчетомъ—вѣтъ всякаго сомнѣнія. Вильгельмъ II нуждается въ со-

содѣйствіи сильнѣйшей теперь партіи католическаго центра не только для своей политики въ парламентѣ, но для смягченія антинѣмецкой оппозиціи въ Эльзасѣ и въ Польшѣ.“

„Онъ признаетъ значеніе содѣйствія, на какое можетъ разчитывать міровая политика Германіи со стороны папства въ вопросахъ протектората христіанъ на Востокѣ. Но симпатіи Вильгельма II къ католицизму диктуются, вѣроятно, не одними только соображеніями расчета: онѣ глубоко коренятся въ религиозной натурѣ Вильгельма II.“

Если Вильгельмъ II дѣйствительно вѣрять въ преимущества католицизма съ религиозной точки зрѣнія, то тѣмъ хуже для его страны.

Подобно Людовику XIV, онъ рано или поздно кончитъ тоженіемъ на протестантовъ, пригнѣтеніемъ своего собствениаго народа. Католическая церковь никогда не отличалась терпимостью, а та легкость, съ которой Вильгельмъ II вступилъ теперь въ войну почти со всей Европой, показываетъ, что онъ менѣе всего думаетъ о своемъ народѣ и менѣе всего способенъ его жалѣть. Если сотни тысячъ людей онъ съ легкимъ сердцемъ посылалъ умирать на поле битвы, что значить для него ихъ религиозныя воззрѣнія?

Папа римскій Пій X, умершій въ началѣ войны, говорятъ, выступилъ съ призывомъ къ миру. Трудно судить объ искренности его обращенія, но несомнѣнно, что „католическій“ центръ рейхстага въ теченіе десятковъ лѣтъ давалъ германскому императору Вильгельму средства на непрерывное вооруженіе арміи и флота, на поддержаніе и развитіе милитаризма въ странѣ.

Сопоставляя эти дѣйствія, невольно вспоминаешь слова нашего Петра Великаго:

„На кнзирсѣ „Спаси отъ бѣды“ покую, а въ паперти деньги на убійство даютъ!“

„Католицизмъ“ нуженъ былъ Вильгельму II для поддержанія „божественнаго“ происхожденія его власти.

Объ этомъ можно судить по отзывамъ нѣкоторыхъ близко стоящихъ къ нему людей.

Въ Берлинѣ была построена новая военная церковь для гарнизона. Вильгельмъ II раздавалъ тамъ библии съ собственноручными надписями въ родѣ слѣдующей:

„Я поиду среди васъ, и я буду вашимъ Богомъ, и вы будете моимъ народомъ!“ и т. п.

Въ августѣ 1897 г. Вильгельмъ II произнесъ въ Кобленцѣ знаменитую проповѣдь о заповѣдяхъ Господа, въ которой себя называлъ наслѣдникомъ Неба.

У многихъ эта проповѣдь вызвала только смѣхъ. Въ Берлинѣ Вильгельма стали звать „лице-король Неба“.

Въ декабрѣ того же 1897 года принцъ Генрихъ произнесъ рѣчь отъ имени Вильгельма, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

„Я понесу далеко евангеліе о *совершенномъ* Вапцемъ Величествѣ. Я буду проповѣдывать его тѣмъ, которые захотятъ слушать и также тѣмъ, которые не захотятъ слушать.“

Это вызвало градъ насмѣшекъ во всей Германіи по адресу оратора. Но составляя эту удивительную рѣчь, несомнѣнно, Вильгельмъ.

Другой разъ Вильгельмъ II сказалъ: „Всемогущій Богъ былъ союзникомъ Пруссіи и передвигалъ для нея тучи на небѣ“ и т. д.

Итакъ, Вильгельмъ II убѣжденъ, что онъ власть свою получилъ отъ Бога непосредственно, что онъ—наслѣдникъ Бога на землѣ, что онъ призванъ осуществлять какую-то божественную волю, и главное, что онъ отвѣственъ только передъ Богомъ. Все это—слова Людовика XIV. Вильгельмъ II осуществилъ эти слова на дѣлѣ. Онъ дѣйствительно, великую отвѣтственность предъ Богомъ принявъ на себя „германскій богдыханъ“, объявивъ войну всему міру.

* * *

Не грусти... Передъ грозною битвою
Помолись объ отчизнѣ со мной,
Только мой горячей молитвою
Небо связано съ хмурой землей...
Только ей въ эти дни непогодные,
Въ беспросвѣтной туманной глуши.

Вдохновляются нѣспи свободными
И ясѣ силы солдатской души...
Не грусти же предъ тайной прощанія,
Астрѣ на память о прошломъ не рви,—
Нѣтъ свѣтлѣе годинъ испытанія,
Нѣтъ прекраснѣй осенней любви!..

Сергій Михѣевъ.

Единственная въ мірѣ конница.

Очеркъ Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

(Рис. на стр. 933).

Русская конница по своему разнообразному составу, помимо того, что она вся пестикопѣнная, какъ регулярная и нерегулярная, единственная въ мірѣ.

Газеты пестрятъ подвигами нашихъ уланъ, гусаръ и драгунъ. О казакахъ и говорить нечего. За четыре мѣсяца войны уже счетъ потерянъ доблестямъ лихихъ сыновей Кубани, Урала и Дона, молодецки рубившихъ и въ одиночку и лавой и успѣвшихъ нагнать страшную панику на австро-германскую кавалерію.

Вѣжливъ, далеко бѣжитъ въ глубь непріятельскихъ странъ кро-

вавая, жуткимъ страхомъ расцвѣтшая, легенда о казачьей неуязвимости, о невозможности устоять противъ бѣшенаго натиска этихъ загорѣлыхъ степныхъ удалцовъ, разищихъ одно-прямую пикой, шашкой и винтовкой.

Для воюющихъ по заведенному шаблону нѣмцевъ казаки съ ихъ смѣлкой, удалью и презрѣніемъ къ численности врага остаются навсегда грозной загадкой, не поддающейся логикѣ яхтъ-парада, шагистики въ три пріема и гнусаго. зѣбрекаго издѣвательства надъ беззащитнымъ населеніемъ, которое надо

Единственная въ мірѣ конница.

„грабятъ и убивать“, ибо оно не въ силахъ отстоять и свою жизнь, и свое имущество, и честь своихъ женщинъ.

Тайственна и необъятна Русь, и нѣмцевъ, въ своемъ само-мнительномъ ослѣпленіи брошенныхъ ей вызовъ, ждутъ все новые и новые сюрпризы.

Не успѣли они „привыкнуть“ къ казакамъ, если только можно привыкнуть къ вѣчной боязни и вѣчному трепету, какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій появилась новая конница—нерегулярная.

Всколыхнулся, и грозно всколыхнулся, Кавказъ...

Осетины, пугуши, черкесы, кабардинцы со своими добровольческими дружинами уже успѣли показать чудеса легендарной отпуги и дерзости, столь же обаятельной, сколь и опешмляющей тупое и бѣдное, на клѣточки разграфленное изображение нѣмецкихъ парваровъ.

Съ каждымъ днемъ все прибываютъ всадники ятъ громад-ныхъ косматыхъ паннахъ и съ тонкими, какъ у женщинъ,

талиями, въ локоть обхватъ желтыхъ, черныхъ и коричневымъ черкесокъ.

Эти джигиты, съ темными продолговатыми глазами, съ нездешней гортанной рѣчью, вооруженные до зубовъ въ буквальнономъ смыслѣ этого слова, ибо кидаются въ атаку съ кинжалами въ зубахъ, привезли съ собою оттуда, изъ кавказскихъ твердынь, что-то въ высшей степени декоративное и вмѣстѣ съ тѣмъ фанатически-воинственное.

Да они и смотрятъ на войну, какъ на религиозный праздникъ. Эти джигиты и абхазы Дагестана, Кабарды и Чечни.

Человѣкъ буквально пронизанъ пулями. Нѣкоторые застряли. Когда полевой хирургъ извлекалъ ихъ, блѣдный съ острой черной бородкой красавецъ только закатывалъ подъ лобъ синеватые бѣлки и стискивалъ сверкающие, освѣщавшіе вдругъ все лицо, зубы... И ни стопа ни звука...

А черезъ два дня уже хлынулъ румянецъ, и джигиты сидѣли на постели.

— Карошъ докторъ, карошъ! Скоро опять на войну пойдемъ, тамъ вѣзело, товарищамъ телеграммъ давалъ, писать—карошо рѣзать много можно, чтобы всѣ прїѣзжали, потому полковникъ говорилъ, что мы хорошіе солдаты...

Не угодно ли? Его изрѣштели всего, правда, обошлось это нѣмцамъ дорого, — а онъ смѣется, скалитъ зубы и телеграммою вызываетъ „товарищей“.

Въ русско-германскомъ вопросѣ здоровая логика этихъ горцевъ проста и ясна:

— Своя земля есть, сиди дома, не приходи на русской землѣ. Пришелъ русской землѣ—рѣзать будемъ и твой землѣ заберемъ...

Кавказскіе джигиты ненавидятъ самое хотя бы и кратковременное бездѣйствіе. И терпѣть не могутъ обстрѣливанія издали невидимымъ врагомъ.

Карошъ война, когда шашка, кинжалъ, кровь... Когда же видишь, стрѣляютъ,—плохой война!

И, не удовлетворяясь иногда затычкой, вынужденной „безработицей“, эти „художники“ въ безумныхъ рукопашныхъ схваткахъ сами ставятъ себѣ задачи и сами рѣшаютъ ихъ, неспросивъ, конечно, благословенія у соответствующаго начальства.

Навѣки запечатлѣнъ будетъ въ исторіи этой величайшей въ мірѣ войны рассказъ о томъ, какъ шестьдесятъ черкесовъ совершили набѣгъ на Ченстоховъ, — набѣгъ прямо сказочной красоты и силы.

Въ Ченстоховѣ было тогда около двухъ нѣмецкихъ корпусовъ.

Глубокой ночью всадники раздѣлились на шесть небольшихъ отрядовъ по десять коней въ каждомъ и, обвязавъ копыта своихъ горскихъ „звѣздочетовъ“, безшумно двинулись къ Ченстохову по шести радиусамъ. Мѣстность и дороги высмотрѣны были раньше днемъ съ зоркостью этихъ съ колыбели привыкшихъ къ борьбѣ и къ оружію прирожденныхъ воиновъ.

Проникнуть въ городъ можно было, лишь уничтоживъ конные и пѣшие патрули. И джигиты принялись за это уничтоженіе съ непонятной и чуждой для европейскихъ солдатъ хищнической сноровкой.

Бѣдетъ шагомъ среди мрака прусскій патруль. Черкесы своими кошачьими глазами нащупываютъ его издалека. И слухъ выручаетъ. За версту чуткое ухо уловить и стукъ копытъ ибрянувшій палашъ.

Стальные крылья.

Надъ смѣлой Франціей шуршатъ стальные крылья.

Внизу огни—тамъ бодрствуетъ Парижъ.

А здѣсь сѣдой туманъ плыветъ холодной пылью.

Гудитъ моторъ. Звенитъ ночная тишь...

Мы сторожимъ страну,—спокойный сонъ отчизны,—

Прекрасный сонъ старинныхъ колоннахъ.

Внизу гудитъ Парижъ о вѣчно-новой жизни.

Звучитъ приборъ у каменныхъ громахъ...

На улицахъ толпа... Волны людскихъ желаній,—

Людскихъ побѣдъ, паденій и тревогъ.

Плыветъ неясный гулъ... Молчатъ громады зданій.

Парижъ шумъ загадоченъ и строенъ...

Тамъ сердце Франціи полно мятежнымъ гнѣвомъ.

— «Война и мести!»—гудитъ людской потокъ.

А здѣсь нѣмая ночь... Звучитъ моторъ напѣвомъ.

Темнѣетъ даль и хмурится востокъ.

Задача усложняется еще тѣмъ, что „снять“ патруль необходимо безъ единого выстрѣла.

И вотъ джигиты заблаговременно спѣшиваются, одинъ отводитъ подальше, къ прикрытію какому-нибудь, лошадей, а остальные, зѣвками распахавшись у дорогъ, ждутъ... Патруль все ближе и ближе, поровнялся наконецъ. Черкесы барсами дагестанскихъ ущелій вспрыгиваютъ сзади на широкіе крупы нѣмецкихъ лошадей и кинжалами закалываютъ всадниковъ, не давая имъ ни вскрикнуть ни выстрѣлить...

Постепенно, методически, — на это ушла долгая осенняя ночь, — сняты были такъ всѣ конные и пѣшие патрули, какъ разбѣжавшіе въ окрестностяхъ, такъ и охранявшіе заставы въ всѣхъ шести дорогахъ-радиусахъ, ведущихъ въ Ченстоховъ.

Утромъ черкесы съ обнаженными шашками ворвались въ городъ, кишами-кишѣвшими нѣмцами. Рубили вѣтрѣчныхъ—и конницу и пѣхоту—и все въ ужасѣ разбѣгалось отъ этихъ страшныхъ всадниковъ въ косматыхъ шашкахъ...

Въ центрѣ города всѣ шестьдесятъ кавказскихъ орловъ слетѣлись, и уже въ всѣхъ были окровавлены острия, испещренные арабесками—изреченіями корана, шашки. Часть всадниковъ, спѣшила въ ворвалась въ кофейню, гдѣ сидѣли за пивомъ и за кофе прусскіе и австрійскіе офицеры.

Шашками тѣсно было рубить, и пошла работа кинжалами. Въ ужасѣ хватились венгерцы, пруссаки и швабы за револьверы и палашы... Крики, выстрѣлы, смѣтение...

А въ это время конные черкесы рубили и рѣзали телеграфные и телефонные провода, какъ городскіе, такъ и соединявшіе неприятельскій штабъ съ казармами, лагерями и пограничнымъ поселкомъ Гербы.

Начатый въ одной кофейнѣ кровавый ширъ продолжался въ другой и закончился въ третьей. Это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. По телефону швабы не могли вызвать большой огрядъ, сообщеніе было прервано, а пока одинъ изъ уцѣлѣвшихъ, нѣмецкихъ уланъ помчался въ кавалерійскія казармы, уткнуло не мало воды, гнѣбе, — крош...

Нѣсколько гортанныхъ криковъ—и всѣ черкесы были уже на коняхъ. И, чтобы спутать всякую возможность преслѣдованія, кинулись прочь изъ города по разнымъ улицамъ.

За однимъ изъ этихъ маленькихъ отрядовъ, пихремъ несшимся къ Новоромоску, помчался идогонку прусскій эскадронъ. Стрѣлять на карьерѣ нѣмцы не мастера, и всѣ ихъ пули благополучно летѣли мимо, а джигиты не утерпѣли, чтобы не щегольнуть своимъ наѣздничествомъ. На бѣшеномъ галопѣ черкесы отстрѣливались, стоя на сѣдлахъ и обернувшись къ врагамъ. Точною оной было для нихъ мигкое сѣдо, а чтобы не потерять равновѣсія, джигиты продѣлывали мизинцы въ разрѣзъ длиннаго ремня повода...

Отъ мѣткихъ выстрѣловъ порѣдѣла гуща прусскаго эскадрона, ошеломленнаго невиданнымъ зрѣлищемъ этихъ стоя несшихся всадниковъ съ развѣвавшимися, какъ крылья, за спиной концами башлыковъ.

Тяжелыя нѣмецкія кавалерійскія лошади не могли уцѣпиться за быстрыхъ, какъ вѣтеръ, горскихъ скакуновъ.

Всѣ шестьдесятъ черкесовъ побѣдно вернулись въ свою часть безъ единой убиты. Сами же они на одиѣхъ только заставахъ вырѣзали около полтораста вражескихъ солдатъ, а въ кофейняхъ подъ джигитскими кинжалами пало много офицеровъ, среди которыхъ было нѣсколько представителей венгерской и прусской знати.

Туманные огни надъ городомъ, какъ заны...

Встаютъ дворцы—темнѣюгъ здѣсь и тамъ.

Въ грунъ растетъ восторгъ, поютъ нѣмая струны.

Звѣзда зажглась надъ башнями Notre Dame...

Чуть дрогнувъ крыльями, спустилась игница ниже.

Опять поетъ невидимый моторъ.

Звучитъ далекій гулъ... Шумитъ толпа въ Парижѣ.

Народный гимнъ поетъ далекий хоръ.

Мосты надъ Сеною... Висятъ стальные арки.

Манитъ къ себѣ нѣмая бездна внизъ.

Судьбу людей прядутъ таинственные Парки.

Гудитъ моторъ... Шуршитъ по крыльямъ бризъ...

Предмѣстья города лежатъ во мракѣ дымномъ.

Гудятъ мосты... Тѣснится хаосъ крышъ.

Тамъ сердце Франціи полно мятежнымъ гимномъ,

— «Война и мести!»—гудитъ внизу Парижъ...

Вл. Краковецкій.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Выданъ 6 декабря 1914 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Великая европейская война. (Хроника военныхъ дѣйствій). — Во Львовѣ. (Отъ нашего спеціальнаго корреспондента). — Стасимъ-иззавъ. Рассказъ С. Удѣльнаго. — Сестры. Рассказъ И. Кипренскаго. (Окончаніе). — Замыселъ. — Мы и они. — Смерть, красота и любовь въ творчествѣ И. А. Бунина. Очеркъ М. Чуновскаго. — Въ кузницѣ бога Вулкана. Рассказъ Г. Полякова. — Приключенія Лизы. Рассказъ Б. П. Нинова. (Окончаніе). — Арестанты. Стихотвореніе Сергея Михеева. — Отлины войны. — Объявленіи.

РИСУНКИ: Жители г. Томашева у своихъ жилищъ, разрушенныхъ направленнымъ огнемъ. — Костель въ д. Неджевицы послѣ германскаго разгрома. — Бомбардировка Либавы (3 рис.). — Австрійскіе оны въ 10 верстахъ отъ Томашева. — Обозъ нашей арміи на пути отъ Томашева къ Люблину. — Томашевъ. Австрійскія гаубицы, взятые нашими войсками. — На Галицкомъ фронтѣ. Близъ Равы Русской. Австрійскіе снаряды, брошенные передъ отступленіемъ. — Съ боевыхъ полей. Перевезеніе тѣла убитаго въ бою подъ Томашевомъ офицера. — Потѣла-бани (3 рис.). — Львовъ (8 рис.). — На развѣду черезъ неприятельскіе окопы. — На Галицкомъ фронтѣ (6 рис.). — И. А. Бунинъ и Д. Н. Маминъ-Сибирякъ въ кругу друзей. — М. Горькаго и Н. Д. Телемова. — И. А. Бунинъ и Л. Н. Андреевъ. — И. А. Бунинъ въ молодые годы. — И. А. Бунинъ и Ант. П. Чеховъ. — Въ кузницѣ бога Вулкана (2 рис. и портр.). — Часть нѣмецкихъ русскихъ врачей и лишь администраціи „Краснаго Креста“, задержанныхъ и находящихся въ лагерѣ № 2 въ г. Нейсѣ.

Нъ этому № прилагается: 1) „Ежемѣс. литературныя и популярно-научныя приложенія“ за декабрь 1914 г. 2) „НОВѢЙШАЯ МОДА“ за декабрь 1914 г. съ 32 рис., отдѣльн. листъ съ 31 черт. зымр. въ натур. величину и 20 рис. мотивовъ для вышиванія.

Жители г. Томашева у своихъ жилищъ, разрушенныхъ направленнымъ огнемъ.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Генераль Гинденбургъ обнаруживаетъ гораздо больше изумительной настойчивости, чѣмъ на стоящаго стратегическаго таланта. Можно подумать, что онъ ведетъ борьбу не только съ русской арміей, но даже съ самой судьбой и смѣлою настойчивостью хочетъ переупрямить капризную фортуна. Отброшенные съ огромными потерями отъ Варшавы почти къ самой германской границѣ, разбитый въ рядѣ арьергардныхъ боевъ подъ Радомомъ, Петроковомъ и т. д., онъ, получивъ въ подкрѣпленіе новые корпусы, предпринимать въ началѣ ноября новое наступленіе между Вислой и Вартой. Въ атаку противъ центра русской арміи было брошено цѣлыхъ 11 корпусовъ. Прорвавъ линію расположенія нашихъ войскъ, нѣмцы успѣли съ трехъ сторонъ окружить Лодзь, дошли до Томашева, набросились на фланги, но по всему фронту были отбиты вѣтрѣчной атакой и сами очутились въ мѣшкѣ съ постепенно суживающимся вы-

Костель въ д. Неджевицы послѣ германскаго разгрома. По фот. нашего спеціальнаго корреспондента.

и официально удостоверяет неудачный исход всей операции. Къ несчастью для немцев, их генералитет не умел примириться с понесенными неудачами. Сохранив за собою сильно укрепленные позиции по фронту Константиновъ — Згержъ, Здунска Воля — Сtrykowъ — почти тотчас же после понесенного поражения, немцы предприняли 16—17-го ноября новое наступление и на Лодзь и на Ловичъ. Неограниченное обилие человеческого материала, постоянный подвоз все новых и новых корпусов с западного фронта создает германским генералам возможность до бесконечности повторять попытки къ наступлениям, не смущаясь понесенными поражениями.

Въ эту войну вся германская тактика всецело основана на безумной расточительности народной крови. На место уничтоженных корпусов под команду ставятся другие. Въ Германии мало хлеба, зато много пушечного мяса. Идя по путям, уже занятым кровью и усевшим трупам товарищей, немцы густыми колоннами ходили въ атаку против Лодзи четырнадцать разъ по ряду, успели прорваться до предместьев города, захватили еврейское кладбище, и въ концъ концов снова были вытеснены отяжелевшим штыковым ударом русских войск. Последние атаки нагромодили новые груды немецких трупов вокруг русских позиций, но были не въ силах сломить сопротивление русских войск.

Описывая яркими красками картину этих кровавых боев, лучший из современных военных корреспондентов Вас. И. Немрович-Данченко отмѣчает убийственное дѣйствие русской артиллерии. Уже на дальнем расстоянии наши тяжелые орудия косят стоящие позади немецкие резервы, когда же они

Бомбардировка Либавы германскими судами. Въ квартирѣ заведующаго ремесленным училищемъ.

вводятся въ бой и приближаются на болѣе короткую дистанцію, тяжелая артиллерия смолкает и передает обстрѣливаемые колонны въ руки легких полевых батарей. Идеальная организация артиллерийского огня, играющая почти решающую роль въ выигранных победах, заставляет съ глубокой благодарностью вспомнить всѣхъ тѣх, кто за последние годы так много потрудился надъ усовершенствованием русской артиллерии. Искусно скрывавшаяся, артиллерия легко отыскивается и разстрѣливает германские батареи и пулеметные роты и уничтожает атакующие колонны неприятеля на ходу, остатки же ихъ сравнительно легко добиваются выскакивающим из окоповъ для удара въ штыки пѣхотными солдатами.

Только после отраженія четырнадцати новыхъ бѣшеныхъ атакъ немцы примирились наконецъ съ неудачею своего безумнаго натиска и съ 20-го ноября уже не предпринимали новыхъ наступлений по злѣйшему кровью и усевшим трупам центру русскихъ позиций на фронтѣ Лодзь—Ловичъ. По германскому дѣлу въ безумно-настойчивыхъ бояхъ тактическое поражение, они въ то же время понесли благодаря увлечению генерала Гинденбурга и солящую стратегическую неудачу въ общемъ направлении кампаний.

Немецкая атака на нашъ центр, какъ известно, не остановили нашего наступления на флангахъ и въ Восточной Пруссии, и въ Галиции, и подъ Краковомъ. Правда, въ области Мазурскихъ озеръ наступление идетъ болѣе или менѣе медленно, задерживаемое сплошную цѣпью трудно преодолимыхъ укреплений, требующихъ саперныхъ работъ, зато после захвата всѣхъ переходовъ черезъ Карпаты наши войска вторглись въ Венгрію.

Главная цѣль немецкихъ атакъ противъ нашего центра — задержать до наступленія зимы русское вторжение въ Силезію и Поляны — не достигнута, потому что решающее значеніе для всей дальнейшей кампании измѣтитъ взаимное положеніе армій подъ Краковомъ, гдѣ сосредоточивается узелъ дальнейшихъ событий. Пока немцы прилагали свои усилія для овладѣнія Лодзью и Ловичемъ, намъ удалось разбить австрійцевъ и приблизиться съ трехъ сторонъ къ Кракову. 17-го ноября нами были взяты сѣверные подступы къ Кракову, а 18-го ноя-

Австрійскіе окопы въ 10 верстахъ отъ Томашева.

бря занять городъ Величка въ десяти верстахъ къ югу отъ Кракова и въ четырехъ верстахъ отъ его южныхъ фортовъ. После взятія Велички въ распоряженіе краковского коменданта для сношеній съ нѣмцами миромъ остается свободной только небольшая тридцативерстная полоса на западѣ отъ крѣпости. Когда идущіе другъ другу навстрѣчу фланги русского обложенья сомкнутся, окруженіе крѣпости будетъ окончено, и судьба ея будетъ рѣшена состязаніемъ огня крѣ-

Обозъ нашей арміи на пути отъ Томашева къ Люблину.

постныхъ и осадныхъ орудій. Судя по обстоятельному сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, успоконившіеся въ районѣ Лодзи германцы, пользуясь густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, сѣбно перебрасываютъ теперь свои корпуса къ Кракову для нанесенія намъ новаго удара съ этой стороны. Новое сосредоточеніе неприятельскихъ силъ требуетъ и отъ насъ новой перегруппировки армій, направленной для выполнения главной задачи въ районѣ Кракова, при чемъ отбитая нами Лодзь уже потеряла свое прежнее значеніе и оставлена нашими войсками. Въ краковскомъ районѣ надо ожидать грандіозной битвы, которая рѣшитъ исходъ первой половины войны.

Первое наступленіе соединенной австро-германской арміи въ обходъ лѣваго фланга приближающихся къ Кракову нашихъ войскъ потерпѣло неудачу. Найдя подъ Куровымъ мостъ черезъ Дунаецъ

Томашевъ. Австрійскія гаубицы, взятые нашими войсками.

На Галиційскомъ фронтѣ. Близъ Равы Русской. Австрійскіе снаряды, брошенные передъ отступленіемъ. По фот. нашего спеціального корреспондента.

взорваннымъ, а береговья высоты заняты неприятелемъ, наши подкрѣпленія, шедшіе къ передовымъ частямъ, перенесли обильную рѣчку въ бродъ по грудѣ и рѣшительнымъ ударомъ отбросили австрійцевъ съ ихъ позиций. По возстановленной переправѣ подошли ночью подкрѣпленія и опрокинули только-что перевезенный изъ Бельгін 24-й германскій корпусъ. Выдвинутый имъ отрядъ вооруженныхъ легкими скорострѣльными орудіями и пулеметами бронированныхъ автомобилей частью былъ подбитъ нашей артиллеріей, частью же ретировался, не давъ ни одного выстрѣла, въ то время какъ наши бронированные автомобили вносили страшное опустошеніе въ неприятельскіе ряды въ ходившихъ бояхъ. Нѣсколько тяжелыхъ германскихъ гаубицъ было подобито, нѣтъ легкихъ батарей приведено къ молчанію, часть орудій захвачена вмѣстѣ съ большимъ количествомъ пѣхотныхъ. Такимъ образомъ первая встрѣча на новомъ

Съ боевыхъ полей. Перевозеніе тѣла убитаго въ бою подъ Томашевомъ офицера. По фот., снятой братомъ павшаго въ бою, отыскавшимъ его тѣло.

На путяхъ отступленія германской арміи въ Польшу. По фот. нашего спеціального военнаго корреспондента.

Поезд-бани.

Ведомство путей сообщения оборудовало особый поезд-баню для обеззараживания передовых позиций нашей действующей армии. В состав поезда входят 21 вагон со специальным оборудованием. В течение суток из поезда могут вымыться до 2.000 человек. В одном из вагонов устроена особая камера для сушки и очищения от паразитов солдатской верхней одежды. После мытья каждый солдат получает чистое белье, а снятое белье на особом пылесосе вымывается, чинится и снова раздается солдатам. Оборудование поезда было закончено в начале ноября, и недавно оно отбыло из Петрограда на передовые позиции. На снаряжение поезда и снабжение его бельем отпущено до 10.000 руб. из сумм, поступивших от железнодорожных служащих и граждан железных дорог.

Поезд-бани ведомства путей сообщения. Раздвальный.

Фронт ознаменовался для нас значительной победой, которая, по видимому, послужит только началом дальнейшего нашего наступления. Связанная в тылу македонскими четниками и угрозою неофициального болгарского вторжения в Македонию, подавленная полу-миллионной австрийской армией, сербская армия была вынуждена очистить на австрийском берегу Дуная занятый ею Земляк, потом свою столицу Београд, затем избранный полицией по р. Колубаре. Но не тот момент, когда австрийцы уже готовились справлять тризну над погибшим славянским государством и черед дружественную им официальную Болгарию соединиться с Турцией, сербы последним героическим усилием нанесли им в долине западной Моравы решительное поражение, обратив в бегство и центр, и оба фланга торжествующего неприятеля. Кроме огромных потерь убитыми и ранеными австрийцы потеряли около 20-ти тысяч пленных, 58 орудий и 56 пулеметов, не считая боевых и продовольственных запасов. Стратегическая и политическая последствия сербской победы чрезвычайно важны. Поражения, понесенные австрийцами на обоих фронтах, делают Австрию фактически почти уже выбывшей из строя борьбы.

Поезд-бани ведомства путей сообщения. Умывальня.

Во Львовѣ.

(Отъ нашего специального корреспондента).

Холодное раннее утро во Львовѣ. Серебристымъ инеемъ, какъ мѣхомъ, оторочены голыя вѣтви деревьевъ и крыши домовъ. Сильный, рѣзкій вѣтеръ съ Карпатъ посылаетъ по пустыннымъ львовскимъ улицамъ тучи увидѣвшихъ осеннихъ листьевъ, а вѣтеръ за листьями несетъ вихри снѣга.

Это не тотъ снѣгъ, какой влажными, молчаливо падающими хлопьями валитъ, вѣроятно, теперь въ милой Россіи, — это не снѣгъ, а его сухія острыя крупинки, какъ иглами колющая глаза и лицо.

Холодно. Львовъ еще спитъ, и только изрѣдка слышится топотъ лошадиныхъ копытъ нашего казачьяго патруля по каменнымъ мостовымъ.

Но яе спать въ русской православной церкви св. Фомы. Триста лѣтъ тому назадъ тамъ шла послѣдняя обѣдня по православному нашему обряду, триста лѣтъ подъ радъ ту же обѣдню служило униатское духовенство, — и теперь вновь слышится наше русское богослужение, наши родные церковные наѣвы.

Когда при взятіи Львова въ первый разъ полковой священникъ штаба генерала Бруслова служилъ обѣдню, эта церковь была переполнена нашими офицерами и солдатами. Это былъ такой трогательный моментъ, что, начиная съ священника, все плакали.

И теперь весь день открыта эта церковь, и съ утра и до поздняго вечера въ ней молятся офицеры и солдаты, горятъ передъ иконами сотни свѣчей, — и жарка молитва воина передъ грозницей ему опасностью. Вообще нужно сказать, что въ эту великую войну народовъ религиозное чувство яркимъ огнемъ вспыхнуло въ душахъ даже самыхъ закоренѣлыхъ атеистовъ.

— Я вѣрую, и такъ глубоко вѣрую, — говорилъ мнѣ одинъ офицеръ, недавно совершенно безразлично относившійся къ вѣрѣ: — что для меня теперь съ вѣрою не страшны ни жизнь ни смерть.

Наши солдаты, проходя мимо униатскихъ и католическихъ храмовъ, заходятъ во все попадающееся имъ на пути униатскія церкви и католическіе костелы и очень часто подолгу молятся тамъ. Нужно отдать справедливость: настоятели этихъ церквей очень сердечно относятся къ религиозному порыву нашихъ солдатъ.

Но характерно, что австрийцы теперь въ каждомъ ксендзѣ и въ каждомъ униатскомъ священникѣ видятъ шпиона; они запрещаютъ имъ служить службы, а колокольный звонъ считаютъ предательствомъ, — сигнализацией русскимъ войскамъ, и очень часто разстрѣливаютъ этихъ священниковъ. Нѣсколько дней тому назадъ, когда наши войска проходили мимо мѣстечка М., ксендзъ обратился съ просьбой къ начальнику нашего отряда отслужить обѣдню.

— Да развѣ вамъ кто-нибудь запрещалъ службу? — спросилъ начальника отряда.

Львовъ. У дома генералъ-губернатора Галиціи.

— Нѣтъ, не запрещалъ, но и на всякій случай прошу разрѣшенія. А въ звонницѣ можно звонить?

— Конечно, можно.

— Благодарю васъ. А то австрийцы хотѣли снять даже колокола съ колокольной, какъ только услышали первый звукъ благовѣста. Я едва избѣжалъ самой смерти...

Началась обѣдня. Ксендзъ, индѣ присутствующій въ церкви штабъ нашего отряда и массу солдатъ, служилъ съ особымъ воодушевленіемъ.

Наши полковые священники — это сплошь герои. Подъ страннымъ разрывомъ гранатъ и пулеметовъ они на самомъ полѣ сраженія исповѣдываютъ и приобщаютъ умирающихъ, принимая ихъ послѣдній вздохъ, перевязываютъ раненыхъ, помогаютъ переносить ихъ санитарамъ, исполняютъ все просьбы, съ какими только имъ обращаются къ нимъ больные и раненые въ госпиталихъ; помощь раненымъ они оказываютъ какъ нашимъ, такъ и австрийцамъ.

Въ походной жизни нашъ священникъ слѣдуетъ за полкомъ верхомъ, переноситъ все невзгоды и лишения, какія только выпадаютъ въ эту военную страду. Многие изъ священниковъ уже награждены золотыми нагрудными крестами на Георгиевской лентѣ.

Но если эта война вызвала такой подъемъ религиозныхъ чувствъ, то въ связи съ нимъ замѣчается развитіе какого-то чувства фатальности.

Что суждено — то случится. Это чувство неизбежности судьбы въ большей или меньшей степени переживаютъ наши офицеры и солдаты.

Командиръ X-скаго полка храбрый полковникъ К. пользуется въ арміи славою счастливаго человека: за нимъ солдаты идутъ въ какой угодно огонь: они вѣрятъ въ его счастье, и геройскій этотъ полкъ действительно всегда сопровождается блестящими побѣдами.

Вся солдатская шинель этого командира полка буквально представляетъ рѣшето. Пулеметными пулями отрезанъ нижній конецъ его шинели, отверстія отъ пуль — въ складкахъ рукавовъ и въ полахъ, но ни одна пуля его даже не контузила.

Во время послѣдняго нашего наступленія на австрийцевъ, когда мы погнали ихъ къ Кракову, однажды этотъ командиръ полка обѣдалъ въ небольшой хаткѣ галиційской деревни. Въ это время австрийская тяжелая артиллерія начала обстрѣливать эту деревню. Одинъ изъ первыхъ тяжелыхъ снарядовъ попалъ въ ту хату, гдѣ сидѣлъ командиръ полка. Снарядъ пробилъ стѣну, пролетѣлъ черезъ внутреннія перегородки хаты и, не взорвавшись, застрялъ въ стѣнѣ той комнаты, гдѣ обѣдалъ командиръ. Своимъ острымъ коп-

Русская конница во Львовѣ. По фот. нашего специального военного корреспондента.

цомъ снарядъ вылезъ въ ту комнату „совсѣмъ какъ свинья влезъ“, говорили солдаты.

Эта случайность даетъ офицерамъ и солдатамъ полка такую вѣру въ счастье своего командира, что ихъ никакъ не удержишь и въ будущемъ сулить еще болѣе яркіе примѣры побѣдоноснаго наступленія нашихъ войскъ.

Любезный полковникъ Н. предложилъ мнѣ пробхать на автомобилѣ съ нимъ по направлению къ нашимъ передовымъ позиціямъ у Я. Рано утромъ доверху нагруженный припасами для полка автомобиль уже несъ насъ по пустыннымъ улицамъ Львова. Чѣмъ ближе мы направлялись къ передовымъ позиціямъ, тѣмъ война сказывалась все сильнѣе и сильнѣе.

Мы обогнали наши обозы, непрерывной чередой тянувшіеся по грязной тяжелой дорогѣ по направлению къ Я., а навстрѣчу намъ двигались толны плѣнныхъ австрійцевъ.

Въ своихъ свѣтло-синихъ шинеляхъ и кэпи, съ высоко поднятыми воротничками, ежае отъ холода, они мрачно шагали по дорогѣ, мѣся грязь своими штиблетами: многіе изъ нихъ были въ повязкахъ, у кого забинтована голова, у кого на привязи рука. На толбахъ, на соломахъ лежали по три, по четыре австрійца, съ головой, покрытой шинелью.

Кругомъ разстилалась покрытая недавно выпавшимъ снѣгомъ поля Галиціи, почти повсюду изрытыя окопами, траншеями. Вдоль по дорогѣ видѣлись отдаленныя деревни, хижинки, но я не попалъ ни одной хаты, на которой была бы крыша. Почти половина всѣхъ галицкихъ избъ по дорогѣ была спалена, видѣлись однѣ только обгорѣлыя трубы, а остальная часть хатъ подверглась сильнѣйшему разрушенію. Мѣстнаго населенія почти не видно: оно или уведено австрійцами, или убѣжало въ города, и лишь только изрѣдка попадаются уже пожилые изроста галицкія крестьяне въ бѣлыхъ тулупахъ и бабы въ платкахъ и расшитыхъ шишами паневахъ. По сторонамъ шоссе видѣются окровавленные бинты и тряпки, пустыя жестянки, бумажки синяго цвѣта отъ патроновъ, старыя, разбитыя австрійскія повозки, обломки колесъ.

Одиноко стоятъ бѣлые деревянные кресты безвѣстныхъ героевъ. Чѣмъ дальше вы ѣдете, тѣмъ больше становятся партіи плѣнныхъ. Все тѣ же унылыя фигуры, какъ-то безучастно шагающія по дорогѣ.

Вотъ впереди показалось большое селеніе, среди полуразрушенныхъ зданій сраинительно уцѣлѣлъ одинъ большой домъ, съ крышей, по видимому, только-что сколоченной. Въ этомъ домѣ наши госпитали.

Львовъ. Русскія войска у памятника Мицкевича. По фот. нашего спеціального военнаго корреспондента.

Онъ весь переполненъ ранеными, какъ нашими, такъ и австрійцами. Солдаты лежатъ тѣсными рядами среди небольшихъ промежутковъ. Два доктора и сестры милосердія едва успѣваютъ подавать помощь. Докторъ В. рассказываетъ объ удивительныхъ случаяхъ пораненій, объ организаціи медицинской части въ австрійскихъ войскахъ.

Когда мы въѣли Львовъ, гоноритъ онъ: мы захватили австрійскій обозъ, тянувшійся на пятнадцать верстъ. Чего-чего только не было въ этомъ обозѣ. Великолѣпныя ящики съ наборомъ хирургическихъ инструментовъ, большіе и малые, такіе инструменты, которымъ каждый нашъ врачъ былъ бы очень радъ. Громадные транспорты перепачканныхъ вещей, бинтовъ, теплыхъ одеялъ, бѣлья, медикаментовъ, консервовъ, сахару, муки. Все это очень пригодилось для нашихъ раненыхъ и больныхъ. Ящики съ хирургическими инструментами были розданы нашимъ врачамъ.

Тутъ же этотъ докторъ показалъ на одного раненаго нашего солдата. Этотъ солдатъ лежалъ въ полѣ, стрѣляя въ австрійцевъ. Австрійская пуля попала ему между лопатокъ, прошла вдоль спины, къ счастью, не задѣвъ спинного хребта, и вышла пинзу сверху, разворотивъ покровы и превративъ ихъ въ сплошную кровавую массу. Только сильная натура могла выдержать такое ужасное пораненіе: этотъ солдатъ теперь на пути къ выздоровленію. Мы видѣли одного несчастнаго солдата, которому стакавъ отъ припавшаго снаряда попалъ въ голову. Это была уже не голова, а нѣчто безформенное. Черепъ и лицевыя кости были совершенно раздроблены, и тѣмъ не менѣе этотъ солдатъ еще жилъ полчаса послѣ того.

Между прочимъ, докторъ В. рассказывалъ о характерномъ снабженіи медицинскими препаратами австрійскихъ врачей и показывалъ намъ австрійскій докторскій ящикъ. Каждый австрійскій врачъ носитъ всегда при себѣ этотъ большой полукруглый кожаный ящикъ, надѣвающийся, какъ поясъ. Кожаная крышка ящика открывается, какъ у патронташа, и тамъ въ этомъ ящикѣ уложены съ удивительной аккуратностью нужные медицинскіе инструменты, бинты, ножницы, морфій, опиій, очень важный при раненіяхъ въ животъ, когда солдаты страннымъ образомъ страдаютъ отъ боли. — Аппенитъ и другія лѣкарства. Большая часть лѣкарствъ изготовлена въ видѣ сухихъ таблетокъ, въ совершенно готовомъ для приема видѣ, и австрійскій врачъ въ случаѣ надобности только разламываетъ бумажную обложку этихъ таблетокъ и даетъ уже готовое лѣкарство раненому, тогда какъ нашимъ врачамъ приходится приготавливать лѣкарства въ походныхъ аптекахъ, на что, конечно, уходитъ много времени.

Львовъ. Русскія войска, расположившіяся у вокзала. По фот. нашего спеціального военнаго корреспондента.

Львовъ. У памятника Голуковскому. По фот. нашего спеціального военнаго корреспондента.

Удивительно, что видъ даже самыхъ тяжелыхъ ранъ, — мнѣ приходилось видѣть параллельныя пораненія, когда раны были скланы и буквально обнаруживались человѣческія кости, — и даже ужасный запахъ загнившихъ ранъ не пропаводитъ въ военной обстановкѣ сильнаго впечатлѣнія. Да, всѣмъ сердцемъ сожалѣши раненаго, хочешь ему какъ-нибудь помочь, облегчить ему страданія, но какого-либо сердечнаго потрясенія не испытываешь. Но въ мирной обстановкѣ мнѣ пришлось видѣть сцену, когда

на нихъ согнутыми кровельными желѣзными листами, запахъ гари. Населеніе бѣжало, въ городѣ нѣтъ почти никого, кромѣ русскихъ войскъ, медленно передвигающихся по улицамъ полуразрушеннаго города. Красное пламя факеловъ освѣщаетъ то зияющія окна съ разбитыми стеклами, то какую-то темную груду камней. Въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ расположились наши лазареты. Мрачный городъ.

Вс. Надеждинъ.

Стасикъ-казакъ.

Рассказъ С. Удѣльнаго *).

1. „Мамуся, мамуся“.

Стасика не было дома, когда случилось все это. Онъ былъ у тетки Маріанны въ соседнемъ деревнѣ, и не зналъ, что произошло дома.

А произошло вотъ что.

Въ деревушку М. у самой границы утромъ рано прискакали на высокихъ коняхъ какіе-то въ сѣрое одѣтіе всадники и стали разспрашивать сонныхъ крестьянъ, есть ли тутъ и сколько казаковъ. Изумленные жители, ничего не понимавшіе, никакихъ казаковъ не видали.

Тогда всадники умчались, но вскорѣ въ деревушку пришелъ большой отрядъ такихъ же всадниковъ и занялъ деревню.

Худоцавый высокій офицеръ приказалъ собрать всѣхъ мужчинъ, объявивъ имъ, что теперь война, что онъ командиръ отряда прусскихъ уланъ, и потребовалъ выдать ему скотъ, лошадей и какіе есть припасы.

Крестьяне, ни о какой войнѣ не слышавшіе, сперва стали возражать, но когда двуглазый изъ нихъ пришлось отвѣдать уланскихъ прикладовъ, покорно пошли исполнять приказаніе.

Женщины, узнавъ, въ чемъ дѣло, стали реветъ, а дѣти своимъ плачемъ увеличивали общую сумятицу.

Уланы въ это время разбрелись по хатамъ, требовали угощенія и хозяйничали, какъ хотѣли.

Забрались два уланы и въ Стасину хату. Испуганная мать, вся въ слезахъ, вышла доставать солдатамъ угощеніе, а отецъ пошелъ выводить скотъ. Въ хатѣ осталась одна шестнадцатилѣтняя сестра Стаси, красавица Анеля.

Не могли уланы устоять передъ соблазнами, стали грубо приставать къ молодой дѣвушкѣ. Вырывался изъ объятій одного изъ насильниковъ, она нечаянно задѣла прислоненное къ стѣнѣ ружье улана.

Раздался выстрѣлъ.

Это послужило сигналомъ къ тому неслыханному, ужасному, что произошло затѣмъ.

Уланы, вообразивъ, что на нихъ произошло нападеніе со стороны крестьянъ, выскочили изъ хаты, и потъ началось...

Львовъ. У памятника Яну Собѣскому. По фот. нашего спеціального военнаго корреспондента.

* Говорятъ, полученный авторомъ изъ этого разсказа, пожертвованъ имъ Комитету „Петроградъ—Польша“.

И радостно было у него на душе. Солнышко так ярко светило, в воздухе так приятно все было, а от полей несло таким душистым запахом, что, право, было хорошо и легко. И мамусю свою он скоро увидит, и подарок от нее несет: тетка Марианна испекла такой вкусный пирожек со сливами, дала ему большой кусок, и еще сыру и вкусного — вкусного хлеба. Радостно несет Стася узелочек для своей мамуси и не чувствует усталости.

Когда он поднялся на гору, через которую вела дорога, он заметил вдали, как будто в том направлении, куда ему идти, что-то как бы дымят, но он не обратил на это внимания — не раз он видел такой дым, когда крестьяне выжигали торфяные болота.

Когда он спустился с горы, то за лесом вовсе не стало видно дыма.

Бодро и легко шел Стася.

А вот на перекрестке что-то не ладно. Он привалил, всегда набожно снимая шапку и крестясь перед распятием, высоко поднятым в этом месте на деревянном кресте. А тут вот крест-то и не видно.

Он ускорил шаг и, странно, крест свалился, как будто его кто-то подрубил, и распятие отброшено в сторону. Он поднял распятие, набожно поцеловал и попробовал приладить к старому месту, но это ему не удавалось.

«Надо сказать отцу, чтобы поправил», — мелькнула у него мысль.

И он пошел дальше. Вдруг, когда он вышел из-за леса, он увидел — и теперь совершенно ясно — дым падал тем местом, где должна была быть его деревня.

И чем ближе он подходил к ней, тем для него становилось яснее, что в деревне пожар. И он уже не шел, а бежал.

При входе в деревню на дороге что-то лежало. То был человек, но сразу это было трудно распознать.

Что-то безформенное, как будто по нему пробжал обоз или проšlo стадо скота. Лужа крови...

«Дяди Казимир!», — почуял Стася, но он не остановился. Страх обуял его, и еще пуще пустился он бежать.

Деревня догорала, но не было видно ни души. Стася помнил пожар в соседней деревне — тогда было много людей, кричали, бежали, а тут — никого.

Лежали полуодетые трупы в крови... Вот сломанная телега... Вот жеребенок с вытнутыми ногами, с вышущими внутренностями...

Львов. Русские войска у ворот австрийских казарм. По фот. нашего специального военного корреспондента.

«Где же мамуся, где Аня?» Он побжжал обратно в деревню. Вот что-то у дома его двигается, черное. «Рулик, Рулик!» Рулик, в крови, на трех лапах еле плетется навстречу. Но Стася, ничего не замечая, радостно бежит и почти падает, обняв Рулика. Рулик виновато вжигит, лжжет мальчику лицо, руки. Оба рады друг другу. Какое счастье! Рулик здесь, живой, толстый.

Мамуся, где мамуся? — но умные глаза только плачут и моргают и все поворачиваются в ту сторону, где лежит труп отца. И все же как будто тише туда Стасю.

Подождал Стася вместе с Руликом к отцу, но страха он больше не чувствовал — с ним был Рулик.

Посмотрел на отца, и наполнилось сердце его невыразимой жалостью. Припал он к холодным босым ногам, и потекли у него слезы. Плакать он, и в судорожном рыдании билось его сердце, а Рулик лизал ему ухо.

Стало как будто легче, как будто со слезами выливалось все горе.

Озарил его мысль — а может-быть, мамуся и Аня убижали в соседнюю деревню.

И, успокоенный, он встал, и по лицу пробжжала тьма, серьезная складка легла между бровями, как будто он ощутил от чего-то. Он как будто познал, что кровь отца требует мщения. Да, мстить по кому, кто это сделал? «Пойду в деревню, разыщу мамусю и узнаю».

С серьезным, спокойным видом он опустился у ног отца на колени и стал творить молитву. Поцеловал холодные ноги и встал.

Рулик не мог с ним пойти, как ни звал его Стася.

• Тогда Стася развязал свой узел, выложил все — и булку, и пироги, и сыр — на траву, крепко обняв Рулика и пошептал...

II. «Пся кровь».

Торопливо шел Стася, не оглядываясь, поддерживаемый одной мыслью, что вот он разыщет мамусю, все расскажет ей и узнает, в чем дело.

Уже солнце склонилось к закату.

Кругом ни души. Пусто на земле, пусто в небе. Ни одного звука. Только собственные шаги по дороге и собственное дыхание слышит Стася. Стало ему жутко.

Но, слава Богу, уж недалеко. Вот за этим леском еще горка, а за тем уже деревня. И торопливо вступил он в прохладный лес.

Вдруг: «халты!» — и кто-то в сформе вышел из леса на дорогу.

Напуганный Стася бросился бежать, но вдогонку ему послышался выстрел. Со страху он шлепнулся о землю, и далеко в сторону отлетела его шапка. Человек в сформе схватил его, поднял на воздух и потащил в лес.

Тут он свистнул, и из чащи выбжжали еще двое, тоже в сформе, и, что-то поговорив, чего он не понял, больно взяли его за руки и повели в глубь леса.

Привел Стасю на лужайку посреди леса, и увидел он: посреди лужайки расположилось много

Страшно Стася. Вот его дом. Но дома нет — торчит труба, дымящая головни. Старая береза, черная, с опаленными листьями.

Стася не знал, что делать. Он забжжал задом, что-то лежало в крови. «Иезусь — Мария!» отец.

Он отскочил от трупа и с диким криком: «Мамуся, мамуся!» побжжал по деревне.

Вот дом, почти целый. Тетки Магдалины. «Может-быть, там мамуся!» Быстро побжжал он в сени и в ужасе выскочил оттуда в сених лежала зарезанная тетка Магдалина.

Добжжал Стася до конца деревни — все то же: развалены, трупы, кровь и ни одной живой души...

Вот поле.

— Мамуся, мамуся! — но только эхо вторит: «уся, уся».

Обуянный страхом, Стася бросился на колени и неистово стал шептать молитву.

«Где же мамуся, где Аня?»

таких же людей, все в сформе, что-то варили в большом котле, а поодаль на привязи стояли лошади.

Повели его на самую середину, к высокому, худому человеку, сидевшему на пне с большою чашкою в руках.

Приведшие его люди заговорили на незнакомом ему языке, а сидевший на пне что-то спрашивал их. Похоже на то, как они говорили, говорил старый еврей Янкель, когда он прибжжал в их деревню скупать яйца и приносил подарки мамусе, тетке и другим. Но все-таки сформе люди говорили как-то иначе, и он их не понимал.

Сидевший на пне спросил его по-польски, откуда он пришел. Обращенный, что слышит родную речь, он сказал: «Тогда его спросили, видел ли он казаков, где и сколько».

Казаки, казаки! Что-то далекое, далекое вспомнилось ему. Да, казаки!

Он помнит, как странно боялся казаков, когда дед рассказывал. Он вспомнил и догадался: да, это наверняка пришили казаки, убили его отца, сожгли деревню и увели его мамусю и Аня, а эти сформе люди теперь разыскивают этих ужасных казаков, чтобы наказать их и отнять мамусю и Аня.

Образовавшись, доверчиво и скороговоркою он стал рассказывать сформе человеку: да, он знает, где казаки — они были в деревне, убили его отца, сожгли дом, увели мамусю.

На разведку через неприятельские окопы. По фот. нашего специального военного корреспондента.

Сестры.

Рассказ Н. Кипренского. (Окончание).

V.

По было одно слабое место, с которым никак не умели справиться сестры. Со всей своей житейской опытностью, Мария Герасимовна была тут так же беспильна, как и Ирина Аркадьевна. Обе были не то что плохими, а просто никакими хозяйками.

Кугасова не приобрела познаний в этом искусстве потому, что оно не входило в круг ее воспитания.

Обстановка ее жизни была такова, что ей не приходилось и не представлялось в будущем заботиться о разных пустяках ежедневного обихода; все для нее всегда было готово. Кто-то из домх заботился об этом, и никогда в жизни у нее не было ни в чем недостатка.

Этим не могла похвастаться Поедина. В ее еще недолгой, но очень богатой опытом жизни бывали всякие обстоятельства. Прежде чем достигнуть видного положения и спокойного существования, ей пришлось пройти всю тяжелую школу провинциальной сцены и познакомиться с безработицей, неплатежами, с крахами и бжгством антрепренеров, терпеть от недождания и холода.

Но обстановка актерской жизни такова, что невзгоды только закаляют, но ничему не научают, потому что он считается как бы неотъемлемой принадлежностью жизни актера, и актер, который с самого начала своей карьеры и до конца не терпел невзгод — не актер. Кроме того, жизнь в гостиницах, постоянная передвижка из города в

Грубый хохот прервал его рассказ. Хохотали все кругом.

С недоумением он глядел то на человека, сидевшего на пне и так хохотавшего, что трясла чашка в руках, то на тех, которые стояли кругом.

— Дурень ты, не казак сожгли деревню и убили твоего отца, а мы наказали ваших псов за злобство.

Ошеломленный, ничего не понимая, но не теряя надежды разыскать мамусю, он бросился на колени перед человеком, сидевшим на пне.

— Пана, добрый пана, где мамуся?

Еще сильнее захотали сформе люди, и сквозь душивший его хохот человека, сидевшего на пне, прокричал Стася прямо в лицо:

— У чорта! — У чорта? Как, чтобы его мамуся, которая чагами могла на колених проставать на молитве и его учила всегда любить Бога и молиться, была «у чорта»? Нет, это было слишком для его слабого разума.

Потемнело в глазах Стаси, и прямо с колени он бросился вперед.

— Пся кровь! — и чашка вылетела из рук сидевшего на пне.

Но тут он получил такой удар прилатом в спину, что все помутилось в глазах, и он остался лежать.

(Окончание следует.)

Львов. Полковой снот на улицах города. По фот. нашего специального военного корреспондента.

На Галицийском фронте. Наши войска на улице Самбора. По фот. нашего специального военного корреспондента.

мѣръ могло бы быть свое особое хозяйство и свои нужды. Но воскресенья и праздники въ послѣдствіе часы приходила публика. У очень немногихъ были знакомые и родственники. Большую же часть люди приходили просто такъ, посмотреть на раненыхъ солдатиковъ и посочувствовать имъ. И при этомъ каждый считалъ своимъ долгомъ принести имъ гостинецъ.

И, конечно, это было то, что могло самымъ приносящимъ доставить наибольшее удовольствие. А такъ какъ приходилъ большою частью народъ простой и невзыскательный, то послѣ ухода ихъ въ палатѣ оказывались цѣлыя горы баранокъ, яблокъ, мармеладу, папиросъ.

Въ первое время это нравилось раненымъ и тѣшило ихъ. Они старались какъ можно добросердечнѣе съдѣлать все, что приносили имъ добросердечные посетители, а курильщики—выкурить имъ папиросы. Но скоро это имъ надоело и, кромѣ того, оказалось вреднымъ. Дѣло дошло до того, что врачъ пришлось на нѣкоторыхъ закомъ наложить строгіе запреты. А между тѣмъ въ слѣдующій праздникъ явились новые посетители и съ избыткомъ пополняли все тѣ же предметы. И теперь яблоки, баранки погибали безъ толку. Папиросъ же образовался неистребимый запасъ. Разсылать въ другія палаты было бесполезно, такъ какъ тамъ было то же самое.

Обѣ сестры съ сокрушеніемъ смотрѣли на это. Жаль было имъ чужого усердія, и понимали онѣ, что все это можно было бы использовать гораздо лучше, но ничего практическаго не могли придумать.

А тутъ была еще и другая бѣда: у раненаго, несмотря на щедрое больничное содержаніе, многого не хватало. Съ войны приѣхалъ онъ безъ всякаго багажа, и все его имущество, кромѣ мушкетера, заключалось въ одной парѣ бѣлья, въ которомъ онъ приѣхалъ, и то большою частью было въ плохой исправности. Его, разумеется, переселѣвали въ больничное, но какъ только онъ вставалъ съ постели и начиналъ ходить, это бѣлье становилось ему неприятнымъ.

Это была какан-то особая черта, даже походившая на капризъ, но общая почти всѣмъ. Каприза однако тутъ не было, а было простое желаніе человека, чувствующаго себя здоровымъ и свою заживающую рану не считающаго болѣзною, какъ можно меньше походить на больного.

— Мы не больные, мы раненые, — такъ и говорили они.

Больничный халатъ былъ неизбѣженъ, и потому свое бѣлье доставляло особенное удовольствіе, а его-то и не было.

Но особенно горько это было, когда солдатикъ, поправившись, уѣзжалъ въ деревню или на войну. Было просто обидно оглядывать его съ той единственной рубашкой, которая была на немъ. Да, кромѣ того, поступивъ въ лаваретъ въ теплое время, онъ

На Галиційскомъ фронтѣ. Русскій обозъ на улицахъ Ярославля.
По фот. нашего спеціального военнаго корреспондента.

выходилъ изъ него, когда наступали уже холода. Такъ хотѣлось снабдить его чѣмъ-нибудь теплымъ. Кое-что сдѣлали для него сестры, но помощь отъ этого не могла быть существенной.

И вотъ тутъ-то на выручку судьба послала имъ новаго товарища въ лицѣ Варвары Игнатьевны Марвеловой.

Ее назначили къ нимъ въ палату обычнымъ порядкомъ, помимо ихъ желанія. Въ это время нѣсколько выздоровѣвшихъ выписалось, и на ихъ мѣсто поступили солдаты съ довольно сложными пораненіями, за которыми требовался тщательный уходъ. Рѣшили, что двумъ сестрамъ будетъ тяжело, и назначили третью.

И когда она пришла и представилась сестрамъ, онѣ ненормально переглянулись. Такъ показалась она имъ мало подходящей для предстоящей дѣятельности сестры милосердія.

Это была женщина лѣтъ сорока пяти, поменьше средняго роста, сильно раздвинувшая въ ширь и, какъ казалось, порочию уже отяжелѣвшая. Лицо у нея было странное, маленькое, дѣтское, съ мелкими чертами, съ маленькимъ ротомъ, но его окаймляли, какъ рама, жирныя складки, внизу впадавшія въ толстый жирный подбородокъ.

Волосы на головѣ были рѣдкѣе, тоненькой косичкой завернутые надъ затылкомъ въ мазенькій до смѣшного и какой-то безпомощный комочекъ.

А когда она заговорила, то у нея оказался низкій голосъ, огрубѣвшій, рѣзкій, съ сипотой, которая поддерживалась, должно-быть, табачнымъ дымомъ: она курила безчисленное множество папиросъ.

Первое обращеніе ея къ сестрамъ очень смутило ихъ, и онѣ не знали, что на него отвѣтить.

— Что это вы на меня такъ смотрите, милыя барыньки. Судно я звѣрь какой? А я, вотъ ей-Богу же, не звѣрь, и въ работѣ не такъ плоха, какъ кажется. Я, матушки мои, въ японской войнѣ работала на позиціяхъ, подъ самымъ что ни на есть огнемъ хаживала.

Я—сестра старая, испытанная. Какъ-то и только ранъ не видѣла, сколько ихъ прошло черезъ мои руки!.. И... милыя мои... Вамъ то и не снилось.

И дѣйствительно, когда въ тотъ же день ей пришлось дѣлать перевязку сложной и довольно опасной раны у вновь прибывшаго больного, она продолжала это съ такой ловкостью и такъ чисто, что Антонъ Михайловичъ не выдержалъ и похвалилъ ее.

— Вотъ видите, — сказала она потомъ сестрамъ, — самъ похвалилъ, а онъ-то у насъ по этой части считается прямо какъ богъ какой-нибудь.

И востѣ этого она вдругъ стала какъ-то ближе имъ, какъ покровительница и ихъ дѣло. Да и приглядѣвшись къ ней, свыкшись, а отъ этого сгладились угловатости и рѣзкости ея наружности.

Вечеромъ, когда въ палатѣ всѣ уснули, въ дежурной комнатѣ она, куря папиросу за папиросомъ, съ удивительной словоохотливостью разсказывала сестрамъ о себѣ.

На Галиційскомъ фронтѣ. Русскіе солдаты и галиційскіе крестьяне въ Стрыѣ.
По фот. нашего спеціального военнаго корреспондента.

— Я, матушки мои, ученая... О-о... Всякую штуку проходила. До японской войны акушеркой была, младенцамъ, стало-быть, на свѣтъ Божій являться помогала. Тоже вѣдь не послѣднее дѣло, какъ вы полагаете, милыя! И замужемъ была и дѣтей имѣла—двухъ сыновей и одну дочку. А когда пойна объявилась, въ сестры пошла. Курьез выслушала, экзаменъ выдержала, все какъ слѣдуетъ, и всю ту войну проработала. А послѣ войны что-то скучно мнѣ стало съ младенцами-то волитесь, такъ я на фельдшера стала учиться и три года протрубила, и сдѣлалась я акушерка и фельдшерица вмѣстѣ. Вонъ какава птица важная! Ну, а теперь вотъ и до этой войны дожила. Мужъ у меня померъ, дочка замужъ пошла, а сыновья оба на войну махнули—одинъ по закону, а другой по доброй волѣ. И я осталась одна. Что жъ, думаю, такъ сидѣть-то? Возмусь-ка за старое. Въ свое время и, можетъ-быть, тысячу пять разъ перевязала, ну, и теперь столько же перевязу для круглаго счета. Будетъ десятка... А сама я, милыя мои, по рожденію своему дыконовская дочка. Училась когда-то въ снариалкѣ, да немного. Родители померли, осиротѣла, по чужимъ людямъ кормилась, а потомъ за умъ взялась, и потъ какъ ужъ есть, такую и берите.

Такую и взяли. Совсѣмъ хорошо обошлось дѣло. Поправилась Варвара Игнатьевна и сестрамъ и солдатикамъ. Сестры подъ грубой оболочкой нашли въ ней простоту и прямую душу, сама же она почему-то говорила, что у нея «душа коренастая», то-есть угловатая и неповоротливая, — какъ взяла одну линію, такъ ужъ и идетъ, не сворачивая.

А солдатники какъ-то сейчасъ же почувствовали въ ней своего человѣка, который знаетъ, что имъ нужно и какъ объ нихъ заботиться. Онѣ стали палывать ее «тетка-сестрица». И сейчасъ же сдѣлалось ясно, что этой теткѣ въ палатѣ какъ разъ и не доставало.

Варвара Игнатьевна внимательно осмотрѣла всѣхъ больныхъ, ихъ кровати и бѣлье, и нашла не мало упущеній. Тѣ, кому прописывались ванны данъ лѣченія, были отменно чисты, а кому ванны не назначались, оказались грязноваты. Она сейчасъ же выхлопотала имъ мыльце и всѣхъ ихъ послала мыться.

Тотъ запустить слишкомъ длинныя волосы на головѣ, другой бороду, — явился казенный цирюльникъ и привелъ ихъ въ порядокъ.

У многихъ оказались слежавшіеся тюфяки, которые причинили имъ неудобства—похлопотала, замѣнила. Ни Кугасовой ни Побѣдиной подобныя заботы не приходили въ голову. Просто онѣ не знали, что можно и объ этомъ позаботиться.

— Да вѣдь это оттого, матушки мои, — объяснила Маркелова: — что и знаю созда. Онъ, голубчикъ мой, три дня безъ ниши пролежитъ и не пикнетъ. Все будетъ думать, что, ежели не дадутъ, то, стало-быть, приказъ такой отъ начальства вышелъ, чтобы не давать, вотъ оно что! Таковъ ужъ онъ у насъ терпѣливый. Оттого и возбуждаетъ. Нѣмцу ты на позицію со-е-е-е-е-е-е-е дай да конишь шва, безъ этого онъ дня не проживетъ, ослабѣетъ, а нашему,

что ни дай, а хоть бы и ничего, — все ему на здоровье идетъ.

Справившись со всѣмъ этимъ, взяла Варвара Игнатьевна гребень и пошла по головамъ солдатиковъ «ревизию производить», — и не напрасно. У тронхъ въ волосахъ насѣкомыхъ нашла.

Сейчасъ же достала гдѣ-то густой гребешокъ и собственноручно вычесала у нихъ изъ волосъ всю нечисть, а потомъ изъ аптеки малъ какую-то выпила, смазала имъ волосы, — и ничего, никто надъ ними не смѣялся, и они сами нисколько не были сконфужены, потому что это со всякимъ можетъ случиться.

Но зато сконфужены были сестры Кугасова и Побѣдина, что были недостаточно внимательны и прогладѣли такія важныя пробы. Они признали, что Варвара Игнатьевна дала имъ превосходные уроки, которые въ будущемъ пригодятся имъ.

И наконецъ, тетка-сестрица обратила вниманіе на валявшіяся безъ пользы приношенія добродѣтельныхъ посетителей. Баранки черствѣли, яблоки начинали портиться.

— Господи ты Боже мой! — воскликнула она, всплеснувъ руками. — Этакое-то добра сколько пропадетъ! Да итъ его же можно продать, а на тѣ деньги холста накупить,

да бѣлья панить солдатикамъ.

Простая мысль, а потъ никому же до нея не пришла въ голову. Кугасова было — возразила, что едва ли эти вещи кто-нибудь купитъ. Но Маркелова замаяхала на нее руками.

— Матушка моя, да вы съ неба упали, что ли? Да развѣ есть такой предметъ, чтобы не нашлось на него покупателей! Покупатель на нее найдется, надобно только его сыскать. А такіе предметы да хоть въ первую попавшуюся мелочную лавочку съ благодарностью возьмутъ. И мармеладъ, который сохнетъ, заберутъ и папиросамъ будутъ рады. Ну, да ужъ я сыщу...

И навязали цѣлый кулъ всякой всячины, а Варвара Игнатьевна отправилась въ городъ и панла покупателя. На другой день была праздникъ. Снова нанесли, она и это туда же отправила.

Зашевелились кредитныя бумажки, которые были превращены въ холстъ. Съ солдатиковъ носилимъ мѣрки, и гдѣ-то какія-то добродѣтельныя души, опять же огысканныя Варварой Игнатьевой, шли рубахи и другихъ наименованій бѣлье.

А посетителямъ, которые пришли въ праздникъ, Варвара Игнатьевна, принимая отъ нихъ дары въ видѣ яблокъ и баранокъ, говорила:

— За это мы вамъ, милые, сердечно благодарствуемъ, а только лучше бы по части тепленькаго что-нибудь. Вотъ наши молодцы выздоравливаютъ и опять на войну собираются, а тамъ-то холодно будетъ. Фуфаски бы, рукавички, а то и курточку на овчинкѣ, кому ежели по средствамъ...

И посетители принимали ея слова, какъ нѣкое откровеніе. Вѣдь всѣ эти сласти и папиросы онѣ покупали машинально, не зная ничего другого, чтобы угодить раненымъ, а тетка-сестрица давала имъ мысль. И большинство ихъ являлось въ слѣдующій

На Галиційскомъ фронтѣ. Станція Задвиръ, занятая русскими войсками.
По фот. нашего спеціального военнаго корреспондента.

Желающие получить «Ниву» с начала будущего года **безъ перерыва** благо-
волят **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1915 годъ**, такъ
какъ, въ противномъ случаѣ, мы не можемъ поручиться за своевременную доставку
первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться
прилагаемымъ при этомъ № подписнымъ бланкомъ въ видѣ почтоваго перевода.

же праздники и при-
таскивалотеплыя вещи.
Солдатики примѣрили,
надѣвали и просто не
могли нарадоваться.

А Варвара Игнатье-
вна все хлопотала, бѣ-
гала, доставала. И какъ
быстро носилась, не-
смотря на свою тяжело-
нѣность и малую по-
воротливость!

Но пришлось-таки
Кугасовой и Побѣд-
ной и раненымъ сол-
датикамъ увидѣть Вар-
вару Игнатьевну пла-
чущей, да такъ горько,
что просто не знали,
какъ утѣшить ее.

Два дня она не прихо-
дила въ лазаретъ: думал-
ли, забѣжала. Марья Ге-
расимовна собралась
уже съѣздить къ ней, но
она пришла: лицо блѣд-
нее, а глаза на немъ
красные, видне—пла-
кала много. Да и тутъ,
какъ загонорилась, такъ
сейчасъ слезы ручьями.

Получила извѣстіе,
что сынъ ея, тотъ, ко-
торый по доброй волѣ пошелъ, убитъ въ сраженіи. Видно было,
что ударъ для неѣ страшный, и, казалось, никогда она не успо-
коится. Пожалуй, и изъ лазарета уйдетъ.

Солдатики, узнавъ о случившемся, какъ-то вдругъ примирѣли,
замолкли, лица у всѣхъ печальныя стали, какъ будто каждый
въ душѣ справлялъ панихиду по усопшему сынѣ тетки-сестрицы.

На Галиційскомъ фронтѣ. Исправленіе русскими войсками линіи желѣзной дороги,
поврежденной австріяцами.

Потомъ тихонько что-
ворились устроить
складчину, собрали нѣ-
сколько денегъ и дали
Марьѣ Герасимовнѣ.

— Сестрица Маша,
сходи-ка ты къ здѣш-
нему батюшкѣ да по-
проси въ болыничной
церкви панихидку по
душѣ тетки-сестрицы-
наго сынка отслужить,
да свѣчекъ купи.

И въ болыничной цер-
кви служили панихиду.
Изъ палаты всѣ, кому
позволило здоровье,
пришли и молились.
Даже Эхманъ, несмотря
на разность религіи,
пришелъ и съ боль-
нымъ благоговѣніемъ
простоялъ всю службу.
Были Кугасова и По-
бѣдина, явилась и млад-
шія сестры и сирѣтки.

Варвара Игнатьевна,
стоя на колыняхъ, пла-
кала негромко, и, долж-
но-быть, это были у
неѣ послѣдніе остатки
слезъ. Вниманіе палаты
глубоко тронуло ее.

Послѣ панихиды она какъ-то нѣя встряхнулась, взяла себя въ
руки и съ новыми силами припалась за раненыхъ солдатиковъ
и ихъ пущи, бѣгала, хлопотала, ворчала, а, когда это было
нужно, и бранилась.

А солдатики и молодыя сестры еще больше признали и полю-
били тещу-сестрицу.

Мы и они.

Германія показала несму міру, какъ можетъ эта держава, име-
ющая себя христіанскою, обходиться безъ Христа.

Нападан на какой-либо городъ, нѣмцы прежде всего находятъ
орудійную цѣль въ высѣющихся христіанскихъ храмахъ. Сатанинская
люба тогда закипаетъ въ ихъ озвѣрѣлыхъ сердцахъ. Они наблю-
даютъ за тѣмъ, скоро ли упадетъ высокая колокольня, не заго-
рится ли гдѣ внутри храма христіанскій алтарь.

Но вотъ верхишки храмовъ снесены, беззащитные жители
разстрѣляны. Выѣзю великихъ историческихъ памятниковъ
груды развалинъ. По праву побѣдителя входятъ тогда сомкнутому
рядами люди-лѣвры въ оставленный пустой городъ и предаются
нечестовымъ грабежамъ.

Начинается дикая оргія. Вино все выпито. Угрозы, сквернословіе
побѣдителя оглашаютъ стѣны мертваго города. Низменные инстин-
кты ищутъ живой добычи, и, подъ общій хохотъ разъяренныхъ
бандъ, нѣмецкіе солдаты волокутъ за косы укрывшихся полу-
обезумѣвшихъ матерей и малолѣтнихъ дѣтей-подростковъ.

Пьяною ватагою направляются насильники въ близъ стоящій
храмъ. Что для нихъ неприкосновенность христіанской святыни?
Какое имъ дѣло до христіанскаго алтара, на которомъ совер-
шается безкровная жертва? Начинается подъ сводами мрачной
церкви жестокая расправа съ священными предметами. Распятіе
повергается на землю. Иконы святыхъ—для нихъ лишь мишень
для пробы револьвера. Добираются они и до алтара. И здѣсь,
изъ немъ, перестъ которымъ нѣмѣетъ отъ страха человѣче-
ская мысль, они совершаютъ гнусныя дѣяствія. Христіанская
святыня осквернена „предѣлшителями“ такъ называемыхъ енап-
гелическихъ христіанъ, т.-е. жинущихъ по Евангелію.

Совершается второе богоубійство, но не рукою тѣхъ, кто „не
вѣдѣтъ, что творить“, а изкуленныхъ кровію Спасителя.

Укажите же, „великодушные“ враги, въ свое оправданіе, хоть
одного русскаго солдата, который бы не только прикоснулся къ
христіанской святынѣ, но и къ еврейской торѣ (свѣтки Св. Пи-
санія), хранящейся въ каждой синагогѣ!

Такихъ осквернителей святыни вы въ русской доблестной
арміи не найдете. Ихъ никогда не было и не будетъ.

Напротивъ, именно въ походѣ рамигчается не всю ширь мо-
литвенная душа русскаго солдата. Кто съ такой вѣрою умираетъ
на полѣ брани, какъ не русскій солдатъ? Кто съ такой христіан-
скою кротостью переноситъ жгучія тѣлесныя страданія, какъ не
тѣ же доблестныя силы русскаго народа, издавна называемыя
„богоносцемъ“? Религіозный подъемъ у нашей арміи необычайный.
Не къ разгулу, подобно нѣмцамъ, стремится на отдыхѣ отъ боя
русскій солдатъ, а ищетъ храма, гдѣ бы помолиться.

Какъ сейчасъ вижу,—ишнеть намъ съ поля сраженія близкое
лицо, въ отрядѣ генерала Ренненкампа—маленькую походную
церковь. Это простой вагонъ, тѣсный и узкій. Войти въ него
могутъ лишь немногіе высшіе чины да больные и слабые. Но
посмотрите, что творится вокругъ этого храма-вагона. Несмѣтная
толпа солдатъ и офицеровъ, подъ дождемъ, съ непокрытыми го-
ловами, стоитъ по обѣ стороны и молится. Молится усердно, какъ
только умѣетъ молиться богобоязненная славянская душа. Звукъ
молитвъ и пѣнопѣній сюда къ намъ не долетаютъ. Лишь мель-
каютъ среди ночи огоньки свѣтъ въ окна вагона. Но и этого до-
статочно. Русскій солдатъ и такъ сияетъ душой, а потому его мо-
литва, какъ чистый порывъ этой вѣрующей души, быстрѣе ле-
титъ къ Престолу Божію. Онъ чувствуетъ милость Бога во всемъ
своемъ существѣ. Слезы благодарности льются по его загорѣ-
лымъ щекамъ. Онъ видитъ Бога, и Господъ видитъ тайники его
благочестивой и богобоязненной русской души. С. Н.—нѣ.

СМЕРТЬ, КРАСОТА И ЛЮБОВЬ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ И. А. БУНИНА^{*)}.

Очеркъ К. Чуковского.

Бунинъ—поэтъ деревенскій. Его муза—въ голубенькой ситцевой
кофточкѣ.

Выѣзшная поэзія сплошь городская: фабрики, афиши, вокзалы,
кинематографы, аэропланы, трамваи—таковы ея главныя темы.
Но для музы въ голубенькой кофточкѣ все это чадъ и кошмаръ.
Муза въ голубенькой кофточкѣ попрежнему видитъ одно:

Зима!.. Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь.

Милая Татьяна, захолустная барышня, — ей гадокъ нашъ раз-
вратъ и угаръ. „Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада всю эту
ветошь маскарада, весь этотъ блескъ и шумъ и чадъ за полку
книгъ, за дикій садъ, за наше бѣдное жилище да за смиренное
кладбище, гдѣ нынче кресть и тѣнь вѣтвей надъ бѣдной нянею
моей“.

Смиренное кладбище, дикій садъ, тѣнь вѣтвей—главныя оча-
рованія для Бунина.

Онъ не воспѣвалъ никогда ни Кремля ни Мѣднаго Всадника.
Если бы провалились Петроградъ и Москва, въ его стихахъ
не измѣнилось бы ни строчки. Ему же дорого и важно одно:

Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ подымается,
Шумно по чащамъ идетъ.

Вѣтеръ, оттепель, снѣгъ, листопадъ,—всеноглаголющіе факты
его жизни. Онъ—пѣвецъ прогалинъ и проталинъ, сосенъ, октя-
брей, февралей. Его стихи—деревенскій дневникъ:

— Еще и холодетъ и сырѣ *февральскій* воздухъ...
— Сдается наконецъ сырымъ вѣтрамъ *февраль*...
— Прошли дежди, *апрѣль* теплѣетъ...
— Скоро и Троицкій день, скоро пѣсни, вѣнки и покосы.

Множество такихъ наблюдений и записей въ стихотворномъ его
дневникѣ. Тамъ есть и другіе мотивы, но природа и погода—

^{*)} Желая освѣтить предъ нашими читателями творчество И. А. Бунина,
какъ поэта и прозаика, мы посвящаемъ ему двѣ критическія статьи: А. А.
Немайлова („Лит. Прил.“ за декабрь) и К. Н. Чуковского (№№ 49 и 50 „Нивы“).

главнѣйшіе. Въ наблюденіи и описаніи природы онъ изумитель-
ный мастеръ.

Видитъ снѣгъ, тѣни деревьевъ, луну—для него несказанное
пиршество. Онъ поглощаетъ природу *глазами*, постигаетъ ее почти
исключительно *зрѣніемъ*; какъ и Фетъ, онъ—„*солнцетатъ* природы“.

Его степной, деревенскій глазъ такъ хватокъ, остеръ и зорокъ,
что мы всѣ передъ нимъ—какъ слѣпыя. Никто не писалъ до
него, что бѣлыя лошади—подъ луною зеленѣютъ, а глаза у нихъ
фіолетовые, что дымъ—спреневый, черноземъ—синій, а жинья—
лимонная. Тамъ, гдѣ мы видимъ только синюю или красную
краску, онъ видитъ десятки оттѣнковъ: розово-палевый, сире-
нево-стальной, серебристо-сизый, грязно-грифельный. Онъ не
столько пѣвецъ, сколько колористъ-живописецъ. Любожаніе, ра-
дованіе зримымъ для него величайшее счастье. Недавно онъ из-
образилъ человѣка, который ночью въ восторгѣ выходитъ во
дворъ и глядитъ на блестящую крышу. И эта блестящая крыша,
сама по себѣ, созерцаніе блестящей крыши, любованіе этой бле-
щащей крышей волнуетъ и восхищаетъ его, какъ нечаянная
радость, какъ благовѣстъ. Видѣть крышу, всѣ ея оттѣнки и от-
блески—развѣ для художника этого мало! Даже умирая и думая
о своемъ погребеніи, художникъ улыбается и радуется, ибо онъ
видитъ это страшное зрѣлище въ такихъ очаровательныхъ кра-
скахъ:

Онъ, улыбаясь, думаетъ о томъ,
Какъ будутъ выносить его—какъ *силы*
На жаркомъ солнцѣ *травяныя* ризы.
Какъ *желтъ* огонь, какъ *бѣлы* на *синемъ* доми.

Эти сизо-желтыя, сине-бѣлыя похороны утѣшаютъ и примиряютъ
его. Видѣть для него значитъ—радоваться. Какъ все прекрасно!
Право, даже этимъ голубымъ стариннымъ свѣчами можно лю-
боваться!—говоритъ его суходольскій Хрущевъ. Самая любимая
краска Бунина голубая, небесная, синяя: въ деревнѣ вѣдь такъ
чиста и безграницна лазурь. Тамъ даже мелеко—голубое, даже
черная земля—синеватая, даже вороны кажутся синими.

Бунинъ дошелъ до того въ своемъ любованіи красками, что
даже глаголы у него выражаютъ не дѣяствія, а келеры вещей.

Маминъ Горькій. Д. Е. Маминъ-Сибирякъ. П. Д. Телешовъ. И. А. Бунинъ.
И. А. Бунинъ и Д. Н. Маминъ-Сибирякъ въ кругу друзей—М. Горькаго и Н. Д. Телешова. Рѣдная группа, снятая въ Ялтѣ въ 1902 г.

Ни у одного поэта нѣтъ такого обилия глаголовъ: чернѣть, алѣть, синѣть, розовѣть, сизѣть, сѣрѣть, зеленѣть:

— Розовѣть пепелъ небосклона.— Въ туманѣ чернѣется шляхъ, — это у него постоянно.

И, конечно, онъ не былъ бы лирикомъ, если бы всѣми этими деревенскими красками и деревенскими образами, лужами, берегами, стогами не умѣлъ изобразить свою душу, передать тѣ своеобразныя, неуловимыя чувства, которыя проносятся въ ней. Его стихи только по виду. только для незрячаго глаза — дневникъ о погодѣ, о гонимыхъ и еляхъ, а на дѣлѣ они — о душѣ. Если Бунину грустно, онъ пишетъ о берегахъ и еляхъ, если ему весело, онъ пишетъ о берегахъ и еляхъ — и музыкой слова, комбинацией красокъ и образовъ властно внушаетъ свои чувства и намъ. Сосны, ели, овины, стога, косогоры — суть какъ бы струны и клавиши того рояля, тѣхъ старыхъ деревенскихъ фортепиано, на которыхъ онъ такъ виртуозно играетъ. Въѣсто того, чтобы сказать: „о, какъ я одинокъ и безпомощенъ! на душѣ у меня такое отчаяніе“, — онъ пишетъ стихотвореніе о вьюгѣ:

Жесткой черной листвою шедеститъ и трепещетъ кустарникъ,
Точно въ сибѣрную даль убѣгаетъ въ пенѣ.
Въ бѣломъ полѣ стога, косогоръ и забытый овчарникъ.
Топутъ въ бѣломъ дыму разгуливающей вьюги.
Дымный вѣтеръ кружить и не-
сетъ въ небѣ вѣрона бокомъ.
Конскій слѣдъ на бѣгу поро-
шить, заметать...
Вонъ прохаживалъ. Истомленъ
на пути одинокомъ,
Мертвымъ шагомъ онъ мѣрно и
туго шагаетъ.
„Добрый путь, человѣкъ! Да-
леко ль до села, до почта?“
Онъ не слышитъ, плѣтъ, только
голову клонитъ...
А куда и сбѣжать противъ хо-
лода, вѣтра и снѣга?
Родился мы въ снѣгу, — вьюга
часть и схоронитъ.
Занесетъ равнодушно, какъ стога,
какъ забытый овчарникъ...
Хорошо ей у насъ на просторѣ
всѣмъ!
Безпріютна жизнь, одинокій
подъ бурей кустарникъ,
Не тебѣ одождать въ полѣ тем-
номъ и дикомъ.

О чемъ это: о стогахъ и снѣгахъ, или — о насъ, о себѣ? Что это: описание вьюги, или — Requiem, безсмысленное рыданіе надъ обреченной душой человѣческой? Авторъ какъ будто старается только о томъ, чтобы точнѣе передать впечатлѣніе разгуливающей въ степи урагана; его воронъ, которого буря швыряетъ, какъ хочетъ, есть настоящій несимволическій воронъ, нисколько не изъ Эдгара По, и кусты, которые, точно въ паникѣ, въ ужасѣ, сорвались со своихъ мѣстъ и бѣгутъ, — тоже подлинныя кусты, не двумысленныя, но читаешь, и въ самомъ ритмѣ стиха, ясномо-
гающемъ, уныло-покорномъ, чувствуешь глухую, безнадежную жалобу на жизнь, на смерть, на судьбу. Для того, чтобы жало-
ваться, роптать, проклинать, для того, чтобы выразить свою душу, Бунину пужны стога и снѣга. Безъ стога и снѣговъ онъ не можетъ. Его лирика густо насыщена образами, вещами, предме-
тами. Это самая конкретная, осязаемая лирика въ русской совре-
менной поэзіи. Когда Бунинъ пробуетъ излить свои чувства безъ помощи сосенъ, косогоровъ, овиновъ, вообще безъ помощи вещей, онъ становится неузнаваемо слабъ. Въ своей великолѣпной поэмѣ „Сапсаиъ“, — такой узловой, мускулистой, шершавой, онъ попробовалъ было сказать о себѣ:

А я? Я тоже вѣчный странникъ,
И, какъ и онъ, въ добрѣ и злѣ.
Какой-то темной силы данникъ,
Живу экзистенцемъ на землѣ, —

но самъ же въислѣдствіи выбросилъ эту строфу изъ поэмы, по-
чувствовавъ, какъ она слаба и мертва.

Это было единственное его покушеніе налить свою душу въ монологъ. Послѣ этого онъ навсегда возвратился къ привычнымъ стогамъ и снѣгамъ, и нѣтъ такого тонкаго, еле-уловимаго чувства, которого не умѣлъ бы онъ выразить при помощи стога и снѣговъ. Здѣсь онъ несравненный мастеръ. Вся природа подчинена его лиризмѣ. Ему послушны травы, звѣзды, облака и деревья. Онъ дѣлаетъ съ ними чтъ хочетъ. Онъ радуется, рады они. Онъ опечаленъ, — и они опечалены. Онъ — ихъ владыка, хозяинъ, и ни разу они не измѣнили ему.

Но если въ лиризмѣ Леонида Андреева каждый мимолетный предметъ крикомъ-кричитъ о чувствахъ и настроеніяхъ автора, то лирика Бунина неподатна, еле слышна. Прямые, пьянящіе запахи несвойственны насильству и романскамъ. Одно время

Бунинъ устремился къ восточной экзотикѣ, къ мускусу, алоэ, дзаригу, но это лишь случайный эпизодъ его творчества.

Его голосъ — самый спокойный и ровный во всей современной словесности.

Чѣмъ больше онъ взволнованъ, тѣмъ безстрастнѣе его негромкая, осторожная рѣчь. Онъ никогда не кричитъ и, кажется, лучше себѣ руку отрѣжетъ, чѣмъ напишетъ барабанное слово. Всякіе вопли, истерики, визги кажутся ему лживѣе лжи.

Есть въ немъ что-то еуровое, сѣверное:

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
И вырѣзалъ стальнымъ канникомъ сонетъ...
Глядѣло только солнце, какъ стлалъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.

Сталь и ледъ — существо его творчества. Въ изъясненіи чувствъ онъ сдержанъ и скупъ. Это не южанинъ, для котораго дешевы всѣ жесты, восклицанія, восторги, который лжетъ своими слезами и смѣхомъ. Онъ честенъ и правдивъ до фанатизма, честенъ съ самимъ собою, съ искусствомъ:

Будь щедрымъ, какъ ладья. А если не можешь, то будь
Стволомъ кипариса, простымъ и простымъ, — благороднымъ, —

такой его трудный завѣтъ. Послѣ кончины Сѣрова и Чехова, Бунинъ — одинъ изъ благороднѣйшихъ въ ряду современныхъ писа-
телей. Такъ много шлагоглотателей, фокусниковъ, жонглеровъ мыслей и словъ, — les marchands de pathos et les faiseurs d'em-
phase et tous les baladins qui dan-
sent sur la phrase, — а онъ въ своей убогой деревнѣ, въ сторонѣ отъ не-
честиваго торгаша, словно даль-
ше объѣтъ благородства! Если бы Сѣровъ былъ поэтомъ, онъ
непремѣнно писалъ бы, какъ Бу-
нинъ. Это были братья по духу.

Для меня они оба — одно. Сѣрова сравнивали съ Толстымъ, съ Достоевскимъ, но, по существу, это — Бунинъ. Когда въ академи-
ческихъ залахъ на выставкѣ твореній Сѣрова я могъ наконецъ приобщиться къ этому строгому, трезвому, цѣломудренно-гениальному духу, я, помню, не только подумалъ, но ощутилъ всѣми нер-
вами, что здѣсь наше оправданіе предъ міромъ, искупленіе всей на-
шей пульгарно-визливой, истерической, раздербожженной эпохи, единственное вѣщее зна-
меніе, что русскій народъ не погибъ въ этой оргіи дьявольскихъ силъ. Мы — такіе оголтелые, дешевые душни, но среди насъ ро-
дился же Сѣровъ! Какая это гордость для насъ, для нашего всего поколѣнія, что мы взлѣбали въ своихъ нѣдрахъ Сѣрова!

То же я ощущаю теперь, приобщившись къ поэзіи Бунина. Мы еще не понимаемъ ея, — какъ долго не понимали Сѣрова, — ибо ея красота не назойливая, не нагло-эффектная, а застѣнчи-
вая, тихая, скрытая, какая есть въ русскихъ озерахъ и мхахъ, въ сѣверныхъ лицахъ и душахъ.

Въ одномъ рассказѣ Бунина какой-то смѣренный батракъ, по-
вѣствуя о своемъ нечеловѣческомъ горѣ, съ застѣнчивой улы-
бкой говоритъ:

— Двое ребятинекъ егорѣло...

Только немногіе души поймутъ, какъ много въ этой улыбкѣ страданій. Бунинъ тоже говоритъ о трагедіяхъ почти съ улыбкой, безъ жестовъ, и многіе никогда не постигъ, какой въ этомъ спокойствіи нагость.

Онъ, какъ и Сѣровъ, могучій лирикъ, но тоже застѣнный, за-
стѣнчивый. То, что поестъ въ душѣ, онъ высказываетъ такими сложными образами, такой тонкой инструментальной стиха, такими интимными ритмами, что многіе пройдутъ, какъ глухіе, мимо его изысканной лирики. Его стихи не для салонныхъ романсовъ, не для декламаций на театральныя подмосткахъ. Онъ въ высшей степени не публичный поэтъ: и каждый забубенный словоблудъ, у котораго не душа, а шарманка, — всегда сорветъ у простодуш-
ной галерки больше аплодисментовъ, чѣмъ онъ.

Какъ и Сѣровъ, онъ прежде всего виртуозъ, — съ такимъ чрез-
вычайно-тонченнымъ вкусомъ, который обезплодиль бы его даро-
ваніе, не будь оно такъ велико. Вкусъ, чувство стиля и формы въ послѣднихъ твореніяхъ Бунина дошли до такой высоты, какая доступна лишь классикамъ. Его послѣдняя вещь „При дорогѣ“ — предѣлъ артистической техники. Но онъ не щеголяетъ своимъ мастерствомъ, не кокетничаетъ. Ему нужна не красивость, а красота: онъ понималъ, что красота — въ некрасивомъ. Онъ ни-
когда не забывалъ о мелодичности, гладкости, лоскѣ, напѣвности своихъ прочныхъ, тихихъ стиховъ:

Курганъ былъ жесткій, выбитый. Кольчуга
Колола грудь,

Прочтите эту строчку, вы заинтересуетесь. Какая небычная строчка.

И. А. Бунинъ въ молодые годы.

драгоценныя строки:

Застыть глн черной хвоей лепади,
Золотой неостатъ заката.

Но все это не назойливо, а сдержанно, скупое и скромное, чтобы золото не стало сусальнымъ.

Даже внѣшнее обличье его книгъ говоритъ о вкусѣ аскети-
чески-строгомъ. Простая сѣроплатная обложка, безъ всякихъ цѣ-
товъ, загогулинъ, и на обложкахъ простыми, скуповатыми бук-
вами сказано:

- Стихотворенія, томъ второй.
- Стихотворенія, томъ третій.
- Разсказы, томъ пятый.

Ни крикливой краски, ни громкаго слова: все скромно, бла-
городно и сдержанно. И это въ нашу эпоху, когда обычныя за-
главія книгъ: „Дохлая луна“, „Ключья нервовъ“, „Понечина“, не говоря уже о „Засахаренной крысѣ“! Бунинъ словно нарочно старается, чтобы названія его книгъ были потусклѣе, поглупше: „Переваль“, „Суходоль“, „Деревня“ — на зло, наперекоръ своей эпохѣ.

Ибо, повторю, этотъ усадебный, деревенскій интеллектъ въ ссорѣ со спосібъ эпохой и ни въ чемъ не уступилъ ей ни пяди.

II.

На сѣверѣ отрадна Безнадежность.

На. Бунинъ.

Кажется, не было критика, который не указалъ бы, что Бу-
нинъ очень любитъ старую усадьбу, руины, развалины. Даже любимая женщина мерещится ему среди тихихъ руинъ:

Взлѣли ее я въ тихія руины,
И мнѣ отрадны вымыслы мои.

Въ этихъ тихихъ руинахъ, можетъ-быть, душно, темно, тѣсны оклеены старыми газетами, зачѣнены дымомъ махорки, и ози-
раясь кругомъ, Бунинъ можетъ восклицать съ отращеніемъ:

— Боже мой, да это ночлежка!

Но все же его снова и снова влечетъ въ эту ухоту, темноту. Кто забудетъ его „Золотое дно“, „Суходоль“.

Навѣсь потолокъ, обаялись углы,
Повсюду скрипитъ подъ ногами полы,
И пахнетъ печами... Заброшены забыты,
Навѣки забыты онъ, родимый нашъ домъ.

То-то и хорошо, что забыть. Есть такое тургеневское, щемя-
щее, сладко-грустное чувство, которое всегда зарождается въ Бунинѣ при созерцаніи всякой забытости, брошенности, хотя онъ и борется со своимъ романтизмомъ и развѣнчиваетъ эти дворян-
скія глѣзды, какъ можетъ,

„Грустное веселье“, „сладкая мука“, „сладкая грусть“ — любимыя его ощущенія, и возбуждать ихъ въ себѣ, растравлять себя ими — для него безконечно-заманчиво. Вѣчно бродилъ бы по кладбищамъ, по милой могилой травѣ, легко, поэтично, безъ судорогъ, думая о смерти, о тлѣніи.

Растетъ, растетъ могилая трава,
Зеленая, веселая, живая.

Эта тихая мысль о смерти, почти пріятная, благодатная, никогда не оставляетъ поэта. Она окрашиваетъ всѣ его чувства. Раскрытъ его книжку стиховъ, и сразу на первой же страницѣ стихотво-
реніе „За громомъ“, на второй — „Панихида“, на третьей:

Старый склепъ, руина гробовая.

И такъ дальше, до самаго конца. Приракъ смерти преслѣдуетъ его неотступно. Когда онъ видитъ бурю, ему кажется, что „на

пустынномъ, на великомъ погостѣ жизни міроной кружится смерть въ веселѣй дикомъ и развѣваетъ саванъ свой“. Когда буря сти-
хаешь и всю землю осыпаетъ „кроткій частъ“, ему опять — такъ чудится, что

Все земное

Смерть, какъ стражъ, обходитъ въ тишинѣ.

Въ его стихахъ старуха-смерть сидитъ то на могилинкѣ Са-
нуфѣ, то на сѣверномъ полюсѣ подъ полярной звѣздой:

Взглядъ въ гигантскій призракъ. Это смерть.

Если онъ видитъ поленѣжника, онъ думаетъ:

— Къ ночи вьюга пустыни занесетъ поленѣжника снѣгъ.

Если онъ изображаетъ великаго воина, то именно поражен-
наго на смерть:

— И умеръ онъ... Окостенѣлъ, застылъ.

Когда герою его романа „Деревня“ становится тяжка и мучи-
тельна жизнь, онъ ведетъ его утѣшаться на кладбище.

„Какъ коротка и безтолкова жизнь! И какой миръ и покой
вкругъ, въ этомъ солнечномъ затинѣ, въ оградѣ стараго по-
госта! Онъ шелъ, даже какъ бы съ удовольствіемъ замѣчая, что
кладбище растетъ, что появилось много новыхъ отличныхъ ма-
волея... Написанъ трогательно и мирно говорили о покоѣ и
отдыхѣ, о нѣжности къ отцамъ, матерямъ, мужьямъ и женамъ, о
любви, которой какъ будто нѣтъ и не будетъ въ жизни, о той
преданности другъ другу и покорности Богу, о тѣхъ горячихъ
упованіяхъ на жизнь будущаго, которыми вѣрили только здѣсь,
и о томъ равенствѣ, что даетъ только смерть.“

Кромѣ кладбища, измученному герою „Деревни“ нѣтъ нигдѣ ни
радости ни отдыха.

Поэтическое волненіе всего чаще возбуждается въ Бунинѣ
образами оскуднѣвша, запустѣвша, разрушенна, увяданія, умиранія,
смерти. Не потому ли его влечетъ къ Востоку, что Востокъ для
него огромный, сладостно-милый погостъ:

Стамбулъ, Стамбулъ, послѣдній мертвый станъ.

Не потому ли его такъ влечетъ къ старикамъ, кротко и по-
корно умирающимъ: къ Дѣдушкѣ, который —

Поднялъ плечъ костлявые останки

И втиснулъ въ нихъ черепъ, какъ урокъ.

къ Таганку (изъ разсказа „Сто восемь“), къ Василию Шкутю (изъ
разсказа „На край свѣта“), къ шамкающимъ байбакамъ-вѣстераламъ,
къ тому Старикъ (изъ стих. „Старикъ“), который сидитъ въ пустой
комнатѣ, за остывшимъ чаемъ, съ догорѣвшей сигарой и оцѣ-
пенѣло слѣдитъ за гаснущимъ, уходящимъ солнцемъ.

Все гаснущее, догорающее, стынущее, все, что было и чего уже
нѣтъ, — меланхолически чаруетъ его. „Не воротись жизни про-
житой назадъ“, — таково его неизбѣжное чувство. Какъ будто онъ и
вправду встрѣтилъ въ юности сказочную птицу, злобную Вирь —
и она околдовала его, и вотъ —

Безмолвной жалостью къ себѣ,

Томленьемъ сладостнымъ обаяній,

Покорный горестной судьбѣ,

Онъ помнитъ лишь одни закаты.

Вчитайтесь въ эти строки внимательно: въ нихъ формула всей
лирики Бунина: покорность, жалость къ себѣ, сладостное то-
мленіе, память о закатахъ, о смерти.

Но онъ не кричитъ: „ужасъ! ужасъ!“, онъ не проклинаетъ
Жизнедавца, а съ ясной, благодарной улыбкой, свѣтло и покорно
пріемлетъ таин-
ство смерти. Но
въ тѣхъ современ-
ныхъ поэтовъ
ему одному дана
такая Пушкин-
ская гармонич-
ность души, такая
примиренность и
благодатность.

Онъ — поэтъ-утѣ-
нитель и учитъ
насъ кроткой по-
корности. Про
всякую минуту
своей жизни онъ
чувствуетъ: она
уходитъ навѣкъ,
безвозвратно, — и
элегически про-
щается съ ней.
Вспоминать о мо-
лодости для него
гладчайшая боль.

А когда по-
черкъ закатъ
далекій,
Вспомпизаетъ
мнѣ моло-
дость моя, —

И. А. Бунинъ и Ант. П. Чеховъ.

таких строк у него множество:

О, весенняя зора и тисная майская роса!

И, далекая юность моя!

Но грусть не ужась, это побѣда надъ ужасомъ. Въ элегіи—преодоленіе трагедіи. Прощальные проводы каждой отошедшей минуты такъ поэтичны у Буннина, овѣяны такой красотой, что, кажется, ничего нѣтъ отраднѣе, какъ чувствовать свое умирание!

Въ восхитительной легендѣ поэтъ повѣствуетъ, какъ Богоматерь, увидя скошенную косами траву, возроптала и сказала Своему Сыну со скорбью: „погляди, возлюбленное чадо, какъ земля цвѣла и красовалась! Но недолго вѣкъ земнымъ утѣхамъ: въ міръ Смерть,—она и Жизнью правитъ“.

Но Господь утѣшилъ опечаленную: смерть это залогъ вѣчной жизни.

И земное сѣмя не взыскнетъ:

Скоситъ Смерть,—Любовь опять погѣтеть!

Все мгновенно, все искры, но искры единого, вѣчнаго.—неустанно повторяетъ поэтъ.—Чтобъ возродиться къ жизни, мы умираемъ. Завѣтъ гласитъ: „узрѣвшій умираетъ“, но смерть есть приближеніе къ Божеству.

И даже эстетически мила ему смерть:

Въ сиромъ нескѣ на голнѣхъ сохнуть кости,

Но блескъ поэты лишь радуетъ глаза.

И вотъ гробница; въ ней похороненъ поэтъ. Развѣ она не прекрасна? Развѣ синея небо не кажется снѣге и радостнѣе надъ бѣломраморнымъ саркофагомъ поэта? Ярче пылаютъ огни, смертью поверженный ницъ.

— Пройдетъ моя весна и этотъ день пройдетъ, но радостно бродить и знать, что все проходить.

У Буннина, чуть заговоритъ онъ о смерти, всегда есть утѣшительное „но“. Просмотрите весь этотъ циклъ стиховъ. Почти каждое стихотвореніе въ своихъ послѣднихъ строкахъ заканчивается какимъ-нибудь „но“: „огоримъ, и мы, но долго не умремъ жизнью, чѣмъ горѣла въ насъ когда-то“.

Первый утѣшитель — предвѣстникъ зимнихъ дней.

Но синеетъ небо ярче съ высоты.

Сердце стало и третій и холоднѣй,

Но, какъ пламя, рдѣютъ подлунныя цвѣты.

И это по афоризмамъ, не эффектные фразы, это подлинный опытъ души. „Покоряясь снѣгу, одиноко мы уходимъ; скоро догоритъ нашъ закатъ, но день ужъ недалеко, онъ дружитъ улыбой озарить“,—кажется, со времени Пушкина, не было въ русской поэзіи такого гармонически-яснаго чувства!

III.

Мой очеркъ почти законченъ, но главного я не сказалъ. Главное еще впереди. Главное заключается въ томъ, что эти

мои строки относятся къ прежнему, старому Буннину, а между тѣмъ два-три года назадъ появился новый Буннинъ, печальный, совершенно не похожій на прежняго.

Это было чудо, колдовство! Онъ двадцать лѣтъ проработалъ у насъ на глазахъ. мы думали, что знаемъ его, мы привыкли къ его голосу, манерамъ,—и вдругъ все другое, все новое! Ничего подобнаго, кажется, не было въ анналахъ русской словесности. Писатели созрѣвали, росли, но переродиться на пятномъ десяти, послѣ четверти вѣка работы, перемѣнить свою душу, свой стиль,—этого еще не бывало! Здѣсь я говорю исключительно о Буннинѣ-прозаикѣ, авторѣ „Антоновскихъ яблокъ“, „Новаго Года“ и проч. До сихъ поръ его проза была очень мила, поэтична, яо блѣдновата, расплывчата. Этими полу-элегіями, полу-новеллами, зыбкими, забываемыми, смутными, не хватало желѣза и камня. Имъ нужна была мужская рука. Въ ихъ очаровательномъ, женственномъ, лирическомъ—слишкомъ лирическомъ!—стилѣ была какая-то разслабленность, вялость. Много вкуса, мало темперамента. Недаромъ за всѣ двадцать лѣтъ поэтъ только и могъ написать, что два томика этихъ новеллъ, — и вдругъ „Деревня“, „Суходолъ“, „Иоаннъ Рыдалецъ“, съ такими разсказами, какъ „Захаръ Воробьевъ“, „Сверчокъ“, „Хорошая жизнь“, „Князь во князьяхъ“, „Вѣра“, „Сказка“, „Худая трава“ и шедевромъ, вѣнцомъ его творчества—изумительнымъ разсказомъ „При дорогѣ“. Новый непредвидѣнный Буннинъ! И какой въ этихъ новыхъ твореніяхъ мужской, лаконическій, четкій и твердый рисунокъ, какая энергичная крылатая фабула (которую онъ доселѣ былъ такъ бѣденъ) и, главное, какая психологія! Вотъ это-то я и хочу подчеркнуть: Буннинъ неожиданно сталъ живописцемъ сложнѣйшихъ и запутаннѣйшихъ человѣческихъ душъ, и послѣ нѣсколькихъ малоудачныхъ попытокъ, достигъ мастерства неслыханнаго. Небывалой пластичности, рельефности, лѣпки. Всю жизнь писалъ опротивѣвшихъ и почти не видѣлъ людей. То-есть видѣлъ, но гдѣ-то вдали, на фонѣ пейзажа, среди стоговъ и снѣговъ. Только и зналъ, что себя да природу, больше никого и ничего. Только и живо писалъ, что свои умиленія, радости, тревоги и скорби. Люди появлялись въ его книгахъ, лишь какъ элементы его лирики, для выраженія *сво* эмоций и чувствованій?). И вотъ неожиданно всталъ передъ нимъ Человѣкъ. И онъ не мимоходомъ, не вскользь сталъ всматриваться въ него ближе и пристальнѣе и запечатлѣлъ свои новыя студиі въ новыхъ еще необыкновенныхъ разсказахъ: онъ внезапно оказался такимъ изощреннымъ психологомъ. Вѣдатель глубей и высшей души, какихъ и въ русской литературѣ не много.

Здѣсь онъ обрѣлъ себя. За послѣдніе два-три года имъ написано больше томовъ, чѣмъ за предыдущіе двадцать!

Поразительная метаморфоза, неслыханная.

Но объ этомъ въ слѣдующій разъ!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ кузницѣ бога Вулкана.

Рассказъ Г. Полилова. (Съ 2 рис. и портр. на стр. 951).

I.

Древній хромоногий Вулканъ, несмотря на гибель боговъ, все-таки не умеръ. Хитрый богъ притаился глубоко въ нѣдрахъ земли и съ затаенной думой продолжаетъ ковать оружіе для изгнѣнія ненавистнаго ему человечества.

Вулканъ куетъ, и насмѣливая улыбка скривила его беззубый старческий ротъ, злорадная дума таится въ головѣ:

„Какъ наивны эти жалкіе людишки, тамъ на землѣ! Они думали, что уничтожатъ меня. Нѣтъ, трудно кому-либо со мной совладать. Я напечу себѣ работу, отыскавъ помощниковъ въ самихъ же людяхъ, это мои вѣрные слуги, они отомстятъ за мое поруганіе. Зато я ихъ научу всѣмъ тонкостямъ моего ремесла, покажу такіе тайны выковки металла, что весь міръ поражится“.

И кишитъ таинственная титаническая работа на гибель человечеству, приготавливая разрушеніе, уничтоженіе всего живущаго, всего мирнаго теченія жизни...

II.

Гдѣ же притаился изгнанный богъ? Гдѣ онъ строитъ злыя ковы и куетъ неустанно молотомъ желѣзо, приготавливая смертоносное оружіе?

Тамъ, у береговъ Нѣмецкаго моря, высится германскій городъ Эссенъ. Это и есть гнѣздо стараго бога. Здѣсь его кузница.

Отыскалась подъ землей желѣзная руда, и уголь раздобыли здѣсь вѣмцы, прочно основались здѣсь зловѣщіе кузнецы, глубоко въ землю ушли таинственные мастерскія: тутъ куется зло, тутъ подготавливаются гигантскія орудія.

Тамъ, наверху, высятся металлическіе заводы знаменитаго Круппа, строящіе всевозможныя машины для промышленныхъ цѣлей, выдающие всевозможную утварь, предметъ домашнего обихода: ближе къ морю на гигантскихъ верфяхъ строятъ бронированные крейсера, дредноуты, миноносцы, подводныя лодки.

Все это на виду. Германцы вооружаются, это извѣстно всѣмъ, никто не смѣетъ помѣшать работать для защиты своего отечества. Это право каждого. Недаромъ старый Круппъ такъ работ-

ливо, такъ любовно относится къ своимъ заводамъ. Теперь это самое большое промышленное заведеніе чуть ли не во всемъ мірѣ.

Все здѣсь приведено въ порядокъ, все имѣется для работы. Точно лѣсъ, выдѣтся заводскія трубы, а кругомъ раскинулись заводскіе городки; больше 60.000 рабочихъ работаютъ здѣсь, не покладая рукъ въ обыденное мирное время, а теперь чуть ли не вдвое больше.

Тяжелое темное облако дыма постоянно стоитъ надъ этими заводами. Ночью всѣ зданія залиты огнемъ, слышится непрерывный лязгъ металла, тяжелый стукъ молота, отъ которыхъ содрогается земля.

Когда поѣздъ проходитъ вдоль линіи крупповскихъ заводовъ, проезжающему кажется, что онъ попалъ въ самое жерло ада, въ пекло! Отовсюду вырывается пламя доменныхъ печей, появляются черныя контуры копошащихся около нихъ людишекъ, запахъ гари несетъ отовсюду.

Это царство стали, угля и всеокрушающаго и созидающаго пламени.

Жутко здѣсь проѣзжать ночью порой. Крупповскіе заводы,—лабораторія германской жестокости и человѣконенавистности.

III.

Но тамъ, глубоко подъ землею, въ секретныхъ отдѣленіяхъ. Штольбахскаго завода, одного изъ шестидесяти, тамъ идетъ работа еще мрачнѣе, работа самого ада. Только посвященный въ эти тайны и неслыханные, преданные дѣлу германизма работники нисходятъ въ этихъ подземныхъ мастерскихъ...

Это желѣзные люди. Они точно сроднились съ металломъ, на нихъ угрюмыхъ, точно выкованныхъ изъ металла, лицахъ трудно прочесть что-нибудь. Суровый стальной взглядъ мрачно охватываетъ каждое, сильныя мускулистыя руки привычно поворачиваютъ рычаги таинственныхъ машинъ, увѣренно бьютъ тяжелыми молотками по какимъ-то замысловатымъ желѣзнымъ частямъ, еще пылающимъ огнемъ на гигантскихъ наковальняхъ, здѣсь тоже

*) Такие разсказы, какъ „На дачѣ“, „Астма“, были для него не тропичны.

Заводъ Круппа въ Эссенѣ, близъ Вальдгемсгафена, основанъ въ 1810 г. Фридрихомъ Круппомъ.

Изготовленіе стальныхъ пушекъ заводъ началъ въ 1850 г. при Альфредѣ Круппѣ и въ теченіе полувѣка приобрѣлъ мировую извѣстность, создавъ Круппу имя «пушечнаго короля». За это время заводъ выпустилъ болѣе 60.000 орудій, поставленныхъ преимущественно въ германскую артиллерию. Эссенъ—цѣлый рабочий городъ. На орудійномъ заводѣ Круппа занято около 40.000 рабочихъ. Въ настоящее время собственницей завода является дочь послѣдняго Круппа, вышедшая замужъ за фонъ-Боелена, которому разрѣшено германскимъ императоромъ присоединить къ своей фамиліи фамилію Круппа, чтобы не пресѣкалась эта «убийственная» династія. Здѣсь помѣщенъ портретъ фонъ-Боелена-Круппа.

На нашихъ рисункахъ помѣщены дѣйствительныя мастерскія завода Круппа. Въ одной, сверху, огромныя паровыя молота подготавливаютъ матеріалъ для орудій, а въ другой, внизу, лежатъ уже отлитыя пушки, и здѣсь производятъ ихъ обточку. Въ этой мастерской и готовятся орудія для тяжелой артиллеріи и скорострѣльныя орудія новаго типа для обстрѣла аэроплановъ.

По сообщеніямъ изъ Гааги аэропланы уже вторглись въ эту адскую кузницу: нѣсколько нашихъ союзныхъ летчиковъ долетѣло до Эссена; они бросили на заводъ нѣсколько бомбъ, попавшихъ въ самое «сердце»—въ отдѣлъ по выдѣлкѣ орудій, который поврежденъ.

Въ кузницѣ бога Вулкана. Орудійный заводъ Круппа и его собственникъ.

слышится шумъ, прохоть, но онъ глухо уходитъ въ землю и слабо доносится только туда, на поверхность земли...

Работаютъ всегда при электрическомъ свѣтѣ. Лучъ Божьяго свѣтила, золотого солнца не проникаетъ сюда. Онъ сторонится этихъ темныхъ подземелій, этого мрачнаго труда, совершаемаго здѣсь.

Уютный кабинетъ одного изъ забывающихъ этихъ тайныхъ отъѣздовъ, инженера Дейтшера, погруженъ въ полумракъ. За тяжелымъ дубовымъ столомъ сидитъ онъ самъ, этотъ крѣпкій, еще не старый человѣкъ, коротко острижена его круглая теvтонская голова, изъ-подъ золотыхъ очковъ умные глаза устремлены на мелкую испанскую рукопись, лежащую передъ нимъ.

Дейтшеръ изучаетъ ее. Это новое предложеніе какого-то студента, преданнаго до мозга костей идеѣ всеобщей германизации. Дейтшеръ, не отрывая взгляда, прочелъ до конца первый листъ и началъ дѣлать правой рукой выкладки на аспидной доскѣ.

Здѣсь все тайна. Нельзя оставить слѣда того или другого секрета.

Окончивъ, онъ провѣрилъ свою работу и сейчасъ же тщательно стеръ ее губкой.

Отложивъ работу въ сторону, онъ нажалъ пуговку электрическаго звонка.

Старый, убѣленный сѣдинами, солдатъ, ветеранъ франко-прусской войны, показавшись въ дверяхъ кабинета.

— Попросите, Вальтеръ, ко мнѣ профессора Фишера.

Молча исчезъ изъ кабинета старикъ, и немного спустя здѣсь появился профессоръ Фишеръ, знаменитый химикъ Страсбургскаго университета, небольшого роста щуплявый человѣкъ, уже пожилой, подошелъ къ столу инженера и, не протягивая ему руки, спокойно промолвилъ:

— Вы меня звали, Дейтшеръ? Что нужно? Я очень занятъ, тамъ у меня готовятся интересное соединеніе, за которымъ наблюдаю мой помощникъ Арнольдъ.

— Но вы нужны и здѣсь не меньше, профессоръ, вотъ, прочитайте эти листки. Они займутъ у васъ немного времени. Скажите ваше мнѣніе. Мнѣ кажется, что это гениальная мысль!

Недовольный, что его оторвали отъ дѣла, Фишеръ приподнялъ немного абажуръ электрической лампы и, взявъ со стола топки безкровными пальцами указанные листки, сталъ, ставъ ихъ, читать глазами.

IV.

— Вы правы, Дейтшеръ, если вычисленія эти вѣрны, что вамъ, какъ математику-инженеру, легче провѣрить, мы натолкнулись на гениальнаго изобрѣтателя. Кто онъ такой?

По губамъ инженера промелькнула насмѣшливая улыбка.

— Вы знаете, Фишеръ, наши правила: ни я ни вы не сообщаемъ другъ другу никакихъ подробностей. Вотъ, когда это изобрѣтеніе будетъ испытано и вы одобрите его вторично, тогда и открою вамъ имя изобрѣтателя.

Неловкое молчаніе воцарилось между старшими дѣятелями этой подземной лаборатории.

Фишеръ, не шаркая молчаніемъ, чуть замѣтно пожавъ плечами, ушелъ изъ кабинета. Его небольшая фигура пропала въ темныхъ переходахъ по направлению къ мастерскимъ.

Снова нажата кнопка электрическаго звонка. Заработалъ телефонъ одновременно въ чертежномъ отдѣленіи.

Явился пожитой, грузный, съ рыжеватой бородой чертежникъ. Его голубые глаза установились на инженера.

— Вотъ, по этой маленькой схемѣ сейчасъ же сдѣлайте большой чертежъ, подробно вычислите всѣ детали, соблюдайте точно всѣ пропорціи. Прому васъ сдѣлать какъ можно скорѣе, я желаю бы, чтобы вечеромъ чертежъ былъ здѣсь у меня на столѣ. Мы должны утромъ приступить къ дѣлу.

Такъ же, какъ тѣнь, исчезъ въ темнотѣ переходовъ рыжий чертежникъ.

Въ кабинетѣ Дейтшера наступила тишина. Онъ уже занялся другимъ дѣломъ. Нытливый умъ инженера искалъ себѣ работы, онъ не могъ уснокоиться на одномъ дѣлѣ.

Ему приносили нѣсколько разъ изломы металлической выплавки. Тщательно прослѣдивъ ихъ зернистость, онъ дѣлалъ свои замѣчанія, и пробы металла уносились обратно.

Рѣзкій свистокъ секретнаго телефона заставилъ Дейтшера вздрогнуть, схватиться за трубку и настороженно прислушаться.

— Я не могу къ вамъ сейчасъ прийти. каждая минута моего пребыванія здѣсь дорога, но снѣгу подлѣзть съ вами громадной новостью: вмѣстѣ съ Арнольдомъ намъ удалось открыть новый взрывчатый составъ, превоехондій всѣ составы, до сихъ поръ изобрѣтенныя! Черезъ нѣсколько часовъ мы вмѣстѣ съ вами произведемъ опыты въ нашемъ нижнемъ колодцѣ надъ 18-сантиметровой фигурной болванкой.

Дейтшеръ повѣсилъ телефонную трубку.

— Какая счастливая случайность! — подумалъ онъ — Для этихъ орудій, которыя я сейчасъ велѣлъ разсчитать, найдено подходящее взрывчатое вещество. Я увѣренъ, что наши вновь рожденные малютки сумеютъ сдержать его силу и выбросить снарядъ туда, гдѣ онъ болѣе пригоденъ.

Острокопечныя уши инженера, похожія на уши дикой рыси, какъ-то странно прижались къ черепу, электрическій свѣтъ, падавшій на блѣдное безкровное лицо Дейтшера, показалъ его саташискую улыбку.

Тщательно окинувъ кабинетъ взглядомъ, онъ легко поднялся съ твердаго сидѣнья, направился къ двери, потушилъ электричество и, выйдя, тщательно заперъ на нѣсколько запоровъ кабинетъ, — это тайное хранилище вредоносныхъ изобрѣтеній пытливаго человеческого ума.

V.

Хотя часы и равномерно отбиваютъ время, но здѣсь, подъ землею, въ постоянной работѣ день и ночь совершенно безразличны.

Зачастую работники не выходятъ изъ своихъ тайныхъ мастерскихъ по нѣскольку дней. Они какъ бы находятся подъ арестомъ. Имъ запрещается въ это время бывать на поверхности земли, у себя дома, сноситея со своими близкими: нужно отдаваться только одной работѣ, этому таинственному труду на пользу Германіи, ея будущему всемірному владычеству.

Сколько времени прошло послѣ того счастливаго дня, когда Штольбахскія подземныя мастерскія обогатились великими изобрѣтеніями, трудно сказать: все это обито дымкой таинственности, забвенія часовъ и снѣны дня и ночи.

Все удалось отлично.

Какъ самъ Фишеръ со своимъ помощникомъ Арнольдомъ, такъ и неизвѣстный изобрѣтатель новыхъ орудій оказались на высотѣ своихъ знаній.

Опытъ въ глубокомъ колодцѣ надъ стальной болванкой прошель блестяще. Новое взрывчатое вещество искрошило этотъ холодный, плотно скованный кусокъ мегалла въ жалкія щепы, а пробное орудіе даже въ своемъ маленькомъ масштабѣ поражаемо устойчивостью и непомерной силой.

Гдѣ проходили опыты послѣднего, вѣдомо было только изобрѣтателю и обомъ заправщикамъ Штольбахскаго завода.

Но когда инженеръ Дейтшеръ, явившись въ Потсдамскій дворецъ къ императору Вильгельму просить аудіенціи, только заявилъ о себѣ, — дверь изъ палисандроваго дерева съ бронзовыми массивными пикрестациями, ведущая въ кабинетъ владетеля Германіи, сейчасъ же широко распахнулась, и самъ императоръ, точно позабывъ въ эту минуту о своей постоянной театральности, весело проговорилъ:

— Входите, входите, инженеръ, вы для меня желанный гость, я знаю, что вы рѣдко когда выходите, какъ крохъ, изъ своей подземной норы, а если ужъ явитесь ко мнѣ, то непременно съ какой-нибудь пріятной новостью.

И, положивъ руку на плечо посетителя, императоръ ввелъ его въ кабинетъ и плотно закрылъ за собою дверь.

VI.

О чемъ говорили они здѣсь вдвоемъ, никто не знаетъ, но, судя по радостному выраженію лица императора, когда онъ на прощаніе пожалъ руку руководителю Штольбахскаго завода, можно было думать, что онъ былъ имъ чрезвычайно доволенъ.

— Милый Дейтшеръ, я увѣренъ, что съ этими маленькими игрушками мы теперь не только поставимъ нашихъ зазнавшихся сосѣдей на настоящее ихъ мѣсто, но и заатлантическимъ янки дадимъ отличный урокъ. Помните, Дейтшеръ, — прибавилъ императоръ на поклонъ инженеру: — что недалеко то время, когда Deutschland über alles будетъ совершившимся фактомъ.

Выдержанный инженеръ, распростившись съ императоромъ, сейчасъ же отправился къ себѣ на заводъ, чтобы немедленно приступить къ выработкѣ новыхъ орудій, производство которыхъ должно было совершаться въ полнѣйшей тайнѣ. Собственный приказъ императора онъ хранилъ въ боковомъ карманѣ, а мысли его горделиво шли все дальше и дальше. Дейтшеръ сознавалъ себя въ эту минуту правой рукой владыки мірового покоя.

Профессоръ Фишеръ, по желанію императора, долженъ былъ немедленно прибыть къ нему, но не въ Потсдамъ, а въ берлинскій дворецъ и также сообщить ему о результатахъ того адекаго взрывчатого вещества, которое онъ изобрѣлъ.

Сейчасъ же закипѣла торопливая работа подземныхъ мастерскихъ Штольбахскаго завода, застучалъ многотысячный гидравлическій прессъ, металл для орудій ковался по особому рецепту, доменные печи выпускали цѣлыя струи бѣлой, ослѣпительной, какъ электричество, стали, и еще не остывшія болванки снова подвергались прессованію, для окончанія вытѣсненія изъ нихъ неужныхъ частей углерода.

Безмолвные рабочіе, какъ циклопы, почти голые, работали въ страшномъ жарѣ, ковали будущихъ истребителей враговъ Германіи, послушно, безпрекословно, увѣренные въ нѣмецкой мощи, въ гениальности своего кайзера.

Бѣжали попрежнему поезда, переполненные пассажирами, мимо Штольбахскаго завода, безпечно глядя въ пробѣгающіе на высотѣ трубы крупновскаго промышленнаго заведенія, шутиливо замѣчая:

— Этотъ заводъ не выдѣлываетъ пушекъ и другихъ огнестрѣльныхъ орудій, онъ производитъ только столовую посуду, ножи, вишки и т. п.

Какъ далеки были отъ истины эти легкомысленные люди. Они не подозревали, что несли въ это время надъ мастерскими стараго бога Вулкана, который съ безконечною злобой ко всему живому научилъ нѣмецкихъ мастеровъ готовить новыя орудія, новое вещество, чтобы взрывать, уничтожать миллионы цвѣтущихъ жизней, разрушать города и топить корабли.

Приключенія Лизы.

Разсказъ Б. П. Никонова.

(Окончаніе).

Потомъ опять море и снова земля.

— Это Россія? — робко спрашиваетъ Лиза.

— Нѣтъ, это не Россія, — отвѣчаютъ ей.

— А что же это такое?

— Это Швеція. Мы еще сначала въ Швецію поѣдемъ...

Лиза молчитъ и уже не задаетъ напрасныхъ вопросовъ, хотя все еще никакъ не можетъ понять, зачѣмъ еще понадобилась какал-то Швеція? Нашли время, подумавъ, ѣздить по разнымъ странамъ! Впрочемъ, ей теперь не такъ жутко и плохо, какъ прежде. Теперь стало гораздо легче путешествовать: и кормятъ досыта и всузъ въ чистыхъ вагонахъ. Она только не перестаетъ удивляться, почему для того, чтобы понасть въ Россію,

— Да, море.

— А гдѣ же Россія? — испуганно задаетъ новый вопросъ Лиза.

Тѣ, кто отвѣчаютъ ей, посмѣиваются:

— Ну, до Россіи-то еще не близко!

Что же это наконецъ такое? Точно кто-то смѣется надъ Лизой и надъ ея стремленіемъ понасть домой какъ можно скорѣе. Наде же понять, что тамъ на хуторѣ близъ Ковалишекъ лежитъ большой Наумъ и ждетъ ее уже Богъ знаетъ сколько времени... А тутъ, какъ на смѣхъ, чѣмъ дальше ѣдутъ, Россія все дальше и дальше... Точно кто-то нарочно отодвигаетъ Россію и Коналники. Лиза смутно чувствуетъ, что злобный и насмѣшливый врагъ продѣлывающій это надъ ней и надъ измученными

1 рядъ: 1. Колондьеръ, 2. Ярошевскій, 3. Ходоровскій, 4. Бекманъ, 5. Свящ. Субботинъ, 6. Дулевичъ, 7. Гернетъ, 8. Ириаловъ. II рядъ: 9. Промысловъ, 10. Болтъ, 11. Беллавинъ, 12. Лаутманъ, 13. Германъ, Фельдфеб. Крамарчикъ, 14. Шалабуа, 15. Маргулессъ, 16. Кучинскій, 17. Познанскій. III рядъ и выше: 18. Блюменштейнъ, 19. Заремба, 20. Келлерсвурмъ, 21. Новинскій, 22. Варшавскій, 23. Кравковскій, 24. Тененбаумъ, 25—28. Германскіе Фельдфебеля, 27. Лешинскій, 28. Михайловъ, 29. Зауриль, 30. Фухъ, 31. Ачерковъ, 32. Никифоровъ, 33. Фритбергъ, 34. Ланбергъ, 35. Корнейчикъ, 36. Гаростъ, 37. Геттингеръ, 38. Барановскій, 39. Кундиковъ, 40. Найфельдъ.

Часть плѣнныхъ русскихъ врачей и лицъ администраціи „Краснаго Креста“, задержанныхъ и находящихся въ лагерѣ № 2 въ г. Нейсѣ.

Всего врачей было 86 и чиновъ администраціи Краснаго Креста кромѣ врачей около 50 чел. Большинство захвачено въ плѣнъ въ бояхъ 15—16 августа 1914 г. въ Восточной Пруссіи.

Группа эта послана въ нашу редакцію п.л. Коменатена о. Иваномъ Щедруновымъ, состоящимъ при русскомъ посольствѣ въ Коменатенѣ. Рядомъ съ группой издѣленъ на русскомъ языкѣ слѣдующій текстъ письма: «Обращаюсь къ Русскому Посланнику въ Даніи съ покорѣннѣйшей просьбой какъ-либо направить эту открытку въ редакцію журнала «Нива», подписчиками моего состоятъ многие родственники снѣвшихъ врачей, адреса коихъ частію, съ началомъ войны, перемѣнились. Надѣмся, что редація журнала «Нива» не откажетъ напечатать эту открытку; это тѣмъ болѣе желательно, что врачи, всего около 100 человекъ, задержанные въ Германіи за время войны, какъ намъ объявили, не будутъ отпущены до конца войны, и большинство теперь находится въ Нейсѣ, на положеніи военно-плѣнныхъ офицеровъ. Адресъ: Deutschland, Schlesien, Neisse, Kriegsgefangenenlager 2. П-гъ Kraskowski». Д-ръ Краковскій проситъ журналы и газеты, особенно польскіе, перепечатать эту группу.

приходится пробираться черезъ разныя чужія страны, когда было такъ просто пройти въ Россію черезъ канаву у Пруссовъ! Иногда ей снится, будто какое-то страшное существо, по имени «Война», охватило ее вмѣстѣ съ множествомъ другого народа въ охапку и съ силой швырнуло въ сторону. И вотъ они все ещъ летятъ и никакъ не могутъ долетѣть до мѣста...

По Швецію ѣдутъ долго: день и еще день. Но Лизѣ кажется, что здѣсь, въ Швецію, дни особенные — такіе длинные, что изъ нихъ можно тамъ, въ Россіи, широкую цѣлую недѣлю.

Послѣ Швеции будетъ Россія. Это уже извѣстно всѣмъ и каждому. Лизѣ представляется, что, какъ только кончится Швеція, такъ сію же минуту она увидитъ знакомую канаву съ раскрашенными столбами и съ русскими часовыми, солдатами по ту сторону. А тамъ и Ковалишки... Каково же ея удивленіе, когда послѣ долгаго пути русскіе путники привозятъ оинъ къ безконечному водному простору.

Это море? изумленно спрашиваетъ она.

большими людьми, — все та же страшная и таинственная Война.

Путешественниковъ сажаютъ на громадный бѣлый пароходъ. Лиза думаетъ, что на этомъ именно пароходѣ уѣхалъ въ Америку Лазаръ. Это цѣлый громадный домъ съ множествомъ комнатъ... Но когда этотъ огромный пароходъ-домъ отчаливаетъ отъ берега и врѣзывается острымъ носомъ въ волны, то его начинаютъ качать, какъ маленькую люльку. («Шумомъ бѣгутъ мимо него плѣнныя волны. Бѣгутъ, окруженные бѣлой каймой пѣны, словно кружевомъ, острова, то покрытые лѣсомъ, то голые, каменные, выглядывающіе изъ-подъ воды будто спины морскихъ чудовищъ... Бѣзуютъ то здѣсь, то тамъ тонкіе, какъ стрѣла, маяки. Стало холодно. Лиза приретенъ въ каюту. На ней все то же легкое лѣтнее платье, въ которомъ она отправилась къ аптекарю. Кто жъ знаетъ, что ей придется путешествовать такъ далеко? Знать, и маленькая Лиза плѣ Кіева и все плачетъ по своей мамѣ. Обѣ Лизы прижимаются другъ къ другу, и имъ становится тѣнѣ и не такъ грустно.

Отчего так холодно? — спрашивает Лиза спутников.
— Оттого, что едемъ къ сѣверу. Настъ везутъ на самый сѣверъ. Здѣсь родится зима. Отсюда она идетъ въ міръ.
Вдали показывается берегъ. Лиза въ большомъ волненіи. Ей кажется, что она скоро увидится съ отцомъ и братомъ, и она, дрожа, прижимаетъ къ себѣ коробочку съ лѣкарствомъ. Слава Богу, коробочка цѣла и невредима, несмотря на все перенесенныя приключенія.

Это Россія?
Лиза дрожитъ и тяжело дышитъ отъ страха при мысли, что ей опять отвѣтить: „Нѣтъ“...

— Это Финляндія. Почти Россія.
— А Ковалишки далеко отсюда?
Но на этотъ вопросъ опять никто не можетъ ей ничего отвѣтить. Ковалишки исчезли съ лица Божьей земли.

Длинный, длинный поѣздъ. Около сорока вагоновъ. Кондуктора въ синихъ мундирахъ, вѣжливые и важные, спокойные, словно они совсѣмъ не знаютъ, что такое война и несчастье, указываютъ Лизѣ мѣстечко въ одномъ изъ вагоновъ II-го класса. Лиза усаживается на мягкій диванъ. На рукахъ у нея маленькая кievская дѣвочка, которая сейчасъ же засыпаетъ. Мысли у Лизы путаются отъ усталости и никакъ не могутъ собраться все вмѣстѣ и бѣгутъ и свиваются въ длинный клубокъ безъ начала и конца.

Вагонъ стучитъ и трясется. Въ окнахъ мелькаетъ жидкій малорослый лѣсъ. Холодный осенній дождь стучитъ въ окно. Лиза догадывается, откуда берется этотъ противный мелкій холодный дождь, который такъ отравляетъ тепло и свѣтъ и лѣтнюю благодать тамъ, на роднѣ. Этотъ противный дождь рождается въ здѣшнихъ мѣстахъ и отсюда приходитъ на югъ, въ тѣ свѣтлыя и теплыя мѣста, гдѣ теперь война. Если бы онъ могъ хоть разъ сдѣлать доброе дѣло — погасить тамъ эту проклятую войну!

Вагонъ стучитъ и мѣрно колышется. Больные люди съ ревматическими ногами, усталые и запуганные, оборванные и грязные, оставившіе у нѣмцевъ весь багажъ и все свое добро, все свое здоровье и спокойствіе, сидятъ и лежатъ на диванахъ и разговариваютъ о Россіи. Иные бредятъ во снѣ, и подъ шумъ вагоновъ ихъ бредъ кажется Лизѣ ея же собственными мыслями, которыми вырвались изъ головы и пошли гулять по вагонамъ...

Кондукторы приносятъ чай, молоко. Это на станціяхъ жители встрѣчаютъ русскихъ путниковъ, такъ же, какъ и въ Даніи. Лиза знаетъ теперь, что на свѣтѣ бываютъ особенные люди, добрые и сердечные, которые помогаютъ совершенно постороннимъ людямъ, кормятъ и поятъ ихъ и украшаютъ вагоны цвѣтами и зеленью. Это что-то новое и необыкновенное въ человеческой жизни, что-то еще небывалое. Такое же небывалое и необыкновенное, какъ и тѣ страданія, которыя пришлось перенести Лизѣ и ея спутникамъ. И у Лизы является мысль: „быть-можетъ, и это война, но только съ какой-то другой стороны?“

Война унесла Лизу на далекий сѣверъ, гдѣ рождается зима съ зимними страданіями, выгодами и морозами. Этотъ холодъ, эта зима и есть война, ибо война даетъ людямъ тяжкое страданіе. Но не страшно ли, что здѣсь на холодѣ, въ царствѣ злой зимы, расщѣпаютъ дивныя человеческія сердца? И не странно ли, что не будь войны, быть-можетъ, не было бы и этого праздника добра, мира и благоволенія къ страждущимъ? Понистѣвъ, во всемъ этомъ такъ много мудренаго и неразгаданнаго, что не только Лизѣ, но и никому, очень умному и образованному, человеку не разобраться въ атомъ.

Вагоны останавливаются. Въ окнахъ виднѣются высокія фабричныя трубы, каменные зданія...

Арестанты.

Тюрьма... Оконныя рѣшетки...
За дверью мѣрный скрипъ шаговъ,
А за окномъ узорно-четки
Синѣютъ контуры домовъ...
А дальше стель... Не видно края
Ея расплывчатыхъ границъ,
Лишь солнце, тихо догорая,
Читаешь былъ ея страницъ...
Сѣдой ковыль, какъ воинъ хмурый,
Хранитъ коней казацкихъ слѣдъ,
Да кобзаря, звеня бандурой,
Поютъ о славѣ прошлыхъ лѣтъ,
Но вѣсть пришла — внимали строго
Казаки посланцу царя,
И не ушла еще заря,

Какъ задымилась въ степь дорога...
Идетъ въ ряды за братомъ братъ,
Несется гуль казацкой сходки,
И бьется пламенный набатъ
Въ тюрьму, въ оконныя рѣшетки...
И тамъ все поняли сейчасъ,
И новой болью груди сжалась,
Всю ночь рѣсницы не смежались,
Въ степи жъ орлы перекликались,
И свѣтъ костровъ всю ночь не гасъ...

Еще не пробили куранты
Кончины ночи голубой. —
Собравшись, минуть арестанты:
«Прощенье. Отпустите въ бой!..»

Сергій Михѣевъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

ЖИЗНЬ

№ 50. Выходитъ ежевѣдѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. Короленко, А. Н. Майкова и Эдмонда Ростана, 12 книгъ литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выдастъ 13 декабря 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого № — 15 к., съ перес. 20 к.

На Восточно-Прусскомъ фронтѣ. Бой на желѣзнодорожной станціи. Рисунокъ И. Владимірова.

Содержание. ТЕКСТ: Великая европейская война. Хроника военных действий. — Война, подготовка к ней и первый план. Очерки К. Шумского. — Смерть, красота и любовь в творчестве И. А. Бунина. Очерк К. Чуковского. (Окончание). — Казачий разбаз. Стихотворение Бориса Свободного. — Сказки-наказ. Рассказ С. Удальцова. (Окончание). — Молитва. Стихотворение Сергея Михеева. — Отклики войны. — Объявления.

РИСУНКИ: На Восточно-Прусском и на Восточном фронте (8 рис.). — Мирные картины боевой жизни (2 рис.). — Зависимые колеса для военных автомобилей. — Захвативший нами в плен германский аэроплан «Альбатрос». — Автомобильная мастерская для ремонта автомобилей и мотоциклов. — Стоянки военных автомобилей. — Стоянка казаков. — Глаза и уши армии. — Кавказские казаки перед разведкой. — Во время артиллерийского боя. — Понтонный мост через реку Вислу. — Изготовление мостов. — Пленные австрийцы. — Пленные германцы. — И. А. Бунин у себя дома. — К бомбардировке Бельграда. (3 рис.). — Двина. Математик сербский доброволец Драголюб Телевич. — Пробыте тяжело раненого (в грудь и висок) сербского королевича Георгия в плен. — Сербская гаубичная батарея. — На сербско-австрийском фронте. — Перезаборь бельгийского правительства в преддверии Франции. — В разоренной Бельгии. — Бельгийцы в траншеях. — Бельгийский священник, перевозящий германских раненых в разрушенном нин доме. — Во Фландрии. — Английские бульдоги на службе в бельгийской артиллерии. — Братское кладбище в северо-восточной Франции. — Полевой телефон во французской армии. — На холмах Шампани. — Долой немецкую границу!

Из этого № прилагается «Полное собрание сочинений В. Г. Короленко кн. 25».

Великая европейская война.

(Хроника военных действий).

Сербия считается второстепенным театром военных действий, но ее победа над Австрией настолько познана и решительна, что дала Сербии настояще героическое имя. Нельзя отрицать, что решение участи воюющих европейских держав и в том числе самой Сербии — последует не на берегах неведомой Европы р. Колубары и не в равнинах Моравы, там не мейе жестокий разгром 500.000 австрийской армии, понесенный на сербской территории и вынужденный сдать все, что она захватила — в том числе и сербскую столицу Бельград, чувствительно отзовется и на дальнейший ход военных действий в центре Европы. О разгроме австрийского поражения можно судить по тому, что обращенная в бегство швабская армия потеряла уже свыше 10% своего состава пленные, не считая колоссальных потерь убитыми и ранеными. Кроме того она лишилась значительной части своей артиллерии — свыше ста орудий, множества пулеметов, ружей, обозов, военных запасов, артиллерийских парков, понтонных — словом, почти всего своего военного снаряжения. Все досталось победителю, материальная часть которого сильно пужалась в погоне. У сербского народа дух силен, но финансы слабы. Ему, истощенному и разоренному двумя кровопролитными войнами, не на что было обзаводиться дорогими станциями понтонных, роскошными лазаретами, большими запасами амуниции и проч., и теперь много из этих богатств он получил от разбитого врага. Быть-может, даже первоначальное отступление в глубь страны и слабая стойкость были вынуждены не чем иным, как временной недостатком снарядов для сербской артиллерии,

На Восточном фронте. Станционное здание в Колюшках после обстрела. По фот. нашего специального корреспондента.

Отправление на воздушную разведку над Летценом (Мазурсия озеро). Аэроплан подвергся обстрелу. По фот. нашего специального корреспондента.

встречу отступающим от Вислы и Марны разбитым немецким войскам. обилие желтых дорог в тылу неприятеля, по которым он пере-

На Восточном фронте. Развалины дома станционных служащих на станции Колюшки после бомбардировки. По фот. нашего специального корреспондента.

работа которой после непрерывной почти боевой практики двух кампаний достигла удивительного совершенства. Самая действительная военно-дипломатическая помощь сербам, о которой так хлопотала Европа под угрозой нашествия полумиллионной австрийской армии, могла выразиться именно в доставке военных материалов воинственному народу.

Получив, от союзников возможность обогатить запасы снарядов, он и сам блестяще справился с торжествующим победой прагом. Во всяком случае последняя операция сербов, отдавших австрийцам свою столицу и весь северо-запад страны, всего ярче показывает ничтожное значение в современной войне отдельных населенных пунктов и городов. Если почему-либо разбивать противника удобней

в глубине своей территории, то уступка последней является уже не торжеством его победы, а подготовлением к его поражению. Такой характер и такой печальный исход имели триумфальные прогулки австро-германских армий на всех фронтах: и к Парижу, и к Люблину, и к Осовцу, и к Варшаве, и к Пнангороду, и наконец к Бельграду и по Моравы. И мы под Люблином и Варшавой и французы на Марне под Парижем нанесли врагам не менее решительное поражение. Вследствие благоприятных условий и грубых тактических ошибок самоуверенного противника, сербы сумели использовать одержанную победу в смысле окончательной дезорганизации и разгрома бегущих швабских армий, в смысле полного уничтожения и добывания разбитых корпусов.

Наличность многочисленных свежих пополнений, движущихся на

На Восточном фронте. Станция Колюшки. Разрушенный переходный мост. По фот. нашего специального корреспондента.

На Восточно-Прусском фронте. Город Лык. Главная улица. Собор.

брасывает цѣлые корпуса с одного пункта на другой, помогали ему своевременно остановить преследование его разбитых под Варшавой и Парижем армий, австрийцы же, зарвавшиеся в глубь Сербии, оказались лишенными этих преимуществ и были вынуждены наносить удары победителя в течение всего бегства к своей границе. Непонятно, что их поражение превратилось в разгром, и что их разбитая армия подверглась неумолимому истреблению. Спасать их, конечно, задержать их некуда, потому что не свободная сила австрийцы слишком сосредоточиваются для защиты Кракова и Карпат от наступающей на них нашей армии. Поражение генерала Потioreка дало Австро-Венгрии совершенно беззащитной и открывает перед сербами ее южную границу для победоносного вторжения в славянские провинции, открыто тяготящиеся к Сербии.

На русско-германском фронте после второго лодзинского боя наступило относительно затишье. Стремясь большими атаками на наши центры остановить наше наступление на флангах, немцы не достигли намеченной цели даже ценою огромных потерь, понесенных в последних боях. Удержав все свои позиции и успешно отбив все ночные атаки по всему фронту и в то же время продолжая свое наступление на флангах, мы вышли победителями и в тактическом и в стратегическом смысле.

Как бы нацеливая слабые места нашего расположения, неприятель в течение всего конца ноября предпринимал целый ряд наступательных нажимов то в районе Ловича — Плоня, то в районе Петрокова, то в районе Прасныча — Плоня по направлению к Новогородскому.

Некоторые из этих наступлений носили явно демонстра-

Санников.

Вообще все их наступления всегда кончаются более или менее потерями и отступлениями. Таковы нормальный ход событий.

Период сравнительно долгого затишья, сменившийся на всем фронте нашим разположением кровавых для цѣлой серии лодзинских боев, объясняется отчасти истощением сил разбитого на

На Восточно-Прусском фронте. Город Лык. Внутренний вид собора в глубине алтаря.

многих пунктах неприятеля, отчасти наступившей после оттепели распутицей, затрудняющей передвижение обозов.

Уже с конца ноября главный интерес кровавой драмы переносится к краковскому району. Отчаявшись остановить наш прорыв в центр, германцы усилили сосредоточить в районе Кракова новые корпуса. Продолжая окружать Краков, наши войска продвинулись вверх по течению р. Дунайца, заняли старый и Новый Сандец, и, двигаясь в западном направлении, нанесли 24-го ноября австро-германцам значительное поражение, в котором противник потерял 30 орудий, 6 пулеметов и автомобильную батарею.

Вместе с тем были закончены и захват перевалов через Карпаты, сопровождавшийся также захватом значительной доли австрийской горной артиллерии и несколь-

На Восточно-Прусском фронте. Станция Лык при вторичном наступлении русских войск. По фот. нашего специального корреспондента.

кнхъ тысячъ австрійскихъ пѣхннхъ. Попытка германцевъ обойти наши войска съ фланга окончилась весьма для нихъ печально — рѣшительнымъ поражениемъ обходящей колонны, съ потерей 4 орудій, 7 пулеметовъ и 4 тысячъ однихъ пѣхннхъ.

На южныхъ склонахъ Карпатъ группируются новыя австрійскія войска для наступленія въ Галицію на поддержку Перемышля и Кракова. Круглымъ путемъ по линиямъ тыловыхъ желѣзныхъ дорогъ сюда перебрасываются войсковыя части съ фронта Ченстоховъ — Краковъ. Новый маневръ неприятелю уже замѣченъ нашими штабомъ и, конечно, будетъ парированъ соответствующимъ образомъ.

Возможность широкаго австрійскаго наступленія на Галицію значительно затруднена послѣднимъ поражениемъ австрійцевъ въ Сербіи. Битая съ обѣихъ фронтовъ Австрія ни на одномъ изъ нихъ не можетъ сосредоточить подавляющее количество силъ, гарантирующее побѣду. Поэтому можно надѣяться, что новыя австрійскія натиски не помѣшаютъ ни взятію Перемышля ни окруженію Кракова.

Систематическое использование австрійскихъ военныхъ силъ не въ австрійскихъ, а въ прусскихъ интересахъ обостряетъ враждебныя отношенія между союзными арміями, а назревающая рознь облегчаетъ грядущую побѣду русскаго оружія.

На западномъ фронтѣ долгая позиціонная война видимо подходит къ концу. Союзники начинаютъ наступать на ослабленные ряды нѣмцевъ и послѣ жаркихъ артиллерійскихъ боевъ захватываютъ ближайшія германскія траншеи.

Побѣдоносное шествіе торжествующихъ армій измѣряется въ позиціонной борьбѣ нѣсколькими сотнями метровъ въ день. Какъ бы то ни было нѣмцевъ все-таки тѣснятъ и понемногу вытѣсняютъ ихъ съ бельгійской территоріи.

Мирныя картины боевой жизни. Общая трапеза съ овѣшнымъ врагомъ. Наши солдаты дѣлятся оубѣденными порціями съ пѣхннми австрійцами. По фот. нашего спеціального корреспондента.

Мирныя картины боевой жизни. У кипятивника съ горячей водой.

По фот. нашего спеціального корреспондента.

Послѣдніе бои принесли одну радостную вѣсть: они обнаружили достигнутое успешными стараніями превосходство тяжелой артиллеріи союзниковъ надъ тяжелой артиллеріей германцевъ. Такимъ образомъ у германцевъ отнять ихъ послѣдній ресурсъ. Какъ большой успѣхъ союзниковъ, надо отмѣтить захватъ праваго берега Шира и занятіе Рулера. Овладеніе этими пунктами стоило нѣмцамъ множества жертвъ, возвращеніе же ихъ обошлось союзникамъ сравнительно очень дешево. По р. Лисъ, въ районѣ Армантьера, въ Аргонскомъ лѣсу и въ Эльзасѣ всюду союзники наступаютъ и тѣснятъ неприятеля.

„ВОЙНА, ПОДГОТОВКА КЪ НЕЙ И ПЕРВЫЙ ПЛАНЪ“.

Съ настоящаго нумера „НИВЫ“ мы начинаемъ печатать подъ этимъ заглавіемъ очерки, написанные извѣстнымъ военнымъ обозрѣвателемъ К. Шумскимъ (подполковникомъ К. М. Соломоновымъ).

К. Шумскій авторъ выдающихся статей во многихъ спеціальныхъ военныхъ журналахъ, знатокъ военного дѣла и одинъ изъ доблестныхъ защитниковъ Портъ-Артурской твердыни, въ настоящую Великую европейскую войну постилъ передовыя позиціи нашихъ фронтовъ и имѣлъ возможность лично наблюдать сверхчеловѣческіе подвиги геройскихъ защитниковъ нашей родины отъ варварскаго нашествія тевтонскихъ полчищъ. Такимъ образомъ К. Шумскій, какъ практикъ и теоретикъ, блестяще изучилъ военное дѣло и талантливо дѣлитъ своими знаніями съ нашей публикой. Живые, дѣловитые очерки К. Шумскаго несомнѣнно прочтутся нашими читателями съ огромнымъ интересомъ. Помѣщаемые въ №№ 50, 51 и 52 „Нивы“ очерки охватываютъ періодъ Великой европейской войны съ самаго ея возникновенія доннынѣ.

ВОЙНА, ПОДГОТОВКА КЪ НЕЙ И ПЕРВЫЙ ПЛАНЪ.

Очерки К. Шумскаго.

Задача всякой войны.

Искусство веденія войны въ настоящее время, какъ извѣстно, является дѣломъ весьма сложнымъ. Тѣмъ не менѣе общее правило военнаго искусства укладывается въ нѣсколько простыхъ и ясныхъ формулъ.

Еще не такъ давно говорили, что задача войны заключается въ томъ, чтобы побѣдить противника съ наименьшими для себя усиліями, потерями и расходами, т.-е. достигнуть успѣха съ наименьшими жертвами. Нынѣшняя стратегія выражается рѣшительнѣе: она говоритъ, что задача войны—это побѣдить противника во что бы то ни стало, цѣной какихъ угодно жертвъ и какихъ угодно потерь... но только побѣдить.

Не трудно видѣть, что вышесказанное опредѣленіе войны является болѣе правильнымъ, ибо при стремленіи къ побѣдѣ нельзя останавливаться ни передъ какими жертвами, а тѣмъ болѣе вычислять, какія бы то ни было „наименьшія жертвы“. Слишкомъ ужъ большіе и важные вопросы, касающіеся не только территоріальной цѣлости даннаго государства, но и вопросы о правѣ національнаго и культурнаго самоопредѣленія — ставятся на карту. И исполнѣе поспѣшно, что борьба за столь цѣнныя и близкія каждому гражданину блага должна вестись не на животь, а на смерть.

Итакъ, задача войны: побѣдить врага во что бы то ни стало. Но является вопросъ, — какъ побѣдить? Какъ добиться успѣха, который дастъ побѣду и заставитъ покориться врага?

Наиболѣе краткое и конкретное опредѣленіе способовъ, „какъ побѣдить“, даетъ Мольтке. Онъ говоритъ, что война на существъ сводится къ слѣдующей задачѣ: собрать возможно большія силы, отыскать армію противника и, пользуясь численнымъ превосходствомъ, разбить ее.

Эта формула распадается на три отдѣльныя задачи: 1) собрать возможно большія силы, 2) отыскать армію врага, 3) разбить его.

Первая задача разбивается въ мирное время и всецѣло зависитъ отъ искусной организаціи, отъ совершенства „военнаго закона“ данной страны. Вторая задача разбивается, конечно, на войнѣ и далеко не всегда бываетъ такой легкой, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Напримѣръ, нѣмцы не могли отыскать армію французскую, что нужно понимать въ точнѣ смыслѣ, что они не могли заставить ее принять въ первые мѣсяцы войны бой, ибо армія эта въ первые мѣсяцы войны безпрерывно отступала.

Еще болѣе сложной задачей является 3-я задача разбить армію противника, что видно уже изъ того, что нынче нужно разбить цѣлый вооруженный народъ, сломить всю силу сопротивленія цѣлой націи, гдѣ матеріальныя средства борьбы, благодаря современной техники, необыкновенно совершенны, а національный духъ необыкновенно великъ.

Истина о милліонахъ.

Тотъ военный законъ, который даетъ возможность собрать большія или меньшія силы, есть законъ о воинской повинности и объ организаціи армій въ мирное и въ военное время. Германія придавала всегда особенное значеніе этому военному закону и постоянно его совершенствовала, замѣняя одинъ военный законъ другимъ. Мы видѣли, что нѣмцы въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ пронесли три такъ называемыя „военныя новеллы“, три новыхъ военныхъ закона, направленныхъ къ тому, чтобы въ случаѣ войны взять отъ населенія всѣхъ сколько-нибудь годныхъ людей, т.-е. чтобы заставить населеніе напярѣкъ всѣ силы во время войны.

Въ силу этого, нѣмцы ко дню объявленія войны выставили около 4 1/2 милліоновъ обученныхъ людей и, кромѣ того, около 5 милліоновъ ландштурмистовъ, не получившихъ никакой военной подготовки.

Такимъ образомъ нѣмцы, въ случаѣ нужды, могутъ выставить, при своемъ населеніи около 66 милліоновъ, очень большой процентъ, около 12—13% отъ населенія.

Одинаково сильное напряженіе предусматриваетъ и военный законъ Франціи, гдѣ подъ ружье въ военное время должны становиться всѣ сколько-нибудь годные люди. Численность обученныхъ людей во Франціи опредѣляется примѣрно въ 2,8 милліона человекъ, кромѣ трехлинейной территоріальной арміи съ ея резервомъ, формируемой съ объявленіемъ мобилизаціи и предназначенной для внутренней защиты страны.

Такіе громадные запасы людей имѣются въ каждой странѣ, но это далеко еще не означаетъ, что арміи всѣхъ странъ достигаютъ такой же большой величины. Нужно различать два понятія: число обученныхъ и необученныхъ людей и величину арміи, ибо это не одно и то же.

Подъ арміей подразумѣвается совершенно опредѣленная организація, въ составъ которой входятъ не только обученные и необученные люди, но и офицеры, артиллерія, всевозможныя современные техническія средства, обозы, штабы и проч. Однако

и этого еще недостаточно для того, чтобы создавать армію. Современныя арміи немалыя безъ особаго сплоченнаго военнаго и національнаго духа, гдѣ немалую роль играютъ и боевое прошлое данной арміи, и традиціи. Все то, что придаетъ ей сплоченность и крѣпкую спайку.

Такимъ образомъ можно имѣть много милліоновъ людей, но имѣть сравнительно небольшую армію. Если для военнаго времени не подготовлено достаточное число офицеровъ, необходимое количество артиллеріи, обозовъ, штабовъ, запасовъ и проч. Такія требованія вполнѣ естественно обнзываютъ каждую страну подготовить все необходимое для созданія цѣлаго ряда новыхъ организацій, въ составъ которыхъ вошли бы тѣ милліоны обученныхъ и годныхъ людей.

До японской войны вопросъ этотъ разрѣшался довольно примитивно, и имѣвшіеся запасы людей частью шли на доведеніе арміи мирнаго состава до состава военнаго времени, а главная масса образовывала новые корпуса, число которыхъ главнымъ образомъ зависѣло отъ того, сколько подготовлено офицеровъ для этихъ новыхъ организацій, какое количество имѣется артиллеріи и прочихъ средствъ и запасовъ.

Благодаря этому, дѣло какъ бы разрѣшалось очень просто, и никакихъ особыхъ затрудненій въ военное время не предвидѣлось. Однако японская война, а за нею и обѣ балканскія войны показали очень большую неустойчивость вновь создаваемыхъ корпусовъ изъ запасныхъ, такъ называемыхъ корпусовъ второй очереди. Это объяснялось отчасти пожилымъ возрастомъ запасныхъ, отвыкшихъ отъ военной службы, обремененныхъ семьями и проч., частью недостаточной сплоченностью новыхъ импровизированныхъ организацій, не имѣющихъ за собой никакой военной исторіи, никакихъ традицій и спеціальнаго воинскаго воспитанія.

Вопросъ этотъ подвергся долгому обсужденію въ военной литературѣ, но когда наконецъ во время балканской войны старые турецкіе запасные — редифы показали, что они способны лишь убійать при первомъ выстрѣлѣ, всюду было окончательно рѣшено, что войска изъ запасныхъ, такъ называемыхъ войска второй очереди, во всякомъ случаѣ не могутъ предназначаться для выполнения самостоятельныхъ операцій. Это было героическое рѣшеніе. Ибо значительная масса обученныхъ милліоновъ этимъ какъ бы устранилась отъ непосредственнаго участія въ сраженіяхъ, и многіе милліоны свелись лишь къ арміи въ 1—2 милліона, а то и въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ.

Такимъ образомъ составъ будущихъ армій окончательно намѣтился. Это были прежде всего арміи, состояція изъ корпусовъ мирнаго времени, увеличенныхъ до штатовъ военнаго времени. Затѣмъ оставалось очень много запасныхъ, изъ которыхъ только часть предназначалась для участія въ сраженіяхъ, а другая часть назначалась исключительно для службы въ тылу арміи и внутри страны.

Германія имѣетъ въ мирное время 25 корпусовъ. Съ доведеніемъ каждаго корпуса до штата военнаго времени его численность доходитъ до 42,000 человекъ. Слѣдовательно, эти 25 корпусовъ, доведенныхъ до военнаго времени, давали 1 милліонъ человекъ.

Изъ остальныхъ милліоновъ запасныхъ нѣмцы признали возможнымъ сформировать въ военное время 25 новыхъ резервныхъ корпусовъ, такъ называемыхъ „корпусовъ бѣгъ“. Для этого были предназначены запасныя самыхъ младшихъ возрастовъ. Дѣло въ томъ, что въ германской арміи въ мирное время роты очень невелики, и, чтобы довести корпуса до состава военнаго времени, нужно въ каждую роту призвать послѣдній годъ запасныхъ, т.-е. тѣхъ, которые въ предыдущемъ году были уволены въ запасъ.

Эти самые послѣдніе запасныя даже не называются запасными, а считаются въ отпуску и признаются простымъ распоряженіемъ начальства. Благодаря этому, нѣмцы безъ всякаго объявленія мобилизаціи могутъ простымъ распоряженіемъ начальства, призвать послѣдній годъ запасныхъ, числящихся въ отпуску, и сразу германская армія мирнаго времени мобилизовалась и переходила въ составъ военнаго времени.

Послѣ этого у нѣмцевъ оставалось еще очень много молодыхъ запасныхъ, уволенныхъ въ запасъ два, три года тому назадъ и т. д., примѣрно въ возрастѣ отъ 25 до 32 лѣтъ. Изъ этой-то массы молодежи и формировались новые 25 резервныхъ корпусовъ. Имѣли это въ виду, нѣмцы въ мирное время заготовили для всѣхъ этихъ корпусовъ достаточное количество офицеровъ и унтер-офицеровъ, штабы, артиллерію, обозы, техническія средства, запасы и пр. Подучились новые 25 корпусовъ, новый милліонъ людей, вполнѣ организованныхъ и снабженныхъ всемъ необходимымъ, а слѣдовательно и почти нисколько не отличающихся отъ первоначальныхъ войскъ. Нѣмцы ихъ и употребили въ качествѣ такихъ же первоначальныхъ войскъ, и у Германіи образовалась первоначальная армія уже въ два милліона людей, которые всѣ цѣлкомъ могли принять участіе въ бояхъ.

Нѣмцы однако на этомъ не остановились и попытались со-

Запасные колеса для военных автомобилей.
По фот. нашего специального корреспондента.

здать еще новые корпуса из остальных масс запасных. Однако лишь с чрезвычайными усилиями немцам удалось в октябрь создать еще шесть ландверных корпусов с недостаточным количеством офицеров, с несколькими худшей артиллерией и другими второсортными средствами борьбы. Пока неизвестно, чтобы немцы еще что-нибудь создали, ибо и эти шесть корпусов были явно хуже остальных германских войск, и немцы их употребили с большой осторожностью на второстепенных пунктах.

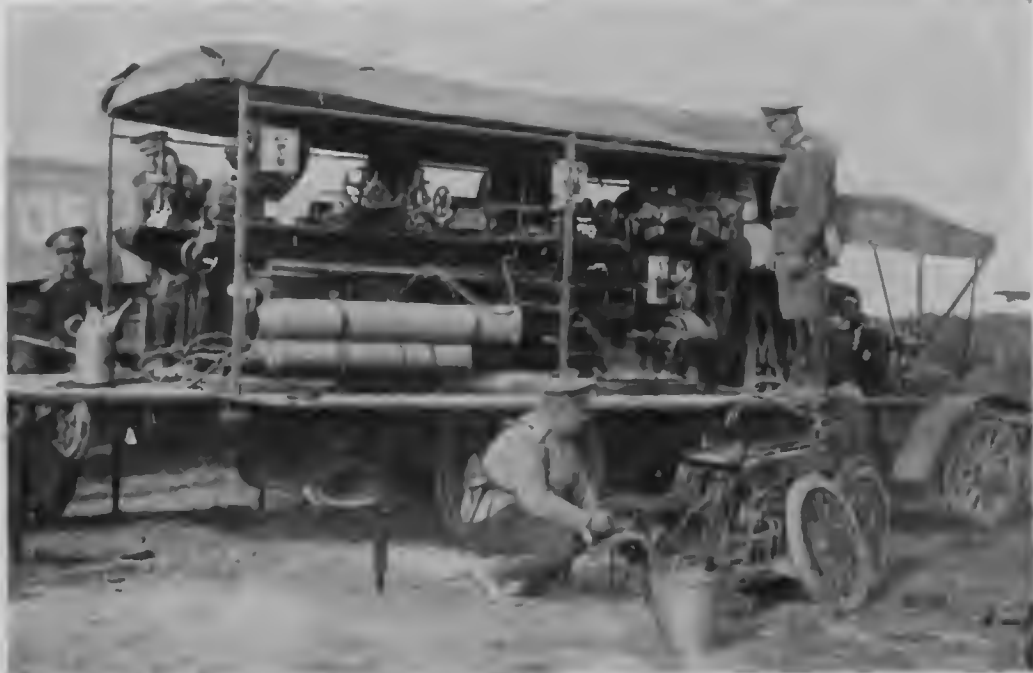
Таким образом первоначальная армия Германии, т. е. та, которая принимает участие в операциях, состоит из 56 корпусов общей численностью около 2 1/4 миллиона человек. Эта армия поддерживается постоянно приблизительно в одном и том же составе, для чего все потери пополняются из остального, еще большого, запаса людей, который имеется в распоряжении германского генерального штаба.

Достро-Венгрия составляет 17 корпусов, численностью каждый из 50 тысяч человек,

по штатам носного времени. Никаких новых корпусов и даже дивизий австрийский генеральный штаб не рискует формировать при разноплеменном составе населения Дунайской монархии. Эти 17 корпусов, в мирное время весьма малочисленных, доводятся лишь в военное время до 50 тысяч человек каждый. И тогда истощаются все вооруженные силы первой очереди. Остальная масса запасных идет частью на пополнение потерь, частью для несения службы в гарнизонах внутри империи, частью для службы в тылу армии.

Франция имеет в мирное время 22 корпуса, каждый из 2 дивизий. В военное время эти дивизии пополняются запасными, а из остальных запасных французы, не признавая возможным создавать корпуса, создают лишь дивизии.

По одной такой дивизии из запасных, следовательно по 3-й дивизии, добавляется в каждый корпус, и корпуса доходят до 50—55

Автомобильная мастерская для ремонта автомобилей и мотоциклов.
По фот. нашего специального корреспондента.

тысяч человек, но число корпусов остается прежним—22.

Следовательно, французская армия исчисляется в 1,1 миллиона человек. А остальные запасные распределяются, так же, как и в других странах, для пополнения потерь, для службы в тылу армии и для службы внутри страны.

Таким образом мы видим, что лишь одна Германия рискует формировать из запасных целые корпуса, тогда как другие страны формируют только дивизии. Для того, чтобы уяснить себе разницу, нужно обратить внимание на то, что корпус представляет собою организацию из всех родов оружия, способную к выполнению больших самостоятельных задач на войне. Такой корпус может быть, например, двинут для охвата, который может решить участь сражения. Такой корпус может исполнять задачи арьергарда и задерживать наступление противника до тех пор, пока смогут отступить главные силы армии. Одним словом, корпус может драться совершенно самостоятельно, без чьей-либо поддержки. Поэтому, конечно, важно, чтобы корпус состоял из частей устойчивых. Дивизии в нынешней войне редко выполняют какое-либо самостоятельное поручение и действуют обыкновенно в союзе с другими дивизиями. Поэтому

Захваченный нами в плен германский аэроплан „Альбатрос“.
По фот. нашего специального корреспондента.

в большинстве государств, как, например, во Франции, решено было из запасных формировать дивизии, которые, будучи доведены по одной на корпус, будут драться рядом со старым полковым дивизионом корпуса, с течением времени приобрести боевой опыт, и такой корпус станет устойчивым.

Они немцы признали возможным формировать из запасных целые корпуса и предназначать для них самостоятельные ответственные операции. Расчет немецкого генерального штаба основывался на целом ряде факторов: на единоплеменности населения Германии, на популярности военного дела среди населения, на большом развитии в стране стрельковых и гимнастических обществ, на разном роде ферейнах, пропагандирующих усиление армии, усиление флота, усиление авиации и проч., вообще на той милитаризации населения, которая систематически проводилась и проводится в Германии. Германский генеральный штаб предполагал, что эти данные делают немцев настолько годными к военной службе, что это отличает население Германии от населения других стран и поэтому дает возможность организовать из запасных целые корпуса в отличие от других стран.

Таким образом не трудно видеть, что все разговоры о миллионах, которые так распространены в широких кругах общества, не совсем правильны. Миллионы действительно существуют, но они не превращены в армию. Это есть лишь больше или меньше неисчисляемый источник всевозможных пополнений. Сам же армия определяется во всех странах тем числом корпусов, которое имеется в мирное время, с увеличением численности людей в каждом корпусе до состава военного времени. В Германии численность армий определяется числом корпусов мирного времени плюс некоторое строго определенное число корпусов, формируемых в военное время. Вместо многих миллионов у немцев на самом деле есть армия в 2 1/4 миллиона, у французов — в 1,1 миллиона, у австрийцев — в 850 тысяч.

Этот вопрос настолько строго и точно был разрешен в мирное время, что только для этого числа людей во всех странах имеются и запасы артиллерии, обозов, необходимых офицерский состав, технические средства и проч. Поэтому, если бы какая-либо страна пожелала увеличить состав своей армии, то это должно было бы представить неисчислимы затруднения, а во многих случаях было бы совершенно невозможным, так как для этого ничего не подготовлено. Конечно, страны с сильно развитой промышленностью могут заготовить, допустить, артиллерию, или обозы, или технические средства. Но откуда взять штабы, офицеров, наконец ту кривую спайку, которая единственно делает сильной эти организованные массы людей? Кроме того, как мы видели, пожилой возраст является самым отрицательным цензом при определении боевой годности запасных солдат, а формировать новую армию приходится из людей молодых.

Следующий, но менее трудный вопрос, — это вопрос о подготовке для войны достаточного количества офицеров. Корпус офицеров мирного времени во всех армиях приблизительно одинаков. Всякую в настоящее время для достижения офицерских должностей необходимо законченное среднее образование и 2—3 года специального военного образования. Однако необходимо иметь в военное время во много раз большее число офицеров, чем в мирное время, вынуждает к некоторым послаблениям как в отношении образовательного ценза, так и в отношении специальной военной подготовки.

Во Франции даже в мирное время имеется особый контингент офицеров, произведенных из солдат по прослужении большого числа лет на службе и при обязательном прохождении упрощенного курса в специальных школах. В военное время вопрос о достаточном количестве офицеров является одним из самых острых.

Главный контингент запасных офицеров почти всюду составляют офицеры, произведенные из вольноопределяющихся, т. е. та категория офицеров, которая у нас именуется прапорщиками. В одних странах эти вольноопределяющиеся для производства в офицеры служат год, в других два, и это несколько влияет на большую или меньшую степень подготовки их к офицерским обязанностям.

Затем в весьма ограниченном количестве поступают в армию офицеры запаса из числа бывших на действительной службе в мирное время и оставивших службу по собственному желанию. Наконец, наибольшую категорию офицеров в военное время дают офицеры, произведенные в этот чин из унтер-офицеров и подпрапорщиков. В некоторых странах, как, например, в Германии, на офицерские должности предназначаются даже воспитанники старших классов кадетских корпусов.

Таким путем корпус офицеров в военное время доводится до очень большого числа офицеров, но оно все же далеко недостаточно.

На самом деле, единственным способом разрешения этого вопроса является обязательная подготовка всех лиц, получивших более или менее удовлетворительное общее образование, к офицерскому званию. Вполне понятно, что, если армией стал теперь вооруженный народ, то ее корпусом офицеров должна

стать „вооруженная интеллигенция“. Только при этом условии понятие „вооруженный народ“ осуществляется во всей своей полноте, без того серьезного и даже уродливого недостатка, который замечается в настоящее время в отсутствии достаточного числа руководителей призванных под знамена народных масс. Вероятно, нынешняя война и является первым шагом к разрешению этого вопроса в указанном нами смысле.

Вооружение современной армии.

Вооружение во всех армиях, участвующих в настоящей европейской войне, приблизительно одинаково. Обыкновенно принято приписывать большую важность всякому случайному превосходству вооружения, которое имеется у одних и не имеется у других. Прежде всего нужно установить, что вооружение всех европейских армий более или менее одинаково, и ружья и орудия отличаются одно от другого лишь незначительными деталями. Несколько неодинаковым является вооружение тяжелой артиллерии, и этот вопрос особенно привлекает к себе всеобщее внимание. В знаменитых 42-сантиметровых германских мортирах у нас готовы были даже видеть чуть ли не первопричину германских успехов. Это мнение безусловно преувеличено, и которое превосходство в качестве орудий дает лишь преимущество в одном средстве борьбы и во всяком случае не является каким-либо решающим фактором. Нельзя забывать, что превосходство в качестве орудий еще не доказывает даже превосходства в качестве артиллерии. Сила артиллерии складывается не только из качества орудий, но находится в большой зависимости от так называемого управления огнем, т. е. от умения сосредоточить огонь на важных пунктах, своевременно его открыть, от умения пользоваться огнем. Но и самое превосходство артиллерии отнюдь не является также решающим фактором, а есть лишь лучшее средство для борьбы, чем то, которое имеется у противника. Так как средства для борьбы весьма многочисленны, и разнообразны, то артиллерия является лишь одним из этих средств и превосходство артиллерии может искупиться превосходством противника в других средствах борьбы, например, превосходством противника в разведке или в маневре.

Однако, во виду интереса, который обнаруживается всюду к вопросам вооружения, остановимся несколько на них. Все армии европейских вооружены приблизительно одного сорта оружием — винтовкой с магазином на 5 патронов. Из этой скорострельной винтовки можно сделать около 40 выстрелов в минуту. Каждая пуля может пробить несколько дюймовых досок, сопротивлению каждой из которых равно сопротивлению человеческого тела. Наибольшая дальность пули несколько более 3 1/2 верст. Наиболее действительная и меткая стрельба, конечно, возможна лишь на более близких дистанциях. Самая меткая стрельба происходит на расстоянии не более 400 шагов, где пуля падает при полете не поднимается выше человеческого роста, и поэтому ошибки возможны только вправо или влево, но не вверх и вниз, т. е. перелетов не бывает. Достаточно также меткая стрельба возможна и на большую дистанцию — до 1 1/2 верст. Так как в бою выкидывается масса патронов, то, даже если самое ничтожное число пули попадает, число поражений все же бывает очень велико. Вследствие этого считается, что с расстояния 1 1/2 верст от неприятельских позиций уже начинается сфера очень сильного и опасного ружейного неприятельского огня.

Из этого видно, что нынешняя винтовка является весьма смертоносным оружием, способным кидать пули дальше 3 1/2 верст, а на расстоянии до 1 1/2 верст развивающим очень меткий огонь, при чем число выстрелов из каждой винтовки может дойти до 40 в минуту, а одна пуля способна пробить несколько человек, стоящих один за другим. Некоторое отличие между винтовками различных европейских армий представляет собою штык, который в других армиях, кроме нашей, представляет собою нож, предназначенный не для того, чтобы колоть, а для того, чтобы рубить.

Артиллерия. Артиллерия во всех армиях вооружена главным образом полевыми легкими, скорострельными пушками, стреляющими на расстоянии 5—6 верст, снарядами весом в 16—20 фунтов. Одна батарея таких пушек в 6—8 орудий может сделать до 20—25 выстрелов в минуту шрапнелью или гранатой. В первом случае каждый снаряд перед падением, разрываясь, раскидывает до 300 пули, а во втором случае ряд осколков, число которых колеблется от 100 до 200.

Кроме полевых пушек имеются в армиях также и полевые гаубицы, предназначенные для того, чтобы перекидывать снаряды через какое-либо препятствие, и полевые мортиры, предназначенные для того, чтобы попадать навесом, т. е. падать сверху на горизонтальную площадку. Эти орудия стреляют на меньшей дистанции, но большими бомбами и шрапнелью, весами до 34 пуда, при чем бомба дает до 250 осколков при разрыве, а шрапнель выкидывает от 400 до 500 пули.

Для действия в горах имеется горная артиллерия, которая отличается от обыкновенной тем, что пушка разбирается на части и надвигается в виде вышка на лошади; на 1-ю лошадь — пологая лафета, на 2-ю лошадь — другая пологая лафета, на 3-ю лошадь — самое тело орудия, на 4-ю — ящики с бомбами и т. д. Такие орудия естественно весьма удобны для передви-

Стоянка военных автомобилей. По фот. нашего специального корреспондента

жения по узким горным тропинкам.

Перейдем наконец к нынешнему «гвоздю» тяжелой артиллерии.

В современных армиях в настоящее время нисколько не введена эта тяжелая артиллерия, но так как вопрос о большем или меньшем количестве тяжелой артиллерии и о выборе орудий был предметом обсуждения в военной литературе, то этот вопрос не во всех армиях одинаково разрешен. Немец раньше других потрудился внести у себя тяжелую артиллерию, и у них имется по 16 тяжелых пушек в каждом корпусе. В других государствах число тяжелых орудий перед войной было меньше, но с началом войны все армии увеличили свою тяжелую артиллерию приблизительно до такого числа орудий, какое имется в германской армии, а в некоторых армиях и больше.

Нынешняя тяжелая артиллерия состоит главным образом из 15-сантиметровых (6-дюймовых) пушек и из 15-сантиметровых и 21-сантиметровых мортир. Таким образом, как видно, нормально калибр тяжелой артиллерии — 6 дюймов. Те же 42-сантиметровые гаубицы Круппа, которые в числе нескольких экземпляров оказались у немцев, имеют калибр 16 дюймов.

В настоящее время даже самое чудовищное орудие морской артиллерии, стреляющее снарядом в 41 пуд, в-

Стоянка казаков. На отдыхе. По фот. нашего специального корреспондента.

сом, иметь калибр 15 дюймов. При осаде Порт-Артура были неожиданно даже мортиры калибром в 11 дюймов, которыми японцы обстреливали порт-артурские форты.

Поэтому вполне понятно, какой сенсацией должно было бы быть появление у немцев 16-дюймовых мортир, которые, очевидно, должны были стрелять снарядами выше 40 пудов весом. Мы говорим «бы», потому что это действительно было бы сенсацией, если бы такая исключительно разрушительной силы орудия могли следовать при армии.

Однако мы знаем, что орудий калибром в 12 и 15 дюймов давно уже известны, но при армиях они не состоят, а им-

«Глаза и уши армии». Кавказские казаки перед разведкой. По фот. нашего специального корреспондента.

ются лишь для вооружения флота и крепостей, т. е. там, где они раз навсегда устанавливаются неподвижно на все время пользования ими. Армии рѣшаются возить при себе не больше, как 6-дюймовые пушки и 8-дюймовые мортиры, и то такие орудия могут следовать лишь шагом, преимущественно по шоссе или по очень хорошим грунтовым дорогам. Для того, чтобы тащить эти орудия, нужно довольно большое число лошадей в зависимости от качества дороги.

Отсюда видно, насколько трудно, если даже не невозможно было бы возить с собой, допустим, 10-дюймовые орудия, которые весят несколько тысяч пудов, и которые совершенно лишены бы войска подвижности, одного из самых драгоценных свойств полевой армии, и во всяком случае средства более драгоценного, чем даже многие сотни 10-дюймовых пушек.

Конечно, бывают иногда случаи, когда необходимо иметь большие орудия, стреляющие большими снарядами для разрушения каких-нибудь крепких и прочных преград. Такие случаи возможны при осаде крепостей, и тогда подвозится осадная артиллерия, калибр которой до японской войны также не превышал 8 дюймов, а во время японской войны и в настоящее время доходит до 11—12 дюймов. Для этих целей могут пригодиться даже и сенсационные 16-дюймовые мортиры Круппа. Но, конечно, не в качестве рѣшительного средства, благодаря которому будет взята крепость, а как одно из многих средств борьбы, только несколько более сильное, чем те, которыми обыкновенно пользуются в современной войне.

Если бы секрет победы заключался в том, чтобы иметь самую большую и

самых разрушительных пушек, то война была бы очень простым делом, и за все время существования мира не было бы лишь всего семь великих полководцев, как их насчитывает Наполеон, а было бы их сколько угодно. Нельзя забывать, что, как ни совершенны могут быть средства войны, главным средством всегда является человек с его неисчерпаемой силой духа и ума.

Возвращаясь к обсуждаемому нами вопросу о тяжелой артиллерии, отметим некоторые детали устройства нынешних тяжелых пушек, принятых в полевых армиях. Вес снаряда, выбрасываемого тяжелыми пушками, 1 и 2 пуда: вес снаряда, выбрасываемого тяжелыми гаубицами, доходит до 5 пудов. Наибольшая пушечная дальность — 6-7 верст.

Количество орудий во всех армиях больше или меньше одинаково, т. е., правильно сказать, всюду больше или меньше одинаково число орудий относительно числа пехоты. Обыкновенно большее или меньшее число орудий в армии измеряется числом орудий в каждом корпусе, и чем больше число орудий в корпусе, тем больше богата снабжена данная армия артиллерией.

В германской армии имется по 144 легких орудий и по 16 тяжелых на каждый корпус. Такого большого числа орудий не имется

Понтонный мост через реку Вислу. По фот. нашего специального корреспондента.

устраивать, как то делают немцы, так называемую «перегрузку артиллерии», когда корпус превращается как бы в артиллерийскую организацию, из которой пехота придана лишь для охраны артиллерии.

160 орудий германского корпуса — это так много, что немцы вынуждены ставить свою артиллерию в несколько рядов, один за другим. Это вызывает стрельбу через головы своих и создает большую артиллерийскую массу на поле сражения, которая неизбежно, вследствие своей массивности, должна нести громадные потери.

Наконец глубина походных колонн корпуса очень увеличивается, что весьма важно. Дело в том, что величина корпуса рассчитывается, примерно, следующим образом: корпус, идя по дороге, должен развернуться в боевой порядок возможно скорее, и во всяком случае в течение нескольких часов, чтобы успеть произвести наступление до сумерек. Понятно, если в корпус 160 орудий и он представляет на дороге длинную колонну чуть ли не в 15—20 верст, то, чтобы последнему солдату выйти при разворачивании в боевой порядок на линию фронта, ему нужно сделать эти 15—20 верст. Следова-

Во время артиллерийского боя. Пехота, прикрывающая батарею. По фот. нашего специального корреспондента.

ни одна армия, но такое большое число орудий крайне невыгодно, о чем скажем ниже.

Австрия имется от 72 до 90 орудий на корпус, а Франция — 108—120 орудий на корпус.

Несомненно, в нынешних армиях, формируемых из солдат короткого срока службы, крайне важно иметь возможно большее число артиллерии, которая, являясь сама по себе могучим средством борьбы, сильно подымает дух своих войск. Уже засвидетельствовано неоднократно, что нынешняя пехота в редких случаях и то лишь в особенно доблестных армиях может вести наступление без помощи артиллерии: в большинстве случаев присутствие артиллерии настолько необходимо, что очень часто пехота только тогда идет в атаку, когда слышит, как стреляет своя артиллерия. Наконец сила современного пехотного огня так велика, что необходимо предварительно обстрелять артиллерийским огнем пехоту противника, чтобы облегчить атаку всей пехоты.

Однако это не означает, что можно к армии придавать артиллерию без конца и

Изготовка к выстрелу. По фот. нашего специального корреспондента.

тельно, ему нужно идти чуть ли не целый день, пока он не займет свое место в боевом порядке, да потом еще нужно наступать. Очевидно, что это все нельзя успеть сделать до наступления темноты, которая и может оборвать операцию развертывания корпуса, и войска будут в каком-то крайне неудобном положении — не то в походном порядке, не то в боевом, что, ясно, сопряжено со всеми опасностями при наступлении неприятеля.

Все эти причины заставляют военные авторитеты склоняться к тому, что число орудий в корпусе, невзирая на желание иметь побольше артиллерии, должно быть примерно не более 108—110 орудий. И немцы на опыте убедились, что принятое ими число орудий—160 в корпусе—абсолютно непрактично.

Автомобиль и аэроплан.

Кроме артиллерии, о которой мы говорили до сих пор, в нынешней европейской войне стали появляться блиндированные пушки-автомобили и блиндированные поезда. Еще во время японской войны выяснилась необходимость прикрывать артиллеристов во время стрельбы при помощи хотя бы вертикальных броневых щитов, которые устанавливаются вправо и влево от орудия на оси, соединяющей колеса. Идея этих щитов давно пропагандировалась нашим офицером генерального штаба капитаном Свяцким, который еще в 90-х годах доказывал, что при нынешней силе артиллерийского огня нам необходимо укрывать артиллеристов во время стрельбы при помощи такого рода щитов, о которых мы говорили выше. Идея эта не встретила сочувствия, и в числе ее противников был, между прочим, и сам Драгомиров.

Когда после японской войны выяснилось, что нынешняя пушкель производит сильное поражение среди артиллерийской прислуги во время стрельбы, и благодаря этому батарея выводится из строя не вследствие подбития орудия, а вследствие того, что перебиваются артиллеристы, — во всех государствах были приняты щиты. Все нынешние полевая скорострельная артиллерия снабжена щитами и носит название щитовой артиллерии.

В начале нынешней войны немцы „развили идею щита“ и поставили пушки на автомобили, прикрыв как самую пушку, так и артиллеристов броневым куполом.

Такого рода пушка-автомобиль, очевидно, не только не боится ружейного огня, но может свободно въезжать в расположение неприятельской пехоты, разстреливая эту пехоту картечью и гранатами.

Вслед за тем появились такие же бронированные пулеметы. И то и другое орудие оказалось весьма полезным прежде всего при разведке, так как в настоящее время всякая армия усиленно охраняется, и подойти близко с целью разведки невозможно. Бронированные автомобили и бронированные пулеметы свободно приближаются к неприятельскому расположению и даже могут въезжать внутрь его, и при таких условиях разведка значительно облегчается.

Затем, конечно, велико моральное действие такого орудия и потери, которые при помощи этих пушек и пулеметов наносятся.

С такими пушками и пулеметами может справиться только артиллерия, но для этого нужно, чтобы артиллерия неприятельская была уже подготовлена к выстрелу, что, конечно, не может быть всегда при появлении стреляющих автомобилей. Наконец стрельба из пушек по автомобилям в тот момент, когда войска находятся на отдыхе, на биваке, или в квартирах, представляет большую опасность для своих войск. Все это показало, что бронированные пушки и пулеметы на автомобилях являются весьма ценным орудием. Однако во всех странах это орудие, как еще ни разу не испытанное, оказалось в очень незначительном количестве.

К этим подвижным маленьким броневым фортам нужно отнести также и блиндированные поезда. Каждый такой поезд состоит из ряда платформ, имеющих вертикальные стінки, прикрытия либо броней, либо земляными мѣшками. Такой блиндированный поезд может быстро подать несколько сот человек с пулеметами, винтовками и орудиями на любую станцию, занятую неприятелем, если, разумеется, путь не испорчен. Такими поездами немцы пользовались в первое время в Восточной Пруссии. Но после разрушения нами железных дорог они временно отказались от использования блиндированных поездов.

В настоящее время бронированные пушки и пулеметы на автомобилях, а также блиндированные поезда фигурируют в боевых столкновениях очень редко. Во время боев к югу от Кракова немцы попытались действовать такими блиндированными пушками против нашей обыкновенной артиллерии. Но оказалось, что эти пушки были моментально разбиты, и тогда вполне выяснилось, что они годны преимущественно в тех случаях, когда приходится действовать против неприятеля, не имеющего артиллерии. Тогда противник с ними ничего подделать не может, и он может разстреливать неприятеля совершенно свободно, без помехи.

Из остальных средств борьбы упомянем о выяснившемся значении авиации в нынешней войне. Как известно,

на это новое средство борьбы возлагались, по крайней мере в широких кругах, очень большие надежды.

Нельзя сказать, чтобы эти надежды совершенно не оправдались. Но все же область применения воздухоплавания в нынешней войне оказалась весьма ограниченной.

Предполагалось, что роль воздухоплавательных аппаратов выразится главным образом в разведке. Возможность видеть, что происходит за линиями неприятельских аванпостов, что происходит в тылу, представлялась очень заманчивой, так как при принятых нынче способах разведки, главным образом конницей и пехотными разведчиками, очень редко удавалось проникнуть за линию неприятельского расположения.

Поэтому роль авиации представлялась очень большою, и можно было слышать даже такие заявления, что, например, обход Ногг под Мукденом, рѣшивший участь этого сражения, не удался бы, если бы тогда существовали аэропланы, так как был бы своевременно им замечен, и войска наши парализовали бы обходное движение противника. Пример этот был не совсем удачный, так как об обходном движении Ногг заблаговременно доносила наша конница, и оно не было неожиданностью. Тем не менее этот пример казался настолько наглядным, доказательством возможной пользы аэропланов, что им оперировали очень часто в качестве одного из доказательств большого значения авиации в нынешней войне.

Действительно, нынешняя война показала, что аэропланы могут нести разведочную службу и в некоторых случаях давать полезный свѣдѣніи. Однако эти свѣдѣнія не могут быть настолько исчерпывающими, чтобы штаб на основании их мог иметь достаточное представление о расположении и вероятных действиях противников. Это объясняется, конечно, не тем, что авиатору мѣшает неприятельский огонь или какая-либо другая причина видеть расположение противника. Несомненно, авиатор, пролетая над неприятельскими войсками, многое видит, но и легко может ошибаться, принимая один предмет за другой. Самое же главное неудобство заключается в том, что наблюдатель на аэроплане не может объять в достаточной степени ту обстановку, которая открывается пред его глазами.

Войска нынче располагаются или на квартирах по деревням и городам, или квартиро-бивакам, а биваком стовть редко. Между тем на биваке, где полки стоят правильными и определенными четырехугольниками, можно себя составить извѣстное представление о числѣ войск. На квартирах же, где войска стоят по домам, разсматривая это квартирное расположение сверху с аэроплана, почти нельзя рѣшить вопроса о числѣ войск, о числѣ артиллерии и проч. Одинаково трудно рѣшить этот вопрос и тогда, когда войска находятся на позиции и располагаются в окопах. Наконец даже вопрос о том, имеются ли в данном районѣ войска или нѣтъ, очень редко удается разрѣшить, наблюдая с аэроплана. Войска спрятаны в квартирах или в окопах, и достаточно нѣскольких человек, идущих по улицѣ или по полю для того, чтобы предположить нахождение в данном районѣ неприятельских войск. Но одинаково может их и не быть, а могут быть только эти нѣскольких человек, которые оказались в поле.

Вообще на большинство вопросов, которые штаб задает своему разведчику, аэропланы нередко не могут ответить. Благодаря этому разведка с аэроплана в значительной степени теряет свою полезность, и это новое средство разведки, как и всякое новое средство, отнюдь не является панацеей, а может быть лишь пригодно в некоторых случаях, как одно из многих средств разведки. Имѣющихся в распоряжении штабов, как конница, пехотные разведчики, пѣхота, перехваченные письма, шпионы и проч.

Кроме разведки предполагалось, что воздухоплавательные аппараты будут кидать бомбы сверху и наносить потери противнику. В специальных военных кругах бомбометание с аэроплана не приписывают большого значения. Но в обществе на эту роль аэропланов обращали большое внимание и обращают до сих пор.

Такое до извѣстной степени равнодушное отношение специалистов к бомбометанию объясняется тем, что военное искусство учитывает лишь то, что может оказать влияние на ход операций или отдаленного боя. Само собою разумеется, что нѣсколько бомб, брошенных, допустим, на здания в Париж или в Лондон, несколько не могут изменить взаимного положения сторон, не ухудшают положения той стороны, куда упали бомбы, как не улучшают положения той стороны, которая бросила бомбы. Это может произвести моральное впечатление на жителей, но так называемой „тактической ценности“ не имѣет, и от этого войска не отойдут ни на шаг назад и не подвигнутся ни на шаг вперед.

Для метания бомб нѣсколько болѣе пригодны аппараты больших размѣров, как цепелины, полужесткие дирижабли и большие аппараты Сикорского. Это объясняется вполне естественно тем, что только такие аппараты могут поднять на себя большие бомбы, достаточно разрушительной силы. Только такие бомбы и могут при попадании в арсенал, пороховой погреб, или в неприятельский корабль, произвести разрушение, которое будет имѣть цѣнность в военном отношеніи в том смыслѣ, что ухудшит положение противника. Однако всякие запасы по-

Пѣхотные австрійцы. По фот. нашего специального корреспондента.

роха в погребать, шквѣ жизненных части корабля прикрыты или бетоном или броней и съ трудом поддаются разрушению. Поэтому даже в этих отдельных случаях достигнуть серьезных результатов удается крайне редко.

Таким образом роль авиации в нынешней войне сводится главным образом к некоторым случаям разведки, довольно редко, и к метанию бомб в лагеря и города, для того, чтобы произвести моральное впечатление. Эта послѣдняя цѣль является достаточно важной, чтобы оправдать такое бомбометание, и в Лондонѣ, например, установлены даже особые пушки в домах для стрельбы вверх по нѣмецким аэропланам. Такие же пушки установлены на каедральном соборѣ в Краковѣ. Конечно, нѣсколько бомб, брошенных в Лондон или в Краков, могут убить десятки солдат или жителей. Но там, где потери исчисляются десятками или сотнями тысяч, потери еще нѣскольких человек не может нѣсколько повліять на положение дѣла. Как замѣчено однако, одна возможность появления таких раскидывающих бомб воздухоплавательных аппаратов действует весьма подавляюще на тех, кому приходится этого ожидать.

Всѣми этими обстоятельствами и объясняется та роль, которую играют аэропланы в нынешней войне, и которая оказалась значительно меньше той роли, которая приписывалась этому новому популярному средству борьбы.

Отыскать армию противника.

Разсматривая средства борьбы, — армию и их вооружение, — т. е. разсматривая, как сражающиеся народы рѣшили первую часть задачи войны, как понимает войну Мольтке, а именно, задачу „собрать возможно больше сил“, перейдем к разсмотрѣнію вопроса о том, как разрѣшалась вторая задача: отыскать армию противника.

Эта задача подразумевает извѣстный план, в силу которого нужно произвести наступление до встречи и отыскания неприятельской армии.

Изъ всѣх странъ Германия, как извѣстно, предполагала закончить свою мобилизацию и сосредоточение ранѣе других. И для той и для другой цѣли служить дороги, и от их провозоспособности в значительной степени, конечно, зависит и скорость мобилизации.

Вслѣдствие сильно развитой сѣти железных дорог в Германіи, вопрос этот немцами былъ уже заблаговременно разрѣшен. Но независимо от этого самая система комплектования германской армии, так называемая „территориальная система“, дает большія удобства при мобилизации. При применении этой системы, каждый полкъ пополняется изъ населенія близлежащаго округа за нѣкоторыми исключениями, сделанными для гвардіи и для недостаточно надежнаго населенія Эльзаса-Лотарингіи и отчасти прусской Польши. Германские запасные живут настолько близко отъ стоянки своего полка, что даже являются на ротные праздники въ те роты, где они раньше служили. При таких условиях съ объединеніем мобилизации германская армія

пополняется очень быстро запасными. Если при этомъ принять во вниманіе, что для пополненія 25-ти перволинейныхъ германскихъ корпусовъ нужно призвать только послѣдній годъ запасныхъ, такъ называемыхъ „отпускныхъ“, и то простымъ распоряженіемъ начальства, безъ указа о мобилизации, то станетъ понятію, что германская мобилизация происходитъ очень быстро.

Послѣ мобилизации идетъ слѣдующая операция — сосредоточеніе войскъ въ опредѣленный районъ, который избранъ исходнымъ для наступленія.

Благодаря сильному развитію железнодорожной сѣти, немцы считали, что на 12-й день они закончатъ и мобилизацию и сосредоточеніе своей арміи къ опредѣленному пункту, а на этомъ основывался весь планъ веденія ими войны противъ коалиціи. Планъ этотъ впервые былъ созданъ Мольтке послѣ войны 1870 г., когда обнаружился уже первые признаки возможнаго сближенія между Франціей и Россіей.

Планъ этотъ основывался на томъ, что немцы занимаютъ центральное положеніе между двумя противниками, Россіей и Франціей. Такое положеніе предусматриваетъ дѣйствія по такъ называемымъ „внутреннимъ операционнымъ линіямъ“. Сущность этихъ внутреннихъ операционныхъ линій заключается въ томъ, что находящійся посредникъ быстро наступаетъ на

одну армию и, разбивъ ее, поворачивается и бросается на другую армию. При такихъ условіяхъ противникъ, дѣйствуя всей массой, нападаетъ какъ бы на каждую половину вражеской силы въ отдельности, и, конечно, половину легче разбить, чѣмъ цѣлое. Поэтому если бы, допустимъ, наша и французская арміи дрались рядомъ, то немцамъ никогда не удалось бы справиться со всей массой, выставленной двумя народами. При естественномъ же раздѣленіи нашей и французской армій немцы могли рассчитывать, что имъ сначала удастся всей массой обрушиться на одну половину, т. е. на французскую армию, и разбить ее, а потомъ обрушиться тоже всей массой на другую половину — русскую армию.

Въ такомъ положеніи находились во время Семилѣтней войны Фридрихъ Великій, когда онъ со всей своей арміей, находясь въ центрѣ Пруссіи, дѣйствовалъ по внутреннимъ операционнымъ линіямъ. Онъ бросался со всей массой своихъ войскъ на каждого противника въ отдельности: то на саксонцевъ, то на австрійцевъ, то на французовъ, то на русскихъ, то опять на австрійцевъ. Если всѣ эти арміи соединились бы вмѣстѣ и дали бы бой Фридриху, онъ, конечно, былъ бы разбитъ, подавленный громаднымъ превосходствомъ силы: но, имѣя дѣло въ отдельности съ каждой изъ неприятельскихъ армій, онъ могъ держаться 7 лѣтъ. Правда, онъ яойны не выигралъ, и только случайныя обстоятельства спасли его отъ окончательной гибели; но все же онъ держался 7 лѣтъ вмѣсто того, чтобы погибнуть въ теченіе одного сезона.

Когда немцы рѣшили вѣ нынешней войнѣ напасть сначала на одного противника и разбить его въ отдельности, а потомъ напасть на другого противника и разбить его также въ отдельности, предъ ними предсталъ вопросъ: на кого перваго напасть, на Францію или на Россію?

Мольтке, создавая этотъ планъ, считалъ, что необходимо сна-

Пѣхотные германцы. По фот. нашего специального корреспондента.

чала напасть на Францию и разгромить ее возможно скорѣе. Такъ какъ тогда Франція, послѣ тяжелой эпохи 70-го года, была слаба, то Мольте составилъ слѣдующій планъ кампаніи:

На 12-й день съ начала войны германская армія заканчиваетъ свою мобилизацію и сосредоточеніе на французской границѣ. На 13-й день нѣмцы вступаютъ въ бой съ французской арміей и, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, наносятъ французамъ пораженіе на 16—17-й день. Затѣмъ Франція, оставшаяся безъ арміи, принуждается къ миру, и на 18—19-й день начинается перевозка войскъ на русскую границу. На эту перевозку предполагается употребить 6 дней. На 24—25-й день нѣмцы начинаютъ кампанію противъ Россіи, совершенно спокойные за свой тылъ, гдѣ остается разбитая и покорившаяся Франція.

При этомъ нѣсколько нѣмецкихъ корпусовъ остаются въ началѣ войны на русской границѣ, чтобы прикрывать территоріи Германіи отъ случайныхъ появленій нашихъ отрядовъ.

Съ теченіемъ времени, Франція, оправившаяся отъ Седанскаго погрома, крѣпла, и съ каждымъ годомъ являлась возможность разбить французскую армію ять нѣсколько дней дѣлалась все болѣе маловероятной. Поэтому нѣкоторые нѣмецкіе военные авторитеты предлагали помѣнить планъ и въ случаѣ войны съ франко-русскимъ союзомъ напасть сначала на Россію. При этомъ сторонники этого взгляда предполагали воспользоваться болѣе ранней готовностью Германіи и захватить часть территоріи русской Польши до Вислы, а если окажется возможнымъ, то и до Нѣмана и даже до Западной Двины и одновременно помѣщать нашему сосредоточенію, стремясь разбить наши неготовыя войска ять отдаленности. Сторонникомъ этого мнѣнія былъ, между прочимъ, фонъ-деръ-Гольцъ, который даже всегда настойчиво твердилъ: „Только сначала на Россію“.

Дѣло въ томъ, что въ стратегіи существуетъ правило, ять силу котораго, при наличіи двухъ противниковъ, слѣдуетъ сначала нападать на сильнѣйшаго, а потомъ уже на слабѣйшаго. Это правило понятнѣе изъ того, что противъ сильнѣйшаго желательнѣе дѣйствовать со всѣмъ напряженіемъ силъ, а отнюдь не арміей, ослабленной уже борьбой со слабѣйшимъ. Армія же, расправившаяся съ сильнѣйшимъ, должна, очевидно, побѣдить и слабѣйшаго.

Фонъ-деръ-Гольцъ, относившійся съ большимъ вниманіемъ къ Россіи и всегда считавшій, что наша армія представляетъ собою серьезную силу, настаивалъ на томъ, что сильнѣйшимъ противникомъ является Россія, и противъ нея должны быть направлены первые удары. Однако нѣмецкій генеральный штабъ и придворныя вѣянія отстояли планъ нападенія сначала на Францію. Однимъ изъ сторонниковъ этого плана являлся германскій кронпринцъ, которому очень хотѣлось войти триумфаторомъ-побѣдителемъ въ покоренный Парижъ. Говорятъ, что мать кронпринца, разумеется, не чаявшая души въ своемъ первенцѣ и видѣвшая въ немъ несомнѣннаго Наполеона, также оказала сильное вліяніе на то, чтобы былъ принятъ планъ войны, составленный еще Мольте.

Между тѣмъ, какъ мы видѣли, планъ Мольте несомнѣнно былъ достаточно обоснованъ въ свое время, когда дѣйствительно нѣмцы могли надѣяться побѣдить Францію, не оправившуюся еще отъ послѣдствій 70-го года. Но какъ только Франція окрѣпла, и у нея появилась сильная армія, побѣдить при помощи одного удара Францію стало невозможнымъ. И, естественно, нападеніе сначала на Францію означало, что нѣмцамъ придется, даже въ случаѣ успѣха, потратить очень много времени для того, чтобы одолѣть французскую армію. За это же время восточныя провинціи Германіи подвергались неминуемой угрозы, и нѣмцы могли бы оказаться стесненными между двумя арміями—французской и нашей.

Трудно сказать, какой планъ былъ лучше,—нападеніе ли сначала на Францію, или нападенія сначала на Россію, такъ какъ въ томъ положеніи, въ которомъ находились нѣмцы, было трудно думать что-нибудь увѣренное. Однако во всякомъ случаѣ планъ нападенія сначала на Францію терялъ уже всякій смыслъ послѣ того, какъ оказалось невозможнымъ въ виду усиленія Франціи разбить ее въ нѣсколько дней.

Какъ бы то ни было, нѣмецкій генеральный штабъ упорно отстаивалъ планъ Мольте, и, согласно этому плану, нѣмцы начали свои операціи. Однако нѣмцы при этомъ сдѣлали несомнѣнную, явную и крупную ошибку. Они наступали на Францію только войсками своей арміи и не дали ни одновременно туда австрійской арміи. Это была грубая ошибка и полное несоблюденіе принципа сосредоточенія непремѣнно всѣхъ силъ противъ одного противника и затѣмъ тѣхъ же всѣхъ силъ противъ другого противника.

Всѣ силы подразумѣваютъ всѣ тѣ войска, которыя нѣмцы въ распоряженіи данной стороны. Слѣдовательно, въ нынѣшней войнѣ нѣмцы должны были сразу двинуть во Францію всѣ силы въ буквальномъ смыслѣ данного слова, а именно, и свои и австрійскія арміи. Нѣмцы же раздѣлили эти силы пополамъ и одну половину — германскую армію — направили противъ Франціи, а другую половину — австрійскую армію — направили противъ Россіи. Вмѣсто того, чтобы драться цѣлымъ, они дрались половинами, совершенно не учитывая того, что половина слабѣе цѣлаго, и что вѣчною правиломъ военного искусства требуется сосредоточеніе всѣхъ силъ въ одномъ направленіи, противъ одной цѣли, а не противъ двухъ и не противъ трехъ.

Конечно, могутъ возразить, что, если бы австрійская армія пошла совместно съ германской арміей на завоеваніе Франціи, то наши войска заняли бы австрійскую территорію, Галицію, Кар-

патские проходы. Не говоря уже о томъ, что эта часть территоріи и такъ занята нашими войсками, нѣмцы могли предполагать, что послѣдствіи, когда они вмѣстѣ съ австрійцами побѣдятъ во Франціи, они повернутся въ нашу сторону, и тогда все равно, въ зависимости отъ того, чья армія будетъ разбита, и будетъ находиться разрѣшеніе вопроса, кому будетъ принадлежать занятая часть австрійской территоріи. Между тѣмъ, если бы во Франціи одновременно стали дѣйствовать германская армія изъ Бельгій, а австрійская армія изъ Лотарингіи, или черезъ Люксембургъ, то это несомнѣнно значительно затруднило бы положеніе французовъ, и трудно сказать, каковы могли бы результаты этого совместнаго австро-нѣмецкаго наступленія на Францію. Во всякомъ случаѣ, если бы австро-нѣмцамъ удалось имѣть успѣхъ и они повернулись бы въ нашу сторону, германскій генеральный штабъ имѣлъ бы противъ насъ не только свою армію, но и австрійскую.

Совершивъ такимъ образомъ грубѣйшее нарушеніе одного изъ основныхъ и вѣчныхъ принциповъ военного искусства и раздѣливъ свои силы пополамъ, направили австрійскую армію противъ Россіи, а германскую противъ Франціи, нѣмцы начали съ завоеванія Бельгій. Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли имъ нужно было наступать обязательно черезъ Бельгію, долгое время обсуждался въ европейской военной литературѣ. Какъ извѣстно, самый планъ дѣйствія нѣмцевъ не представлялъ никакого секрета. О немъ было вѣдомо хорошо извѣстно, и ять теченіе 40 лѣтъ вопросъ о возможности столкновенія Германіи съ Франціей и Россіей и Австріей съ Россіей не сходилъ со столбовъ ясной печати. Планъ наступленія нѣмцевъ на Францію черезъ Бельгію былъ весьма кореннымъ и существеннымъ измѣненіемъ того плана войны, который пролежалъ въ 70-мъ году Мольте. Для того, чтобы уяснить себѣ эту разницу, необходимо указать на одно весьма существенное различіе. Планъ Мольте въ основѣ имѣлъ стремленіе отбросить французскую армію отъ богатѣйшаго юга Франціи и лишиться ее такимъ образомъ возможности отойти къ югу, — опираться на богатѣя области и черпать отсюда источники пополненія какъ самой арміи людьми, такъ и ея запасовъ.

Поэтому Мольте, наступая на Францію, все время выдвигалъ лѣвое крыло своей арміи впередъ. При всякой нѣмецкой побѣдѣ французамъ нужно было естественно отходить. Они могли отойти на сѣверъ и на западъ, но не на югъ, потому что тамъ всегда было выдвинуто впередъ лѣвое нѣмецкое крыло въ видѣ цѣлой отдѣльной арміи.

Такимъ образомъ французы никакъ не могли отойти къ югу и затѣмъ, опираясь на богатѣя области юга Франціи, бороться на долгое время. Это какъ бы подготовляло рѣшительный конецъ борьбы, и быстрый. Ибо, въ случаѣ успѣха нѣмцевъ, французская армія не имѣла средствъ для продолженія борьбы. Конечно, независимо отъ этого, на успѣхъ нѣмцевъ въ 70-мъ году повліяло много причинъ: но несомнѣнно также, что постоянно выдвигнутая впередъ при наступленіи лѣво-фланговая армія нѣмцевъ, отбрасывая пути отступленія французовъ на югъ, свидѣтельствовала о весьма большой предусмотрительности и глубинѣ стратегической мысли генеральнаго штаба.

Нынѣшній нѣмецкій генеральный штабъ, въ лицѣ своихъ высшихъ руководителей, несомнѣнно въ миллионъ разъ бездарнѣе своего великаго предка, повелъ операцію во Франціи совершенно инымъ способомъ. При нынѣшнемъ наступленіи на Францію нѣмцы выдвигали впередъ не лѣвое крыло, а, наоборотъ, правое со стороны побережья Сѣвернаго моря. И этимъ, даже въ случаѣ удачі, они какъ бы, наоборотъ, загоняли французовъ на югъ, что давало въ свою очередь французамъ возможность всегда нести долгое, затяжное сопротивление. Дѣйствительно, мы видѣли, что въ тотъ моментъ, когда французы поровнялись съ Парижемъ при своемъ отступленіи, они преспокойно оставили его въ сторонѣ и повернули фронтомъ на сѣверъ, имѣя въ тылу богатѣя южныя области Франціи.

Слѣдовательно, въ то время, какъ великій Мольте не пускалъ французовъ непрерывно на югъ Франціи, при помощи своего выдвинутого впередъ лѣваго крыла, нынѣшній маленькій Мольте, выдвигая правое крыло своихъ армій, все время, наоборотъ, бездарно какъ бы загонялъ французовъ въ ихъ богатѣйшія области юга.

Обращаясь непосредственно къ наступленію нѣмцевъ на Францію, отмѣтимъ, что стремленіе нарушить нейтралитетъ Бельгій было у нихъ вызвано желаніемъ развернуться на сравнительно открытой и мало пересѣченной мѣстности. Дѣйствительно для нынѣшнихъ громадныхъ армій горные и пересѣченные районы представляютъ большія неудобства, и развернуться миллионы современныхъ войскъ могутъ лишь на мѣстности болѣе или менѣе открытой.

Пограничная территорія въ этомъ отношеніи представляетъ большое неудобство, и вся южная часть границы, проходящая по Вогезамъ, естественно исключается изъ того района, гдѣ могутъ оперировать крупныя силы. Остается лишь небольшая участокъ границы по Лотарингіи, герцогство Люксембургское и Бельгія.

Нѣмцы увѣряютъ, что существовало соглашеніе между Бельгіей и Франціей, въ силу котораго первая должна была пропустить французскія войска. Намъ неизвѣстно, существовало ли такое соглашеніе или нѣтъ. Мы скорѣе склонны предполагать, что такого соглашенія не существовало: — какъ видно изъ хода войны, французы намѣрены были обороняться, а слѣдовательно имъ не зачѣмъ было занимать Бельгію. Другое дѣло нѣмцы. Они предполагали безусловно наступать и всегда имѣли явъ виду, въ случаѣ войны, нарушить нейтралитетъ Бельгій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СМЕРТЬ, КРАСОТА И ЛЮБОВЬ ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ И. А. БУНИНА.

Очеркъ К. Чуковского.

(Окончаніе).

IV.
Снова черезъ тысячу лѣтъ въ Россію пришелъ Святогоръ. Овъ такой же голубоглазый гигантъ съ мужичкой добродушной боро-
дицей, — попрежнему упоенно мечтаетъ о небываломъ, несслы-
ханномъ подвигѣ:

— Сдѣлать бы что-нибудь необыкновенное, чего еще не дѣ-
лалъ никто!

Душа у него щедрая, царственная, созданная для безмѣрныхъ дѣяній, и вотъ когда наступилъ его часъ, онъ, не дрогнувъ, могуче, спокойно совершилъ сной героическій подвигъ: вышелъ почти одинымъ глоткомъ цѣлую четверть яния и, рухнувъ на землю, какъ быкъ, умеръ отъ этого подвига!

О немъ повѣствуетъ И. А. Бунинъ въ
рассказѣ „Захаръ Воробьевъ“.

Зря, по-дурацки, безъ пользы истра-
тилась богатырская сила. Она была дана
человѣку для величавыхъ и торжествен-
ныхъ дѣлъ, но человекъ ее изгадилъ и
пропилъ. Къ чему же этотъ изумительный
даръ, если ять немъ — позоръ и страданіе?

Объ этомъ неустанно вопрошаетъ во
всѣхъ своихъ новыхъ твореніяхъ Бунинъ.
Ему кажется, что мы безумные моты,
расточаемъ свое посаженіе, лучшее; что
тратить, разорять, разоряться — единствен-
ное наше призваніе.

Даже случайное соловьиное пѣніе, бунин-
скій герой гоноритъ:

— Вотъ бы изъ ружья-то его!.. Такъ бы
и купырнулся!

— Да ты про кого же?

— Да про соловья про зянка.

Непремѣнно убить, уничтожить самое
дорогое и сладостное! Если волнующе-пре-
лестная женщина (въ повѣсти Бунина „Де-
ревня“) одарена красотой изумительной,
то мы эту красоту — сановниками! — впо-
чѣмъ въ самую грязную грязь, превратимъ
въ позоръ и страданіе!

Страшно читать, какъ такую красавицу
съ обаятельно-изящной душой продаютъ —
для побоевъ — какому-то мерзавцу вы-
родку, который, глядя на ея красоту, го-
воритъ:

— Чисто-кафельная, свозочь!..

Быть бы ей лучше уродомъ, быть бы
богатырю — хилымъ, а соловью безголо-
вымъ, они бы не погибли среди насъ.
Именно ихъ красота, обаяніе, сила оказа-
лись залогомъ ихъ гибели.

И вотъ другое такое же чудо природы,
непобѣдимое благословеніе Неба, воплощен-
ное милосердіе Божіе, — стовосмилѣтній
старикъ. Богъ награждаетъ его такимъ долго-
лѣтіемъ, о которомъ миллионы человѣ-
ческихъ душъ даже не смѣютъ мечтать.
Сколько при немъ было яслиныхъ людей,
сколько войнъ, революцій, открытій, со-
бытій, а онъ даже не знаетъ объ этомъ и
яъ весь спой изумительный вѣкъ только
и выдалъ, что конюшняники, только и ду-
малъ, что о кормахъ для скота, — безмысленно, яри расточая
всѣмъ сной драгоценнѣйшій даръ *).

Такой великолѣпный сосудъ огромнаго, необъятнаго прощлаго,
но — совершенно пустой!

Бунину это даже не страшно. Онъ знаетъ, что это законъ. Кто-
то околдовалъ ту Дурновку, въ которой онъ издавна живетъ
явѣстѣ со своими героями. Недаромъ же ея названіе — Дурновка.
Все въ ней ни къ чему, ясе въ ней зря: сила, красота, долголѣ-
тіе. Всякое благословеніе Божіе превращается въ проклятіе дя-
вола.

— Черноземъ яъ полтора аршина, да какой! А яты лѣтъ не
проходитъ безъ голода!

— Городъ на ясю Россію славенъ хлѣбной торговлей. Бѣтъ же
этотъ хлѣбъ досыта сто человекъ во всемъ городѣ!

И такъ въ каждой мелочи, всюду. Если я читаю у Бунина о
какой-то поэтической мотылѣ, всюду. Если я читаю у Бунина о
и заранѣе знаю, что сейчасть же тамъ появятся «вишньи и взроютъ
могильный бугоръ», а телата обглодаютъ березы („Будни“).

Если и читаю у Бунина, что кто-то на послѣдніа деньги закупилъ
табуны лошадей, чтобы распродать ихъ къ веснѣ съ барышомъ,
то я заранѣе знаю, что, съѣвъ у него всю муку и солому, ло-
шади одна за другой непремѣнно околѣютъ къ веснѣ („Сухо-
ло“).

* Разсказъ Бунина „Сто носомъ“.

доль“). Если въ его книгѣ какой-нибудь домъ или дворъ назы-
вается *Золотое Дно*, — значить, тамъ скудость, нищета непокрытая.
Если это *Веселый Дворъ*, — значить, тамъ уныніе и скорбь. Если
Лучезаровка, — значить гибель, гнѣніе, глѣніе.

Это законъ, это фатумъ. Въ Дурновкѣ иначе нельзя:

— До гла разорены мужики, тринки не осталось въ оскудѣ-
вшихъ усадьбишкахъ, — хозяйна бы сюда, хозяйна! — воскли-
цаетъ въ своей повѣсти Бунинъ. Съ хозяйственнымъ огорченіемъ
глядитъ онъ вокругъ. Какой безпорядокъ, какая нескладница!
Сколько впропадаетъ добра! Никто ничего не умѣетъ! Дѣлаютъ
чортъ знаетъ что!

И. А. Бунинъ у себя дома.

— Пашутъ цѣлую тысячу лѣтъ, да что я! больше! — а пахать
путемъ — то-есть ни единая душа яъ умѣетъ! Единственное ясе
дѣло не умѣютъ дѣлать. Хлѣба ни единая баба не умѣетъ печь!

Бунинъ — строгій хозяинъ, взыскательный. Когда персонажъ его
повѣстей дѣлаютъ какое-нибудь дѣло, онъ тяжелымъ, непрощаю-
щимъ взоромъ слѣдитъ за ихъ каждымъ движеніемъ и съ досадою
говоритъ поминутно:

— Не такъ! Не то! Не туда!

Такъ бы, кажется, и вырвалъ у нихъ ихъ топоры и ло-
паты, — показалъ бы имъ, какъ нужно работать!

Несуразность, нехозяйственность міра, ислѣбность всѣхъ вещей
и поступковъ колетъ его, какъ иглами, ио, должно-быть, ему
сладка эта боль, если онъ растравляетъ ее. Его лирика все чаще
питается образами нескладницы, бессмыслицы, безтолочи. На нихъ
живется его повѣсть „Деревня“, имъ насыщены „Суходоль“ и
„Рыдалецъ“. Въ нихъ мироощущеніе поэта обрѣло свои заветные
символы. Только ничтожныя дѣла и явленія проникаютъ къ нему
на страницы, остальнымъ туда доступа нѣтъ. И если въ его раз-
сказѣ изображается огородное пугало, то лишь потому, что оно
никого не пугаетъ, поставлено зря, и къ чему:

— Отпугивать и некого и не отъ чего!

Если у него изображенъ караульщикъ, караулящій какую-то
рощу, то лишь потому, что эта роща давно уже пырблена, и
караулить тамъ нечего!

чала напасть на Францию и разгромить ее возможно скорбе. Так как тогда Франция, после тяжелой эпохи 70-го года, была слаба, то Мольтке составил следующую план кампании:

На 12-й день с начала войны германская армия заканчивает свою мобилизацию и сосредоточение на французской границе. На 13-й день немцы вступают в бой с французской армией и, пользуясь своим численным превосходством, наносят французам поражение на 16—17-й день. Затем Франция, оставшаяся без армии, принуждается к миру, и на 18—19-й день начинается перевозка войск на русскую границу. На эту перевозку предполагают употребить 6 дней. На 24—25-й день немцы начинают кампанию против России, совершенно спокойно за своей тыл, где остается разбитая и покорившаяся Франция.

При этом несколько немецких корпусов остаются в начале войны на русской границе, чтобы прикрывать территории Германии от случайных появлений наших отрядов.

С течением времени, Франция, оправившаяся от Седанского погрома, крепла, и с каждым годом возможность разбить французскую армию в несколько дней делалась все более маловероятной. Поэтому некоторые немецкие военные авторитеты предлагали изменить план и в случае войны с франко-русским союзом напасть сначала на Россию. При этом сторонники этого взгляда предполагали воспользоваться более ранней готовностью Германии и захватить часть территории русской Польши до Вислы, а если окажется возможным, то и до Немана и даже до Западной Двины и одновременно помешать нашему сосредоточению, стремясь разбить наши неготовые войска в отдаленности. Сторонником этого мнения был, между прочим, фон-дер-Гольц, который даже всегда настойчиво твердил: "Только сначала на Россию".

Дело в том, что в стратегии существует правило, в силу которого, при наличии двух противников, следует сначала нападать на сильнейшего, а потом уже на слабейшего. Это вполне логично из того, что против сильнейшего желательно действовать со всем напряжением сил, а отнюдь не армией, ослабленной уже борьбой со слабейшим. Армия же, расправившаяся с сильнейшим, должна, очевидно, победить и слабейшего.

Фон-дер-Гольц, относившийся с большим вниманием к России и всегда считавший, что наша армия представляет собою серьезную силу, настаивал на том, что сильнейшим противником является Россия, и против нее должны быть направлены первые удары. Однако немецкий генеральный штаб и придворные влияния отстояли план нападения сначала на Францию. Одним из сторонников этого плана являлся германский кронпринц, которому очень хотелось войти триумфатором победителем в покоренный Париж. Говорят, что мать кронпринца, разумеется, не чаявшая души в сыночке-первенце и видевшая в нем несомненного Наполеона, также оказала сильное влияние на то, чтобы был принят план войны, составленный еще Мольтке.

Между тем, как мы видели, план Мольтке несомненно был достаточно обоснован в свое время, когда действительно немцы могли надеяться победить Францию, не оправившуюся еще от последствий 70-го года. Но как только Франция окрепла, и у нее появилась сильная армия, победить при помощи одного удара Францию стало невозможным. И, естественно, нападение сначала на Францию означало, что немцам придется, даже в случае успеха, потратить очень много времени для того, чтобы одолеть французскую армию. За это же время восточные провинции Германии подвергались неминуемой угрозе, и немцы могли бы оказаться стиснутыми между двумя армиями — французской и нашей.

Трудно сказать, какой план был лучше, — нападения ли сначала на Францию, или нападения сначала на Россию, так как в том положении, в котором находились немцы, было трудно выдумать что-нибудь лучшее. Однако во всяком случае план нападения сначала на Францию терял уже всякий смысл после того, как оказалось невозможным в виду усиления Франции разбить ее в несколько дней.

Как бы то ни было, немецкий генеральный штаб упорно отстаивал план Мольтке, и, согласно этому плану, немцы начали свои операции. Однако немцы при этом сделали несомненную, явную и крупную ошибку. Они наступали на Францию только войсками своей армии и не двинули одновременно туда австрийской армии. Это была грубая ошибка и полное несоблюдение принципа сосредоточения непременно всех сил против одного противника и затем тех же всех сил против другого противника.

Все силы подразделяют все те войска, которые имеются в распоряжении данной стороны. Следовательно, в нынешней войне немцы должны были сразу двинуть во Францию все силы в буквальном смысле данного слова, а именно, и свои и австрийские армии. Немцы же разделили эти силы пополам и одну половину — германскую армию — направили против Франции, а другую половину — австрийскую армию — направили против России. Вместо того, чтобы драться целым, они дрались половинами, совершенно не учитывая того, что половина слабее целого, и что вечно правило военного искусства требует сосредоточения всех сил в одном направлении, против одной цели, а не против двух и не против трех.

Конечно, могут возражать, что, если бы австрийская армия пошла совместно с германской армией на завоевание Франции, то наши войска заняли бы австрийскую территорию, Галицию, Кар-

патские проходы. Не говоря уже о том, что эта часть территории и так занята нашими войсками, немцы могли предполагать, что впоследствии, когда они вместе с австрийцами победят во Франции, они повернутся в нашу сторону, и тогда все равно, в зависимости от того, чья армия будет разбита, и будет находиться разделение вопроса, кому будет принадлежать занятая часть австрийской территории. Между тем, если бы во Франции одновременно стали действовать германская армия из Бельгии, а австрийская армия из Лотарингии, или через Люксембург, то это несомненно значительно затруднило бы положение французов, и трудно сказать, каковы могли бы быть результаты этого совместного австро-немецкого наступления на Францию. Во всяком случае, если бы австро-немецки удалось иметь успех и они повернулись бы в нашу сторону, германский генеральный штаб имел бы против нас не только свою армию, но и австрийскую.

Совершив таким образом грубейшее нарушение одного из основных и вечных принципов военного искусства и разделив свои силы пополам, направляя австрийскую армию против России, а германскую против Франции, немцы начали с завоевания Бельгии. Вопрос о том, действительно ли им нужно было наступать обязательно через Бельгию, долгое время обсуждался в европейской военной литературе. Как известно, самый план действий немцев не представлял никакого секрета. О нем было всем хорошо известно, и в течение 40 лет вопрос о возможности столкновения Германии с Францией и Россией и Австрией с Россией — не сходил со столбцов военной печати. План наступления немцев на Францию через Бельгию был весьма коренным и существенным изменением того плана войны, который проецил в 70-м году Мольтке. Для того, чтобы уяснить себе эту разницу, необходимо указать на одно весьма существенное различие. План Мольтке в основе имел стремление отрезать французскую армию от богатейшего юга Франции и лишить ее таким образом возможности отойти к югу, — опираться на богатые области и черпать оттуда источники пополнения как самой армии людьми, так и ее запасов.

Поэтому Мольтке, наступая на Францию, все время выдвигал левое крыло своей армии вперед. При всякой немецкой победе французам нужно было естественно отходить. Они могли отойти на север и на запад, но не на юг, потому что там всегда было выдвинуто вперед левое немецкое крыло в виде цылой отдаленной армии.

Таким образом французы никак не могли отойти к югу и заткнуть, опираясь на богатые области юга Франции, борьбу на долгое время. Это как бы подготовляло решительный конец борьбы, и быстрый. Ибо, в случае успеха немцев, французская армия не имела средств для продолжения борьбы. Конечно, независимо от этого, на успех немцев в 70-м году повлияло много причин: но несомненно также, что постоянно выдвигнутая вперед при наступлении левая-фланговая армия немцев, отрывая юг отступления французов на юг, свидетельствовала о весьма большой предусмотрительности и глубине стратегической мысли генерального штаба.

Нынешний немецкий генеральный штаб, в лиц своих высших руководителей, несомненно в миллион раз бездарнее своего великого предка, повесть операции во Франции совершенно иным способом. При нынешнем наступлении на Францию немцы выдвигали вперед не левое крыло, а, наоборот, правое со стороны побережья Северного моря. И этим, даже в случае удачи, они как бы, наоборот, загоняли французов на юг, что давало в свою очередь французам возможность всегда вести долгое, затяжное сопротивление. Действительно, мы видели, что в тот момент, когда французы поровнялись с Наркем, при своем отступлении, они спокойно оставили его в стороне и повернули фронтом в север, имея в тылу богатые южные области Франции.

Следовательно, в то время, как великий Мольтке не цукал французов непрерывно на юг Франции, при помощи своего выдвинутого вперед левого крыла, нынешний маленький Мольтке, выдвигая правое крыло своих армий, все время, наоборот, бездарно как бы загонял французов в их богатейшие области юга.

Обращаясь непосредственно к наступлению немцев на Францию, отметим, что стремление нарушить нейтралитет Бельгии было у них вызвано желанием развернуться на сравнительно открытой и мало пересеченной местности. Действительно для нынешних громадных армий горные и пересеченные районы представляют большие неудобства, и развернуться миллионы современных войск могут лишь в местности более или менее открытой. Потерянная территория в этом отношении представляет большое неудобство, и вся южная часть границы, проходящая по Вогезам, естественно исключается из того района, где могут оперировать крупные силы. Остается лишь небольшой участок границы по Лотарингии, герцогство Люксембургское и Бельгия.

Немцы уверяют, что существовало соглашение между Бельгией и Францией, в силу которого первая должна была пропустить французские войска. Нам неизвестно, существовало ли такое соглашение или нет. Мы скорее склонны предполагать, что такого соглашения не существовало: — как видно из хода войны, французы намерены были обороняться, а следовательно им не захотелось было занимать Бельгию. Другое дело немцы. Они предполагали безусловно наступать и всегда имели в виду, в случае войны, нарушить нейтралитет Бельгии.

(Продолжение следует).

СМЕРТЬ, КРАСОТА И ЛЮБОВЬ В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА.

Очерк К. Чуковского.

(Окончание).

IV.
Снова через тысячу лет в Россию пришел Святогорь. О такой же гудобогатый гигант с мужской добродушной бородашкой, — попрежнему упоенно мечтает о небывалом, неслыханном подвиге:

— Сделай бы что-нибудь необыкновенное, чего еще не делал никто!

Душа у него шедран, царственная, созданная для безмерных деяний, и вот когда наступил его час, он, не дрогнув, могуче, спокойно совершил свой героический подвиг: выпил почти одним глотком целую четверть вина и, рухнув на землю, как бык, умер от этого подвига!

О нем повествует И. А. Бунин в рассказе „Захарь Воробьев“.

Зря, по-дурачки, без пользы истратилась богатырская сила. Она была дана человеку для величавых и торжественных дел, но человек ее изгадил и пропил. К чему же этот изумительный дар, если в нем — позор и страдание? Об этом неустанно вопрошает во всех своих новых творениях Бунин. Ему кажется, что мы безумные моты, расточаем свое посланное, лучшее; что тратить, разорять, разоряться — единственное наше призвание.

Даже слушая соловьиные песни, бунинский герой гоним:

Вот бы из ружья-то его!.. Так бы и кунькину!

— Да ты про кого же?

— Да про соловья про зягю.

Непрестанно убить, уничтожить самое дорогое и сладостное! Если волнующе-прекрасная женщина (в повести Бунина „Деревня“) одарена красотой изумительной, то мы эту красоту — сапожниками! — впрочем в самую грязную грязь, превратим в позор и страдание!

Страшно читать, как такую красавицу с обаятельно-изящной душой продают — для побоев — какому-то мерзавцу выродку, который, глядя на ее красоту, говорит:

— Чисто-кафельная, словоч!..

Быть бы ей лучше уродом, быть бы богатырью — хилым, а соловья безголовым, они бы не погибли среди нас. Именно их красота, обаяние, сила оказались залогом их гибели.

И вот другое такое же чудо природы, величайшее благословение Неба, воплощенное милосердие Божие, — стоящая в старости. Бог награждает его таким долголетием, о котором миллионы человеческих душ даже не смывают мечтать. Сколько при нем было великих людей, сколько войн, революций, открытий, событий, а он, даже не зная об этом и зная свой изумительный язык только и выдал, что коноплинники, только и думал, что о кормах для скота, — безмысленно, зря расточил, неся свой драгоценнейший дар!

Такой великодушный сосуд огромного, необъятного прощания, — сожиренно пустой!

Бунину это даже не страшно. Он знает, что это закон. Кто-то околдовал ту Дурновку, в которой он изданная живет вместе со своим героем. Недаром же ее название — Дурновка. Все в ней не к делу, все в ней зря: сила, красота, долголетие. Всякое благословение Божие превращается в проклятие дьявола.

— Чернозем в полтора аршина, да какой! А вти леть не проходит без голода!

— Город на ясю Россию славен хлебом торговлей. Бьет же этот хлеб досыта человека во всем городе!

И так в каждой мелочи, всюду. Если я читаю у Бунина о какой-то поэтической могиле, под стеной поэтических берез, то я заранее знаю, что сейчас же там появятся «вины» и «взроют» могильный бугор, а телата обладают березы („Будни“).

Если я читаю у Бунина, что кто-то на последние деньги закупил табуны лошадей, чтобы распродать их к весне с барышом, то я заранее знаю, что, славя у него всю муку и солому, лошади одна за другой непременно околуют к весне („Сухов“).

*) Рассказ Бунина „Сто восемь“.

доль“). Если в его книге какой-нибудь дом или двор называется *Золотое Дно*, — значит, там скудость, нищета непокрытая. Если это *Веселый Двор*, — значит, там уныние и скорбь. Если *Лунная Роза*, — значит, гибель, гниение, тление.

Это закон, это фатум. В Дурновке иначе нельзя:

— До тла разорены мужики, трынки не осталось в оскудевших усадьбишках, — хозяйна бы сюда, хозяйна! — восклицает в своей повести Бунин. С хозяйственным огорчением глядит он вокруг. Какой беспорядок, какая нескладница! Сколько пропадает добра! Никто ничего не умеет! Делают, чорт знает что!

И. А. Бунин у себя дома.

— Пахут целую тысячу лет, да что я! больше! — а пахут путем — то-есть ни единая душа не умеет. Единственное свое дело не умеют делать. Хлеб ни единая баба не умеет спечь!

Бунин — строгий хозяин, взыскательный. Когда персонажи его повестей делают какое-нибудь дело, он тяжельм, непрощающим взором следит за их каждым движением и с досадой говорит поминутно:

— Но так! Не то! Не туда!

Так бы, кажется, и вырвал у них их топоры и лопаты, — показал бы им, как нужно работать!

Несуразность, нехозяйственность мира, неспособность всех вещей и поступков колыть его, как иголки, но, должно-быть, ему сладка эта боль, если он растревает ее. Его лирика все чаще питается образами нескладницы, бессмыслицы, безтолочи. На них зиждется его повесть „Деревня“, или насыщенные „Суховод“ и „Рыдалец“. В них мироощущение поэта обрело свои заветные символы. Только ничемные дела и явления проникают к нему на страницы, остальным туда доступа нет. И если в его рассказе изображается огородное пугало, то лишь потому, что оно никого не пугает, поставлено зря, ни к чему:

— Отпугивать и некого и не от чего!

Если у него изображен караульщик, караулящий какую-то рошу, то лишь потому, что эта роша давно уже вырублена, и караулить там нечего!

Но всякимъ несурзнымъ вещамъ, ко всему, что не попадетъ и не к стати, глазъ Бунина особенно зорокъ. Зачѣмъ, напр., у охотника *болошные* сапоги, если нигдѣ нѣтъ болота? А тому мужику—для чего чемоданъ, если положить туда нечего? А зототъ: зачѣмъ обнимаетъ слонявую дряхлую нищую, которая ему не нравится до слез,—если онъ самозабвенно влюбленъ въ милую дѣвушку Любку? А зототъ: убилъ человѣка изъ-за какой-то дурзкой козы.

То же и съ нашими душами. Мы трагичны такъ же безсмысленно. Это страшнѣе всего. Здѣсь главная тема Бунина: какъ нехозяйственно, зря расточается душа человѣческа! Въ его книжкахъ—большая коллекція такихъ растроченныхъ „раздребезженныхъ“ людей. Они—его любимые герои. Онъ, кажется, вѣкъ бы слѣдилъ, съ какимъ безогляднымъ азртомъ они *раздребезжатъ* себя. Виртуозы саморазоренія, гениі самопреблѣнія и гибели!

О, какъ тщательно наряжается Паша, — передъ зеркаломъ, — словно на свадьбу, словно предъ любовнымъ свиданіемъ,—вѣдь его сегодня изобьютъ до безпамятства, источнутъ каблуклами въ грязи!

Онъ къ этому готовится, этого ждетъ, и потому-то у него на душѣ такой праздникъ: всю жизнь онъ словно о томъ и заболѣлся, чтобы стать калѣкой, уродомъ, съ невоерканнымъ носомъ, безъ глазъ!

Онъ бабовень, щеголь, деревенскій Печоринъ, всю жизнь истратилъ на то, чтобы къ концу своихъ дней гнусаить на паперти съ нищими!

А помѣщикъ Аркадій Хрущовъ тоже лишь о томъ и хлопочетъ, чтобы пойти вслѣдъ за Шашей. — „Вся жизнь его, — пишетъ Бунинъ: — кажется, на то только и была направлена, чтобы не оставить неиспользованной ни единой возможности приготоить и себѣ на старость и намъ на молодость нищенскую суму“ *).

И какія богатія души! Развѣ Захаръ Воробьевъ не талант? И певичикъ Егорка—не Гамлетъ? Развѣ Крассовъ Кузьма—не мудрецъ? Развѣ воля и духовныя силы Настасьи Семеновны не достойны Жанни д'Аркъ, леди Макбетъ?

В. Но странно: чѣмъ пристальнѣе Бунинъ глядитъ на этотъ кавардакъ и хаосъ, гдѣ все божеское невоеркано дьяволомъ. — тѣмъ яснѣе у него на душѣ.

Его даянія книга „Деревня“ была безнадежно черна. Слѣдующая за ней, — „Суходоль“ — уже лучилась какими-то проблесками. А послѣдняя—объ Иоаннѣ Рыдалѣ, Псалмѣ, Худой Трагѣ—всѣ осянная, благостная.

Въ Дурновѣ ничего не измѣнилось.

Дурновка—все та же Дурновка. Свиньи попрежнему разрыиваютъ могилы, и Паша попрежнему жаждетъ, чтобы его искалѣчили до смерти.

Попрежнему все гибель, безсмыслица, но у поэта какія-то новыя чувства: поскольку ему позволяется его застѣнчиво-суровое сердце, онъ поддается умиленію и нѣжности. Что-то въ немъ смягчилось, оттаяло. Онъ уже—не придиричиво-строгий хозяинъ, а растроганный, прощающій сынъ. Только теперь онъ постигъ, какъ много въ немъ таилось любви къ этой раздребезженной Дурновкѣ! Онъ скрывалъ свою любовь ото всѣхъ, даже отъ себя самого, но теперь, когда въ его недавнемъ разсказѣ я прочиталъ о старухѣ, которая—онякъ-таки зря—идетъ къ своему раздребезженному сыну, почему же я взволновался до дрожи, словно это не въ книжкѣ написано, но сочинено сочинителемъ, а я правду по мѣстамъ, по полямъ, по райски-цвѣтущей землѣ, шатаюсь отъ лютаго голода, съ почеркѣлыми отъ горя губами, смиренно иду къ моей мати,—вѣдь сумѣлъ же онъ напѣять такое огромное, щемичное нѣжное чувство къ полумертвой, ненужной старухѣ! — и кто же спроситъ, къ чему вся безсмыслица ея напрасно-растроченной жизни, если эта жизнь—святая, если, подъ наводненіемъ поэта, темная ненужная нищая стала мнѣ матерински-близка!

Пускай все безсмыслица, разореніе, гибель, но

Прекрасна ты, душа людская. Небу
Бездонному, спокойному, ночному.
Мерпанью звѣздъ подобна ты порой.

Вотъ то новое, что теперь открылось поэту: умиленіе предъ душой человѣческой. Его рассказы о Сверчокѣ, о пѣвцѣ-Родіонѣ, о кроткой Анисѣ, о кроткомъ Аверкинѣ, который, умирая въ хлѣву, лабытый и покиннутый всѣми, твердитъ благодарно и радостно:

Хороша любовь на свѣтѣ живетъ!

Все это такая осянная изумительнымъ человѣческимъ душамъ, какая даже въ русской литературѣ еще никогда не звучала! Что такое всѣ язы Дурновки предъ ихъ смиренной свѣтлостью! Бунинъ пробуетъ говорить о нихъ холодно, но въ каждомъ его словѣ растроганность.

— Богъ благословилъ меня счастьемъ видѣть многихъ изъ этихъ странниковъ.—такъ говоритъ онъ теперь, и воистину, это—насмѣльное счастье, величайшее благословеніе Божіе: видѣть такихъ кроткихъ и свѣтлыхъ! И кто скажетъ, что они не нужны, что подишь ихъ жизни напрасенъ, что напрасно смиренный Сверчокъ, замерзавъ въ стѣни, навалилъ на себя мертвого обледѣлаго сына и понесъ его по сугробамъ, по оврагамъ, въ туманъ, безъ дороги, въ темнотѣ:

*) См. рассказы И. А. Бунина: „Я вѣс молчу“, „Суходоль“, „Веселый дворъ“.

— „Нѣтъ, стой, нѣтъ, шалашъ, не отдавай!—мертвого бѣду его почей таскать!“

— Ноо если есть въ мірѣ смыслъ, то именно въ этой безсмыслицѣ!

И умирающій работникъ Аверкинъ, который самъ себя называетъ ненужной худой травой и готовъ извиниться предъ всѣми за то, что онъ не умираетъ такъ долго,—какъ бы онъ былъ ошеломленъ и испуганъ, если бы узналъ, что во всемъ мірѣ нѣтъ ничего драгоценнѣе, чѣмъ такая *жизнь правая*!

Бунинъ это ощущалъ, какъ никто. Словно онъ былъ слѣпъ—и прозрѣлъ. Многія изъ его новѣйшихъ созданій суть тайныя гимны, молитвы предъ умирительной душой человѣческой, житіе блаженныхъ и праведныхъ. Если бы эти люди живыми вознеслись на небеса, онъ, кажется, не удивился бы нисколько. Если бы слетѣли къ нимъ ангелы и убѣждали ихъ золотыми вѣнцами, это ему не показалось бы страннымъ.

Прежде онъ ощущалъ лишь себя и прислушивался къ своимъ ощущеніямъ, а теперь, какъ Скружи изъ Рождественской сказки, впервые увидѣлъ *другихъ* и, увидѣвъ, просвѣтилъ: пересталъ роптать и брюзжать. У него обнаружился рѣдкостный даръ: чувствовать чужую душу, какъ собственную. Его воображеніе, доселѣ дремавшее, дало ему нынѣ возможность преображаться въ самыхъ различныхъ людей, съ ними сострадать и сорадоваться. Онъ не показываетъ намъ изъ окна своихъ Анисѣ, Захаровъ, Аверкиевъ, онъ какимъ-то магическимъ способомъ постепенно насъ превращаетъ въ любого изъ нихъ, заражаетъ его мыслями и чувствами, пока мы окончательно не утратимъ своего естества и не станемъ, по волѣ поэта, то настухомъ, то старухой. Я не знаю, какимъ литературнымъ пріемомъ достигается онъ этого чуда, но я знаю навѣрное, что, читая его „При дорогѣ“, я чувствовалъ себя дѣвкой Парашкой, влюблялся въ мѣщанина-конокрада, сидѣлъ по часамъ у порога, очарованный смутной мечтой, какъ погубить, какъ увезетъ меня вдалѣ лихой молодой мѣщанинъ! Каждымъ біеніемъ крови я чувствовалъ свою дѣвичью сущность. А когда онъ пришелъ, погубилъ, я схватилъ своей маленькой загорѣлой рукой тяжелый желѣзный замокъ и нзо всей силы, неумѣло, неловко ударилъ его по виску, и побѣжалъ къ воротамъ, а за мною—лошадь съ гремучей телѣгой, а за лошадью—мѣщанинъ, весь въ крови, но я бѣгу безъ дороги, по хлѣбамъ, ныряя въ душистую гущу колосьевъ, и вотъ уже три мужика вьжуютъ мнѣ руки вожжовкой, а я выбиваюсь, кусаюсь,—какъ же мнѣ, послѣ такихъ ощущеній, не жалѣть и не любить эту убійцу, если она—это я, и ея раны—мои.

У раненыхъ я не пытаю о раиѣ,
И самъ становлюсь тогда раненымъ—

здѣсь высшее достиженіе искусства. Пусть человѣкъ гадокъ и мерзостенъ, но, если ты жилъ его жизнью хоть мигъ, ты его опрадалъ и простишь. Тебѣ противенъ раздребезженный Егоръ, изломанный, изголодавшийся, пьяный, пляшущій на материнской могилѣ, но сдѣлайся самъ на минуту Егоромъ, и ты почувствуешь, что его хулиганство бездонное — есть крестный, страдальческій путь.

Бунинъ не хлопочетъ о томъ, чтобы умилить и разжалобить. Напротивъ, онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ суровѣе. Вмѣсто прожней Тургеневской кроткой разслабленности, у него теперь Толстовская хмурость. Слюктыѣство ему отвратительно. Онъ непривѣтливъ и глядитъ исподлобья, съ одинаковымъ равнодушіемъ разсматривая и Татанка, и Сверчка, и Шмарка. Ни одного нѣжнаго слова не скажетъ онъ смиренной Анисѣ, которая въ предсмертной тоскѣ идетъ по полямъ умирать. Вся его забота какъ будто лишь въ томъ, чтобы описать поподробнѣе, какой у нея платокъ, и какая походка, и какіе она видитъ цвѣты, облака, огороды, и какихъ встрѣчаетъ людей,—но развѣ не чувствуется, что онъ перешелъ ней на колѣняхъ?

— Великомученица! Свѣтлая! Кроткая! Многострадальнаго русскаго племени многострадальна мати!

Что онъ ту землю готовъ цѣловать, по которой прошли ея ноги, что весь ея тонкій и грустный, потемнѣлый отъ голода ликъ для него святѣйша, икона, — такъ бы и написать ее на кипарисной доскѣ: съ деревенскими полевыми цвѣтами въ рукахъ, окруженную нѣжными горлянками.—

Прекрасна ты, душа людская. Небу
Бездонному, спокойному, ночному.
Мерпанью звѣздъ подобна ты порой.

И пускай всюду — корчи, безуміе, хаосъ, это не замутитъ его ясности, его свѣтлой и благодарной настроенности, не помѣшаетъ ему съ тайной нѣжностью думать, что „въ жизни все трогательно, все полно смысла, все значительно“...

— Хороша жизнь!.. Поздно начинаешь понимать, какъ хороша она!—говоритъ теперь въ его новомъ разсказѣ тотъ самый суходольскій Хрущовъ, который еще наканунѣ питалъ свое сердце проклятіями.—

Насмѣшкой поднею обманутаго сына
Надъ промѣтившимся отцомъ!

Хороша жизнь—не только среди руинъ и могилъ, но и въ этой очумѣлой, осатаиѣлой Дурновкѣ: хороша не только своими березами, звѣздами, „золотымъ престоломъ постока“ и „золотымъ

иконастасомъ заката“, — по и своимъ оголѣлымъ Егоромъ, своимъ кровавоглазымъ юродомъ Иваномъ, который сидитъ на цѣпи и, яростно кидаясь на всякаго, „воя, какъ шакаль, воя, какъ интраусъ“, кричитъ: — Дайте мнѣ удовольствіе! Дай же мнѣ удовольствіе!

за что и бываетъ избиваемъ пещадно:

— Вотъ тебѣ, Иванъ, и удовольствіе!

Жизнь мудра и возвышенна, и этотъ нелѣпый кровавоглазый Иванъ—праведникъ, святитель, пророкъ. „И видится онъ селу Грѣшному, точно въ церкви написанный“, — говоритъ о немъ съ благоговѣніемъ Бунинъ. И называлъ его Иоанномъ Рыдалѣ-цемъ, и на могилѣ его начертано:

Юродъ, нерешивъ міру онъ казался.

И молятся ему, какъ угоднику.

Осердечилось творчество Бунина. Прежде онъ умѣлъ лишь *любоваться*, а теперь научился *любить*. Только этого ему и не хватало, чтобы сдѣлаться великимъ писателемъ; остального всего было много. И если эта любовь—не назойливая, а потаенная, скрытая, которой газетные наши Сентъ-Бѣвы такъ-таки не разглядѣли понынѣ, то вѣдь, уличали же они и Чехова въ черствости! Пока онъ не зналъ этой любви, все казалось ему бредомъ, безсмыслицей, дьяволовымъ водевилемъ, кошмаромъ, но теперь ему и не надо смысла: онъ уже не спрашиваетъ, *почему* и *зачѣмъ*, онъ всюду чувствуетъ ритмъ, гармонию, мудрость.

Онъ давно уже избралъ своимъ девизомъ:

Веси, града выхожу,
Русь обдумаю, выйду —

но только теперь эта Русь стала ему близка и понятна: сколько въ „Иоаннѣ Рыдалѣцѣ“ народныхъ суевѣрій и вѣрованій, волхвованій, причитаній, заговоровъ, юродовъ, знахарей, колдуновъ, вѣдуновъ,—и онъ глядитъ на нихъ любовно и преданно, самъ поддаетъ ихъ чарамъ, самъ вѣрить въ ихъ чудесную силу: до того слился уже съ народомъ, что сдѣлалъ его вѣру — своею и его суевѣріе—своимъ, ощутилъ въ нихъ ту великую народную душу, которой прежде *любования* лишь издали.

Казачій развѣздъ.

Съ Богомъ, братны! Ночь глухая,

Нѣтъ ни мѣсяца ни звѣздъ.

Не звеня, не громыхая,

Собирайтесь-ка въ развѣздъ!

Вы пришли съ родного Дона.

Нѣмецъ бродитъ по Руси.

Чудотворная икона,

Богородица, спаси!

Были бури, стукъ булатъ,

Колыхался тихій Донъ;

На святую Русь съ заката

Наступалъ Наполеонъ.

Но орламъ его лукавымъ

Не сдался російскій флагъ,

И въ Парижъ, съ гербомъ двуглавымъ,

Побѣдивъ, вступилъ назакъ.

Вы ломали рога турецкій,

Желтый нилъ на вась драконъ.

Неужель орды нѣмецкой

Убоятся тихій Донъ?

Пыль курится, сотня скачетъ,

Врагъ неистовый бѣжитъ,

И предъ пикомъ казачьей

Каска мѣдная дрожитъ.

Вотъ дошли мы до оврага.

Смирно, братны! На коней!

Въ полѣ иней, какъ бумага,

Не вилать вдали огней.

Смирно, братны! Ночь глухая,

Нѣтъ ни мѣсяца ни звѣздъ.

Не звеня, не громыхая,

Съ Богомъ трогайтесь въ развѣздъ!

Борисъ Садовской.

Къ бомбардировкѣ Бѣлграда, четыре мѣсяца обстрѣливаемого австрійцами и занятого ими послѣ того, какъ сербы покинули свою столицу, превращенную въ груды развалинъ. Разрушенія, произведенныя австрійскими снарядами въ крѣпости на фортахъ и въ самомъ городѣ.

Прибытие тяжело раненого (в грудь на вылет) сербского королевича Георгия в Нишу.

Къ четырехмѣсячной бомбардировкѣ Бѣлграда. Одинъ изъ фортовъ бѣлградской ирѣлости, поврежденный австрійскими снарядами.

Сербская гаубичная батарея.

На сербско-австрійскомъ фронтѣ. Сербы, убитые австрійскими снарядами въ одномъ изъ кварталовъ Бѣлграда.

Двѣнадцатилѣтній сербскій доброволецъ Драголюбъ Іеліевичъ, принимавшій уже участіе въ сербско-болгарской войнѣ въ рядахъ моравскаго полка и въ нынѣшнюю войну вновь явившійся въ свой полкъ и сражавшійся съ австрійцами. Въ бою при Шабацѣ Драголюбъ Іеліевичъ раненъ въ руку и приказомъ иаслѣднаго королевича Александра произведенъ за храбрость въ унтеръ-офицеры.

Переездъ бельгійскаго правительства въ предѣлы Франціи. Перевезеніе государственныхъ автовъ и документовъ изъ Антверпена въ Гавръ.

Стасикъ-казакъ.

Разсказъ С. Удѣльнаго.

(оконченіе).

III. Казаки.

Какъ долго лежалъ Стася, онъ не знаетъ, но очнулся онъ отъ сильной дрожи и боли въ спинѣ. Лѣвой рукой онъ совсѣмъ не могъ двигать. Очнувшись Стася не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Какой-то ужасный сонъ. Понемногу онъ пришелъ въ себя. Было темно, только сверху, съ голубого неба, зѣзды лили свой прікій свѣтъ на лужайку.

Онъ осмотрѣлся. Посреди поляны ндолю и поперекъ спали люди. У стога сѣна стоялъ человекъ. Дальше слышны похрапыванье лошадей и лязгъ цѣпей.

Стася незногу приподнялся. Все тихо. Только ужасная боль въ спинѣ. Еле двигаясь, онъ поползъ поближе къ лѣсу.

Прилечь. Все тихо. Онъ дальше, и наконецъ доползъ до лѣсу. Осторожно приподнялся и, тихо ступая, скрылся въ лѣсу.

Куда идти? Дальше, дальше, лишь бы уйти.

Вотъ кончился лѣсъ и началось поле. Стася осторожно осмотрѣлся — ни души. Тутъ онъ пустился бѣжать.

Бѣжить онъ, не зная, куда, но ему все равно — найдутся же люди, которые помогутъ ему. Бѣжить и шепчетъ молитвы. Спина, рука болятъ, и не можетъ онъ согрѣться отъ ночного холода. Въ изнеможеніи онъ падаетъ, встаетъ и опять бѣжитъ. Вотъ ручеекъ. Все равно, по поносъ въ воду. Выкарабкался на берегъ, и опять бѣжить, и мокрые штанины болтаются при бѣгѣ.

Вотъ гдѣ-то слышенъ лай собаки. Стася поворачиваетъ въ ту сторону и наконецъ видитъ — на горѣ какъ будто домъ.

Ближе, ближе — да, деревня. Онъ напрягаетъ свои послѣдніи

Въ разоренной Бельгіи. Переходъ черезъ разрушенный мостъ. Солдаты и населеніе перебѣгаютъ на другой берегъ по оставшимся металлическимъ скрѣпленіямъ моста.

силы. Вотъ уже дома. Но какая-то сильная рука хватается его за воротъ.

— Куда бѣжишь?

Говорить Стася не можетъ, онъ едва дышитъ. Повелъ его человекъ и передалъ другимъ, а тѣ опять повели его дальше и наконецъ ввели въ избу.

Опять люди, почти такіе же сѣрые, какъ тѣ, которые были въ лѣсу, но лица другіе и говоръ другой — почти какъ его родной языкъ.

Въ изнеможеніи онъ опускается на ланку, его всего трясетъ, и сухимъ языкомъ онъ облизываетъ запекшіяся губы.

— Пить, что ли, хощь? — и кто-то предлагаетъ ему воды — и пьетъ онъ жадно, безъ остановки.

Второй вышелъ и принесъ молока, хлѣба, холодной каши.

— Тышь, небось и проголодался.

Цѣлый день Стася ничего не ѣлъ во рту, но ѣсть ему не хочется. Только молока выпилъ.

— Ну, разсказывай.

Но мальчикъ ужъ никому не доверитъ.

— А кто вы такіе? — спрашиваетъ онъ.

Мы — казаки.

— Казаки! Эти ужасные люди! Господи Іисусе,

Бельгійцы въ траншеяхъ.

онъ хотѣлъ въ деревню, къ своимъ, а поналъ опять не туда.

«Нѣтъ, напѣрное, это не настоящіе казаки. Эти смотрятъ такъ ласково, одинъ большой, бородатый, даже погладилъ его по головѣ. И понить и поѣсть дали. Нѣтъ, это не настоящіе казаки», — рѣшаетъ Стася. И сталъ онъ разсказывать все съ самаго начала, по порядку.

Не все понимали казаки изъ его рѣчи, но главное поняли.

Когда онъ дошелъ до разсказа о томъ, какъ его обидѣли сѣрые люди въ лѣсу, то казаки вскочили.

— Сколько ихъ?

Точно Стася этого сказать не могъ, но сказалъ, что много.

Большой бородатый казакъ сейчасъ же послалъ другого разбудить кого-то и приказалъ мальчику пойти за нимъ.

Тутъ только казаки замѣтили, что Стася весь мокрый.

Откуда-то достали штаны, шланку, переодѣли и повели въ другую избу. Тутъ ужъ ожидать ихъ статный молодой человекъ. Вѣтъ казаки съ почтениемъ обращались съ нимъ. Молодой человекъ заговорилъ съ мальчикомъ по-польски. Обрадовался Стася.

Когда онъ все разсказалъ, то молодой человекъ объяснилъ ему, что сѣрые люди въ лѣсу — враги, цѣмцы, и что казаки разыскиваютъ

этих сбранных людей и отомстить за отца и за всех.

— Пань кôзакъ, пань кôзакъ.—только и могъ выговорить Стася и припалъ къ рукъ молодого человека.

Тотъ приподнял его и успокоилъ, и сейчасъ же приказалъ большому бородатому казаку, котораго онъ называлъ Ковальчукомъ, взять нятнадцатъ человекъ и отправиться на розыски.

Восхищенный Стася все зналъ: и гдѣ нѣмецъ, и какъ туда пробраться.

Сборы продолжались недолго. Ковальчукъ взялъ къ себѣ на сѣдло Стасю, перекрестился, обнявъ мальчика, и всѣ тронулись въ путь.

Бѣжали по полю, чтобы не слышно было топота коней. Стася указывалъ путь. Подъѣхали къ опушкѣ лѣса, гдѣ проходила дорога. Спѣшались. Ковальчукъ послалъ одного казака снять вражескаго часового у дороги.

Казакъ поползъ по канавѣ. Остальные остались ждать, коней отвели въ сторону. Жутко, ничего не слышно. Вскорѣ вернулся казакъ.

Готово!

Казакъ вошелъ въ лѣсъ. Стася съ Ковальчукомъ. Вотъ уже дужайка. Начался разсвѣтъ и стоялъ туманъ. Присмотрѣлся Ковальчукъ: нѣмцы спятъ, только у стога сѣна и у коней стоятъ часовые. Неслышно отдалъ Ковальчукъ приказаніе.

Двое казаковъ, какъ змѣи, поползли къ часовымъ. Стася Ковальчукъ приказалъ ждать его на мѣстѣ.

Вдругъ что-то лягнуло, что-то упало на землю,

Во Фландріи. Бельгійскіе солдаты пьютъ чай вмѣстѣ съ плѣнными нѣмцами.

IV. Допросъ.

Вотъ и деревня. Плѣнныхъ нѣмцевъ повели въ главную избу.

Стася въ ожиданіи остался сидѣть на крыльцѣ.

Въ избѣ плѣнныхъ встрѣтилъ есаулъ, начальникъ отряда казаковъ. Увидѣвъ среди плѣнныхъ связаннаго офицера, онъ приказалъ развязать и пригласилъ его сѣсть.

Начался допросъ.

Ни на одинъ вопросъ не отвѣтилъ нѣмецкій офицеръ, только когда его спросили объ имени, онъ гордо отвѣтилъ:

— Его Императорскаго Величества уланъ, лейтенантъ К.

Видя бесполезность дальнѣйшихъ разспросовъ, есаулъ прекратилъ допросъ и объявилъ плѣннымъ, что они теперь могутъ отдохнуть, и что черезъ нѣсколько часовъ ихъ отпранятъ дальше.

Тогда къ есаулу подошелъ Ковальчукъ.

Бельгійскій священникъ перевязываетъ германскихъ раненыхъ въ разрушенномъ ими домѣ.

и въ ту же секунду казаки съ крикомъ бросились на дужайку.

Стася плохо видитъ, что происходитъ, но слышитъ ужасный лягъ, брань, стоны, проклятія. Въ лѣсу тихо. И страшно ему стало одному въ лѣсу. Ближе туда, къ людямъ! И бѣжитъ Стася на поляну.

Вотъ высокій сбранный нѣмецъ широко размахнулся блестящей саблей на Ковальчука. Вотъ-вотъ ударить! Стася сразу узналъ нѣмца—это тотъ, который сказалъ, что мамуся „у чорта“.

Ничего не соображая, Стася съ разбѣга какъ хватить нѣмца въ спину, такъ тотъ и оземь. Въ тотъ же мигъ Ковальчукъ бросился на нѣмца и сталъ его вязать.

Кончилось... Вотъ лежатъ нѣмцы: кто безъ головы, кто съ раскроеннымъ черепомъ; лежатъ и связанные нѣмцы, изрыгая громкія проклятія.

Лежатъ и казаки—двое не двигаются, трое стонутъ.

Подсчитали—досталось 30 лошадей, оружіе и 5 плѣнныхъ нѣмцевъ, въ томъ числѣ и офицеръ, начальникъ отряда.

Взяли все, захватили убитыхъ и раненыхъ казаковъ и двинулись въ путь.

Стася опять съ Ковальчукомъ. По дорогѣ проситъ онъ Ковальчука узнать у нѣмца, куда они дѣли мамусю и Анелю.

— Ужо допросимъ.

Англійскіе бульдоги на службѣ въ бельгійской артиллеріи.

Братское кладбище въ сѣверо-восточной Франціи. Отдѣльно стоящій впереди крестъ водруженъ на могилѣ германскаго принца Манса Гессенскаго, павшаго въ бою съ французами и похороненнаго ими на этомъ кладбищѣ.

— Такъ что, ваше выс—дѣе, мальчуганъ польскій просилъ допросить насчетъ его матери и сестрицы.

— Да, это вы можете сказать.—обратился есаулъ къ лейтенанту:—что случилось съ жителями деревни М., которую вы выжгли? Оттуда бѣжалъ мальчикъ, который проситъ узнать, гдѣ его мать и сестра.

— А, эта проклятая собака! Повѣсь и его тогда въ лѣсу, я не былъ

Полевой телефонъ во французской арміи.

бы теперь вашимъ плѣннымъ. Скажите ему, что изъ деревни не спаслось ни одной души. Кто не былъ убитъ, тотъ сгорѣлъ живьемъ.

Среди казаковъ произошло движеніе. Хватились за шапки, какъ бы желая защититься отъ лютаго звѣря. Много ужасовъ видѣли они на своемъ вѣку. Много страданій и они сами, бывало, причиняли врагу, но подобнаго они не видѣли, не слышали.

— Какъ, и женщины, и дѣти?—и, глядя широко открытыми глазами на нѣмца, въ волненіи всталъ есаулъ съ своего мѣста.

— Да, и женщины, и дѣти. Въ монхъ солдаты стали стрѣлять. Что жъ подѣлать,—сказалъ лейтенантъ, какъ бы извиняясь, увидѣвъ то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ своими словами на казаковъ:—на то и война.

— Война! Не знаю, какое понятіе вы имѣете о войнѣ, но нашъ законъ строго караетъ дѣянія, подобныя вашимъ. По-нашему это разбой, а не война.—отвѣтилъ есаулъ.—Я имѣю право разстрѣлять васъ немедленно, но я этого не сдѣлаю—я желаю дать русскому суду возможность приговорить васъ къ позорной казни. Вы сейчасъ же будете отправлены въ штабъ.—и, обратившись къ казакамъ, онъ приказалъ связать офицера.

Когда Ковальчукъ вышелъ на крыльцо, тамъ, согнувшись, си-

дѣлъ Стасикъ. Онъ спалъ, вздрагивая всѣмъ тѣльцемъ, и дыханіе его походило на стонъ.

Ковальчукъ взялъ мальчика на руки и понесъ.

Широко открылъ Стася лихорадочные глаза и, узнавъ казака, сквозь стонъ еле выговорилъ:

— Гдѣ мамуси?

Но ничего не отвѣтилъ Ковальчукъ, онъ только крѣпче прижалъ къ себѣ мальчика.

— Спи, спи, милый мой.

Не могъ Ковальчукъ сказать ужасной правды. Разорвалось бы на части его казацкое сердце.

И понесъ онъ его въ хату, разбудилъ старушку, положилъ мальчика на кровать, прикрылъ его и строго-настрого приказалъ старушкѣ беречь Стасю, пока казаки не вернутся.

На холмахъ Шампани. Крестьяне въ окрестностяхъ Реймса собираютъ виноградъ невдалекѣ отъ поля сраженія.

Долой нѣмецкую границу! Французскія войска срываютъ германскій пограничный столбъ въ Эльзасѣ.

V. Стасикъ-казакъ.

Ушли казаки. Было дѣло. Но и среди дѣла Ковальчукъ не могъ забыть Стасю. „Сиротка“. И вспоминался Ковальчуку тихій домъ, степь необозримая и родной его сынъ Пикита, оставленный дома. „Захочетъ Богъ, такой же будетъ сиротка“, — и какъ-то сжималось сердце лихого казака.

А Стася въ это время подъ ласковымъ прищелкомъ старушки оправился. Перестало его лихорадить. Только казакъ желаетъ онъ видѣть. Оправился и сразу же захотѣлъ пойти къ теткѣ Маріаннѣ узвать, гдѣ находится мамуся. Но пришли бѣженцы изъ этой деревни и рассказали, что нѣмцы все сожгли, всехъ перебили, навѣрное, и тетку Маріанну. Плакать Стася долго и безутѣшно, и еще болѣе захотѣлось ему видѣть казакъ.

Наконецъ вернулись, заплеванные, усталые. Сильно обрадовался Стася Ковальчуку и Ковальчукъ Стасѣ. Сталь Стася просить сдѣлать его казакъ.

— Что ты, что ты, гдѣ же это видано, ты еще мальчишка. Убьютъ тебя нѣмцы.

Но настойчиво просили Стася, серьезно глядя въ глаза вверху, на большого казака.

— Я убью нѣмца.

И пошелъ Ковальчукъ къ офицеру.

Такъ что, ваме вы—дѣ, польскій мальчуганъ просится въ казаки.

Не соглашався офицеръ. Но заслуженный казакъ былъ Ковальчукъ, два Георгіи имѣлъ онъ за японскую войну.

Сиротка онъ, все равно пропадать. А пользу можетъ принести—идорогу знаетъ и по-ихнему говорить, — упрашивалъ казакъ.

Махнулъ офицеръ рукою.

Приняли Стасю. Дали ему фуражку казакскую, надѣли шинель, срезавъ фалды. Дали ружье, шашку. Смѣшно выгляды Стася. Фуражка на уши лѣзетъ, шинель почти до полу. ружье выше его роста, а шашку надо носить въ рукахъ.

Но гордо говорилъ онъ нѣмцъ:

Я Стасикъ-казакъ.

Такъ его и прозвали, только Ковальчукъ, бывало, называлъ его: „ты, мой мальчуганъ“.

Самое трудное было подыскать лошадей. Но Стасикъ уже умѣлъ, пахать съ коня—уже у отца его самое любимое занятіе было приводить коня съ поля или скакать къ рѣчкѣ на водопой.

Былъ казакъ ослепотѣлый конь—паль его хвостикъ отъ вражеской пули въ послѣдній стѣчекъ. И дали его Стасѣ.

„Чувствовалъ ли конь, что онъ такой же сирота, какъ и этотъ мальчуганъ, или считалъ онъ, что въ Стасѣ воплотилась душа паннаго казака, но онъ покорно повиновался мальчишкѣ.“

И гордо разбѣжалъ Стася по деревнѣ, отъ одного конца до другого, крѣпко держась одной рукою за сѣдло, а другою размахивая шашкой.

— Я Стасикъ-казакъ.

И вправду, былъ онъ добрый казакъ.

Не знали онъ устали. Бѣлой ли взобраться, снять сапоги, на высокое-высокое дерево и оттуда высмотрѣть нѣмца, ползкомъ ли ползти цѣлыми часами по сырой травѣ, на высокіе холмы, скакать ли во всю казакскую удадь—все могъ Стасикъ-казакъ.

И дорогу онъ знаетъ: то укажетъ, гдѣ бродъ найти, то объяснитъ, гдѣ какая деревня, и гдѣ пройти нельзя, гдѣ болото.

А прійдутъ въ деревню, онъ живо-живо поговоритъ на своемъ языкѣ, и казакъ хлопотать не о чемъ.

И крѣпко возлюбили казаки Стасю, а пуще другихъ Ковальчукъ. Хотя и иной онъ вѣры былъ и иначе рѣчь водилъ, но гдѣ только не бывалъ Ковальчукъ: и татаръ онъ знаетъ, и китайцевъ, и японцевъ. И нѣдало его широкое казакское сердце, что всякая тварь по-своему Бога хвалитъ.

И молчали они вмѣстѣ. Ковальчукъ по-своему. Стасикъ—по своему.

Сильно берегли казаки Стасю. Не знали онъ вѣчного холода—скинуть свои шинели и укутать его.

Лучшіе куски—все Стасѣ. А ужъ гдѣ опасность, своимъ тѣломъ прикроютъ.

И всякой казакской удали учили его: какъ рубить шашкой, какъ стрѣлять на сваку, какъ воевать править.

Но самое дорогое для Стаси была казакская пѣсня. Любить онъ ее слушать въ тихіе вечера на привалѣ, въ безопасномъ мѣстѣ. Лежитъ, опершись головой на колѣни Ковальчука, смотритъ въ темную голубую даль, въ алмазные свѣточки.

А пѣсня льется, сперва тихо, потомъ все громче и ураганомъ несется въ широкое поле, въ темную даль. И опять тихо. тихо—щемятъ сердце. Это были самыя счастливыя минуты для Стаси. Лежитъ и чувствуетъ, что это для него не ново—все это когда-то давно-давно было, что онъ все это когда-то уже переживалъ, что это только повтореніе старыхъ ощущений, старыхъ, уже пережитыхъ мыслей.

Въ такія минуты Стася былъ настоящий казакъ, тоскою горѣлъ по таинственному прошлому, по широкой степи, вѣтру буйному, по подвигамъ молодечины.

И забывалъ онъ, кто онъ и что кругомъ происходитъ.

И только иногда послѣ удачнаго дѣла ласково спроситъ Ковальчука, когда же они отправятся отыскивать мамусю.

И было тогда сердце казакское, и сильнѣе сжимались бедра лихого коня.

— Ужо, погоди, кончимъ вотъ это дѣло. потомъ, можетъ статься, и пойдемъ на розыски.

А дѣла было не мало.

То выслѣдить надо нѣмчину, то снять его дозоры, то отогнать обнаглѣвшаго непріятеля. И не разъ бывали жестоки схватки.

Вотъ какъ-то попали казаки въ засаду. Врага было много. Бились казаки нещадно. Рубили, кололи длинными шашками. Врагъ изѣдалъ. Видитъ Стася—обружили четыре нѣмца казака. Взмахнулъ онъ и съ гикомъ понесся на нихъ. Но не рассчиталъ онъ быстрого бѣга коня и размаха тяжелой шашки, просвистѣла она въ воздухѣ, кубаремъ полетѣлъ онъ съ коня, и потоптали его тяжелые нѣмецкіе кони.

Рубились казаки, но силы были веравныя. Все больше и больше набѣдаетъ врагъ, все больше и больше рѣдѣютъ казакскія силы. Дрогнули казаки, повернули коней, поскакали.

Стоятъ, братцы, гдѣ мальчуганъ?—кличетъ Ковальчукъ.

Мальчуганъ не оказался.

— Не дадимъ поганому нѣмцу!—и поскакали казаки обратно. Вихремъ налетѣли на нѣмца. Бились жестоко, смертнымъ боемъ. Не выдержать нѣмцамъ, пустился бѣжать, и много его полегло на бѣгу.

Стася лежитъ съ разбитой головой, съ раздавленной грудью. Подняли его казаки, понесли.

— Что, дитятко, очень больно!—участливо спрашиваетъ Ковальчукъ.

И сквозь стиснутые зубы шепчутъ поспѣвавшій уста:

Стасикъ—казакъ.

Но не донесъ Стасикъ казакской души до привала.

Видятъ казаки, что дѣло плохо, разошлись шинели, положили мальчишка. И сталъ онъ отходить.

Печально стояли кругомъ казаки, помочь ничѣмъ не могутъ.

Вдругъ мальчишка открылъ глаза, вперилъ затуманенный взоръ въ голубое родное небо и со слабымъ вздохомъ: „мамуся, мамуся“ отдалъ Богу свою казакскую душу.

Молча стояли кругомъ казаки, какъ будто у нихъ что-то оборвалось.

Наклонился къ Стасѣ Ковальчукъ, закрылъ ему очи, подложилъ его окровавленный лобъ, перекрестилъ, снялъ съ себя свой, казакскими муками заслуженный георгіевскій крестъ и приладилъ его къ груди мертвеца.

Одобрительно смотрѣли казаки.

Стали рыть могилу на высокомъ холмѣ. Одѣли Стасю въ казакскую шинель, сложили на груди руки, на грудь положили фуражку казакскую и опустили въ сырую могилу.

Поставили наскоро крестъ и острыми шашками начертили: „Стасикъ-казакъ“.

И прощальнымъ взоромъ озолотило солнце и верхушки деревьевъ, и высокой холмъ, и наскоро набросанную могилу.

Гдѣ-то вдали печальнымъ трезвономъ, прозвучали скорые-свои выстрѣлы...

И медленно двинулись казаки...

Да, роится война героевъ, а звѣрства нѣмецкія—Стасей-казакъ.

Молитва.

Вечерь... Поле подернуто дымкою—
Толую печально утратъ...
Свѣтлый призракъ пришелъ невидимкою
И ласкаетъ усталыхъ солдатъ...
Кто онъ?... Матери дума глубокая,
Иль молитва тревожной жены?
Знаетъ это лишь ночь синеокая
Да солдатскіе крѣпкіе сны...

— «На молитву!..» И небо осеннее
Откликается эхомъ въ глуши
На согласное дружное пѣніе,
На молитву крестьянской души...
А на землю загадочно-чуждые
Смотрятъ звѣзды—Христовы глаза...
И... не страшны ужъ дни многотрудные,
Не пугаетъ ужъ сердце гроза...

Сергій Михѣевъ.

20 Декабря 1914 г.

Г. Поповъ. Богоматерь съ Младенцемъ.

Фантастический рождественский рассказ. Вл. А. Тихонова.

Иллюстрация В. Спасского.

Перепечатка воспрещается.

Длинная и узкая, как коридор, портретная галерея в старом доме князей Барнауловых все больше и больше окутывается зимними сумерками. Смутно выглядывают из тяжелых бронзовых рам лица предков старого рода. Широко раскинулся род этот и охватил влчвами своими не только князей Барнауловых, но и графов Турсуковых, графов Выклятиковых, и баронов Брандмауеров, и дворян Поджестышевских, и дворян Самбуковых-Козодоевых, и... да влчть, не стоит и перечислять. Слишком их много.

В старом родовом доме давно уже никто не живет. И стоит он забытый, заколоченный, и ждет, когда какой-нибудь разбогатевший «раггет» или акционерное общество выкупит его наконец из конкурса по влчам наследия из рода князей Барнауловых.

Обитают теперь в нем только крысы, мыши, пауки, да в сырых влчтах — мокрицы. И тем плохо приходится веть пчеге.

Да еще, время от времени, проносятся здесь вчт что необычное, странное, необычайное.

В дни или, втр-ике, в ночи роко-ных для отпрысков князей Барнауловых годов, да еще в Рожде-

ственный сочельник, оживают здесь портреты предков, и выходят предки из своих рам, собираются в зеленую, малахитовую гостиную и тихо беседуют, вспоминая или роковое событие, годину которого они в эту ночь направляются, или славное свое прошлое, или просто интересуются текущей жизнью и судьбой своих потомков.

Свдчния обо всем этом достаются им портрету старого страпача Фортунатыча, висящий, конечно, не здесь, не в галерее предков, а нашедший свой наследный приют в каморке старичка-дворецкого, доживающего свои влч в подвальной пристройке к старому дому.

Старичок-дворецкий — большой политик. Он получает газету и каждый вечер вслух прочитывает ее от первой строки до последней. А Фортунатыч, сидя в своей рамке, что висит над самым столом, внимательно слушает все эти новости и, чтобы лучше запомнить их, несколько раз повторяет про себя и украдкой шаркает что-то ногтем на лучевой кости руки.

А потом, когда наступает та или другая знаменательная ночь, или Рождественский сочельник, и когда дворецкий, помолившись Богу, засыпает на своей стариковской постели, Фортунатыч, крихти и охая, выбаркивается из своей рамки, отпирает выходную дверь и, сжмая старыми, режматическими ногами, перебегает через запертый двор, пролзает сквозь давно уже разбитое окно внутрь старого дома и, поднявшись

по блоку, мраморной лестнице в бельэтаж, является перед собранием старых князей и княгинь в малахитовой гостиную и влчает им подробнейший доклад о текущей жизни.

Вот и сегодня, т.-е. в Рождественский сочельник, в длинной портретной галерее еще почти засветло началось какое-то неумовное дуновение загробной жизни.

Холст протерся. Вот чернь и просвечивает! — ответил секунд-майор и галантно подставил баронессе руку, чтобы помочь и ей влзть из рамы. — Вот и у вас, шоп анге, под подбородком холст тоже слегка лопнул, и свозь эту трещинку тоже — mille pardons — позвонки видны, — не без влчства, заметил он.

А в это время оживали уже и другие портреты. Кто бойко выпрыгивал, кто грузно влззал, а кто уже едва-едва выкарабкивался из своей рамы.

Больше всего возни было с тучной княгиней Агасей Анныгичной Барнауловой. Ее высаживали четверо: муж, бывший гусар влч тридцати пяти, сын влч шестидесяти и два внука, совсем уж дряхленьких старичка. Холст на княгиню тоже по многих влчтах протерся, и из образовавшихся трещин слышался не то иссось, не то пыль какая-то. И много было еще этой пыли за хожденьем обложки княгини: гучна она была при жизни, и обильная плоть ее, превратившаяся теперь в прах, влчала ее и до сих пор еще такой грузной.

В противоположность княгини, из рамки, что висела рядом, легко и грациозно высочилась молоденькая и стройная женщина, влч двадцати грех — мать Агасы Анныгичны. Ольга Эрастовна Турсукова, урожденная Самбукова-Козодоева. — работы кисти какого-то безвечного, но талантливого итальянца.

Крихти и хрипло кашляя, вывоз в тучный Орест Маркович Поджестышев. Слово отбывая ружейные влчмы в три темпа, влз в длинный и сухой ротмистр барон фон-Брандмауер. Кабым-то багряным, влч высочил юный граф Петр Выклятиков. Шурша шелковой робой, вылезла старушка Козодоева и тут же обронила на пол табакерку.

И скоро портретная галерея, а также и примыкавшая к ней малахитовая гостиная наполнились звуками постукивающих костей, побрякивающих шпор, лязгающих сабель. Но и звуки все эти были какие-то пезные, холодные, как и свдч, освещенный выходивший из него мир.

Дамы и старички разблсь по креслам и диванам, обитым зеленым плюшем. Молодые мужчины, принимая больше или меньше грациозные позы, стояли или ходили по паркету малахитовой гостиной. И часто случались такие курьезы, что бывший, чернорусый гусар влчдушка осторожно усаживал под руки свою старенькую, едва двигающуюся, внучку. А молоденькая устала влчсто дряхлему, с трудом державшемуся на ногах, сыну своему.

— Ну, что нового? Что изменилось на нашей планете? — первая, но обыкновенная, заговорила княгиня Агаса.

Plus ça change, plus c'est la même chose! — ответил ей секунд-майор Турсуков, пенсиривый «лоптерный». усвоивший от великого «фернекаского мудреца» не только убеждения, но и, кажется, характерные черты его лисей физиономии.

— И спрашиваю: что нового, а это уже не ново! — сухо заметила княгиня, приходящаяся, бедати сказать, родной дочерью секунд-майора.

Все переглянулись.

— Да Фортунатыча еще влч! — сказала кто-то.

— Ах, этот старый «мерзец»! Он всегда заставляет себя ждать! Будь я попрежнему во власти, я бы ему всыпал таблх сто горяченьких шницлетенов, что он бы узнал у меня, где раки зимоняют! — с сильным акцентом проговорила баронесса Брандмауер, помахивая золотой табакеркой, из которой сыпалась какая-то пыль.

«Зимуюг», барон! — поправил его грузный Поджестышев.

Чаще и чаще потрескивали бронзовые рамы: пузырились и надувались старые холсты, неписанные руками бывших вдохновенных мастеров-художников. И тем становилось темнее, тем ощутительнее казалось это мертвое оживание.

Крысы и мыши, пообие недолюбливавшие этот «реставрационный влч», заблаговременно удалились в свои подполья и пригубились там.

Зимний день короток. Ночь наступает рано, и влч нити часам вечера в покоях старого дома было темно, как в могиле, и, как в могиле же, стало тихо-тихо. А затем, тем ближе шло к ночи, тем оня свдч становилось и в портретной галерее и в зеленой, малахитовой гостини.

Но это был уже не тот свдч, к которому привыкли мы, живые люди. Это был свдч блдный, мертвый, пезный-зеленый, свдч фосфора и горящей свры.

И вот когда стало уже достаточно свдчло, началось и самое оживание предков. Первыми, по обыкновению, очулись портреты неутомимого секунд-майора Анныгичны Виссарионовны Турсукова, не графа еще, так как графское достоинство получил только сын его, Стенан Анныгич.

Потешившись сначала влчскою ролью своей маленькой, лисей мордочкой с бллыми, напудренными париком на голове, с форменной косичкой сзади, потянув заглхлы воздух спонм длинным и тонким носом, секунд-майор уперся обоими кулаками в раму, крикнул и дополью бодро для своих шестидесяти пяти влч выпрыгнул на пол. Старые кости застучали в пысоких ботфортах и в рукавах старого секунд-майорского зеленого мундира. Парик оказался слегка сдвинутым на сторону, и из-под него блснул кусок темно-бураго черена.

Поправьте лис парик, шоп онсе! — сказала из своей рамки баронесса Брандмауер. — Поправьте! А то неприяно влчотреть на голые кости!

— Ах, chère baronne! И рад бы, да не могу! Вы знаете, что у меня на этом влчте давно уже и красна осыпалась, и

В. С.

Но старик-дворецкий задержал. По случаю кануна праздника он особенно долго не дожидаясь спать...

— Но, по! Безъ прелюдий! — прикрикнул на него баронъ Брандмауеръ. — Изволь-ка докладывать, что произошло нового въ судьбѣ нашихъ „живучихъ“ еще потомковъ?

Фортуначъ сдѣлалъ видъ, что поправляетъ нарисованный на его носу очки, затѣмъ выдвинулъ изъ обшлага руку, изъ-за которой обнаружился большой кусокъ лучевой кости, весь испаренный какими-то каракулями.

— „Графъ Илюдоръ Васильевичъ Турсуковъ, — стать разбирать онъ эти іероглифы: — арестованъ за подбѣлку духовнаго завѣщанія барона Карла Вильгельмовича Брандмауера“...

— Какой негодяй! — вскрикнулъ баронъ Брандмауеръ и стукнулъ костями.

— Почему же негодяй? — вступился секундъ-майоръ Турсуковъ. — Вы сами, баронъ, въ свое время подбѣляли два духовныхъ завѣщанія. А графъ Илюдоръ приходится вамъ внучатымъ племянникомъ по матери, рожденномъ баронессѣ Брандмауеръ. Просто, значить, плохо подалось надеждѣ отъ яблоньки.

Но онъ носитъ вашу фамилію! — глухо рявкнулъ баронъ.

В. С. Спасский

— Дай не „мерзавецъ“, а „мерзавецъ“ вѣрнѣе было бы сказать! — замѣгилъ секундъ-майоръ.

— Я васъ прошу меня не поправлять! Я самъ всякого можетъ поправлять! — загорчился баронъ Брандмауеръ.

Княгиня Аглая хотѣла-было уже вмѣшаться въ ихъ ссору, но какъ разъявъ это премия по длинной галдерѣ раздалась дробные, мелкіе шажки, и черезъ минуту въ малахитовую гостиную, униженно кланяясь во все стороны, вошелъ Фортуначъ.

— Приношу тысячи извиненій, что заставилъ ждать себя столь высокое общество благодѣтелей моихъ благодѣлательницъ! — заговорилъ онъ. —

— Эхъ! Что-фамилія! Мало ли людей носить фамилію, имъ по закону природы не принадлежащій! Звѣдъ мы теперь все хорошо знаемъ, кто былъ-отцомъ дѣда графа Илюдора...

— Brisons-là! — властно проговорилъ княгиня Аглая и, обратившись къ Фортуначу, сказала: — Дальше!

— „Александръ Андреевичъ Самбуковъ-Козодоевъ, — продолжать стряпчій читалъ свой докладъ: — осужденъ на шесть лѣтъ каторжныхъ работъ за отравленіе купца Федулкина съ сѣ целью ограбленія“...

— Моп Dieu! — поклонилась жеманная Самбукова-Козодоева, приходящаяся прабабкой осужденному, и сдѣлала попытку унасти въ обморокъ.

— Н этому удивляться нечего! — зашипѣлъ опять секундъ-майоръ. — Намъ всевъ хорошо извѣстно, почтенная Эрнестина Адольфовна, что въ кончикъ супруга вашего принимали не малое участіе — ядъ и ваши предѣстныя ручки. что можетъ здѣсь подтвердить ваша племянница и дочь моя, княгиня Аглая!

Но княгиня Аглая вмѣсто подтвержденія только махнула рукой и повторила:

— Brisons-là!

Фортуначъ продолжалъ:

— „Уже лишенный дворянскаго и баронскаго достоинства курляндскій мѣщанинъ Францъ Брандмауеръ, судился за четырнадцатую кражу и приговоренъ“...

— Donnerwetter! — началъ-было опять баронъ.

Но секундъ-майоръ перебилъ его.

— Не удивляйтесь, почтеннѣйшіи! Вспомните только, что золотая табакерка, осыпанная брилліантами, которую вы такъ ловко вертите между костлявыми пальцами, принадлежала когда-то вашему покорѣншемуся слугѣ, т.-е. мнѣ, и была похищена вами черезъ долгача послѣ моего кончины.

— Blitzflement! — заревѣлъ Брандмауеръ, потрясая костями.

Но княгиня Аглая остановила его властнымъ:

— Brisons-là!

— „Штабсъ-капитанъ Илья Сгромалинъ“...

— Вашъ внучекъ, Анна Павловна... — шепнулъ секундъ-майоръ какой-то старушкѣ.

Старушка только вздохнула, а бравый гусарь, повернувшись къ ней, сказалъ:

— „Графъ Андрей Васильевичъ Турсуковъ за оскорбленіе чести дочери швейцара своего приговоренъ“...

Всѣ глаза устремились на секундъ-майора и княгиню Аглаю.

В. С.

Первый сконфуженно хихикалъ и шепталъ:

— Ну, что жъ? Ну, что жъ? И я не безъ грѣха по этой части!

А княгиня Аглая махала ручкою, изъ которой сыпалась сѣра и пыль, и все повторила:

— Brisons! Brisons!

— „Дворянинъ Павелъ Вершининъ“... началъ-было опять Фортуначъ.

— Позвольте! Ну, а этотъ какъ намъ родственникомъ приходится? — спросилъ кто-то.

— Да какъ же! Прямымъ потомкомъ! Вѣдь его мать — графиня Турсукова, внучка княгини Аглаи Анисимовны и правнучка Анисимы Виссарионовны, — появились другой загробный голосъ.

— Ахъ, да! Это та, которая сдѣлала mesalliance... Ну, такъ что же натворилъ этотъ Павелъ Вершининъ? Читай, Фортуначъ!

— „...арестованъ по дѣлу о принадлежности къ таинному обществу, поставившему себѣ целью испроверженіе существующаго строя“...

— Что? Какъ? Не можетъ быть! Не-возможно! Ты лжешь, старый негодяй! Ты клеветишь! Нашъ потомокъ не можетъ быть замѣшанъ въ такомъ гнусномъ преступленіи! — раздался вопль со всѣхъ сторонъ.

Всѣ вскочили со своихъ мѣстъ, возбужденно кричали, махали руками и перебили несчастнаго Фортуначъ. Пыль поднялась столбомъ, начался гвалтъ невыносимый. отъ котораго крысы изъ подполья бросились удирать на соседній дворъ, а пауки плотнѣе закутались въ свою паутину.

— Вотъ они, mesalliance'и, до чего доводятъ! — кричала княгиня Аглая.

— Вотъ онъ, завиральный идеалъ вашего Волтера! — ревелъ баронъ Брандмауеръ, наскакивая на секундъ-майора. — Отравляю кровь до седьмого колѣна!

— Да не можетъ этого быть! — кричали опять всѣ хоромъ. — Онъ вретъ, старый приказная строка! Покажи, негодяй, гдѣ это у тебя записано!

П, бросившись къ Фортуначу, вырвали у него руку по самое плечо. Но и этого имъ показалось мало — и они принялись чѣмъ попало бить его по головамъ, спинѣ, ногамъ.

Старый скелетъ стрелчико не выдержалъ, хрустнулъ и разлетѣлся на мелкіе кусочки.

Княгиня Аглая крикнула и пошла наискосокъ... Облако сѣраго праха окутало всю гостиную...

Наугро старичокъ-дворецкій, выйдя изъ смаленки къ своей кабинетикъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что на стѣнѣ, надъ еголомъ, виситъ только одна рама. Отъ портрета же стараго приказнаго, который онъ ничему-то такъ любилъ и, можетъ-быть, не безъ основанія тоже считалъ своимъ предкомъ, — и слѣда не осталось.

Онъ немедленно отправился въ ближайшій участокъ и заявилъ съ этой странной пропавшій подосаждѣ началъству.

Начались розыски. Изъ описи имущества князей Барнауловыхъ оказалось, что портретъ этотъ писанъ крѣпостнымъ художникомъ, иностранцемъ сдѣлавшимъ себѣ громкое имя, а потому и розыски эти принялъ грандіозные размѣры.

П ищутъ теперь по всѣмъ городамъ Россіи, по всѣмъ государствамъ Европы, но напрасно! И я утѣренно могу сказать, что никогда не найдутъ портрета стараго Фортуначъ.

В. С.

А. Бучури. Поклонение волхвов.

Пирамида.

Рассказ И. Н. Потапенко.

Иллюстрация В. Сварога.

Перепечатка воспрещается.

Когда Петръ Ивановичъ Зыбинъ въ обычный часъ, по окончании занятій въ канцеляріи, вышелъ на улицу, у него въ головѣ была одна мысль: „главное, чтобы какъ-нибудь не узнала Тася. Это—самое главное“.

На улицѣ стоялъ крѣпкій морозъ, а вѣтеръ, врываясь на улицу изъ переулка и сквозь растворенныя ворота изъ двора, еще усиливалъ его. Петръ Ивановичъ поднялъ воротникъ жиденькаго, немовѣрно поношеннаго, пальто, полнотѣе замахнулъ полами, а руки запрягалъ въ рукава; но все это очень мало помогло ему. Худо было то, что ботинки у него были дырявые и безъ капошъ, а брюки—довольно короткія, и погамъ было очень холодно.

Онъ попробовалъ остановиться на перекресткѣ, гдѣ пылалъ костеръ, около котораго грѣлись городской, почтальонъ, двое рабочихъ и нѣсколько мальчишекъ. Вѣтеръ вырывать изъ глубины костра искры и вмѣстѣ съ густымъ дымомъ разносилъ ихъ по улицѣ.

Но Петру Ивановичу показалось, что это еще хуже: точку согрѣться, а потомъ вѣдь все равно домой идти надо,—ну, значить, лучше ужъ претерпѣть до конца. И онъ еще плотнѣе запахнулъ полами пальто и, оставивъ костеръ, быстро шагалъ по улицѣ, и при этомъ въ головѣ его опять ожила на время, было, замершая мысль: „главное, чтобы не узнала Тася. Это—главное“.

И больше никакихъ мыслей въ тѣ минуты въ головѣ у него не было, какъ будто онъ тамъ все вымерзъ отъ холода.

Но когда въ томъ мѣстѣ, гдѣ улица, по которой онъ шелъ, пересѣкъ широкій проспектъ, на перекресткѣ встрѣтились два сильныхъ вѣтра и подняли между собою такую возню, что Зыбину, понашему какъ разъ между шихъ, показалось, что они сорвутъ съ него и шапку и пальто, раздѣнуть до-гола, а потомъ и его самого подхватить и вынести куда-нибудь на крышу пятиэтажнаго дома,—онъ стремительно бросился въ первый попавшійся вѣтра и переждалъ тамъ порывъ вѣтра.

И тутъ, прижавшись къ углу въ темной подворотнѣ и почувствовавъ на время, что вѣтеръ оставилъ его въ покоѣ, онъ вернулъ себѣ способность разсуждать. Другія мысли стали приходить въ его голову, обычные мысли, нѣ которыхъ не было ничего ни удивительнаго ни новаго.

И тогда мысль, которая стояла въ его головѣ, вдругъ показалась ему сомнительной: именно, что Тася не должна узнать о томъ, что произошло, и будто это самое главное. Теперь ему стало ясно, что главное повсе не это, а то, что это произошло. А въ связи съ этимъ явилась и другая мысль: что Тася непременно должна узнать объ этомъ и не можетъ не узнать.

Тася, это—его жена, съ которой онъ состоитъ въ супружествѣ уже десять лѣтъ. Ну и, конечно, всякое бывало,—вѣдь десять лѣтъ, это не день и не мѣсяцъ. Стучаюсь, что и бранились и даже дулись другъ на друга цѣлый день. Но все же Тася—это такое существо, которое всегда знаетъ все, что до него касается.

А это—больше, чѣмъ что бы то ни стало. Вѣдь вѣдь деньги, какія онъ зарабатываетъ—то-есть жалованье, награды, пособия, плата за случайную переписку на машинкѣ—все до копейки онъ отдавалъ ей. Ницѣ было бы и жить немислимо.

Онъ получалъ жалованья пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Это очень немного денегъ. Но если принять во вниманіе, что онъ всего канцеляристъ, и что его обязанности не идутъ дальше переписки на машинкѣ, а также и то, что у него нѣтъ и, по всей вѣроятности, никогда и не будетъ никакого чина, то это жалованье надо признать хорошимъ. Другіе въ его должности сидятъ много годы и на сорока рубляхъ, и онъ сидѣлъ на такой цифрѣ, но возмислался.

Сперва ему прибавили пятерку въ мѣсяцъ, а потомъ и другую. Наградныхъ къ Рождеству и Пасхѣ выходило всего рублей на сто, ну и пособій столько же, за исключеніемъ развѣ такихъ особенныхъ случаевъ, какъ рожденіе ребенка, когда давали еще особо,—а у него это событіе за всю жизнь случилось всего два раза. Выходило въ годъ рублей восемьсотъ. Деньги такія, что у него—если бы ихъ оставили у Петра Ивановича больше, чѣмъ на одинъ часъ—онъ разошлись бы незамѣтно, просто растаяли бы, какъ дымъ. Кушлы бы онъ то, другое и третье, не прокупили бы, Воже сохрани,—онъ шлы только пиво и то въ самомъ небольшомъ количествѣ,—а такъ, разговаривать бы.

А Тася на эти деньги умудрилась кормить его, себя, мальчика и дѣвочку и поддерживать въ порядкѣ общесемейный гардеробъ. Стѣдовательно, эти деньги, какъ и всякія другія, онъ отдавалъ бы Тасѣ. Эти деньги... Гм... То-есть какія же эти? Тѣ, которыхъ онъ не получалъ? Тѣ, которыми его обомли?

И въ этомъ-то вся штука. Сегодня, за два дня до праздничнаго распуска, стало извѣстно, какъ распределены наградныя. Собственно, это было и такъ извѣстно. Вѣдь каждый годъ бываетъ одно и то же—дается мѣсячное жалованье.

Но такъ какъ это все-таки не законъ, а только хорошій обычай, установленный у шихъ въ канцеляріи, то все же это зависѣло отъ начальства: даютъ, всегда даютъ, но могутъ и не дать.

Поэтому въ тотъ день сердца у канцеляристовъ все-таки не-

Н. Пимоненко. Святочное гадание. (Русский Музей Императора Александра III).

множко трепетали. И у него трепетало сердце и, как оказалось, не напрасно.

Когда объявили цифру наградных и до его слуха дошла та цифра, которая была предназначена ему, то он в первую минуту только усмехнулся. Было ясно, что он не размышляет, или произошла какая-нибудь ошибка. Зыбину назначено 15 рублей. Ведь это же — круглая несообразность. Он получать 50 рублей, следовательно... Гм... Ну, да, следовательно...

А разве это закон? Это-то, конечно, ошибка, но вот допустить, что начальство по самом деле взяло и назначило ему 15 рублей. Что же? Разве он может протестовать, надвигать крику, потребовать осуществления своего права? Какое же тут право? Никакого права у него нет. Жалованье, это — право. А о наградных ни где не сказано.

А цифру кто-то повторил. Будто не нарочно, подбегая к нему молодой и бойкий канцелярист Пирогин и, глядя ему прямо в лицо, заявил:

— А вам, Зыбин, 15 рублей... Как странно! Это вам экзекутор удружил. Вы бы пошли к вице-директору и пожаловались бы... Ведь такой старый гиппопотам...

Зыбина это начальство Пирогина взорвало. Что он воображает, что и в самом деле? Он вскочил и отправился к экзекутору, у которого был список наградных.

Экзекутор, Матвей Азарьевич Лукасов, был действительно очень похож на гиппопотама. Странно было то, что никто из служащих в канцелярии никогда в жизни не видел этого зверя в натуре, а между тем все были убеждены, что экзекутор Лукасов — как две капли воды, гиппопотам. И всякий новый служащий, тоже настоящего зверя не видевший, взглянув на него, признавал. Да, действительно, как есть — гиппопотам.

Он был широкоплечий, тяжеловесный, громоздкий, толстоногий, но не высокий, а как-то весь раздвинутый в ширь. Лицо у него было четырехугольное, а глаза выученные, застывшие, с множеством кровяных ниточек на белках. К нему Петр Иванович и обратился.

— Матвей Азарьевич, что это рассказывают, будто мне наградных только 15 рублей назначили...

— Вам? — спросил Лукасов, как будто и в самом деле не зная. — А ноть я справлюсь.

И, вынув из ящика стола список, взглянул в него, водя своим толстым, пухатым пальцем по фамилиям.

— Ага, вот Зыбин: пятнадцать рублей. Да, так и есть. Вам пятнадцать рублей, — безразлично прибавил он, поглядев на Петра Ивановича свои застывшие глаза.

— Но как же это, Матвей Азарьевич? За что же? Мне всегда... Почему же мне? Разве я...

Лукасов развел руками:

— Это же не я назначаю, а его превосходительство господин вице-директор.

Зыбин вдруг как-то погас. В душе его хлопотало возмущение, но слов не было. И именно по адресу экзекутора возмущение. Потому что он агал, сворачивая на вице-директора. Наградные канцеляристам распределять он, вице-директор только подписывать.

И Зыбин понимал, почему это так вышло, что ему назначили только пятнадцать рублей. Недавно поступил на службу родственник экзекутора, тоже канцеляристом, — совершенный осел, который вот уже полгода на машинке писать не мог научиться. Ему наградные и не полагались, а экзекутор урвал для своего.

А урвал их у Зыбина потому, что Зыбин был самый тихий, самый исполнительный и самый безобидный служащий, потому что от него никогда не слышали возмущенного голоса.

И пернулся Петр Иванович в канцелярию мрачнее тучи и никому не сказать ни слова. Канцеляристы и чиновники то и дело бегали по очереди к казначею и возвращались оттуда с веселыми лицами, потому что получили наградные, а он не пошел.

Уже в тот момент у него в голове все мысли зашлись одной: „Главное, чтобы как-нибудь не узнала Тася. Это — самое главное“.

С этой мыслью он, так и не взяв денег у казначея, вышел из канцелярии.

II.

Когда он, пройдя через довольно грязный двор, подошел к подъезду, над входом в который мелкими цифрами были перечислены десятки полтора квартир, выходящих на лестницу, стало совсем темно. Лестница освещалась керосиновыми лампами, от которых пахло нефтью и гарью.

Обыкновенно после службы он, побуждаемый радостной мечтой поскорее быть дома, быстро переступая разом через две ступеньки, взбирался в пятый этаж, а теперь словно что-то придавливало его к низу, ноги подымались неохотно, и в груди не только не было радости, а напротив — какой-то страх наполнил ее, страх перед вопросом: „что он скажет?“

Ведь Тася знает, что сегодня объявят и выдадут наградные. А сколько на них положено надежд... И все это должно рухнуть...

На площадке второго этажа ему стало жарко. Он разогнул пальцы и сюртук, и в это время его рука прикоснулась к боковому карману, в котором чуть-чуть зашевелилась бумага, и он вздрогнул. Да, от этого шестеста вздрогнул. Ведь эта бумага, в ней-то как раз и записаны все те надежды, которые должны были осуществить наградные. Лист бумаги, написанный с четырех сторон.

И у него явилось желание вытащить этот лист из кармана, свернуть его в трубочку, поднести к лампе, пошевелить на ступе, и зажечь его. Пусть горит, а вместе с ним пускай горят и надежды.

Но это были только порывы, кончившиеся в его душе, на самом же деле он бумаги не вытаскивал и не сжег ее и медленно продолжал свой путь. В тот момент, когда он потянул кнзучу primitивного звонка своей квартиры на площадке пятого этажа, в голове его почему-то, и притом с необыкновенной твердостью, установилась прежняя мысль:

„Тася не должна знать о награде ни в каком случае“. Что он будет с этим делать, чем заманивать их—об этом он будет думать потом, потому, а только Боже сохрани огоршить ее так страшно.

Дверь открыла ему Тася, и сынница восьмилетняя в это время выбежала в переднюю, а младшая девочка вошла в комнату с какими-то тряпками, которые она принимала за куклы.

— Что так поздно? Уже и обед простыл...—с этими словами укором сказала Тася, а мальчуганчик уцепился за ее руки.

— Да, немного задержали... Давай-ка вонь, — голосом, полным бодрости, ответил Петръ Иванович и лицо себя сделал такое счастливое.

А когда дали суп, он начал есть его с видом голодного, хотя аппетит у него совсем пропал, и каждая ложка стоила ему усилий.

„Нет, не скажу, разумеется — не скажу. Ну, разве это можно?“ думать он и отлично разыгрывал роль довольного человека.

— А награды принес?—спросила Тася.

— Нет, еще не выдал... Какая-то там задержка... Казначей нездоров, что ли. Завтра—должно-быть, а может-быть и позже.

— Ох, Господи... Успеем ли все сделать, что нужно, к празднику?..

— Ну, успеем. Долго ли?..

— Ах, Петя, список-то у тебя, что ли? Дай-ка, — я вспомнила; нужно непременно, непременно, нуру большущий гвоздей купить и в стелку вбить в переднюю. Советом же на что поехать в пятницу. Уже лучше что-нибудь выбросить, а гвоздей купить.

— Список?—небрежно ответил Петръ Иванович.—Да, у меня,—вот он.

Он вынул из бокового бармана сложенный вчетверо лист бумаги и передал жене, но старался не глядеть, когда она взяла карандаш и приписала туда пару гвоздей. Ему было больно.

О, этот лист. Он уже был изрядно помят и засален. На нем лежали следы довольно давнего происхождения. В сущности, пришедшее ему место было в ящике стола,—единственного стола, на котором обедали, потом мальчик Васи учил свои несложные уроки, Тася же раскладывала шитье, на нем же и гладила, а затем при надобности на нем Петръ Иванович засаживался за какую-нибудь экстренную переписку.

В кармане же Петра Ивановича он понах, разумеется, не случайно, а именно по причине ожидавшегося получения наградных. Он думал, что по дороге домой успеть что-нибудь купить.

Лист бумаги не всегда был заполнен названиями предметов, которые надо купить. Иногда, правда — довольно давно, в конце листа—он был чистенький лист, на котором не было ни одной кляксы. А однажды на нем появилась первая запись: „бумажный абажур для лампы“. Это случилось в то время, когда печально стогреть абажур.

Следующая запись касалась самоварной трубы, которая вся уже была изогнута и издырявлена, а потом, потом...

Стоило прочитать этот список. Он был поучителен. Это была история домашней жизни канцеляриста, получающего пятьдесят рублей в месяц и имеющего жену и двоих детей.

Пятьдесят рублей в Петрограде при обязанности иметь все-таки до некоторой степени приличный вид. Если жизнь для них есть наслаждение, а для других долг, то для того, кто обязан прожить с женою и двумя детьми на пятьдесят рублей, сохранив видимость приличия,—она—труднейшее искусство.

И этим искусством владела Тася. Эти пятьдесят рублей у нее были расчитаны по копейкам, и каждой копейке было дано специальное назначение, и их хватало на текущую жизнь, а все,

что сверх ея — одежда новая и ремонт старой, пополнение потерявших служебную способность предметов обстановки или увар — уже это возлагалось на награды, пособия и случайный заработок Петра Ивановича.

И, так как всего не упомянуть, а кроме того, есть нужды и нужды, — была нужда и подождать, а другая кричить, чтобы ей поскорее заткнули рот, — то все, что называлось, в чем чувствовался недостаток — записывалось.

И не надо думать, что все эти названия предметов и нужд, занимавшие четыре страницы листа, непременно должны были получить свое удовлетворение именно теперь, на эти ожидаемые пятьдесят рублей наградных. О, нет, — чтобы удовлетворить все это, нужно было произвести Петра Ивановича Зыбина в чинно крайний мэр статского советника и дать ему должность — ну уж на худой конец — столоначальника.

Но этого не ожидали ни он, ни Тася. Список же заполнялся все теми же пущами, как и были, не вникая в то, насколько это все выполнимо. Когда же приближалось время получения наградных, в список производилась фильтрация. То, что могло еще терпеть и ждать до насальных наградных, зачеркивалось, и оставалось только неотложное, неизбежное. Но зато уж тут действительно не было ничего лишнего, и расчитано было таким образом, чтобы выходило точка в точку пятьдесят рублей.

И обыкновенно к моменту получения наградных и очередных пособий в дом извещали статьи приходили в такой упадок, что, казалось, без подъема даже жить уже было нельзя. Когда же все отягченное в списке приводилось к исполнению — жить опять становилось возможно, и Зыбины жили — трудясь и бедствуя, теряя лишнее — но жили неукоснительно. И, как это ни странно, любили свою жизнь и находили в ней известную прелесть.

И теперь Петръ Иванович чувствовал, что, благодаря злостному, проявленному по отношению к нему со стороны экзекутора, жизнь, которая уже сделалась невозможной, такой невозможной и останется, не на что привести ее в порядок и сделать по-прежнему возможной. Пятнадцать рублей, которые ему назначены в награду, решительно недостаточны для этого. Что на них можно сделать? Сократить список? Еще сократить? Выполнить только третью часть? Но там оставлено только самое неизбежное. Что же можно выбрать? Что предпочесть? Ведь это все равно, как если бы человека спросили, что он предпочесть бы отрубить себе — руку или ногу? И то и другое ему необходимо, и без того и другого он не может жить.

И ужасно тяжело было Петру Ивановичу играть роль спокойного и довольного человека. Ему хотелось выражать негодование, кричать, ругаться, проклинать экзекутора, а вместо этого он был принужден улыбаться жене и детям, и делать вид, что все обстоит как нельзя лучше. И главное — он не знал и не мог придумать, как из этого выпутаться.

Ну, хорошо, сегодня „нездоровье казначей“: он может быть

нездоров, также и завтра; но послезавтра кончатся занятия в канцелярии. Что он скажет послезавтра?

А дальше, дальше... Об этом было даже страшно думать. И он не думал. Он просто на все махнул рукой.

III.

На следующий день он тоже не взял свои жалкие наградные у казначей. Ему было противно даже подумать об этих пятнадцати рублях. И было такое ощущение, что, когда он их возьмет, то как будто примет на себя какую-то тяжелую, непоправимую обязанность. И еще хуже: теперь у него была какая-то неосновательная надежда, что дело как-нибудь поправится. Ну, например, недостающие тридцать пять рублей упадут с неба, что ли. А тогда уже все будет кончено.

Все это было, разумеется, очень глупо; но он никому и не высказывал этих мыслей. Положение его было такое, что от человека и нельзя было требовать, чтобы он был умен.

А дома опять ему пришлось разыгрывать спокойного и уверенного человека, и сегодня это ему было труднее, чем вчера. Тася, конечно, спросила его о наградных, и в эту минуту он почувствовал себя как будто на краю пропасти.

Ведь нужно принять во внимание, что он никогда раньше не лгал своей жене. Это у него было основное правило жизни. А теперь вот уже второй день каждое его слово и каждый взгляд были ложью перед ней.

И опять он лгал о том, что казначей еще не выздоровел, и уже совершенно без нужды, чтобы укрепить свою ложь, прибавлял подробности о том, как все чиновники канцелярии возмущены этим и собираются идти к директору и жаловаться. Можно, мол, деньги выдать и без казначей. Ведь у всех нужды, время делать к праздникам закупки...

Лгать и чувствовать, что ему ужасно стыдно перед женой, и в то же время думать: „А что же я завтра солгу? То же самое? Но завтра нас отпустят. Канцелярия закроется. Как же так?“ И он боялся завтрашнего дня, как Страшного суда.

Он наступил. Занятия в этот день кончались несколько раньше. А он даже и не подумал о пятнадцати рублях. Он просто забыл о них. Ведь они не могли удовлетворить его неотложных вадобности. Значит, это были не деньги. Зачем же ему брать их? Только лишняя тяжесть от них будет чувствоваться. И экзекутор будет иметь право сказать, что он, Зыбин, получил награды.

Ха... Наградные! Не награды это, а в наказание, — это какие-то карательные деньги. Да, его рѣшили наказать за то, что он лучший переписчик в канцелярии. Небось, когда нужно переписать бумагу для послышки министру или кому-нибудь повыше, то сейчас ему несует: „Петръ Иванович, перепишите“. Понятно — потому что он и грамотен и аккуратен, пишет без поправок и без пропусков. И за это его наградили — пятнадцать рублями к празднику.

Но все же ему не удалось оставить эти деньги в кассе. Сам казначей пришел в канцелярию и с упреком обратился к нему:

— Послушайте, Зыбин, вы, должно-быть, разбогатели? Все получили свои награды, только вы почему-то не берете. Возьмите, а то пѣд я должен басу запретить.

И тогда Петръ Иванович покорно поднялся и пошел к казначею, взял пятнадцать рублей и расписался в получении. Деньги он наскоро засунул в карман брюк, а сам чуть не заплакал.

И когда он пришел домой, то это была не ложь с его сто-

О. Кипренский. Бѣгство въ Египетъ. Изъ собранія И. Е. Прѣткова.

роны—что у него нестерпимо болела голова. Она действительно разболелась от всего, пережитого пыл.

Как-то невнятно сообщил он жене, что казначей денег все-таки еще никому не выдал, в их будут выдавать завтра, отказавшись от обѣда и, снявъ сюртук, повалился на диван.

Тася глубоко вздохнула. Сомнѣніе закралось въ ея душу. Никогда этого не бывало, чтобы так задержали награды. И может ли это быть? Вѣдь это не лавочка какая-нибудь, а казенная канцелярія. Тамъ и деньги казенныя.

И у нея даже мелькнула въ головѣ страшная мысль: „не получил ли деньги Петя? Может-быть, онъ ихъ прокутилъ? Вѣдь вотъ онъ и заболѣлъ отъ этого“.

Но это было, изъ сущности, невозможно. Никакъ это не вязалось съ его характеромъ.

Такъ онъ и не пообедалъ, а, уткнувшись въ подушку, лежалъ на диванѣ, стараясь не слышать гонора дѣтей и жены и ни о чемъ не думать. Ему хотѣлось не существовать. Превратиться въ камень.

Въ комнатѣ горѣла лампа безъ абажура. Чтобы смягчить свѣтъ, Тася набросила на нее газетную бумагу, продѣлавъ въ ней дыру.

Было уже, должно-быть, часовъ около восьми вечера, когда въ передвей раздался звонный звонок. Тася побѣжала къ двери, отперла ее, потомъ вернулась:

— Это къ тебѣ, Петя. Изъ канцеляріи.

— Что?

Петръ Ивановичъ вскочилъ съ дивана. Слова: „изъ канцеляріи“—произвели на него совершенно неожиданное впечатлѣніе. Мелькнула мысль: „Может-быть, экзекуторъ раскаялся и прислалъ остальные тридцать пять рублей“... А Тася держала передъ нимъ пакетъ и разноеую книгу:

— Распишишь...

Онъ расписался. Курьеръ ушелъ. Зыбинъ медленно разорвалъ конвертъ и вынулъ бумагу. Но Боже, какое это было разочарованіе! Бумага была отъ экзекутора.

„Вслѣдствіе приказанія его превосходительства директора канцеляріи, благоволила немедленно отправиться на квартиру его превосходительства для выполнения экстренной работы. Пишущій apparatus будетъ доставлять туда изъ канцеляріи“.

— Господи! Куда же ты пойдешь, Петя, съ такой-то головной болью?..

— Пойду,—сказалъ Зыбинъ.—Какъ я могу не пойти, когда самъ директоръ... Дай сюртукъ...

Тася молча, качая головой, надала ему сюртукъ.

— Ты хоть закусишь бы что-нибудь.

— Ничего не хочу.

Онъ почему-то торопился и самъ не зная причины. Только на лѣстницѣ, когда онъ спускался, онъ началъ понимать, что его подгоняла надежда. Какая? Развѣ онъ знаетъ? Вѣдь потъ надо же было случиться, чтобы его позвалъ къ себѣ самъ директоръ. Ну, положимъ, директоръ позвалъ не его, а вообще переписчика, а экзекуторъ послалъ его, какъ лучшаго. Но все-таки это случилось. А прежде никогда не случалось. И именно въ этотъ вечеръ, когда онъ въ такомъ безвыходномъ отчаяніи. Эхъ, да ужъ не осмѣлится ли и не сказать ли директору о томъ, какъ его обидѣли? Ну, да, какъ же. Откуда же это онъ наберется смѣлости? Всю жизнь былъ безответенъ, какъ онца, а тутъ вдругъ самому директору... Какъ бы не такъ!

И все-таки была какая-то надежда, которая подтегивала его, и онъ быстро шелъ, не обращая вниманія на морозъ и вѣтеръ.

Вотъ домъ, гдѣ возмѣщается канцелярія. Тутъ же и квартира директора, только съ другого подъѣзда. Подъѣздъ ужасно важный. Швейцаръ такъ прямо генераломъ какимъ-то смотритъ.

— Вы, должно-быть, изъ канцеляріи? Дав переписки?—спросилъ онъ Зыбина.—Ахъ, ну, такъ ступайте. Второй этажъ.

Петръ Ивановичъ снялъ пальто и самъ повѣсилъ на колышекъ. Швейцаръ и не подумалъ помочь ему въ этомъ. Пальто Петра Ивановича было ниже его достоинства.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Зыбинъ держался лѣвой стороны, чтобы не ступать по ковру. Онъ вспомнилъ, что у него волосы скомкавы, и потѣлъ въ карманъ, чтобы достать гребенку. Тамъ онъ нащупалъ бумагу.

„А списокъ опять попалъ въ карманъ“,—мелькнуло у него въ головѣ.

Потомъ передняя директорской квартиры. Лакей ведетъ его черезъ вѣсколку полусписанныхъ комнатъ, и вотъ—кабинетъ. Отъ волненія Петръ Ивановичъ не разглядѣлъ какъ слѣдуетъ обстановки. Все какое-то большое, тяжелое и, какъ ему казалось, неудобное. И, кроме того, много лишняго и ненужнаго.

Полъ весь закрытъ ковромъ. Шкафы, диваны, кресла, картины. На маленькомъ столикѣ пищава машина Ремингтона. Яркое освѣщеніе. Въ комнатѣ ни дува. Зыбинъ, какъ остановился около машины, такъ и стоялъ минутъ пять, не двигаясь, какъ будто былъ какой-нибудь принадлежностью ея.

Твердые, полные достоинства шаги въ соседней комнатѣ. Возвѣлъ директоръ. Петръ Ивановичъ хорошо знаетъ эту высокую, полную благородства фигуру, съ красивой сѣдой бородой, съ пріятнымъ серьезнымъ лицомъ. Правда, никогда онъ не видѣлъ его такъ близко, но всегда узналъ бы въ томъ.

— Я извиняюсь...—вынулъ и доброжелательнымъ голосомъ сказалъ директоръ, кивнувъ ему на ходу своей красивой головой. — Лишаю васъ отдыха... Но дѣло случилось экстренное... Садитесь. Хотите чаю?

И, не получивъ отвѣта, онъ нажалъ кнопку звонка. Сейчас же вошелъ лакей.

— Привнеси вамъ чай. Вы, должно-быть, озябли?.. Сегодня морозъ,—сказалъ онъ, когда лакей ушелъ. — Вы семейный?

— Имѣю жену и двоихъ дѣтей, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Зыбинъ.

— Неужели? А сколько вы получаете жалованья?

— Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, ваше превосходительство.

— Такъ мало? Какъ же вы?... Гм... Ну-съ,—прервалъ онъ вдругъ самого себя:—займемся.

Въ это время лакей привнесъ чай и поставилъ одинъ стаканъ на столикъ рядомъ съ машинкой. Директоръ началъ дытовать—ясно, отчетливо, отчеканивая каждое слово. А подъ опытнымъ пальцами Зыбина утѣренно и дѣловито застучала машинка.

Такъ длилось съ полчаса. Директоръ закончилъ періодъ и положилъ на столъ черновую рукопись.

— Отдохнемъ?

— Я не усталъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Зыбинъ.

— Ну, а я усталъ. Вы привыкли, а я не привыкъ. Такъ пятьдесятъ рублей?... Гм... И что же, хватаетъ?—проговорилъ онъ, откинувшись на спинку кресла и снимая съ носа золотое пенсне.

— На пишу и квартиру хватаетъ, ваше превосходительство.

— Только? Ну, а другія вещи... напримеръ, одежда и тамъ разное другое. А?

— А это... Это ужъ какъ Богъ дастъ, ваше превосходительство.

— Да, во... Но нельзя же безъ этого... Безъ многого нельзя обойтись.

— Надѣмся на награды, ваше превосходительство.

— А, да, да. Ну, конечно. Къ праздникамъ награды... И ужъ этого хватаетъ? А?

— Какъ когда, ваше превосходительство... Сколько дадутъ...

— А сколько же дадутъ?

— Обыкновенно мѣсячное жалованье, а случается...

— Какъ? Случается—и меньше?

— Случается, ваше превосходительство,—съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ Петръ Ивановичъ.

— Ну, и тогда ужъ не хватаетъ?

— Нѣтъ, не хватаетъ, ваше превосходительство...

— Гм... Это плохо. А сколько, напримеръ, вамъ выдали вотъ теперь?

„Господи Ты Боже мой, — подумалъ Петръ Ивановичъ: — да неужели же это ничего не значитъ, такой разговоръ?“

И отвѣтилъ какъ-то особенно внятно и вразумительно:

— Пятнадцать рублей, ваше превосходительство.

— Какъ? Всего пятнадцать рублей?—воскликнулъ директоръ и даже привсталъ отъ изумленія. — Да почему же такъ мало? И все-таки такъ выдали?

— Нѣтъ, не все-таки. Только мнѣ. Другіе получили мѣсячный окладъ.

— Гм... Странно. А между тѣмъ экзекуторъ сегодня же реко-

мендовать мнѣ васъ, какъ самаго исправнаго служащаго. Значитъ, это не въ казаніе? Не такъ ли?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, меня не наказываютъ. Обыкновенно мною довольны.

— Но пятнадцать рублей... На нихъ не много сдѣлаешь... Не такъ ли?

— Ничего нельзя сдѣлать, ваше превосходительство.

— Я тоже такъ думаю... А какія же нужны? Ну, если бы вамъ выдали не пятнадцать рублей, а мѣсячный окладъ, что вы купили бы?

— И не разказать, ваше превосходительство. Такъ много, что и не разскажешь.

— Ну, а все-таки... Меня это, признаюсь, интересуетъ.

Тутъ на Петра Ивановича напала какая-то необыкновенная храбрость. Онъ уже почти увѣровалъ, что все это—и неурочная переписка у директора и этотъ его разговоръ—не даромъ, и что изъ этого непременно должно что-нибудь выйти. Онъ быстрымъ и энергичнымъ движениемъ запустилъ руку въ боковой карманъ сюртука и вытащилъ оттуда бумагу, написанную со все-таки четырьмя сторонами, потомъ всталъ, на цыпочкахъ подошелъ къ столу и подалъ бумагу директору:

— Извольте прочитать, ваше превосходительство.

Директоръ сперва взглянулъ на него съ удивленіемъ и даже какъ будто не понимая, а потомъ взялъ бумагу, развернулъ ее, надѣлъ пенсез и осмотрѣлъ все четыре страницы.

— Это все нужды?

— Онъ-съ, ваше превосходительство.

— Поразительно. Да это пѣлая пирамида... Ха-ха! И все нумерами. Любопытно, попробуйте... Номеръ первый: „бу-мажкины абажуры для лампъ“... Гм! Да... Номеръ второй: „труба для самовара“. Номеръ третій: „починить Васины савочки“. Вася, это—вашъ сынъ?

— Да-съ, сыночекъ мой, ваше превосходительство. Восемь лѣтъ.

— Номеръ четвертый: „залить Петину калошу“. — Залить калошу? Какъ это—залить калошу?

— Это моя калоша, ваше превосходительство. На гвоздикъ наступилъ... Такъ вотъ—дыра. Есть такіе мастера... резиной заливаютъ... Составъ такой...

— Да? Я не знаю... Номеръ пятнадцатый: „вылудить самоваръ“. Номеръ тридцать седьмой, — читалъ директоръ въ раздробъ, переворачивая страницу: — „къ праздничному столу четыре фунга ветчины и три бутылки нива“. Ну, и такъ далѣе... Девяносто восемь нумеровъ,—прибавилъ онъ, заглянувъ въ самый конецъ... Да. Списокъ почтенный. Пирамида, настоящая пирамида! Хлопцова... Ха-ха!..

Затѣмъ онъ сложилъ листъ вчетверо и передалъ его Зыбину.

— Благодарю васъ... Ну, я отдохну. Продолжимъ.

Петръ Ивановичъ пошелъ обратно къ столу. Сердце у него

кабъ-то вдругъ заглохло. „Что жъ, разговоръ, значитъ, конченъ. Его превосходительство позабылся „виремидой“, а за-ѣмъ—„продолжимъ“! Больше онъ и не вспомнить“.

Онъ сѣлъ за машинку. Директоръ взялъ рукопись. Работы осталось на четверть часа. Голосъ директора звучалъ попрежнему ясно и внятно, но машинка стучала какъ-то тускло. Зыбинъ ощущалъ одревянѣніе въ пальцахъ.

Онъ, разумеется, весь былъ слухъ и вниманіе, слѣдилъ за буквами и запятыми, в работа у него выходило чисто, но уже не было въ немъ никакого воодушевленія.

А вотъ и финалъ. Ужъ онъ чувствовалъ, что это финалъ. Сколько разъ уже онъ переписывалъ такіе бумаги, и все онъ по-строненъ по одному образцу, и когда начиналось: „въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе“—то, значитъ, скоро конецъ.

Такъ оно и вышло. Затѣмъ директоръ изъять переписанную бумагу и прочитать ее всю отъ начала до конца.

— Очень хорошо. Даже замѣчательно. Вы не сдѣлали ни одной ошибки. Только потъ тутъ занятую надо поставить, а здѣсь пропущена скобка. Вы отлично владѣете искусствомъ, господинъ... Зыбинъ, кажется? И я думаю, что вы заслуживаете вышенаго оклада, положеннаго у нашихъ канцеляристовъ: — шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, а? Какъ вы думаете? Я намѣренъ похлопотать объ этомъ у экзекутора. И может-быть, мнѣ удалось бы? А?

Онъ сказалъ это съ полуулыбкой, какъ человѣкъ, утѣревший въ своей власти и въ свободныя минуты играющій ею, какъ мячикомъ, а потомъ выдвинулъ ящикъ стола и порылся тамъ.

— Что же касается пирамиды, то... то вы успеете еще построить ее, какъ какъ завтра пѣлый день магазины открыты. А кстати, вы и заработали у меня такую сумму. Благодарю васъ.

И директоръ протянулъ черезъ столъ руку, въ которой было двѣ двадцатипятирублевыхъ бумажки.

— Ваше превосходительство... — трепетно выпало у Зыбина. — Ваше превосходительство... Я не знаю, какъ... Я не заслуживаю...

Директоръ вышелъ изъ-за стола:

— Я, полноте... Одинъ только Богъ знаетъ, кто изъ насъ и что заслужилъ въ этомъ свѣтѣ. Идите-ка къ вашей женѣ. А насчетъ жалованья я такъ похлопочу у экзекутора.

И теперь, когда

Петръ Ивановичъ

вышелъ въ улицу,

для него ужъ дѣй-

ствительно

не суще-

ствовали

ни морозъ

ни вѣтеръ.

Да и былъ

ли они? Был ли поднят воротник пальто и застегнуты пуговицы?—все равно. Совершилось какое-то чудо.

Он не шел, а словно лег был над тротуаром, не чувствуя ни каменных плит под ногами ни самых ног. И в пятый этаж он словно взлетел при помощи невидимых крыльев.

Было около десяти часов вечера. Дети уже спали. А Тася сидела за столом и дошивала какую-то детскую рубашонку.

— Ну, давай же мифъ... Голодешь, как собака! — воскликнул Петръ Ивановичъ, шныряя куда-то въ сторону пальто и шапку.

— А голова прошла? — спросила Тася и пристально-вопросительно взглянула на его возбужденное лицо.

— Ахъ, прошла... И все прошло... И теперь хорошо... Ужасно хорошо... Ну, вот садись рядом со мной, и я сейчас все расскажу тебе... Понимаешь... Это я тебе солгалъ насчетъ наградныхъ. Этому негодяй эзекюторъ обошелъ меня, и мнѣ назначили всего пятнадцать рублей... Но ты постой, не раскрывай ротъ. Ну, вот я и палгалъ. И не зналъ, что дѣлать. А вот его превосходительство, господинъ директоръ... Охъ, знаешь, даже духъ захватывается... Разговорились... „А много, говорить, пуждъ?“ А я ему списокъ... Нашъ списокъ... понимаешь? А онъ смотритъ, читаетъ и говоритъ: „Да это, говоритъ, настоящая пирамида... И еще кабая-то, говоритъ, Хосикова...“ Чортъ его знаетъ, что это значить. А потомъ опять диктовать началъ. Ну, думаю, пропало. Ахъ, нѣтъ! Кончилъ работу, похвалилъ и вдругъ: „вотъ, говорить, вамъ то, что вы заработали сегодня. Это, говорить, намъ на пирамиду!“ — и суетъ мнѣ, понимаешь, суетъ... двѣ четвертинныхъ. Вотъ онѣ, получай. Да еще пятнадцать рублей наградныхъ. Вотъ и они. „И еще... еще, говорить, у эзекютора похлопочу насчетъ прибавки жалованья, чтобы шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ...“ А? Онъ похлопочетъ... Ха! Я думаю, эзекюторъ-то соблаговолитъ исполнить просьбу его превосходительства, господина директора! Ха-ха-ха!.. Ну, Тася, завтра съ утра за покупками... Цѣлый день будемъ пирамиду строить... О, Господи! А и-то думалъ, что мнѣ совѣтъ пропадать...

А вамъ, Зыбинъ, ницно, бабушка порожила. Съ перваго января будете получать жалованья по шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Таково распоряженіе его превосходительства. Ну, что жъ, я радъ, я всегда говорилъ, что вы—хорошіе служащій... И директору рекомендую васъ, какъ самаго лучшаго и исправнаго.

— Я вамъ очень благодаренъ, Матѣй Азаревичъ,—почтительно сказалъ Зыбинъ.—Я буду еще больше стараться...

И ужъ старался дѣйствительно такъ, что больше было и нельзя. А списокъ пуждъ, который онъ съ Тасей попрежнему составлялъ, теперь назывался пирамидой. Такъ и говорили:

— Не знаешь ли, гдѣ наша пирамида? Надо бы туда каблуки къ Василинымъ сапожкамъ записать. Совѣтъ истеричесъ.

Рассказать не повѣрять.

Рассказъ Сергія Аксанина.

Перепечатка воспрещается.

Послѣ полудня, когда въ хатѣ у Марики Ковальчуковой обѣдали и Марики, убрывъ со стола миски и ложки, собралась выйти въ сарай и взглянуть, есть ли коры у коровы, пришелъ Харитонъ Ткаченко, сѣлъ за столъ близъ окна и началъ вслухъ читать газету, которую онъ досталъ у писаря.

Газета получалась въ волостномъ правленіи, но читали ее не всей волости только два человѣка: самъ писарь да Ткаченко. Ну, писарь, это понятно, на то онъ и писарь, т. е. человѣкъ ученый, чтобы читать и понимать всякую бумагу. А Ткаченко былъ обыкновенный мужикъ, владѣвшій хатой, жинкой, тремя дѣтьми, лошаdkю, коровой, свиньей съ поросятами и крестьянскимъ надѣломъ земли, сколько тамъ полагалось.

Но онъ былъ грамотный и любопытный: главная же причина была въ томъ, что его закадычный пріятель и другъ дѣтства, а также и компаньонъ по съемкѣ въ аренду у мѣстнаго батюшки двадцати десятинъ церковной земли, приходившійся въ то же время мужемъ Марикѣ и отцомъ восьмилѣтнему Дмитру и шестилѣтней Федоскѣ, Архипъ Ковальчукъ, въ качествѣ запаснаго пошелъ на войну. А въ газетѣ все про войну было написано, такъ онъ ужъ и слѣдилъ и ничего не пропускалъ.

Онъ, конечно, могъ бы читать газету и дома, это было бы спокойнѣе, но онъ знаетъ, что Марики пристанетъ къ нему съ разспросами, и ему тогда придется всю газету рассказывать ей своими словами. Такъ ужъ лучше, чтобы было разомъ и ей и ему. А кроить того, не могъ же онъ забыть, что Архипъ, уходя на войну, поручилъ ему заботиться о Марикѣ и дѣтяхъ, и хотя Марики на это протестующе фыркнула и заявила, что у нея и у самой есть голова на плечахъ, и она сумѣетъ сама о себѣ позаботиться, но онъ все же считалъ это своей обязанностью.

И ужъ Марики на корову смотрѣть не пошла. Ничего, молъ, ей не станется, если постоянно лишній часокъ и безъ корча.

А къ газетѣ она до того пристратилась, что, когда Ткаченко читалъ, то она не пропускала ни одного слова. А читалъ онъ долго, потому что газета вся была про войну, да и не особенно бойко владѣлъ онъ этимъ искусствомъ: тянулъ, запинался, останавливался—все одно, какъ мужикъ ѣдетъ въ городъ не на лошаdkяхъ, а на волахъ, да на каждой кочкѣ и канавкѣ останавливается—скоро ли онъ доѣдетъ? Но и самъ Ткаченко и Марики

цѣлкомъ и безъ остатка уходили въ чтеніе, забывая на это время рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ. Ихъ, конечно, интересовала война, какъ и всѣхъ прочихъ аемляковъ, и оба хотѣли, чтобы наши побѣдили, отъ нѣмца же и слѣда не осталось. Но, если бы дѣло было только въ этомъ, то они, какъ и другіе сельчане, спросили бы у писаря, какъ идутъ дѣла на войнѣ, а онъ отвѣтилъ бы имъ, что, молъ, какъ нельзя лучше, да этимъ и удовольствовались бы.

Но тутъ дѣло было именно въ томъ, что на войнѣ былъ Архипъ, и потому они чувствовали такъ, какъ будто сами воевали. И такъ какъ они доподлинно не знали, гдѣ собственно находится Архипъ, въ какомъ полку и въ какомъ краю, то искали его вездѣ в, гдѣ бы онъ происходило сраженіе или стычка, имъ казалось, что тамъ и Архипъ.

Архипъ бжлъ нигдѣ и вездѣ, онъ и отступать и преслѣдовать непріятеля въ одно и то же время, бился въ Галиціи и въ Пруссіи, не исключалась даже возможность его подрывовъ на берегахъ Сѣвернаго моря, словомъ—нсюду, гдѣ гремѣли пушки, былъ и Архипъ.

И, такъ какъ онъ не только завоевывалъ города и входилъ въ нихъ съ барабаннымъ боемъ въ качествѣ побѣдителя, но и подвергался нападеніямъ, доставлялся въ числѣ раненныхъ въ лазареты, попадалъ въ плѣнъ и былъ подбираемъ на полѣ битвы въ видѣ бездыханнаго тѣла, то понятно, что Марики переживала страшное волненіе и всѣ чувства, какія только доступны человѣческому сердцу. Щеки ея то заливала краска, то покрывала смертельная блѣдность, а глаза то радостно блестѣли, то наполнялись слезами.

— Господи, Господи,—боязливо шептала она, когда Ткаченко читалъ описаніе какой-нибудь битвы, гдѣ люди валились сотнями:—можетъ, какъ разъ и Архипъ тамъ былъ!

И при этомъ крестилась, относя свою молитву за здравіе Архипа и въ то же время боясь, какъ бы она не пошла нена рокомъ за упокой.

Тутъ же, на лавкѣ, сидѣли и дѣти. Оба они устремляли свои большіе глаза на Ткаченко и смотрѣли ему прямо въ ротъ. Но Федоска не выдерживала и очень скоро сдавала. Глаза ея дѣлались маленькими, голова склонялась набокъ, она вытягивалась на лавкѣ и засыпала.

А Дмитро, который и самъ былъ уже грамотенъ, хотя, разумеется, ему было далеко до Ткаченка, съ жадностью поглощалъ каждое слово, и такъ какъ это происходило почти каждый день ноть уже мѣсяца три, то голова его была напичкана самыми необыкновенными словами, въ которыхъ онъ понималъ развѣ какой-нибудь десятокъ да и то по-своему.

Тутъ были и позиціи, и траншеи, и атаки, и шрапнель, и контрибуціи, и все то, отъ чего онъ иногда ночью вскакивалъ и неистово кричалъ, такъ какъ всѣ эти слова являлись ему во снѣ въ видѣ страшныхъ чудовищъ.

И вообще голова его была постоянно возбуждена военными представленіями. Батка своего Архипа онъ сильно любилъ и ни на минуту не переставалъ думать о томъ, какъ онъ тамъ сражается и, главное, какъ живетъ.

Много разъ приходила ему въ голову мысль взять да и уйти туда, на войну, чтобы быть около батки. Остановившись его только двѣ вещи: первое то, что, гдѣ же эта война, въ какую сторону надо идти, чтобы сыскать ее? Обыкновенно люди, когда не знаютъ дороги, разспрашиваютъ встрѣчныхъ прохожихъ, и имъ указываютъ, и они, хотъ и долго идутъ, но въ концѣ концовъ такъ-приходить. Но тутъ и разспрашивать нельзя, потому что его тогда, какъ маленькаго, возьмутъ да и вернуть обратно въ деревню.

А второе что, хотъ и очень хотѣлось ему быть съ баткомъ, но въ то же время онъ не могъ представить себя и безъ матери.

Но въ этотъ день, послѣ того, какъ Ткаченко, прочитавъ все, что было въ газетѣ, ушелъ домой, въ головѣ Дмитра закончили другія мысли. Думалъ онъ все время о томъ, что вотъ черезъ два дня наступитъ праздникъ Рождества, а батка нѣту дома. Не могъ онъ представить себѣ, какъ это они встрѣтятся праздники безъ батки.

Вотъ ужъ сколько дѣтъ онъ жипетъ на свѣтѣ, а не было еще ни разу такого случая. Всегда ужъ такъ полагается, что подъ праздникъ вечеромъ сидятъ не въ хатѣ—и батко, и мамка, и Федоска, и онъ, Дмитро, а когда былъ живъ батко, т. е. баткина батко, то и онъ,—сидѣли всѣ и ѣли кутью и узваръ и все тамъ разное, что полагается.

А въ самый праздникъ, придя отъ обѣдин, первымъ дѣломъ ѣли сало—и жареное, и вареное, и соленое, венчское сало, и колбасы. Для этого въ свое время и кабанца кололи, и раньше подкармливали его въ темномъ сараѣ. Все это вмѣстѣ и составляло праздникъ, а иначе онъ и не представлялъ его себѣ.

А теперь вотъ приходится имъ безъ батки. Ну, дѣды, онъ себѣ померъ, съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь: а Федоска вѣдь живъ, и его все-таки не будетъ. Что же это за праздникъ? И какое ужъ это будетъ сало и какія колбасы? Да они и въ ротъ не возьмутъ.

Кабанца, положимъ, все-таки подкармили и закололи, и всего этого мамка наготовила вдоволь. Но какой же изъ этого толкъ ежелю безъ батки?

Это была одна сторона дѣла. Когда же въ головѣ его дѣло переворачивалось на другую сторону, то оказывалось еще хуже.

Ну, хорошо. Тутъ все-таки ихъ трое—мамка, да Федоска да онъ, да еще Ткаченко придетъ и его жинка теткѣ Агаша и трое дѣтей. Да сало и колбасы тоже вѣдь при нихъ. А батко? Какъ же онъ тамъ будетъ? Вѣдь онъ одинъ, вѣдь тамъ же ничего и нѣтъ, кромѣ этихъ позицій, да контрибуцій, да траншей, да шрапнелей,—почему-то эти слова тверже всѣхъ другихъ застыли въ его головѣ,—это вѣсто сала да колбасы! Ну, нечего сказать, хорошо разговѣется тамъ батко! И, значить, праздника у него не будетъ.

Ахъ, и бѣдный же батко, какъ жалъ его! Такъ жалъ, что даже плакать хочется. И главное—что ничего нельзя съ этимъ подѣлать. Оно, конечно, если бы знать, гдѣ эта самая война, то можно бы напихать въ мѣшокъ побольше сала и колбасъ, взвалить его на спину и нести туда и положить передъ баткомъ. И было бы у него чѣмъ разговѣться, и былъ бы у батки праздникъ, какъ у всѣхъ людей. Да вѣдь нельзя, нечего даже и думать объ этомъ.

Пробовалъ Дмитро говорить объ этомъ съ Федоской, да она вѣдь еще глупая, ничего не понимаетъ. Она, напримѣръ, думаетъ, что война, это—беззубая старуха съ длиннымъ крючковатымъ носомъ и съ толстой палкой въ сухихъ костлявыхъ рукахъ, и что она будто ходитъ по снѣгу, стучитъ о землю своей палкой и забирается въ мѣшокъ непослушныхъ дѣтей, а потомъ дома поджариваетъ ихъ на сковородѣ и ужинаетъ ими.

И когда онъ заговорилъ съ Федоской о томъ, что хорошо бы отправиться на войну и нести батку сала и колбасъ, чтобы у него было чѣмъ разговѣться, то она, глупая, начала плакать.

Съ мамкой онъ не могъ поговорить объ этомъ, потому что она цѣлый день возилась съ коровой, то съ теленкомъ, то съ курами, то съ поросятами, и только вечеромъ, когда уже собрались спать и онъ, снявъ сапоги и понесъ, лѣзъ на печку, чтобы тамъ въ теплѣ предаться сну, онъ высказалъ ей свою затеянную мысль.

— Мамка, а какъ же это батко будетъ разговѣяться, когда тамъ нѣту ни сала ни колбасъ?

— Да ужъ какъ-нибудь, должно-быть, разговѣется. Эхъ, да ну тебя, Дмитро, что спрашиваешь? И безъ того горько,—тяжело выдохнувъ, отвѣтила Марики.

А я что думаю, мамка,—молвила Дмитрій уже изъ темной

глубины лежанки надъ печкой, куда онъ забрался:—я думаю: хорошо бы пачъ мѣшокъ, да накласть туда сала и колбасъ и отнести батку...

— Куда отнести? Ахъ, глупый же ты хлопонецъ, Дмитро! Что только говоришь!

— Да туда же, на войну.

— А гдѣ она, эта война?

— Да ужъ кто-нибудь же да знаетъ. Можетъ, если поразспросить, такъ и укажутъ.

— Э, нѣтъ, никто не знаетъ. Это которые высшіе начальники, тѣ знаютъ, такъ до нихъ же и не добратся. А изъ простыхъ никто не знаетъ.

— А я добрался бы. А батко какъ былъ бы радъ!.. Я думаю, за все это время, когда онъ ушелъ отъ насъ, сала онъ и не выдалъ... А тутъ ему цѣлый мѣшокъ...

— Да ну тебя, Дмитро... Спи ужъ, вотъ расходился-то какъ! Только сердце мое растрясешься...

Дмитро, видя, что его рѣчи огорчаютъ мамку, свернулся калачомъ и замолкъ. А вину, на кровати, спавшая уже давно Федоска, услышавъ сквозъ сонъ про войну, испугалась и заплакала. Мамка принялась успокаивать ее.

Лежалъ Дмитро на печи. Снизу такъ здорово поджаривало его, какъ будто бы онъ былъ поросенокъ, котораго рѣшено было сжарить къ празднику. Глаза его были закрыты, но онъ не спалъ, а все думалъ:

„А я добрался бы. Ужъ до самаго высокаго начальства добрался бы. Примо до генерала, и даже до полковника... Эхъ, жалъ, что я еще маленький! А будь я уже парень, слѣзъ бы тихонько съ печи, да въ кладовку, да набралъ бы въ мѣшокъ сала и колбасъ и подралъ бы прямехонько къ батку“.

И. Въ жизни это бываетъ, что человѣкъ задумаетъ что-нибудь крѣпко, да и не замѣтитъ, какъ оно уже сдѣлалось. Самъ же онъ и сдѣлалъ. Въ жизни бываетъ всякое, только не каждому приходится все испытать.

Съ Дмитромъ, несмотря на то, что онъ не былъ еще парень, а было ему всего только восемь лѣтъ, случилась такая исторія, что онъ такъ-слѣзъ съ печи, а внизу натянулъ на ноги свои чоботки, а на плечи надѣлъ полученный отъ батки, когда тотъ еще не ходилъ на войну, кожаный, отъ котораго несло такимъ острыми да вкусными овчиннымъ ароматомъ, и вышелъ изъ хаты въ сѣни, а изъ сѣней въ кладовку.

Тамъ было темно, хотъ глазъ выколи, но онъ хорошо знаетъ, что вотъ тутъ, около самой двери, стоитъ кадушка, до самаго верха нагруженная кусками недавняго спѣже-поселеннаго сала, а надъ кадушкой на полкѣ лежатъ свернутыя колечками колбасы.

Схватилъ онъ небольшой мѣшокъ, вѣрнѣе будетъ сказать—торбу, въ родѣ той, что бываетъ у пищиковъ, набилъ ее до самаго верха саломъ и колбасами, да и махнулъ на войну.

И самое удивительное въ этомъ было не то, что ему все это удалось продѣлать такъ ловко, что ни мамка ни маленькая Федоска ничего не слышали. Это что итъ! Спать себѣ крѣпко, оттого и не слышали.

А то было удивительно, что онъ, который прежде никакъ не могъ представить себѣ, гдѣ находится эта самая война, теперь отлично это знаетъ. Ну, положимъ, если бѣ его кто-нибудь спроситъ: гдѣ война?—онъ, пожалуй, и не сумѣлъ бы отвѣтить, но самъ-то навѣрно знаетъ, что идетъ на войну и непременно придетъ туда, и что это совѣтъ даже и недалеко.

Вотъ тамъ впереди виднѣется рѣчка, — разлеглась среди долинъ и изогнулась въ нѣсколькомъ разѣ, какъ огромная змѣя, а лѣдъ на ней блеститъ, какъ чешуя. Такъ вотъ за этой рѣчкой какъ разъ и будетъ война.

Идетъ онъ, а кругомъ во всѣ стороны раскинулось поле. Вправо, влѣво и позади все покрыто бѣлымъ снѣгомъ. Ни деревенки, ни хатинки, ни церкви, ни хоть бы тебѣ деревца какого не видно.

И дорожъ передъ нимъ тоже нѣтъ. Ступаетъ онъ своими чоботками по снѣгу, а снѣгъ хруститъ подъ ними, какъ сахаръ на зубкахъ, когда грызешь его: „хрумъ-хрумъ хрумъ“... Да и огромной змѣи уже не видно,—должно-быть, и ее занесло снѣгомъ.

И вотъ что еще странно: вѣдь на дворѣ зима, это же очевидно, а между тѣмъ ему вовсе не холодно. И отъ снѣга, который лежитъ подъ ногами и въ окрестности, вѣсто холода, какъ будто даже вѣетъ чѣмъ-то тепленькимъ.

А на небѣ ни облачка. Широкииъ темно-синимъ пологомъ раскинулось оно надъ землей, и звѣзды на немъ зажжено такое множество, и такъ онѣ ярко горятъ, какъ будто тамъ праздникъ какой-нибудь, вотъ какъ бываетъ въ церкви, когда зажгутъ всѣ лампы и свѣчи и паникадила.

Только мѣсяца что-то не видать. Должно-быть, опоздалъ онъ, проспалъ, что ли, или его на праздникъ не позвали. Да и не надо: и такъ снѣго, и видно кругомъ на сго веретъ.

И идетъ себѣ Дмитро, и весело ему; такое радостное чунство у него въ груди оттого, что на снѣгѣ онъ тащитъ котомку, набитую саломъ и колбасами, и не для кого-нибудь, а для батки.

Вѣдь батко, онъ — герой. Онъ тамъ, на войнѣ, сражается съ нѣмцами. Тамъ на него со всѣхъ сторонъ наступаютъ и позиціи, и контрибуціи, и траншеи, и шрапнели, и какъ ихъ еще зовутъ

там,—ну, да сломомъ, всякая нечисть. И проголодался же онъ, должно-быть, какъ волкъ! Что онъ тамъ ёсть? Сухари какие-нибудь, размоченные въ водѣ, да и то еще ежели Богъ пошлетъ. А то, можетъ, эти самыя позиции съ контрибуціями жуесть да отплевывается. А о салѣ тамъ да о колбасахъ и вообще о какой-нибудь настоящей христіанской фѣдѣ даже и думать нечего. Вѣдь сторона нѣмецкая, а нѣмцы, извѣстно, что они бѣдятъ? Конекъ, да крысъ, да мывей, да таракановъ... Тьфу!..

Сидитъ онъ тамъ гдѣ-нибудь въ ямкѣ, нѣмца подстерегаетъ, и скучно ему, что онъ столько времени не видитъ ни мамки, ни его, Дмитра, ни Федоски, ни коровы съ теленочкомъ, ни мохнатого остроноса Вовчки, ни колбасы, ни сала.

И вдругъ передъ нимъ самъ Дмитро, да еще съ торбой, набитой такимъ добромъ, какого нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ такой на ихъ сторонѣ, и не бывастъ.

— Вотъ тебѣ, батюкъ! Разгонишься!

Ого! Батюка, должно-быть, да самого неба подпрыгнуть отъ радости. Ну и сыночекъ же у меня, чу и Дмитро! Скажи, пожалуйста: до самой войны добрался, да не съ пустыми руками, а съ саломъ да колбасами...

И начнеть улетать—ой, ой! Зубы такъ зарабатываютъ, что прямо искры изъ-подъ нихъ посыплются.

Однако онъ замечтался и не замѣтилъ, что снѣгъ дѣлается все глубже и глубже. Уже чоботки его, достигающіе до коленъ, погружаются въ снѣгъ вмѣстѣ съ голенищами да и съ копытными, и приходится дѣлать усилие, чтобы вытаскивать ноги. Эге, да теперь снѣгъ уже ему по поясъ—и какъ только онъ умудрится выкарабкаться изъ него!..

По плечу... Фью-у!.. Но самую шею! И наконецъ—бухъ—и съ головой провалился въ снѣгъ. И думать, что наступила уже его погибель.

На самомъ же дѣлѣ вышло такое, что, если разсказать, такъ и не повѣрять. Нѣтъ, право же, вотъ живуть люди у нихъ въ деревнѣ и доживаютъ до старости, до сѣдыхъ бородъ, а ничего толкомъ не знаютъ. Вѣдь спрашивалъ же онъ и у мамки, и у Харитона Ткаченка, да и у дружки, кто хотѣлъ его слушать,—гдѣ она, эта самая война? И хотѣ бы тебѣ намекомъ показали. Никто и понятія не имѣетъ.

— Тамъ, говорятъ, гдѣ-то далеко; все равно не дойдешь, хоть три года иди,—такъ что и спрашивать!

Ткаченко каждый день газету читаетъ, всю, отъ первой строчки до послѣдней, а знаетъ не больше другихъ. Да и писарь, даромъ что ученый, тоже пальцемъ тычетъ куда-то въ пространство, въ ту сторону, гдѣ солнце заходитъ: вонъ тамъ, говоритъ. А какъ попасть туда—и понятія не имѣетъ.

А онъ, Дмитро, какъ провалился въ снѣгъ съ головой, такъ и попалъ, куда слѣдуетъ. Такъ просто. Эхъ, если бы онъ это раньше зналъ! У нихъ въ деревнѣ, неподалеку отъ ихъ же хаты,—ну, выбѣжать только въ поле,—есть глубокая балка, и въ нее снѣгу навалено столько, что не то что человекъ, а и корова, если провалится, то только ее и видѣли,—съ рогами и съ хвостомъ туда уйдешь. И онъ сколько разъ бѣгалъ тамъ, по-надъ балкой, вмѣстѣ съ Федоской. Взялся бы пимъ за руки, да въ снѣгъ, въ самую балку,—ушли бы туда съ головой да сразу и попали бы на войну. И мамка могла бы съ ними. Каждый день можно было бы съ батюкомъ видѣться.

И главное, что въ снѣгу несколько не холодно. Онъ слышалъ, что многіе будто бы, попавъ въ снѣгъ, замерзали. Ничего такого вовсе и нѣтъ. Жарко тамъ, прямо нечетъ, какъ будто бы на угольяхъ.

И когда это случилось, онъ прежде всего обѣими руками опупалъ у себя на спинѣ: страшно было, не потерялъ ли по дорогѣ торбу. Но нѣтъ, торба была тутъ. Она какъ будто приросла къ его спинѣ. Да оно и воняло: вѣдь въ торбѣ все дѣло. Не будь ея и того, что въ ней напихано, не зачѣмъ было бы и съ печки слѣзать и птн такую даль. Что жъ, прійти къ батюку и сказать: здравствуй, съ праздникомъ, моль, тебѣ! Ну, такъ этимъ не разговѣешься.

А куда же онъ попалъ? Такъ вѣдь ато же ясно: на войну. Вотъ она передъ нимъ, вся какъ на ладони. И что только тутъ дѣлается! Страшно даже смотрѣть съ открытыми глазами. Ружья палятъ, пушки гремятъ, барабаны тархтятъ, трубы трубятъ, кони ржутъ и стучатъ копытами и роютъ ими землю, воздуха такъ и совѣмъ нѣтъ, а вмѣсто него какой-то желтый дымъ, а въ немъ пули и бомбы такъ и летаютъ, какъ шмели. Всюду съ грохотомъ всыхиваютъ огни, какъ молніи, и все дрожитъ, качается, шатается, падаетъ. День эго, ити ночь—поди-ка разбери.

И видѣть Дмитро, что на него надвигается какая-то туча. Далеко еще, не становится все ближе и вырастаетъ вширь и вверху и дѣлается такая огромная, что занимаетъ половину земли. Пилитъ онъ изо всей силы свои глаза, то расширять ихъ, то прищуривать, присматривается, и вдругъ совершенно явственно видѣть, что это нѣмцы, цѣлое непріятельское войско.

Ну, конечно, ато они. Будь русскіе, такъ онъ сейчасъ же узналъ бы ихъ и въ первую голову увидалъ бы батюка. Но батюка тутъ и въ поминѣ нѣтъ, да и слава Богу, что его тутъ нѣтъ, потому что, если бы онъ былъ такой, какъ они, то ему, Дмитру, чего добраго, пришлось бы отречься отъ него.

А, такъ вотъ они какіе, эти нѣмцы! Теперь понятно, почему палили съ ними воякутъ. Вѣдь этакая же богопротивная рожа.—какъ на подборъ, какъ будто кто-нибудь взялъ да и свернулъ ихъ на сторону.

Красные, какъ калина, носы у всѣхъ длинные и острые, какъ у тѣхъ черногузовъ, что свили себѣ огромное гнѣздо на поповской хатѣ и каждое лѣто прилетаютъ туда и плодитъ тамъ своихъ длинноносыхъ птенцовъ. Глаза у нихъ круглые, величиной съ колесо отъ добраго воза или чабанской гарбы, а ротъ такой, что въ него можно въѣхать на водовозной бочкѣ, и торчатъ въ немъ верху и книзу острые гребешковые гвозди, а сами они горбатые, кривобокие, хромоногіе, сухорукіе, нѣтъ между ними ни одного человека какъ слѣдуетъ. Видно, ужъ ихъ пока-рлалъ такъ Богъ за то, что они нѣмцы.

И вотъ идти на него, идти, идти, кто на конѣ, кто на собацѣ, кто на коровѣ, а кто на кошкѣ и даже на крысѣ. У каждаго въ рукѣ по пушкѣ, и пушки ати жерлами смотрятъ на него, на Дмитра, и изъ нихъ съ грохотомъ вылетаютъ бомбы—одна, другая, третья, тысяча, миллионъ бомбъ, нытаютъ и куда-то дѣваются, Богъ ихъ знаетъ.

Понимаетъ Дмитро, что ему надо бояться, дрожать, какъ осенний листь, потому что это страшно, а между тѣмъ онъ—ничего, стоитъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало. Досталъ со спинны торбу, выставилъ ее впередъ, какъ щитъ, и все ему—какъ съ гуся вода.

«Ага,—думаетъ Дмитро:—такъ вотъ она въ чемъ штука! Недаромъ же я прихватилъ съ собою торбу. Значитъ, въ торбѣ есть великая сила, что ее и бомба не беретъ. Вишь, какъ отекаиваютъ отъ нея,—какъ мячи! Эхъ, какъ бы мнѣ скорѣе добраться до батюка да отдать ему торбу. Тогда ужъ его навѣрно никакая нѣмецкая нечисть не возьметъ!»

Думаетъ, а самъ держитъ торбу передъ собой, вытянулъ руки впередъ, а изъ торбы торчатъ куски сала и цѣлыя колбасы, свернутыя кольцами. Руки у него нѣмѣютъ отъ натуги и готовы опуститься отъ тяжести, но онъ держитъ ихъ послѣднихъ силъ.

А туча надвигается, и вотъ уже нѣмцы передъ самымъ его носомъ.

— Стой!—кричитъ не своимъ голосомъ самый главный нѣмецъ.—Что это такое у него въ рукахъ? Эй, ты, хлопцевъ, что это у тебѣ?

— А ты попробуй, нѣмецкая твоя душа, такъ и узнаешь, что это.

Самый главный нѣмецъ вытаскиваетъ изъ торбы кусокъ сала, подноситъ его къ своему рту, нонзастъ въ него свои зубы-гвозди, откусываетъ и жуесть.

— Да это сало,—говоритъ онъ, и вдругъ по всему войску раздается гулъ:—са-а-ало, са-а-ало, са-а-а-ло...

И миллионы рукъ тянутся къ главному нѣмцу, чтобы онъ далъ имъ сала.

«Вотъ такъ войско,—думаетъ Дмитро:—да они, должно-быть, три дня не ѣли».

Но тутъ произошла такая исторія, что Дмитро смотрѣлъ и не зналъ, вѣрять ли. Главный нѣмецъ разжевалъ сало, проглотилъ и грохнулся на землю, а въ это время другой рванулъ зубами отъ того же куска, разжевалъ, проглотилъ и тѣ же. Кусокъ сала пошелъ гулять по всему войску. Грызутъ его нѣмцы, глаза у нихъ разгорѣлись жадностью, а онъ, кусокъ-то, несколько даже уменывается. Грызутъ и падаютъ замертво, а ихъ лошади, коровы, собаки, конки и крысы—за ними, должно-быть—они отъ одного запаха дохнутъ. И вотъ уже ихъ полегли тысячи, а тамъ, должно-быть, и цѣлый миллионъ. Ну, однимъ словомъ, ни одного нѣмца не осталось въ живыхъ. Всѣ окочурились, такъ что даже некого было взять въ плѣнъ.

Стоитъ передъ ними Дмитро и думаетъ: «Чѣмъ же это я ихъ такъ? Однимъ кускомъ сала. Гм... Вѣдь торба-то полная, какъ и была, одного только куска въ ней не хватаетъ. Отчего же это такъ случилось? У нихъ вѣдь пушки, а у меня только кусокъ сала»...

Думаетъ, думаетъ и вдругъ хватаетъ себя ладонью по лбу. «Эхъ, да что же это я! Понятно. Вѣдь сало-то православное, такъ, разумеется, его нѣмцы не съестъ. Идѣ у насъ только въчеръ утромъ батюшка съ молитвою былъ и все окропилъ святой водой—и нѣ хатѣ, и въ сараѣ, и въ владовкѣ, такъ, стало-быть, и сало священное. Да и помимо этого, вѣдь саломъ весь народъ православный разговляется въ день Рождества Христова, такъ какъ же ему не имѣть силы надъ нѣмцемъ?»

Понялъ все это Дмитро и рѣшилъ, что ему надо ити дальше, чтобы отыскать-таки наконецъ гдѣ-нибудь батюка. Но, куда ни повернется онъ—направо ли, налево, или впередъ, или назадъ—всюду груды нѣмцевъ навалены, прямо цѣлыя горы, и ступить ему нигуذا невозможно.

Что же дѣлать-то? Неужто такъ и оставаться посреди этого нѣмецкаго кладбища? Ну, положимъ, но таковѣй онъ. Хлопецъ, который прямо съ печи да попалъ на войну и однимъ кускомъ сала уложился на мѣстѣ цѣлое вонючое, да чтобы такой хлопецъ не нашелся, что ему дѣлать! Да тутъ и думать нечего. Что онъ, не крещенный, что ли? Поднять руку да перекреститься, такъ вся эта нѣмецкая нечисть и сгинѣтъ.

Огъ такъ и сдѣлалъ. Перекрестился разъ,—и все, что было вокругъ него, начало куда-то отодвигаться. Все дальше, дальше, а онъ тутъ сейчасъ же и во второй разъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, тогда оно все отбѣгло, какъ будто превратилось въ туманъ, такъ себѣ—дымокъ какой-то подымается изъ земли. Дмитро и въ третій разъ перекрестился: а когда поднялъ глаза, да повернулъ голову въ одну сторону, а потомъ въ другую, то такъ и застылъ на мѣстѣ отъ изумления.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НА ЧЪХЪ ФРОНГА.

Н. Шумскаго

по Бельгии

Бельгійская армія состояла всего изъ 4 дивизій пѣхоты и 2 дивизій кавалеріи. Съ приведеніемъ на военное положеніе она насчитывала около 140.000 человекъ, изъ которыхъ половина за исключеніемъ гапизонами крѣпость Антверпенъ и старая небольшая крѣпость Льежъ, Намюръ и Гюи.

Послѣ полученія отрицательнаго отвѣта отъ бельгійскаго правительства 3 германскихъ корпуса штурмовали небольшую бельгійскую крѣпость Льежъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Нѣмцы не остановились и продолжали вести энергичныя атаки противъ этой ничтожной крѣпости, состоявшей изъ нѣсколькихъ старыхъ фортовъ, онеясывавшихъ городъ Льежъ на обоихъ берегахъ рѣки Мааса.

Главная причина неудачи нѣмцевъ подъ Льежемъ заключалась въ томъ, что они рѣшили примѣнить при вѣтѣ этой крѣпости такъ называемую ускоренную атаку генерала фонъ-Зауера. Обыкновенно крѣпости атакуются при помощи долгой постепенной атаки, изобрѣтенной знаменитымъ Вобаномъ. Сущность этой атаки заключается въ томъ, что атакующій приближается къ крѣпости посредствомъ ряда длинныхъ параллельныхъ окоповъ. Такимъ образомъ въ теченіе нѣдѣль, а то и мѣсяцевъ происходитъ все пространство, отдѣляющее атакующаго отъ фортовъ, и этимъ атакующій предохраняетъ себя отъ большихъ потерь.

Лѣтъ 50 тому назадъ баварской службы генералъ фонъ-Зауеръ аявилъ, что совершенно нѣтъ необходимости такъ долго возиться около крѣпости, и что можно ее взять сразу въ теченіе одного или нѣсколькихъ дней. Для этого онъ рекомендовалъ изобрѣтенный имъ способъ «ускоренной атаки». Способъ этотъ заключался въ томъ, что вокругъ крѣпости выставлялся громадное число полевыхъ пушекъ, которыя, конечно, нѣмѣются во всякой арміи. Затѣмъ эти пушки открываютъ невѣроятной силы огонь, который непрерывно поддерживаютъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а го и цѣлыхъ сутокъ и болѣе. Съ открытіемъ этого огня, по мнѣнію генерала фонъ-Зауера, ни одинъ изъ защитниковъ крѣпости не сможетъ оставаться у пушекъ, и всѣ защитники должны будутъ спрятаться въ казематы. Вслѣдствіе этого прекратится всякій огонь съ фортовъ, и можно будетъ спокойно подойти вплотную къ фортамъ. Этимъ разрѣшалась самая главная часть задачи, такъ какъ наибольшая трудность заключается въ томъ, чтобы подойти къ фортамъ подъ исключительно сильнымъ огнемъ изъ крѣпостныхъ орудій, пулеметовъ и винтовокъ. Потомъ ужъ остается лишь вернуться въ крѣпость, что одинаково необходимо какъ при постепенной атакѣ, такъ и при ускоренной.

Этотъ способъ до сихъ поръ существовалъ лишь въ теоріи, и впервые его японцы испробовали въ августѣ 1904 г. при осадѣ Портъ-Артура. Тогда и обнаружилось, что въ теоріи онъ хорошъ, а на практикѣ совсѣмъ непримѣнимъ. Нѣмцы однако возобновили этотъ опытъ на Льежѣ, и невзирая на то, что эта крѣпость была ничтожна во всѣхъ отношеніяхъ, защищалась лишь старыми негодными пушками, нѣмцы потерпѣли полную неудачу и покрыли трупамъ все поле сраженія и рвы фортовъ.

Героическая оборона Льежа задержала нѣмецкое наступленіе почти на 2 нѣдѣли. Нѣмцы ужъ никакъ не могли разсчитывать разбить французскіе на 16-й день, а должны были по меньшей мѣрѣ добавить и эти неожиданные 14 дней, тогда какъ они раньше разсчитывали, что сопротивленіе Бельгіи будетъ сразу сломлено и операція противъ бельгійской арміи обратится въ простую военную прогулку.

Въ то время, когда нѣмцы возились съ Льежемъ и Намюромъ, левая армія нѣмцевъ, подкрѣпленная нѣсколькими французскими корпусами, сильно тѣснила нѣмцевъ, и послѣдніе, къ окончанію французской мобилизаціи, т.-е. къ 11-му или 12-му дню войны, оказались въ крайне невыгодномъ положеніи: съ фронта передъ ними стояла французская армія, протянутая вдоль бельгійской границы, а на правомъ нѣмецкомъ крылѣ—всѣмъ исправная на Брюссель бельгійская армія. Подкрѣпленная нѣсколькими французскими корпусами. Изъ этого нетрудно видѣть, что германская армія, втиснувшаяся большою плотной массой въ Бельгію, была охвачена съ фронта и со стороны праваго фланга.

Такое положеніе могло бы представлять очень большія выгоды для французскіе, если бы французская армія превосходила своими силами германскую и имѣла въ виду наступленіе.

*) Помѣщаемый въ настоящемъ номерѣ очеркъ Н. Шумскаго подъ заглавіемъ «На два фронта» представляетъ продолженіе очерка «Война, подготовка къ ней и первый планъ».

Планъ союзниковъ, очевидно, былъ построенъ на томъ, чтобы не дать осуществиться предположеніямъ нѣмцевъ. Если нѣмцы предполагали, что французы будутъ наступать, а мы обороняться, то нѣ дѣйствительности надо было создать для нихъ обстановку совершенно обратную. Наступать начали мы, а обороняться стали французы. Это конечно, совершенно разрушило расчеты нѣмцевъ, но въ же время обязывало французскіе къ пастойчивому соблюденію намѣченнаго плана оборонительной войны. Поэтому, когда нѣмцы оказались охваченными съ фронта французскими а сирана франко-бельгійскими войсками, то французы не могли наступать прежде всего потому, что это значило бы играть въ руку нѣмцамъ. Наступленіе французскіе и быстрая развязка были нужны для нѣмцевъ, а никакъ не для французовъ, вслѣдствіе чего послѣднимъ нужно было избѣгать такихъ острыхъ положеній, при которыхъ дѣло бы свелось къ азартному рѣшительному бою, гдѣ одна сторона должна быть разбита, а другая стать побѣдительницей.

Это была первая причина, почему французы не наступали на нѣмцевъ въ тотъ моментъ, когда послѣдніе плотной массой вошли въ Бельгію и были охвачены. Другой причиной, почему французы не наступали тогда на нѣмцевъ, является отсутствіе у французскіе превосходства силъ. Въ современной войнѣ при оди наковомъ болѣе или менѣе качествѣ арміи теоретически требуется, чтобы наступающій имѣлъ бы примѣрно полторное превосходство надъ обороняющимся, и только при этихъ условіяхъ возможно разсчитывать на рѣшительный успѣхъ. Наступающему приходится нести большія жертвы при наступленіи, такъ какъ обороняющій разстрѣливаетъ его во время атаки изъ хорошихъ укрытыхъ позицій, будучи самъ укрытъ отъ выстрѣловъ. Кромѣ того, всякое наступленіе сопряжено съ сосредоточеніемъ большой массы войскъ въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ, съ цѣлью сломить сопротивленіе непріятеля въ этомъ пунктѣ и разбить даже успѣхъ противъ расколотыхъ частей непріятельской арміи. Для этого, конечно, также необходимо имѣть превосходство въ силахъ.

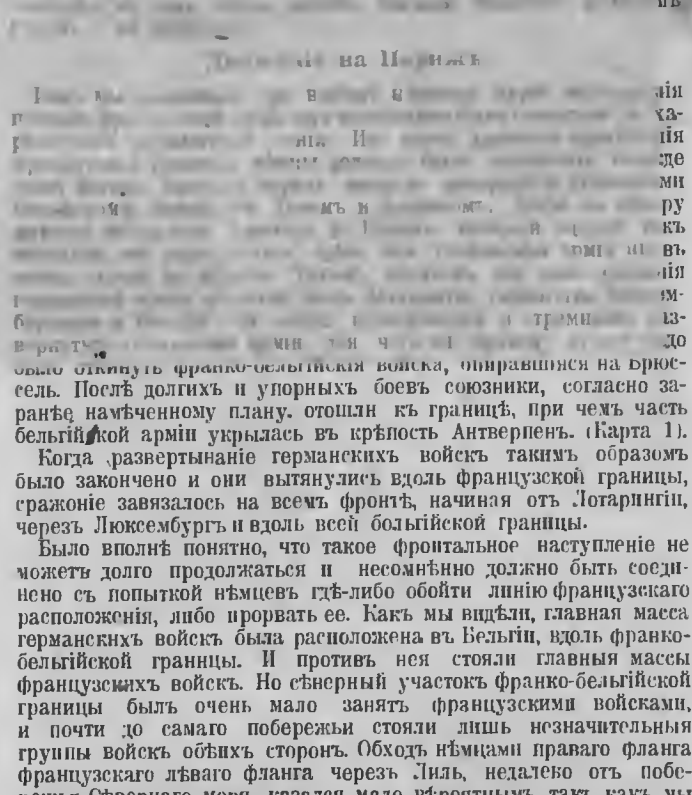
Между тѣмъ, какъ мы знаемъ, силы полевой французской арміи исчислялись въ 1,1 миллионъ человекъ, въ то время какъ силы нѣмцевъ доходили до 2 1/4 миллионъ. Правда, изъ этихъ войскъ нѣмцы должны были оставить часть корпусовъ для охраны восточной границы. Но все же и за вычетомъ этихъ войскъ у нѣмцевъ на французскомъ фронтѣ было въ первое время не менѣе чѣмъ полторное превосходство. При такихъ условіяхъ французы совершенно правильно не считали возможнымъ вести наступленіе противъ нѣмцевъ, невзирая, что послѣдніе были охвачены. Охватъ хорошъ тогда, когда охватывающія войска имѣютъ такое превосходство, что ихъ длинная охватывающая линія не можетъ быть прорвана массой противника, которая, въ свою очередь сосредоточенная, находится въ центрѣ охватывающей дуги. Въ данномъ случаѣ вслѣдствіе превосходства въ численности не французскіе, а нѣмцевъ, французскому длинному расположенію всегда могла угрожать опасность прорыва.

Такимъ образомъ вслѣдствіе превосходства нѣмцевъ въ численности, а главнымъ образомъ во имя строгого соблюденія ранѣ намѣченнаго плана, французы продолжали вести оборонительную войну, невзирая на то, что ихъ охватывающее расположеніе давало какъ бы нѣкоторыя выгоды для наступленія.

Нѣмцы, провозившись довольно долго подъ Льежемъ и Намюромъ, овладѣли при помощи громадныхъ жертвъ этими крѣпостями, задавивъ ничтожные форты громадными массами своихъ войскъ и сотнями тысячъ труповъ. Пройди мимо Льежа и Намюра, нѣмцы приступили къ выполнению своей операціи наступленія непосредственно на Францію. Было уже поздно, нѣтъ не 16-й день войны, а 30-й.

Такимъ образомъ впервые обнаружили недостатки нѣмецкаго плана, заключающійся въ томъ, что онъ былъ слишкомъ точно разсчитанъ, до того точно, какъ будто противника и его сопротивленія и не существовало. Конечно, всегда этотъ недостатокъ неомѣтимо претенціознаго нѣмецкаго плана былъ достаточно замѣтенъ. Но слишкомъ ужъ велико было обаяніе нѣмецкаго военнаго авторитета, до того сильное, что серьезные критики всѣхъ странъ обсуждали этотъ планъ, за который любому офицеру военной академіи поставили бы единицу, до того онъ противорѣчилъ элементарнымъ правиламъ военной искусства. Слѣдствіе умы Клаузевица, Жомини, нашъ русскій Лереръ говорили, что каждый шагъ на войнѣ долженъ вытекать изъ обстановки сегодняшняго

Карта показывает характер франко-германской границы. Наличие Вогез не исключало возможность операций здесь большими массами, почему для развертывания германской армии оставался лишь участок к югу от Люксембурга, Люксембург и Бельгия. Это и было одной из причин нарушения нейтралитета Бельгии.

Англія

Ламанш

Брюссель

Лондон

Осада 1914

Лонгві

Верден

Париж

Бордо

Британський Залив

Масель

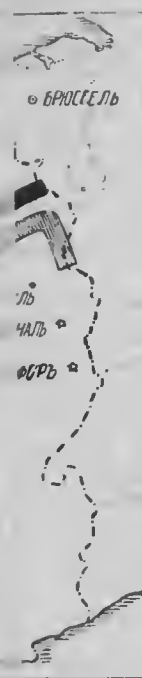
Маскись Бордо

Изъ картъ 2-й и 3-й можно видѣть разницу въ томъ способѣ наступленія, который вели итальцы въ 1870 году, а тѣмъ способомъ въ наступленіи, который они приняли въ 1914 году. Какъ видна въ 2-й картѣ, обходъ Мольте въ 1870 году былъ произведенъ тѣмъ же флангомъ германской арміи и отбѣжалъ французамъ отъ нѣга. Изъ карты 3-й видно, что обходъ итальцевъ въ 1914 году былъ произведенъ правымъ флангомъ и, наоборотъ, затѣвалъ французамъ на игръ въ богатѣйшія области Франціи, какъ бы преднамѣренно давая имъ возможность сдѣлать дѣлательнымъ свое сопротивление. Върѣдствіе этого итальцы не добились рѣшительнаго граженія во Франціи и до сихъ поръ не могутъ добиться развѣлки.

не французская армия. Никогда предметом действия не может служить какой-либо географический пункт, а всегда таким предметом должна быть неприятельская армия. Этот взгляд определенно проводится в теории военного искусства и основывается на весьма простом соображении. Какую бы территорию ни заняли, какими бы важными пунктами ни завладели, они еще не принадлежат вам до тех пор, пока целая неприятельская армия. Если эта армия разобьет противника, занявшего какое-нибудь громадное пространство, она без труда возвращает себе как утерянную территорию, так и территорию противника, ибо, постыдному, за отсутствием армий, защищать ее нечем. Но трудно захватить на чужую территорию, но, чтобы владеть ею, нужно предварительно убить защитника этой территории—неприятельскую армию. И тогда все принадлежащее неприятелю становится легкой добычей победившей армии.

Крушеніє Клуна у Парижѣ.

При таких условиях немцы могли предпринять осады Парижа и выжить для осады не имела бы никакой возможности. Армия оказалась бы в меньшинстве, и немцы никак не могли допустить, чтобы покончили с этим. Это было бы преимуществом, и в то время уже обнаружилось,

рмѣ фонъ-
вое герман-
ижемъ и
дствіе этого
жду двухъ
чь Парика
ваздъ, за-
упуститомъ.

у: ская армія будетъ продолжать
сѣбя южныя области.

отъ бакъ,
прижа,
рѣкъ
и двомъ
женіе
е не нѣв-

Восточную Пруссию, а въ Австрійі наши войска нанесли поражение австрійцамъ въ Галицкій битвѣ. И то и другое вынуждало имѣнцевъ обратить свое вниманіе на восточный фронтъ и показывало, что имъ придется выдѣлѣть часть войскъ противъ русскихъ и съ этой цѣлью взять ихъ изъ состава германской арміи, дѣйствующей по Франціи.

Однако, независимо от этого, вѣнцы вообще не могли заняться осадой Парижа, ибо это совершенно противорѣчило ихъ задачѣ покончить съ Франціей. Если бы французская армія при своемъ отступленіи вошла въ Парижъ, то для вѣнцевъ имѣло бы полный смыслъ обложить эту большую крѣпость и понести противъ нея осаду. Но тогда, когда французская армія прошла мимо Парижа, стало ясно, что взятіе Парижа, цѣпившая на тѣ жертвы, которыя вынуждены къ окончанію и будетъ продолжаться области.

Таким образом, стало очевидно, что отбьмцать н у ж и н о пройтн мимо Парижа, что они н сдла- лн. Какъ мы уже указывали, нбмц- кая армн начала свое наступленне во Францн, обходя лб- вое французское крыло у Лиля своимн правымн флан- гомъ. Здсь нбмцы нмн постоянно вы- двннутую вперед правобланговую ар- мню генерала фон- т- Клука, которн при наступленн нбм- цевъ безпрерннно обходила француз- ское лбное крыло.

Когда французы прошли мимо Парижа, их армия, имея фронт, повернутый главными образцами на север, шла от Парижа до Лотарингии вдоль границы с югу. И таким образом первое французское крыло находилось вблизи Парижа. Генерал Блук, при своем стремлении обойти левый французский фланг, сумел со своей армией из промежутка между Парижем и этим ле-

вымъ флагины. Вслѣдствіе этого генералу Клуку, въ свою очередь, угрожать обходъ французскихъ войскъ изъ Парижа. (Карта 4).

Действительно, гарнизон Парижа вышел из крепости и ударил по флангу армии генерала Клука. Таким образом генерал Кук, обходивший левое французское крыло, оказался между двух огней: с одной стороны находилось левое французское крыло, а с другой стороны стояли вышедшие из Парижа войска парижского гарнизона. Тогда вот именно и стали говорить об «окружении генерала Клука», и эта фраза об окружении генерала Клука неизменно повторялась во всех телеграммах иностранных корреспондентов в течение долгого времени.

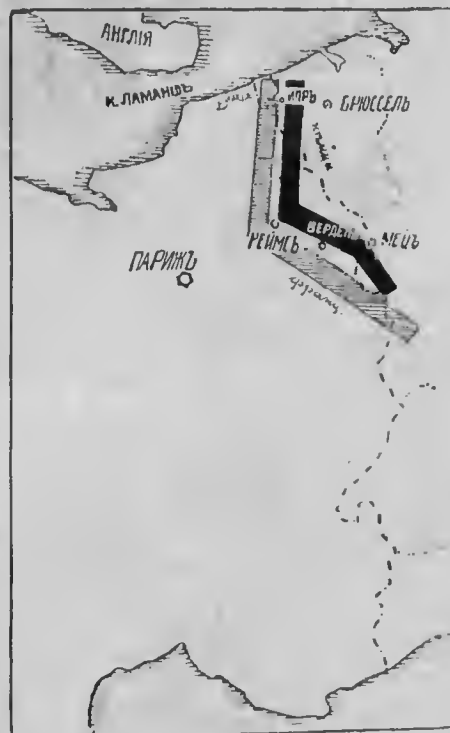
Однако генерал Клуэк не был еще окружен, но положение его, бывшее ранее угрожающим для французов, стало совсем весьма критическим. Сдавленным с двух сторон, генерал Клуэк, чтобы избежать окружения, стал пассивно отступать, и таким образом правый нидерландский фланг отошел назад. Однако удар, полученный генералом Клуэком, был настолько силен, что его армия не только докатилась обратно до Парижа, но прокатилась и мимо него и начала стремительно отступать даже к северу и северозападу.

На Марнѣ и у Ипра.

Въ этотъ моментъ нѣмцы приложили всѣ успія, чтобы остано-
вить движеніе назадъ арміи генерала Клука. Для этого они
сначала прочно заняли свои позиціи на тѣловѣ флангѣ и здѣсь
сильно окопались. Однакого послѣ ряда боевъ закопавшіе у
Реймса, въ двухъ переходахъ отъ Нарвика, нѣмцкій центръ.
Но правый нѣмцкій флангъ, —злочастная армія Клука,—продол-
жалъ стремительно катиться назадъ и наконецъ сдѣлалъ послѣднюю
попытку задержаться на рѣкѣ Эйль. (Карта 5).

Это вызвало сражение на рѣкѣ Марнѣ, названное такъ потому, что главная масса французскихъ войскъ въ районѣ центра занимала позицію по этой рѣкѣ, и только правый флангъ шелъ по рѣкѣ Энъ. къ этому времени наши успѣхи въ Австріи и занятіи нами Восточной Пруссіи потребовали отъ нѣмцевъ отъѣзды части войскъ на востокъ. Число корпусовъ, отправленныхъ нѣмцами на востокъ, было невелико, но самое главное — туда была направлена основная часть вновь сформированныхъ резервныхъ корпусовъ, которые раньше предназначались на французскій фронтъ.

Все это не давало возможности подкрепить в достаточной сте-

Карта 6.

На карте показано приверло мыкшнее положение на французском фронте. Итмекский фронт, бывший прямой линией, сломанъ поламъ и образуетъ исходящй уголъ, обращенный вершиной къ Реймсу—Нарвижу. Правый итмекский и левый французский флиги укреплены въ море. Весь фронтъ сильно укрѣпленъ. Поэтому свободный войска вывозятся на южный флангъ, правый французский и левый итмекский, гдѣ въ Эльзасъ-Лотаринги и въ Аргонахъ уже началось наступление французовъ.

лѣное крыло нѣм-
цевъ было сбито
со своихъ позицій.

Корабль-елиа

Американское судно „Язон“, привезшее в Европу шесть миллионов рождественских подарков детям, наконец всбх выходящих держав. Присытие „Язона“ в Ливануть. „Язон“ представляет собою гигантский „утопыльник“ или плывучую самонепотопляющуюся, могущую выгрузить 21,000 тонн угля одновременно тысячами дредноутов. Сь обхавь стороны судна для этой цели сдхланы 26 гигантских лебедок,

Французские солдаты одѣляютъ пищей изъ своего пайна дѣтей-сиротъ, оставшихся безъ крова.

Пас
пре
бън
гійс

при
таж
вѣм
рѣш
посл
белл
око
зан
лож
и ус
В
чет
обх
лом
был
рѣш
кин
гійс
арм
ма
неф
мари
ох
пр
ль
зм

и также должно было быть крестообразной Меца и Вердена.

Взвешивая, окончательное решение было принято в пользу прямой линии, которая образовала прямую углов Реймса, а разделение бельгийской границы: вверх к северу, дошло на запад, горизонтально до промежуточного угла, образуемого, в свою очередь с французскими войсками.

Так как итэмцы у
вести главную операцию
доточена главная масса
задачей стало стремлен
нуть вспредь свое пра
этом они имѣли задач
у Реймса так, чтобы п
описав дугу, вытянула
ловинной итэмской арм
лаяла бы горизонтал
обращенное фронтом
вовать итэмским флан
пировались главным
города Арраса и бельг

Рождество на Западѣ. У нашихъ союзниковъ.

наго торжества, слава принесла талантливому беллетристу лишь отрицательный результат: военное училищное начальство провело о писательских успехах юнкера Куприна и, призвав его пред свои грозные очи, разорвало тетрадку журнала с рассказом и приказало Куприну отправиться в карцер. „Но у меня сохранился второй экземпляр журнала“, — говорит А. И. Куприн.

Это было четверть века тому назад. После того А. И. Куприну пришлось вести крайне разнообразную жизнь. Он перепробовал множество различ-

Рождество на позициях. „За счастьем“.
Попугай подает гаданье солдатам.
По фот. нашего специального корреспондента.

Въ Сочельникъ.

Замолкли пушки разговоры,
Застыла даль въ вечернемъ снѣ,
И только четкіе дозоры
Боятся вѣрить тишинѣ...
Снѣгъ гвертъ, какъ кованныя латы,
Окна — длинный рядъ тесмы,
А въ нихъ звучать, смиренно-святые,

Христу солдатскіе псалмы, —
Онъ плече щедрою рукою
Раскинулъ звѣзды надъ землей,
И сколько ласки и покою
Льетъ въ сердце свѣтъ ихъ голубой!

Онъ приласкалъ зеленый ельникъ,
Застылъ улыбками во льду,
И каждый взоръ нашегъ въ Сочельникъ.

Свою папутную звѣзду...
И каждый шель съ ней къ тихой дали,

Стучался у родныхъ дверей
И слышалъ суженой печали
И видѣлъ слезы матерей...

Лишь на зарѣ, когда осколки
Разсыплетъ по снѣгу снарядъ, —
Спадетъ паръ съ небеси и елки,
И свѣчи-звѣзды догорятъ...

Сергій Михѣевъ.

„Меня пѣсню и пѣтской“. По фот. нашего специального корреспондента.

ныхъ профессій, перенеситалъ в своей сутолоки готовымъ, сложив наблюдений и выводовъ. Съ той ли не самымъ любимымъ русскимъ вѣдомъ московскомъ журнальчѣ аудиторію. Вѣдь и каждому Куприну душь сладкое чувство художника.

А. И. Купринъ — настоящий художникъ — перо. Но чувствуется, что тельнымъ живописцемъ, скульпторомъ бы сливаются все эти роды искусства. что, не сдѣлай скульпторомъ, или музыкантомъ все же нашли бы для себя исходъ купринскія произведенія: въ нихъ пластичностью, въ нихъ блещутъ яркими красками почти живописныя картины, пейзажи, портреты. Творчество Куприна, это — гармоническое сочетание почти всѣхъ родовъ искусства.

А. И. Купринъ принадлежитъ къ чисто-реальной художественной школѣ. Трезвый и спокойный наблюдатель жизни, онъ чуждается всего неяснаго, неопредѣленнаго, сверхчувственнаго. Это изобразитель дѣлъ земныхъ въ ихъ тѣсной земной оболочкѣ. Бытописатель, подобный и равный по силѣ изобразительности лучшимъ нашимъ беллетристамъ-классикамъ, Купринъ является совершеннымъ антиподомъ Метерлину. И въ то же время, въ конечномъ итогѣ его творчества, слышатся тѣ же ноты пѣканія міровой правды и истины, какъ и у великаго бельгійскаго поэта. Оба они какъ бы дополняютъ другъ друга.

Поручикъ Купринъ. По поводу 25-лѣтія литературной дѣятельности А. И. Куприна, совпавшаго съ призывомъ писателя на военную службу. По фот. К. Глибовской.

А. И. Купринъ.
сердце
сестры
японс
сердце

Купринъ — лику, точно такъ, ныхъ домъ милы дѣвушки эти его з атомъ чувств эпосъ и дру полне и пер русск мягки жемъ рѣкъ, полни и не! При скаго лею с стіе в торы міров меназ Купринъ переэ кимн сужд палти верво воле ченіи столь и въ гово!

плати „Незабудка“, издаваемый издательством „Незабудка“. Журнал располагается в помещении, близком к центру, на первом этаже. Владельцы, имеющие опыт в издательском деле, стремятся к тому, чтобы журнал был интересен и полезен для читателей. В этом году особое внимание будет уделено вопросам, касающимся жизни и творчества писателей, а также вопросам, связанным с развитием культуры и искусства.

иетъ. Ф. СВѢТЪ ВО ТѢМѢ. Ц. 1 р. 25 к. 1-е изд. Ц. 40 к. 3) ЛѢСНОЙ-АГАФОРУЖОНЪ. Ц. 1 р. 35 к. 4) Нарковичъ. 5) Ростовская, М. В. Кресты-нола. Ц. 2 р. 6) Тихоновъ, В. Бура. Ц. 1 р. 20 к. 7) Чарская, Л. А. пелериния. Ц. 1 р. 50 к. 8) Гимна-1 (р. 35 к. 8) Шведеръ, Е. Бѣтлицы.

Предъ вами цѣлая матицкая библиотека изъ книгъ, предназначенныхъ для дѣтей. Среди массы этихъ книжекъ Тихоновъ, Шведеръ и др. выделяются прелестью очертаній покойнаго Н. А. Тихонова „Море“ (эти очерки были впервые напечатаны въ „Нивѣ“). Къ сожалѣнію, Н. А. Тихоноу удалось издать только одну книгу, а остальные, въ томъ числѣ „Море“, остались въ печати. Книжка названа „Бура и штиль“. Во всякомъ случаѣ, ради тихоновскаго „Моря“ слѣдуетъ всеневѣрно рекомендовать эту книгу молодымъ читателямъ.

Дѣти идутъ г-жа Чарская со своими гимназистками и институтками и романтически-идеальными преподавателями („Идеалистка“, г. Шведеръ съ гимназистками („Маленькіе бѣглецы“)). Тутъ и недурное иностранное переводное произведение (г. Бертъ „Маленькіе школьники“), въ которомъ повѣствуется о томъ, какъ живутъ и учатся юные школьники въ разныхъ странахъ свѣта.

Очень хорошее опечатаніе производитъ очеркъ М. В. Ростовской (Молодой) „Кресты-нола“. Здѣсь повѣствуется о старикѣ, отставномъ учителѣ, который почти безъ всякихъ средствъ ухитрился устроить въ родномъ селѣ школу, богадельню и больницу. Очеркъ являясь тепло и долженъ дойти до чистоты юнаго сердца.

Во общемъ въ новой рождественской серіи изданій г. Губинскаго издательства изъ книжекъ, несомнѣнно, прочтутся дѣтскимъ съ удовольствіемъ.

Изданія Т-ва А. С. Суворина. Каринцевъ, Н. Ц. Два друга. Изд. 1913 г. Ц. 1 р. 30 к. 2) Сказки и легенды шведскаго народа. Изд. 1913 г. Ц. 1 р. 75 к. Пороховщикова, М. Марусенька. Изд. 1913 г. Ц. 75 к.

Дѣтскія книги изданія Т-ва А. С. Суворина отличаются прекрасной вышностью и хорошимъ содержаніемъ; слѣдуетъ отметить интересную и содержательную повѣсть Ник. Каринцева „Два друга“. Въ основаніи этой повѣсти лежитъ дѣйствительное (по словамъ автора) событіе, разсказанное извѣстнымъ путешественникомъ (Стэнли) въ его книгѣ о путешествіи по Африкѣ. Интересно и другая книга того же автора „Сказки и легенды шведскаго народа“. Легенды эти обработаны примѣнительно къ дѣтскому пониманію и доступны даже для сравнительно маленькихъ читателей.

Особенно примѣнительно опечатаніе маленькой книжки М. Пороховщиковой „Марусенька“ съ прелестыми рисунками автора.

произведеніе А. Н. Куприна въ двухъ книжкахъ — окончаніе его прогнѣвшейся повѣсти „Яма“, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляемъ возможность приобрести за весьма недорогую цѣну *Собраніе сочиненій А. Н. Куприна въ 21 томъ* (т. е. что было приложено при „Нивѣ“ въ 1912 г.) за особую доплату къ подписной цѣнѣ „Нивы“ — 1 р. 50 к. съ доставкой и пересылкой въ Европ. Россію.

Библиографія.

Изданія протоіерейя А. Темномѣрова. 1) Картины для изученія Священной Исторіи. Цѣна 3 р., на картѣ 15 руб. Слѣдуетъ въ общ. рел.-православнаго просвѣщенія. Петроградъ. Стремнина, 20.

2) Пастырь и яхтменъ жалобы на недовѣрчивость и несправедливость религіознаго образованія дѣтей. Пастырь поэтому не пріятельствуетъ попыткамъ прот. А. Темномѣрова одиозно въ дѣтскомъ сознаніи дорогихъ сердцу библейскихъ событій извѣстныхъ историческихъ картинъ.

Картины прот. А. Темномѣрова, — чуждыя во-первыхъ, и неимѣющія никакой образовательной цѣли. Прекрасна живопись, но въ то же время и живое представленіе о событіяхъ въ ихъ исторической обстановкѣ и, по строгому соотношенію библейскому повѣствованію, справе-ливо могутъ быть названы книгой, или, если угодно, картиной. Картина прот. А. Темномѣрова оживить и оживитъ изученіе Священной Исторіи въ нашихъ школахъ и окажутъ помощь родителямъ при ознакомленіи дѣтей съ библейскими событіями.

3) „Незабудка“, журналъ для дѣтей. Имѣетъ отъ дѣтскихъ книгъ, много родителей предостерегаютъ выпустить для дѣтей журналъ. Это предостереженіе не лишне, такъ какъ журналъ за недорогую плату даетъ матеріалъ для чтенія въ теченіе года. Къ сожалѣнію, большинство дѣтскихъ журналовъ не ставятъ себѣ опредѣленныхъ воспитательныхъ задачъ, но считаютъ съ тѣмъ, какія мыслы и настроенія возбуждѣтъ чтеніе въ впечатлительной дѣтской душѣ.

Въ высшей степени осторожно къ выбору литературнаго матеріала отно-

иеромонахъ Антоній (Смирновъ), геройски погибшій на заградитель „Прутъ“, 16-го октября с. г. въ Черномъ морѣ, близъ Севастополя.

друга: въ основаніи этой повѣсти лежитъ дѣйствительное (по словамъ автора) событіе, разсказанное извѣстнымъ путешественникомъ (Стэнли) въ его книгѣ о путешествіи по Африкѣ. Интересно и другая книга того же автора „Сказки и легенды шведскаго народа“.

Особенно примѣнительно опечатаніе маленькой книжки М. Пороховщиковой „Марусенька“ съ прелестыми рисунками автора.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „Нивы“.

Въ виду выражаемаго многими подписчиками „Нивы“ на 1915 годъ желанія получить еще въ этомъ году объявленную нами въ приложеніи

Генеральную карту средне-европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій, считаемъ необходимымъ заявить, что, вполне понимая живой интересъ читателей къ этой картѣ, мы приложили всѣ усилія къ ускоренію ея печатанія. Но размѣры карты, значительное число красокъ, необходимость исключительной тщательнаго печатанія, въ связи съ потребностью отпечатать большое количество экземпляровъ, чтобы удовлетворить всѣхъ подписчиковъ „Нивы“, настолько осложнили ея изданіе, что мы можемъ разослать карту нашимъ подписчикамъ на 1915 годъ лишь при №№ 2 и 3 „Нивы“, которые выйдутъ въ свѣтъ 10-го и 17-го января 1915 года.

Желающіе получить карту въ указанный нами срокъ, а также получить своевременно и самый жур-
наль „Ниву“ 1915 года съ приложеніями **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1915 годъ**, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы не можемъ поручиться за своевременную доставку первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ **воспользоваться** прилагаемымъ при этомъ № подписнымъ бланкомъ въ видѣ **почтового перевода**.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Галлерей оредновъ. Фантастическія рождественскія разсказы. Вл. А. Тихонова. Съ иллюстраціями В. Спасскаго. Пирамиды. Разсказъ М. И. Поттоенко. Съ иллюстраціями В. Саврога. — Разсказы не публикуются. Разсказъ Сергія Аксанина. — На два фронта. Очеркъ К. Шумскаго. (Съ 15-ю картинками). Въ Сочельникъ. Стихотвореніе Сергія Михеева. — А. И. Купринъ. — Библиографія. — Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ. — Объявленія. РИСУНКИ: Божья Матерь съ Младенцемъ на Тропѣ. — Поклоноіе волхвовъ. — Бѣство въ Египетъ. — Рождество на Западѣ. У нашихъ союзниковъ 13 рел. Рождество на позиціяхъ (2 рел.). — Солдаты раздаютъ милостыню бѣднымъ дѣтямъ въ Галиціи. — Между пѣсней и вѣсной. — Поручикъ Куоринъ. — А. И. Купринъ съ супругой Е. М. Куприной. — Пастырь-герой иеромонахъ Антоній (Смирновъ).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій В. Г. Короленко им. 26“.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

№ 52. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ). съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. Короленко, А. И. М. 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 листовъ ч. Выданъ 27 декабря 1914 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ 8 руб., на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. 11

Въ дыму пожара.

Разсказъ Д. Н. Романова.

1. Никого стелются по землѣ червыя клубы смраданаго дыма. Видно, откуда-то издадека принесло ихъ вѣтромъ и бросило въ лица медленно идущему отряду.

Самого пожарника еще не видно, не видно даже и зарева изъ-за этихъ высокихъ когенъ, молчаливыми рвдами падающихъ на вѣстрѣчу, простирающихся свои косятыя корявыя вѣтви. Кажется, конца не будетъ этому безконечному дѣлу. Тяжелый противный запахъ гари затрудняетъ дыханіе, проникаетъ все глубже въ легкія, вызывая удушливый кашель, бѣтъ глаза, кажется, старается за-браться въ самый черепъ, гдѣ работаютъ еще живая, лихорадочная мысль, давить вѣски, стягивая ихъ словно желѣзными обручами, стучить въ нихъ тысячами маленькихъ молоточковъ...

А люди все идутъ и идутъ... Чемъ гуще заволакиваетъ ихъ коварная нечеловѣчья дымъ, тѣмъ напряженнѣе работаютъ усталыя ноги, ускоряя и безъ того уже быстрый шагъ. Никого не надо подбадривать, каждый самъ понимаетъ и чувствуетъ, что не это пустяки въ сравненіи съ ожидающимъ впереди, что тамъ, за этимъ моремъ гари, ждетъ ихъ самъ злой огненный козунъ, съ которымъ придется бороться до послѣднихъ каплей крови.

Гдѣ-то вдалекѣ глухо прожигались, какъ отдаленный громъ, пер- вые выстрѣлы, прокатились и заглохли, словно нѣтъ было не подъ силу прорваться къ вамъ густую завѣсу черной копоти.

Во время артиллерійскаго боя подъ Иловымъ, нѣмцы, ста- лунить, обстрѣливали всѣ высокія точки: кост-

Вотъ оно, начинается! — пробѣ бой повернулись въ ту сторону, г образнымъ безконечнымъ дѣломъ

уже
ныя
Въ
вать
По
спе
връ
бли
вѣ
на
гзя
нит
чак
ужа
В
тол
юч
вне
при
М
ногъ

его командира и
мгновенно про-

орodie, ихъ вы-
и двигаться впе-
датель и шестна-
нь, бросаться на
орodie говорить,
можно ближе,—
земли выросъ
арецъ батальон-

ъ за этимъ же
дай, что сейчасъ

авеньямъ справа
ндоваль онъ, и
по цѣпи отъ че-
зтонула въ тем-

датель зашевели-
зла впередъ
ожидали падать,
нымъ грохотомъ

ная минута.

окопахъ уже
иные слышны солдатъ, унизавшихъ бруст-
рушащихся въ клубкахъ дыма подъ взры-

— пошто по цѣпи. Многие перекрестились...
аку! Ура!—крикнулъ Ратовъ и, обнаживъ

хъ цѣпью.
и, поднялась рота, раздалось оглушитель-
поехали впередъ... Скорѣе бы добраться
о стучать пулеметы, свинцовый вихрь
и теперь до него никому нѣтъ дѣла ми-
се, не все ли равно! Вотъ и брустверъ...
ся объ него, взматывается вверхъ и, рух-
я по всей траншеѣ. Въ дикомъ нечело-
крикѣ, ругательствахъ и проклятии топаютъ
Съ пожара палетали удрученные клубы
внѣ сражающихся... На мигъ окутывали
деревомъ и, словно испугавшись слившихся
дей, разнеслись по сторонамъ, обдавая
нимъ красноватымъ дыханіемъ.
прошло, какъ все было кончено.
Было враговъ, и штыки, еще алые отъ
ротивления, опускались сами собой.

Разсказать — не повѣрять.

Разсказъ **Сергія Аксапина.**
(Окопчаніе).

III.
таться было нечему. Если это война, то
олько ищущи, но и наши.

ительнаго въ томъ, что передъ нимъ от-

кій лѣсъ, и притомъ, несмотря на то,

челеный да цвѣтущій, а вокругъ него до-

лина, вся поросшая свѣжей молодой травой и испещренная са-

мыми разнообразными цвѣтами,—да, тамъ за лѣсомъ, послыша-

лись звуки трубъ густые такіе, сочные и стройные. А ихъ раз-

скакала звучная барабанная дробь.

Потомъ изъ-за лѣса выскочили всадники въ красивыхъ синихъ

кафтанахъ и въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ; среди нихъ важно

и величественно ѣхалъ на бѣломъ конѣ гене-

ралъ съ длинной пушистой сѣдой бородой. Уже

это видно, что генералъ, потому что кафтаны его

были весь зашиты золотомъ. А позади на коняхъ

ѣхало несметное войско, и разбивались разно-

цвѣтными знамена.

Дмитро и минуты яе сомнѣвался въ томъ, что

это наши. Видно же. Такіе все рослые и кра-

савцы, и одежда у нихъ красивая. У кого же

еще можетъ быть такое войско? Не у

! Видѣлъ онъ сей-

А эти—молодежь къ

брали ихъ.

и пришло сюда наше

и батко. Устъ

больше быть? Гм...

интъ-то! А я-то, дурачокъ.

и-нибудь въ ямъ да

ему скучно, и онъ

такіе молодцы, гар-

только".

но вглядываться въ

въ, идущихъ вѣдѣхъ

то не видно среди

и близко и остано-

ру-ту-ту-ту-ту-ту...

Сербскій нороль Петръ на позиціяхъ наблюдаетъ въ бинокль за ходомъ боя.

Ратовъ сидѣлъ на мокрой отъ крови землѣ, прислонясь къ

лафету теперь уже безвреднаго орудія.

Фельдшеръ наскоро перевязывалъ рану въ руку.

— Спасибо, братцы!—слабымъ голосомъ крикнулъ Ратовъ со-

бранившимся вокругъ солдатамъ.

— Рады стараться, вани-ство!—гаркнули эти взрослые дѣти.

чуть не со слезами смотрящими, забывъ про собственную уста-

лость и раны, какъ дѣлалась перевязка ихъ отцу-коман-

диру.

— Саша, милый, наконецъ-то и тебя нашли!—И чья-то женская

фигура, провалившись черезъ плотный строй солдатъ, бросилась

на колѣни передъ пораженнымъ Ратовымъ.

— Соня, откуда ты?—могъ только тотъ крикнуть.

Потомъ все завертелось передъ глазами. Мысли перепутались,

и отъ упала въ глубокой обморокъ на руки рыдавшей жены...

Черезъ нѣсколько дней въ вриказѣ по дивизіи значилось:

Жена ротнаго командира Н-скаго пѣхотнаго полка Софій

Николаевна Ратова за безпримѣрное мужество, съ которымъ она,

пройдя черезъ всю линию огня, пробралась къ своему мужу въ

только-что взятые непріятельскіе окопы и, самоотверженно уха-

живая за ранеными, поддерживала бодрый духъ солдатъ,— награ-

ждается знакомъ 4-й степени.

Протрубили трубащи, наставивъ свои инстру-
менты широкими горлами прямо на него, а
послѣ этого генералъ на бѣломъ конѣ подѣ-

халъ къ нему.
— Гм...—сказалъ генералъ, глядя на него
сверху внизъ. — Да тутъ какой-то хлопецъ,
всего толькo хлопецъ. А мы думали, что тутъ
цѣлая храбрая армія. А куда же ушла армія?

Эй, хлопецъ, говори, куда ушла армія?
— Я не видалъ никакой арміи, отвѣтилъ
Дмитро, нисколько не оробѣвъ: — была тутъ
нѣмецкая нечисть, такъ я ее всю на мѣстѣ
уложилъ, и теперь отъ нея даже и духу не
осталось.

— Такъ это ты уложилъ ее?

— А то кто же? Известно, я.

— Да какъ же ты это сдѣлалъ? У тебя
даже и пушки нѣтъ.

— А для чего мнѣ пушка? Я изъ нея и
стрѣлять-то не умѣю. Я не изъ пушки. Я ее
салою.

— А, саломъ! Гм... Ну, такъ разскажи же,
какъ ты это сдѣлалъ.

— А никакъ. Онъ самъ, вотъ этотъ, кото-
рый былъ между нами старшій нѣмецъ...

— Генералъ, — подсказалъ кто-то.

— Нѣ-этъ... Какой тамъ! Развѣ у нѣмцевъ

и австро-сербскіе дѣйствія. Волчьи ямы съ проволочными загражденіями, вырытые
на значительномъ пространствѣ въ австрійскихъ провинціяхъ для отраженія атакъ сербовъ.
Ямы эти, разной глубины, расположены неправильными рядами впереди позицій, и въ каждой изъ нихъ
вбитъ острый ноль.

На австро-сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Волчьи ямы съ проволочными загражденіями, вырытые
на значительномъ пространствѣ въ австрійскихъ провинціяхъ для отраженія атакъ сербовъ.
Ямы эти, разной глубины, расположены неправильными рядами впереди позицій, и въ каждой изъ нихъ
вбитъ острый ноль.

можетъ быть генералъ? Онъ на ко-
ровѣ ѣхалъ. Развѣ генералы ѣздятъ
на коровахъ? Генералъ, известно,

всегда на бѣломъ конѣ. Такъ онъ
взялъ кусокъ сала и началъ грызть

и жевать его, пожевалъ-пожевалъ и
окопурился. А потомъ всѣ стали же-

вать, — съ голодовки, должно-быть, —
да всѣ и окопурились. Вотъ я смотрю

и вижу: цѣлая гора ихъ, и думаю:
куда же мнѣ ихъ дѣвать? Взялъ да

перекрестился разъ и другой и тре-
тій, — они и провалились сквозь землю.

А тутъ какъ разъ и вы подошли.

— Молодецъ, — сказалъ гене-
ралъ. — А ну-ка, трубащи, протру-

бите ему славу!

Трубащи прогудѣли что-то необык-
новенно торжественное.

— А теперь подведите ему коня
да посадите его, а то ему, малень-

кому, пожалуй, не вскочить.

Мнѣ не вскочить? Да я лѣтомъ,
когда кони пасутся въ полѣ, прямо

съ разбѣга вскакиваю.

И, придерживая лѣвой рукой тор-
бу, а правой ухватившись за гриву

коня, который уже стоялъ передъ
нимъ, Дмитро занесъ ногу и въ

одинъ мигъ очутился въ сѣдлѣ.

— Ребята, впередъ! — скомандо-
валъ генералъ и припирнулъ

На австро-сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Лагерь у Ни-
сербской арміи, 12-лѣтній мальчикъ, прекрасный стрѣ-
локъ и дѣло

Должно-быть, отъ бѣшеной и все въ головѣ перепуталось. Чѣмъ образомъ попалъ сюда, въ эту мѣстность, скачетъ на конѣ, и что такое вообще случилось? Оно: что сѣдло, въ которомъ сидѣлъ, и что въ томъ мѣстѣ нестерпимо жарко, и что не можетъ сидѣть. — Я лучше сойду и ужь какъ-нибудь жарить оно меня, какъ поросенка.

танцуютъ коня, слѣзъ съ него по той дорогѣ, одинъ-единишечекъ, и одинъ день, ноги у него мокры, а въ горлѣ пересохло такъ, что, если бы тутъ по воду выпить бы.

торба, я въ ней сало и колбасы, и отъ одного вида ихъ жажда у меня.

Господи, и спечетъ Дмитро высохшими губами: — да зачѣмъ же это несешь?

Онъ выпизъ и плачетъ. А земля внутри кто-нибудь топить, а чужие? А ну-ка, подыми го-

«Всюду жизнь». На улицѣ Львова. Завоеватели и завоеванные.

батька и у Харитона Ткаченка, — они же всегда пополамъ застѣваютъ, — баштанъ стережъ?

— А такъ и есть! — радостно восклицаетъ Дмитро: — дѣдъ Аннкой, и баштанъ стережъ.

— Ну, погоди. То ли еще окажется? А какъ же тебя самого зовутъ?

— Какъ зовутъ? Такъ если бы же и звалъ...

— А, можетъ, тебя... Хе-хе... Подумай, хлопче, не зовутъ ли тебя Дмитромъ?

— Господи, да какъ же не Дмитромъ? Я Дмитро и есть.

— А батько твой яе Архипъ Ковальчукъ, а матеръ ие Марика ли, а сестра ие Федоска? А ты не съ печи ли слѣзъ и не попалъ ли на войну, чтобы сыскать тутъ твоего батька и принести ему торбу съ саломъ и колбасами, на праздники разгоститься?

— А ну-да, яу-да. А гдѣ жь торба? Тутъ... вотъ она... А гдѣ же мнѣ найти батька? Вотъ я хожу-хожу и никакъ не могу найти его... И жарко мнѣ такъ, и солнце палитъ,

Дневъ Табакъ, музыка и назка

Онъ и... а... ухонь... ювой... перья... той... вѣ...

Наши солдаты обѣдаютъ вмѣстѣ съ плѣнными австрійцами на дворѣ казармъ во Львовѣ. По фот. нашего спеціального корреспондента.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ „Нивы“.

Въ виду выражаемаго многими подписчиками „Нивы“ на 1915 годъ желанія получить объявленную нами въ приложеніи

Генеральную карту средне-европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій,

считаемъ необходимымъ заявить что, вполне понимая живой интересъ читателей къ этой картѣ, все усилія къ ускоренію ея печатанія. Но размѣры карты, значительное число красокъ, необхо-

тельно-тщательнаго печатанія, въ связи съ потребностью отпечатать большое количество экземпляровъ, удовлетворить всѣхъ подписчиковъ „Нивы“, настолько осложнили ея изданіе, что мы можемъ

нашимъ подписчикамъ на 1915 годъ лишь при №№ 2 и 3 „Нивы“, которые выйдутъ въ свѣтъ 1

января 1915 года.

Желающихъ получить карту въ указанный нами срокъ, а также получить своевременно „Ниву“ 1915 года съ приложеніемъ **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1915 годъ**, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мы не можемъ поручиться за своев-

первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ **воспользоваться**

этомъ № подписнымъ бланкомъ въ видѣ **почтоваго перевода**.

и пить хочется, и губы у меня потрескались отъ жажды... И спитъ у меня нѣтъ дальше нити.

— Такъ это же оттого, что ты глупый. Ты хотя и храбрый хлопецъ и цѣловъ войско ятмечное однимъ кускомъ сала уложилъ, а все-таки ты глупый. Ты оглянься, поверни-ка голову, хлопче.

Дмитро оглянулся и вскрикнулъ отъ радости. Подъ самымъ носомъ его протекала ручей, прозрачная вода его тихо катилась по мягкому песчаному дну, а по краямъ его росли, наклонившись надъ нимъ, молодая зеленая верба, и вѣтви ихъ свѣшивались до самой воды и кончиками сеюми погружались въ нее. Вско- чилъ Дмитро на ноги, быстро, однимъ движеніемъ, снялъ съ себя одежду, чоботки и рубаху и влѣзъ въ ручей, припавъ къ водѣ жадными губами и нилъ, пилъ безъ конца свѣжую, прохладную, чистую влагу. А потомъ купался, плавалъ, нырялъ, кувыркался и такое испытывалъ сладостное ощущеніе, какого, кажется, никогда еще въ жизни не испытывалъ.

— Ну, будешь ужъ тебѣ, — сказалъ дѣдъ. — Время-то позднее. Смотри, солнце вонъ какъ уже низко скатилось на западъ, а тебѣ еще нужно батька сыскать.

— А гдѣ же батько? — спросилъ Дмитро.

— А гдѣ-нибудь въ ямѣ сидитъ, и скучно ему, и проголодался онъ. Ахъ ты, Господи, а я такъ и думалъ.

И онъ сейчасъ же выскочилъ изъ ручья, высушился на солнцѣ и одѣлся. Торба лежала тутъ; онъ ошупалъ ее: все, какъ слѣдуетъ. Колбасы и сало на мѣстѣ.

— Вотъ я и готовъ, — сказалъ онъ: — теперь и ноги не отекаютъ, и я опять могу идти, сколько угодно. Ты только скажи мнѣ, дѣдъ Аннкой, въ какую сторону мнѣ пойти, чтобы сыскать батька?

— Хе-хе-хе... — добродушно смѣется дѣдъ Аннкой, и его единственный зубъ какъ-то странно прыгаетъ во рту. — А зачѣмъ же тебѣ идти далеко? Развѣ яе видишь? Вонъ за ручьемъ народъ шепелится, такъ это же наше доблестное войско. Куда ни по-смотри, все головы, головы во все стороны, до самого края земли. Гдѣ она уже сходится съ небомъ, все занято явными доблестными войскомъ. Такъ ты туда и иди, навѣрно и батько твой тамъ, больше нигдѣ ему и быть.

— А, можетъ, дѣдъ Аннкой, ты со мной пошелъ бы... Все-таки старый челонѣкъ, тебѣ уважать.

— Я-то? Да я пошелъ бы, отчего же и яе пойти и не помочь хлопцѣ малому, а только рѣдъ я... гм... гм...

Дмитро оглянулся, а яа мѣстѣ дѣда Аннкия была только потоптанная трава. Исчезъ дѣдъ Аннкой, точно въ землю ушелъ. Какъ явился, такъ и исчезъ.

Поправилъ Дмитро яа спинѣ торбу и пошелъ къ ручью, перв- магнувъ черезъ него, какъ будто это была канавка какая-ни- будь, да прямо къ войску.

Принесъ. А войско яа него смотреть — что, молъ, за смѣль- чакъ такой, откуда взялся?

Поклонился Дмитро войску, снялъ шапку и говоритъ: — Вы, люди добрые, будете наше доблестное войско?

Ему отвѣчаютъ:

— Такъ, молъ, и есть. А откуда, хлопецъ, пришелъ, и что тебѣ здѣсь надо?

— А я, — говоритъ Дмитро: — родомъ изъ села Мерицкова и зовутъ меня Дмитро, а по батькѣ я Ковальчукъ. А слѣзъ я съ печи и пришелъ сюда, на войну, чтобы поимать моего батька, Архипа Ковальчука, который въ солдатахъ служилъ. И принесъ я ему торбу съ саломъ и колбасами, чтобы у него было чѣмъ разговѣться на праздникъ Рождества Христова.

— Да неужто сало и колбасы? Да, такъ и есть, настоящее сало и колбасы. А только, — отвѣчаетъ ему полковникъ: — солдата такого у насъ, кажется, нѣтъ. Эй, кто тамъ, посмотрите ие спис- скахъ, развѣ есть у насъ солдатъ Архипъ Ковальчукъ?

— Нѣту такого! — отвѣтилъ кто-то издалика.

— Какъ жь нѣту, когда батько по- жетъ, его — не дай Господи — убили?

— Эй, кто тамъ, посмотрите въ спи- тамъ солдатъ Архипъ Ковальчукъ?

— Нѣту такого.

— Ну, слава Богу! — воскликнулъ Д. Значитъ, батько еще живъ. А только въ живыхъ ни въ умершихъ не най- найти?

— Эй, кто тамъ, посмотри въ третью Архипа Ковальчука?

— Есть. Въ спискѣ героевъ имѣется.

— Вотъ какъ хорошо! Какъ прин- герой. Ну, а есе-жъ-таки поимать с торбу. Ужъ дозвольте.

— Ну, хорошо. Ты егъ увидишь...

Видитъ Дмитро, что цдали показале- руками и бѣжитъ къ нему, а на груди медалей, да еще рядомъ съ ними кре-

Батько уже въ какой-нибудь сотнѣ: стало вдругъ жарко, припекло бока и

И какъ ни крѣпился Дмитро, не выде-

— Ай-ай-ай! — И вдругъ батько ис- исчезло все войско.

— Ну, вотъ, слава Богу, такъ-прос- когда ужъ не добужусь, — говорила ея

Ну, слѣзай жь съ печи да прочитай во- изъ волости принесли, отъ батька т Дмитро, поворачивайся!

Держась обѣими ладонями за спи- мѣсто, слѣзаетъ Дмитро внизъ, съ нел- я ничего не понимаетъ. Тогда Марик воды и хорошенько вымыла ему ли- хался.

— Такъ это я во снѣ, — съ глѣбо- залъ онъ: — а я думалъ...

И онъ рассказалъ Марикѣ все, что онъ успѣлъ за столъ, распечаталъ, тельно разбирать каракули, яаписе-

Но Архипъ писалъ не съ войны, а раненъ въ ногу, лежалъ въ лазаретъ, равливается и что скоро, — можетъ-бы- придетъ домой, въ родное село на

— Ну, вотъ, — говорила Марика оно и не даромъ тебѣ приснилось. мой, раненый онъ! Можетъ, плохо е что съ ногой его сотворилось.

— Такъ, мамка, оттого же батько сказалъ Дмитро, невольнѣ спастая- нѣмъ: — вѣдъ и полковникъ же такъ твой батько Архипъ Ковальчукъ.

На четвертый день праздника пр- Онъ дѣйствительно былъ герой, о че- на его груди. Онъ еще немного при- тхалъ, чтобы попользоваться вольнѣ- но не надолго, всего нѣдѣли на двѣ

И когда смотрѣлъ на него Дмитро- соков сапоги и мѣховую шапку, ем- то въ то въ этой шинели, и са- жь крестомъ, когда въ присутствіи- конника бѣжать къ нему.

Бѣжалъ, да не добѣжалъ. Эхъ, и это самое время лежанка такъ сѣ- даже я стерпѣть было невозможно

Писатель Ал. Луговой.

Мирь похоть тяжелую потерю: скончался наш писатель, писатель большого таланта, Александр Луговой-Тихонов. Он родился в 1853 году в г. Варнавини. Его детство, сознательную часть детства он провел в семье, где его отец, богатый помещик, имел свой завод. Будущий писатель поначалу не был ни писателем, ни журналистом, он был и губернатором, и писателем, и журналистом. Он был отдан в пансион и гимназию, где он изучал классические писатели, а также еще в детстве привил А. А. Луговому любовь к литературе. Но литератором он стал только в зрелую пору своей жизни. Его литературная деятельность, поначалу связанная с коммерческой деятельностью, пошла на убыль.

В Петербургском Технологическом Институте он занялся делами большого завода, где он работал, и в то же время занимался литературой. Но вскоре дела с отцовским заводом пошатнулись. А. А. отправился путешествовать по Европе, а затем и по Америке, и по возвращении он занялся ликвидацией своих коммерческих дел. В 1914 году ему удалось развязаться с ними, и он вернулся в Петербург, чтобы постоянно жить и работать над литературой.

А. А. Луговой сложилось уже совершенно определенное мнение о литературной деятельности. Однако он не смог окончательно уйти из прежней жизни, и его собственному признанию, он не мог от нее уйти, ибо ему было близко к литературе. Он занимался литературными работами, и в то же время служил одному богатому фабриканту и торговцу кожевенными и другими товарами, ездя по его поручению во Францию, Бельгию и Англию, чтобы завязать заграничные торговые связи, и в конце концов, по предложению одной знакомой французской фирмы, решил открыть самостоятельную торговлю. Но потом у него дела пошли на лад, торговля не заладилась, и А. А. Тихо-

Александр Алексеевич Тихонов-Луговой (1853-1914).

нов вышел из затянутого им дела с громадными долгами, почти разоренным.

Эта катастрофа однако положила начало уже настоящей, законченной в его жизни, литературной деятельности. В одном из московских журналов в 1884 году появилось первое напечатанное стихотворение А. А. Лугового — перевод из В. Гюго: «Прощайте, женитесь, ея надежды». Следует отметить (на это указывают и сам А. А. Луговой), что это первое его печатное стихотворение и даже первая строка его являются как бы программой для всей его писательской деятельности, для всего его писательского естества: эта мысль прощения, надежды и грешащим проходить красной нитью через все, что было написано А. А. Луговым.

Супруга писателя — Л. А. Тихонов.

А. А. Тихонов-Луговой у себя в усадьбе, в Луге, где писатель провел последние годы жизни.

Тихонов-Луговой в молодости.

НА ДВА ФРОНТА.

Очерки Н. Шумного.

(С 15-ю картзами).

(Окончание).

Нынешнее положение во Франции.

Таким образом нынешнее положение немцев совершенно исключает для них возможность предпринять какую-либо решительную операцию во Франции. После затопления громадного пространства у побережья, всякая операция в этом районе должна прекратиться и в крайнем случае ограничиться лишь небольшими боями и перестрелками. Вследствие этого у побережья, на правом немецком и на левом французском флангах, где обе стороны до сих пор прилагали самые серьезные усилия, вопрос уже окончательно решен. Здесь, по крайней мере в ближайшее время, обе стороны вынуждены к временному бездействию, а в последующее время могут начать какие-либо операции при содействии английского флота французы, но никак уже не немцы. Между тем мы видели, что именно на этом фланге немцы с самого начала войны вели решительные операции и предпринимали тот обход, который должен был привести к разгрому французской армии и к концу войны.

Из этого нетрудно видеть, что стратегическая операция немцев против Франции лопнула, и им придется изобретать какой-либо новый план операций.

Исключив таким образом район у побережья из числа районов будущих операций, отметим также, что сильные укрепления, возведенные обеими сторонами в центре, также исключают возможность каких-либо крупных событий и здесь. Остается левый немецкий фланг у Вердена и Меца и далее район Лотарингии и Эльзаса. Когда начались операции у побережья, обе стороны временно отказались от каких-либо значительных действий в районе Эльзаса и Лотарингии, и здесь крайние фланги, левый немецкой армии и правый — французской, сходились на нбт.

Для того, чтобы уяснить себе возможные дальнейшие операции на французском фронте, необходимо обратить внимание на характер тех боевых столкновений, которые обе стороны вели здесь. Обе стороны на всем своем длинном протяжении сильно окопались, устроили ряд искусственных препятствий и таким образом повели позиционную войну. Благодаря большой силе возведенных укреплений, обе стороны могли держать в них незначительное число войск, ибо сила укреплений так велика, что их можно оборонять небольшими частями. Поэтому и у французов и у немцев получилась масса свободных войск, которые они вывели сначала французы на левый, а немцы на свой правый фланг. Эти войска и вели активные операции на крайнем фланге у побережья, то наступая, то отступая, то охватывая друг друга, до тех пор, пока обе стороны не достигли до моря и не уткнули свои фланги в берег. Тогда обе стороны и здесь сильно окопались. Поэтому и на побережье являлась возможность для обеих сторон после ряда упорных боев оставить лишь незначительное число войск, которые, опираясь на укрепления, удерживали бы занятые позиции.

Снова осталась свободная масса войск, которую опять нужно было вывести куда-либо на фланг, чтобы она, опираясь на укрепления, могла выйти вперед и вести наступление в полг.

Этот способ действия давно рекомендуется военной литературой. Из приведенного нами описания видно, что сущность его заключается в том, что центр укрывается, а войска выводятся на фланги и образуют как бы два крупных наблюдателя на концах расположения, в виде двух крупных масс. Получается как бы нечто в роде «стратегического бумеранга», где полководец, придерживая центр, ударяет все время массами, сосредоточенными на флангах, пытаясь на одном из этих флангов сломить неприятельское расположение.

До сих пор таким флангом был избран левый французский и правый немецкий. Теперь же, после того как и там укрепились обе стороны и северные фланги дошли до моря, этим флангом неминуемо должен стать противоположный фланг: правый французский и левый немецкий. Действительно, насколько можно судить по последним известиям, бои уже начались частью в Эльзасе, частью в Лотарингии, а частью в Аргонах, т. е. несколько севернее Лотарингии, против Люксембурга, в районе крепостей Вердена и Меца.

Так как в настоящее время немцам пришлось еще несколько корпусов послать на восточный фронт, то расположение их ослабло, и бои в Эльзасе и Лотарингии и в Аргонах ведут уже французы.

Наступление австрийцев на Люблин.

Немцы, предприняв наступление главными массами на Францию, возложили на австрийскую армию задачу наступать в наши пределы и приковать к себе нашу армию с тем, чтобы по крайней мере не дать ей возможности наступать в пределы Германии. Выбрав с тем немцы с своей стороны оставили для охраны своей восточной границы несколько корпусов: 3 корпуса, имевшие постоянную стоянку в Восточной Пруссии,

1 корпус, стоявший в Познани, и 1 корпус, находившийся в районе Силезии. Эти корпуса были подкреплены несколькими резервными корпусами, и в первое время общее число германских войск, охранявших восточные границы, не превышало 8—10 корпусов, так как немцы считали, что австрийцы, если уж не разобьют наши войска, то во всяком случае привлекут на себя значительную часть этих войск.

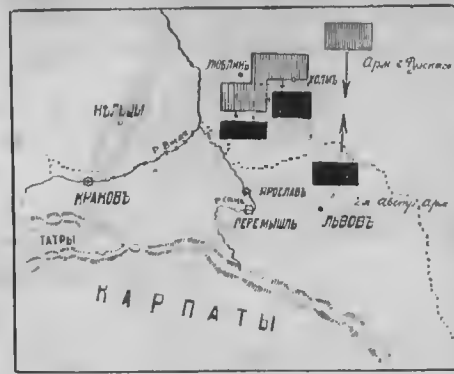
Во исполнение намеченного плана австрийцы, пользуясь своей ранней готовностью, начали наступление в пределы Люблинской и Холмской губерний, ведя также наступление отдельными австро-германскими корпусами по левому берегу Вислы в Кельцкой губернии. По имеющимся в настоящее время сведениям, австрийцы наступали в состав 3 армии, которая вместе с тыловыми учреждениями составляли около одного миллиона человек. Операция эта была введена австрийцами довольно искусно. Главная масса австрийских войск была сосредоточена на правом фланге и двигалась в Холмскую губернию. Таким образом австрийцы стремились нанести удар нашему левому крылу.

Согласно заранее намеченному плану, главная масса наших войск была также сосредоточена на нашем правом фланге и имела в виду нанесение удара австрийскому левому флангу. Когда австрийцы, наступая в Холмскую губернию, завязали бой с войсками нашего левого фланга, последние преднамеренно отступили, и правый австрийский фланг последовал за ними в глубь нашего расположения. Войдя таким образом в район нашего расположения, при преследовании нашего отступающего левого фланга, австрийский правый фланг оказался охваченным. Он вдавился в нашу линию, и войска нашего правого фланга, которая прочно занимала свои позиции, естественно его охватили. Таким образом австрийский правый фланг, углубившись в наше расположение, оказалсяжат: с фронта теми войсками нашего левого фланга, которые он преследовал, а на своем левом крыле австрийцы почувствовали удар завязавшего на своих позициях нашего правого фланга. При таких условиях начался разгром правого фланга австрийцев.

В то же время наши войска, сосредоточенные уже к нашему правому флангу, потеснили перед собой левый фланг австрийцев. Это вполне понятно из того, что, как мы видели, у австрийцев главная масса была сосредоточена к их правому флангу, и следовательно, на их левом фланге было мало сравнительно войска. Поэтому левый австрийский фланг не выдержал и стал отходить. Между тем, как мы указывали выше, противоположный австрийский фланг, правый, сильно в это время продвинулся вперед.

Итак, образовался как бы разрыв в центре австрийцев: их левый фланг отошел назад, а правый пошел вперед. При таких условиях отделившийся с силой фланг австрийцев подвергся основательному разгрому. После этого наши войска повернулись против левого фланга австрийцев, который быстро уже отступал к югу, к Галиции, вдоль Вислы. (Карта 7).

На карт 7 показано движение австрийцев в Люблинскую и Холмскую губернии. Как видно, правый фланг австрийцев у Холма потеснил наши войска, которая отозли, согласно заранее намеченному плану. Вследствие этого австрийцы продвинулись вперед к Холму и вдались в наше расположение. При этом они естественно были охвачены со стороны левого фланга. В то время, когда часть наших войск сдерживала люблинскую группу австрийцев, другая часть наших войск, охватив холмскую группу австрийцев, разбила ее. Армия генерала Рузского стояла уступом за левым флангом наших главных сил, обеспечивая этот фланг. В случае, если бы австрийцы охватили наш левый фланг у Холма, армия генерала Рузского, в свою очередь, охватила бы охваченных австрийцев. Такой же уступ находился позади правого австрийского фланга, в лице второй австрийской армии. Генерал Рузский, атаковав вторую австрийскую армию, разбил ее, вследствие чего овладел Люблном. Затем, повернувшись на север, стал действовать по тылу австрийцам, отступавшим из Люблинской и Холмской губерний.

Карта 7.

съ юга на сѣверъ, въ Люблинскую и Холмскую губернии, имѣли за своимъ правымъ флангомъ такъ называемый „уступъ“, въ видѣ отдѣльной второй австрійской арміи. Сущность уступа заключается въ томъ, что войска, назначенныя въ уступъ, становятся сзади и въ данномъ случаѣ правѣ фланга главной арміи. Поэтому въ случаѣ, если бы мы охватили австрійскій правый флангъ, то насъ атаковать бы находящійся сзади этого праваго фланга австрійскій уступъ. Въ этомъ и заключается въ сущности „расположеніе уступа“, именно въ томъ, что онъ обезпечиваетъ открытый флангъ. Вполнѣ понятно, что, если сзади открытаго фланга поставить какую-либо часть войскъ, то противникъ не можетъ охватить уже этого фланга, ибо, если онъ его охватитъ, то уступъ его въ свою очередь атакуетъ и охватитъ его самого.

Такъ какъ лѣвый австрійскій флангъ при наступленіи упирался въ рѣку Вислу и двигался по ея правому берегу, то австрійцы, естественно, не опасались, что мы охватимъ этотъ флангъ, такъ какъ этому охвату препятствовала Висла. Поэтому они опасались только за свой правый флангъ, сзади котораго и устроили такую предохранительную прививку отъ охвата, какъ уступъ.

Одинаково и мы держали за нашимъ лѣвымъ флангомъ, т. е., слѣдовательно, противъ праваго австрійскаго фланга, также уступъ въ видѣ арміи генерала Рузскаго, обезпечивая себѣ этимъ свой лѣвый флангъ. Однако генералъ Рузскій не ограничился своею ролью предохранительнаго уступа и повелъ наступленіе противъ того австрійскаго уступа, который передъ нимъ стоялъ. Этотъ австрійскій уступъ, вторая австрійская армія, былъ разбитъ генераломъ Рузскимъ и послѣдшне сталъ отступать, пытаясь прикрыть находившійся сзади него Львовъ. Тѣмъ не менѣе преслѣдованіе арміи генерала Рузскаго было настолько настойчиво и непрерывно, что вторая австрійская армія не могла удержаться ни на одной позиціи, и генералъ Рузскій занялъ Львовъ.

Къ этому времени главная операція въ Люблинской и Холмской губерніяхъ была закончена: правый австрійскій флангъ былъ разбитъ, а лѣвый отступалъ къ югу по берегу Вислы. Недалеко отъ границы Галиціи лѣвый австрійскій флангъ выставилъ аррьергардъ, который занялъ сильную позицію въ углу между Вислой и Саномъ, опирая лѣвый флангъ въ Вислу, а правый въ Санъ. На этой позиціи, на линіи Оноле-Туробинъ, австрійскій аррьергардъ долженъ былъ держаться до тѣхъ поръ, пока главныя силы австрійской арміи не переправятся черезъ Санъ въ близости его устья. Такъ какъ Санъ въ этомъ районѣ довольно широкъ и глубокъ и имѣетъ болотистые берега, то можно себѣ представить, какую трудную задачу предстояло выполнить австрійцамъ при переправѣ всей массы тыловыхъ учреждений, сани-

нотери. Результатомъ этого разгрома было свыше 100 тысячъ плѣнныхъ, такое же число убитыхъ и раненыхъ и до 350 взятыхъ орудій. Но самое главное — было сломлено первое сопротивленіе главныхъ силъ австрійцевъ, со стороны которыхъ въ этомъ бою участвовала почти вся армія.

Послѣ этого разгрома началось неумолимое преслѣдованіе австрійцевъ почти по всей Галиціи, гдѣ они тѣтено пытались задержаться на рядѣ параллельныхъ рѣкъ, преграждавшихъ намъ пути наступленія. Однако наши войска ни на минуту не останавливались, продолжая это замѣчательное преслѣдованіе, и дошли на разстояніе 100 верстъ до Кракова.

Одновременно наша конница, занявъ Ужоскій перевалъ, перешла Карпаты и спустилась въ Венгерскую равнину. Предпринимая наступленіе изъ Галиціи въ Люблинскую и Холмскую губернии, австрійцы выставили нѣсколько отрядовъ въ Восточной Галиціи, которые должны были угрожать нашимъ сообщеніямъ при движеніи нашихъ войскъ въ Люблинскую губернію. Для этого собраны въ Восточной Галиціи отряды должны были наступать въ Кіевскую губернію. Противъ этихъ австрійскихъ армій была двинута армія генерала Брусилова, которая, разбивъ австрійцевъ на Гинлой Линіи, овладѣла рядомъ крѣпостей, прикрывавшихъ переправы черезъ Днѣстръ. Были взяты штурмомъ Галичъ и Миколаевъ. И тогда именно конные отряды арміи генерала Брусилова перешли черезъ Ужоскій перевалъ. (Карта 9).

Такимъ образомъ австрійская армія была окончательно надломлена, и дальнѣйшее ея сопротивленіе уже не могло быть такимъ упорнымъ и опаснымъ, а сводилось лишь къ тому, чтобы насъ задержать и выиграть время, необходимое нѣмцамъ для окончанія операціи во Франціи. Въ тѣхъ же непосредственныхъ результатѣхъ галиційской побѣды явилось занятіе всей Восточной Галиціи и главной части Западной Галиціи, за исключеніемъ Кракова и небольшого района, 100 верстъ въ діаметрѣ, впереди него.

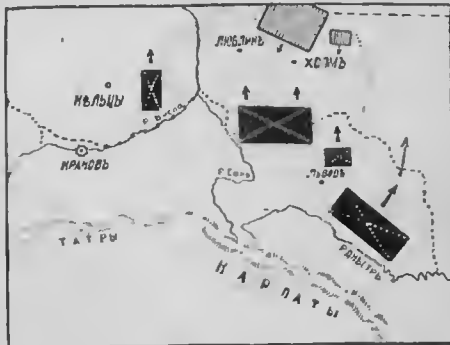
Вступленіе въ Восточную Пруссию.

Наше стратегическое положеніе въ Царствѣ Польскомъ характеризуется тѣмъ, что справа Западная Польша охвачена Восточной Пруссіей, а слѣва ее охватываетъ Галиція. Поэтому при нашемъ движеніи по кратчайшимъ путямъ на Берлинъ черезъ Познань можно было ожидать какъ попытки нѣмцевъ двинуться на югъ изъ Восточной Пруссіи, такъ и попытки австрійцевъ двинуться на сѣверъ изъ Галиціи. И то и другое могло угрожать нашимъ путямъ сообщенія, и поэтому мы, естественно, должны были сначала какимъ-либо способомъ избавиться отъ этихъ угрозъ на флангахъ, въ видѣ восточно-прусской арміи на правомъ и галиційской арміи на лѣвомъ флангѣ. Это было возможно двумя способами: либо завоеваніемъ въ Галиціи и Восточной Пруссіи, либо завоеваніемъ одной изъ этихъ областей, съ тѣмъ, чтобы противъ другой былъ выставленъ заслонъ. (Карта 10).

Въ началѣ войны группа нашихъ войскъ двинулась въ Восточную Пруссию, съ цѣлью сначала избавиться отъ угрозы на правомъ флангѣ нашихъ кратчайшихъ путей на Берлинъ черезъ Варшаву—Познань.

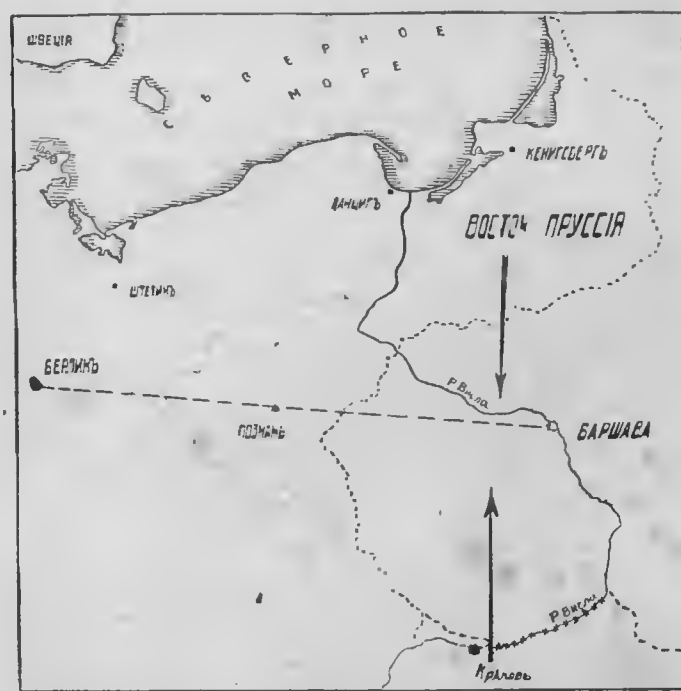
Въ Восточной Пруссіи были расположены 2 германскихъ корпуса: 1-й въ Кенигсбергѣ, а 20-й въ Алленштейнѣ. За ними находились въ Данцигѣ 17-й корпусъ, а южнѣе—въ Познанѣ и Бреславлѣ—5-й и 6-й корпуса. Кроме того, въ Восточной Пруссіи находилось нѣкоторое число резервныхъ корпусовъ. Такимъ образомъ германская армія на нашемъ фронтѣ нечислялась при мѣрно въ 250—300 тысячъ человекъ.

Восточная Пруссія по справедливости считается самымъ труднымъ театромъ войны въ Европѣ. Правильнѣе даже считать эту провинцію цѣлой сплошной громадной крѣпостью, до того сильныя препятствія на этомъ театрѣ какъ естественныя, такъ и искусственныя, возведенныя нѣмцами.

Карта 9.

На картѣ показано, что одновременно съ наступленіемъ австрійцевъ въ Люблинскую и Холмскую губерніи особая группа австрійскихъ войскъ расположилась на рѣкѣ Днѣстрѣ, угрожая отсюда наступленіемъ въ наши предѣлы, главнымъ образомъ въ Кіевскую губернію, съ тѣмъ, чтобы отрезать пути сообщенія нашей арміи, оперирующей на люблинскомъ и холмскомъ направленіяхъ. Противъ этой австрійской группы была двинута небольшая армія генерала Брусилова, которая разбила австрійцевъ на Золотой Линіи, взяла крѣпости Галичъ и Миколаевъ, овладѣла переправами на Днѣстрѣ и, перейдя черезъ Карпаты, спустилась въ Венгерскую долину.

Карта 10.

Изъ карты видно, что Восточная Пруссія и Галиція охватываютъ своимъ расположеніемъ Западную Польшу. При движеніи отъ Варшавы черезъ Познань на Берлинъ войска изъ Восточной Пруссіи и изъ Галиціи могутъ угрожать сообщеніямъ. Поэтому операціи нашихъ войскъ начались одновременно съ занятія Галиціи и Восточной Пруссіи, чтобы парализовать возможную угрозу, исходящую на флангахъ путей изъ Варшавы черезъ Познань на Берлинъ.

Восточная Пруссія преграждена тремя вертикальными линіями озеръ, и затѣмъ далѣе также вертикальной линіей рѣки Вислы, отъ Данцига до Торна. Первая линія, это—линія Мазурскихъ озеръ. Она состоитъ изъ 3 большихъ озеръ и множества мелкихъ, соединенныхъ протоками. Всѣ перешейки между озерами обороняются укрѣпленіями и батареями, которыя разстрѣливаютъ каждый перешеекъ вдоль и поперекъ. Вполнѣ понятно, что пройти по такому перешейку почти невозможно.

Наиболѣе важный перешеекъ между двумя большими озерами запертъ небольшою крѣпостью Лѣтценъ. Слѣдующая линія озеръ—Зенебургская, а еще слѣдующая—Остеродская. Эти группы также представляютъ собою рядъ озеръ, соединенныхъ протоками, при чемъ каждый перешеекъ, одинаково какъ и на Мазурскихъ озерахъ, охраняется цѣлой системой укрѣпленій и искусственныхъ препятствій.

Позади этихъ трехъ линій озеръ находится крѣпость Кенигсбергъ, представляющая собою редюитъ, т. е. центральный пунктъ обороны всей Восточной Пруссіи. Впереди этой крѣпости имѣются укрѣпленныя позиціи у Тауля и Лабіау. (Карта 11).

Какъ мы указывали, всѣ эти три линіи озеръ протекаютъ съ сѣвера на югъ и, слѣдовательно, являются сильнымъ препятствіемъ на путяхъ съ востока на западъ. Обойти ихъ съ сѣвера крайне трудно, такъ какъ тамъ имѣется сначала специальная позиція противъ этого обхода, такъ называемая позиція за рѣкой Ангераппъ, а еще сѣвернѣе находится море. Однако крайне трудно обойти эту позицію съ юга, ибо здѣсь находятся знаменитые Юганисбургскіе лѣса. Юганисбургскіе лѣса растутъ на болотистой мѣстности, и проходъ черезъ нихъ возможенъ только по узкимъ лѣсистымъ дорогамъ, которыя всѣ перерѣзаны окопами, укрѣпленіями, проволочными загражденіями и всякаго рода другими искусственными препятствіями.

Изъ этого можно видѣть, что при движеніи черезъ линію озеръ съ востока нашимъ войскамъ приходилось наступать небольшими колоннами, по узкимъ перешейкамъ между озерами, при чемъ эти колонны, вынужденныя скопиться на одномъ мѣстѣ, разстрѣливались со всѣхъ сторонъ.

При движеніи же съ юга черезъ Юганисбургскіе лѣса нашимъ войскамъ также приходилось идти такими же небольшими колоннами по узкимъ дорогамъ, увязая въ проволочныхъ загражденіяхъ и искусственныхъ препятствіяхъ, подъ огнемъ въ упоръ нѣмцевъ изъ окоповъ и укрѣпленій, преграждавшихъ поперекъ дорогу.

Движеніе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссию было произведено двумя группами. Одна группа наступала съ востока на западъ, черезъ Мазурскія озера, а другая наступала съ юга на сѣверъ черезъ Юганисбургскіе лѣса въ тылъ Мазурскимъ озерамъ.

Первая группа, наступавшая съ востока на западъ черезъ

Мазурскія озера, двинулась главной массой въ обходъ этихъ озеръ съ сѣвера, гдѣ путь прикрывался сильно укрѣпленными позиціями на рѣкѣ Ангераппъ. Въ то же время вторая группа нашихъ войскъ съ упорнымъ боемъ продвинулась черезъ Юганисбургскіе лѣса и стала выходить въ тылъ Мазурскимъ озерамъ. Этотъ неожиданный натѣкъ съ двухъ сторонъ, когда нѣмцы были заняты операціями во Франціи, заставилъ германскіе гарнизоны, бывшіе на Мазурскихъ озерахъ, отступить. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовали рядъ упорныхъ боевъ за слѣдующую линію озеръ—Зенебургскую, и по взятіи послѣдней наши войска подошли къ группѣ Остеродскихъ озеръ. Правобережные наши части находились уже у передовыхъ укрѣпленныхъ позицій крѣпости Кенигсберга—Тауля и Лабіау.

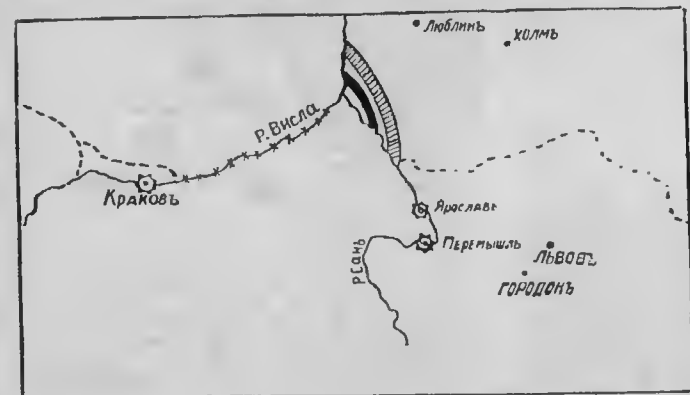
Въ это время обозначилось наступленіе громадныхъ массъ австрійцевъ въ Люблинской и Холмской губерніяхъ. Вполнѣ ясно, что это движеніе происходило на совершенно противоположномъ намъ стратегическомъ флангѣ—на лѣвомъ, въ то время какъ операціи въ Восточной Пруссіи происходили на другомъ концѣ, на нѣсколько сотъ верстъ отъ Люблинской губерніи, на нашемъ правомъ флангѣ. Такимъ образомъ передъ нами предстала задача: гдѣ сосредоточить центръ своихъ усилій: у Балтійскаго ли моря, въ Восточной Пруссіи, или же близъ Карпатъ, въ Галиціи, Люблинской и Холмской губерніяхъ. Однако рѣшать самостоятельно этого вопроса мы не стали, такъ какъ наступленіе въ Люблинскую и Холмскую губерніи почти 1 милліона австрійцевъ, естественно, привлекло туда наши войска. Благодаря этому центръ всѣхъ нашихъ усилій сосредоточился въ Люблинской и Холмской губерніяхъ, гдѣ 1 милліонъ австрійцевъ, вторгшихся въ наши предѣлы, угрожалъ выйти къ Ивангороду и затѣмъ, двигаясь далѣе къ сѣверу, дотянуться до Восточной Пруссіи. Такое движеніе могло отрезать весь выдающійся клинъ Царства Польскаго.

Въ виду этого районъ Восточной Пруссіи, вслѣдствіе сосредоточенія нашихъ усилій на противоположномъ концѣ, въ Галиціи, временно пересталъ привлекать наше вниманіе. Основное правильное стратегіи строго предписываетъ имѣть всегда одну определенную цѣль, а не двѣ и не три. И мы, естественно, не могли разложить своихъ усилій поровну между Галиціей и Восточной Пруссіей, не сдѣлавъ себя равно слабыми въ обоихъ районахъ. Поэтому, когда обнаружился обходъ значительныхъ германскихъ силъ у Солдау, гдѣ былъ убитъ генералъ Самсоновъ, командовавшій нашей арміей, наши войска подъ натискомъ значительныхъ силъ нѣмцевъ отошли изъ Восточной Пруссіи.

Карта 11.

На картѣ показано движеніе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссию, двѣ стрѣлки у Мазурскихъ озеръ показываютъ движеніе противъ Мазурскихъ озеръ съ востока. Стрѣлка у Юганисбургскихъ лѣсовъ показываетъ движеніе нашихъ войскъ съ юга. Какъ видно изъ этой карты, въ то время, какъ наши войска атаковали съ фронта Мазурскія озера съ востока, другая группа вышла въ тылъ Мазурскимъ озерамъ съ юга и этимъ облегчила взятіе этой сильной позиціи. У Мазурскихъ озеръ показана рѣка Ангераппъ, за которой устроена нѣмцами позиція, обезпечивающая линію Мазурскихъ озеръ отъ обхода со стороны ихъ лѣваго фланга, т. е. съ сѣвера.

Карта 8.

На картѣ показано, при какихъ условіяхъ австрійцамъ приходилось отступать изъ Люблинской и Холмской губерній. Позади нихъ находился уголъ, образуемый рѣками Саномъ и Вислой. Чернымъ показанъ австрійскій аррьергардъ, который уперъ фланги—лѣвый въ Вислу, а правый въ Санъ,—прикрывая отступленіе всѣхъ обозовъ и главныя силы австрійской арміи. Во время этого отступленія были нанесены австрійцамъ громадные потери и взято большое число плѣнныхъ.

тарныхъ, парковъ, обозовъ, громаднаго числа орудій и всего того, что составляетъ тяжеловѣсную принадлежность всякой арміи. (Карта 8).

Къ этому времени вторая австрійская армія, подкрѣпленная кое-какими новыми частями, высланными частью изнутри страны, частью взятыми изъ гарнизоновъ крѣпостей Кракова и Перемишля, нѣсколько оправилась и пыталась поддержать австрійцевъ, очутившихся въ такомъ положеніи въ Люблинской губерніи, на границѣ Галиціи. Тогда генералъ Рузскій выставилъ противъ второй австрійской арміи заслонъ, повернулся на сѣверъ и сталъ дѣйствовать во флангъ и въ тылъ главной массѣ австрійцевъ, пытавшихся отступить изъ Люблинской губерніи. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ австрійская армія совершила свое отступленіе, и, невзирая на то, что уже давно къ нимъ на помощь переправился германскій корпусъ съ лѣваго берега Вислы, изъ Кѣлецкой губерніи, австрійцы понесли при этомъ отступленіи наиболѣе

Первая помощь австрийцам.

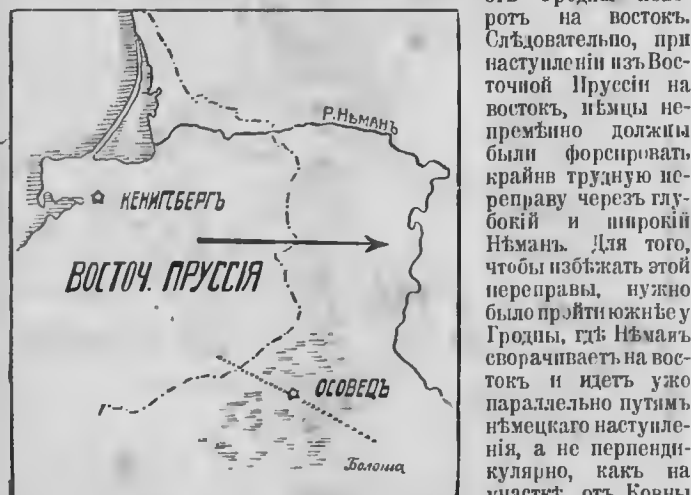
Ликвидировать временно вопрос в Восточной Пруссии, наши войска принялись за задачу докончить австрийскую армию. Сила сопротивления вынужденных европейских народов вообще очень велика. И это сопротивление измѣряется не только количеством выставленных дивизий, но и силой его культуры, знаний и духа. Поэтому такія катастрофы, которыя вли бы сразу къ полному уничтоженію всей вооруженной силы даннаго народа, въ нынѣшнее время нвмыслимы. Задача уничтожить армию противника понимается только въ томъ смыслѣ, чтобы сломить эту силу настолько, чтобы она оказалась неспособной къ какимъ-либо серьезнымъ активнымъ выступленіямъ. Австрию нужно было добить такимъ образомъ, чтобы впоследствии съ нею не пришлось серьезно считаться, и чтобы поэтому было достаточно придержать австрийскую армию незначительными числами войскъ, отъ времени до времени переходя въ наступленіе и нанося поражение, и имѣть такимъ образомъ свободныя руки для дѣйствій противъ главнаго и сильнѣйшаго врага—Германи.

Послѣ галиційской битвы австрийская армія была сильно надломлена, и намъ предстояло нанести лишь нѣсколько „дополнительныхъ ударовъ“, которыя бы уже совершенно обезвредили австрийцевъ. Это отлично поняли нѣмцы и почувствовали, что въ ближайшемъ будущемъ имъ придется остаться безъ союзниковъ, что они окончательно потеряютъ цѣлую армию, хотя и не блиставшую особенными достоинствами, но все же современную европейскую армию, правильно обученную, снабженную всѣмъ необходимымъ, во всякомъ случаѣ нѣкую значительную силу.

Это обязывало нѣмцевъ прійти на помощь австрийцамъ. Кромѣ того, и сами австрийцы послѣ галиційскаго сраженія очень восторжались и засыпали Вильгельма просьбами о помощи, указывая, что они сдѣлали очень много для Германіи и своимъ наступленіемъ въ Люблинскую губернію спасли погибающую Восточную Пруссию.

Однако нѣмцамъ подать руку помощи было не такъ легко.

Въ это время правобережная германская армія генерала Клука была въ критическомъ положеніи, охваченная французами, и нѣмцы, очевидно, сильно увидели во Франціи. Тогда германскій генеральный штабъ рѣшилъ произвести наступленіе къ Нѣману съ тѣмъ, чтобы, угрожая Петроградомъ-Варшавской желѣзной дорогой, вынудить наши войска бросить Галицію и послѣднѣе къ сѣверу, въ Сувалкскую губернію, на охрану этихъ важныхъ путей.

Карта 12.

Карта показываетъ наступленіе германцевъ къ Нѣману. Какъ видно, часть нѣмцевъ наступала прямо къ Нѣману, а часть пыталась пойти въ обходъ Нѣмана черезъ Осовецъ. Нѣманъ протекаетъ параллельно границѣ Восточной Пруссіи, но на выгостъ Осовца дѣлаетъ поворотъ на юго-востокъ. Слѣдовательно, здѣсь можно пройти мимо Нѣмана и углубиться въ наши территоріи, не переходя черезъ него. Однако на этомъ пути находятся болота, единственная дорога черезъ которыя запирается крѣпостью Осовецъ. Какъ извѣстно, попытка нѣмцевъ переправиться черезъ Нѣманъ потерѣла крушеніе, а попытка двинуться на крѣпость Осовецъ въ обходъ Нѣмана была также отбита съ большими потерями для нѣмцевъ.

По исполненіи этого плана нѣмцы двинули свою восточно-прусскую армию къ Нѣману. Рѣка Нѣманъ, протекая въ общемъ направленіи отъ Ковны до Гродны съ сѣвера на югъ, дѣлаетъ отъ Гродны поворотъ на востокъ. Слѣдовательно, при наступленіи изъ Восточной Пруссіи на востокъ, нѣмцы непременно должны были форсировать крайню трудную переправу черезъ глубокой и широкой Нѣманъ. Для того, чтобы избѣжать этой переправы, нужно было прійти южнѣе у Гродны, гдѣ Нѣманъ сворачиваетъ на востокъ и идетъ уже параллельно путямъ нѣмецкаго наступленія, а не перпендикулярно, какъ на участкѣ отъ Ковны до Гродны. Однако пути въ обходъ южнѣе Гродны пересѣкаются болотистой долиной рѣки Наревы, черезъ которую имѣется единственная жалѣзная дорога отъ Лыка черезъ Осовецъ на Бѣлостокъ. Эта узенькая дорога прикрывается крѣпостью Осовецъ. Такимъ образомъ нѣмцамъ при выполненіи своей новой операціи предстояло или переправиться

черезъ глубокой и широкой Нѣманъ, или же идти въ обходъ его, черезъ болота Бобра и Наревы, по единственной дорогѣ, запираемой крѣпостью Осовецъ, а слѣдовательно и штурмовать эту крѣпость.

Нѣмцы повели наступленіе изъ Восточной Пруссіи двумя группами войскъ по обоимъ направленіямъ: и прямо на Нѣманъ и южнѣе его, въ обходъ Нѣмана на Осовецъ.

Какъ извѣстно, наступленіе нѣмцевъ на Нѣманъ потерпѣло полную неудачу, и наши войска даже не подпустили ихъ близкъ къ этой рѣкѣ, а загнали обратно въ Восточную Пруссию. Однако полнымъ крахомъ закончилось и наступленіе нѣмцевъ черезъ Осовецъ, гдѣ не только отбиты были всѣ ихъ штурмы, но и нѣмцы были сами отогнаны къ своей границѣ, къ городу Лыку. При этомъ, самое главное, нѣмцы были отбиты тѣми нашими войсками, которыя находились въ районѣ Нѣмана. И наступленіе нѣмцевъ ни на минуту не заставило насъ подумать о томъ, чтобы двинуть къ Нѣману войска, преслѣдующія разбитыхъ австрийцевъ, изъ Галиціи. Изъ этого нетрудно видѣть, что наступленіе нѣмцевъ къ Нѣману имѣло результатомъ, во-первыхъ, полную неудачу тактическую, выразившуюся въ томъ, что нѣмцы во время этого наступленія были разбиты и отброшены назадъ въ Восточную Пруссию, и, во-вторыхъ, неудачу стратегическую, выразившуюся въ томъ, что нѣмцевъ наступленіе къ Нѣману не достигло цѣли и не заставило насъ оттянуть своихъ войскъ изъ Галиціи и привести ихъ къ Нѣману.

Между тѣмъ, къ тому времени положеніе австрийцевъ стало особенно тяжелымъ. Наши войска перешли черезъ Санъ, обложили крѣпость Перемишль и приближались къ Кракову. А другая группа нашихъ войскъ продолжала овладѣвать первыми черезъ Карпаты и частью спустилась въ Венгерскую долину. Австрийцы продолжали просить нѣмцевъ о помощи, и сами нѣмцы сознавали, что надо спасти Австрию, ибо, какъ ни ивудачно дерется австрийская армія, она все же приноситъ нѣмцамъ нѣкоторую пользу, отвлекая отъ себя часть нашихъ силъ. И вели австрийская армія будеть разбита, эти силы обратятся ужъ противъ нѣмцевъ.

Къ тому времени бельгійская армія, занимавшая Антверпенъ, подверглась ряду атакъ со стороны нѣмцевъ. Положеніе бельгійской арміи было таково: ей предстояло или запереться въ Антверпенѣ, или выйти изъ Антверпена и присоединиться къ англо-французскимъ войскамъ. Первое было безусловно невыгодно, ибо ни одна армія никогда не должна запирается въ крѣпости. „Обложенье крѣпости есть стратегическая смерть“, говоритъ Клаузевицъ. И вполнѣ естественно, что такую же стратегическую смертью погибаетъ и армія, оказавшаяся въ обложившей крѣпости. Подъ стратегической смертью этотъ большой военный авторитетъ подразумѣваетъ, что армія, запертая въ крѣпости, привлекаетъ къ себѣ лишь нѣкоторое количество силъ, потребное для обложенья этой крѣпости, и болѣе ни на что уже неспособна. Такъ погибла армія французовъ въ 70 году въ Мецѣ, такъ погибла турецкая армія Османа-пашы въ 77 году въ Плевнѣ, и такъ погибли всѣ арміи, запиравшіяся въ крѣпости. Крѣпость обладала, и завершаясь въ ней армія обезвреживалась.

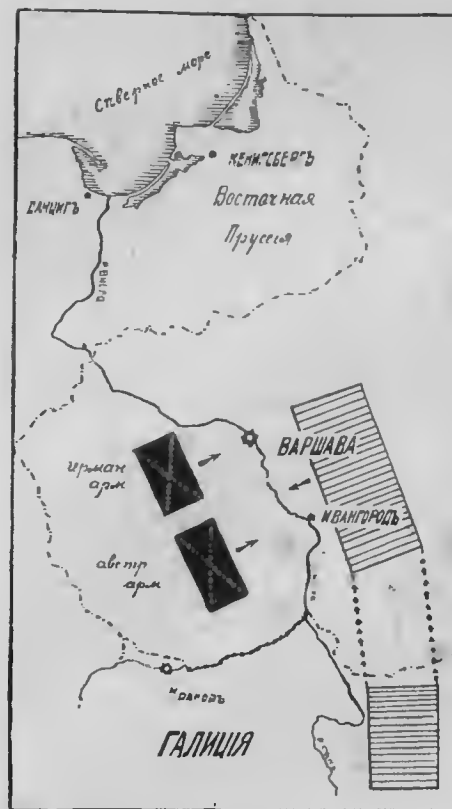
Поэтому вполнѣ понятно, что бельгійская армія рѣшила бросить Антверпенъ и отошла на соединеніе съ французами и англичанами, увеличивъ такимъ образомъ ихъ силу. Въ теченіе мѣсяца бельгійская армія пополнилась людьми, что было негрудно при 7-милліонномъ населеніи этой страны, возобновила свои запасы, свою артиллерию, что также было нетрудно при богатой промышленности Бельгіи, и стала вполнѣ пригодной къ бою.

Вторая помощь австрийцамъ.

Послѣ паденія Антверпена у нѣмцевъ въ первое время освободились войска, облагавшія эту крѣпость. И такъ какъ въ это время австрийцы усиленно просили о помощи, то нѣмцы рѣшили прервать нѣсколько корпусовъ съ западнаго фронта на восточный и произвести новое наступленіе къ Варшавѣ, съ цѣлью заставить насъ наконецъ бросить Галицію и сплѣстись съ своими войсками на защиту Варшавы и линіи Вислы. Въ то же время, согласно выработанному плану, австрийская армія должна была переправиться изъ района Кракова въ Сѣвѣдскую губернію и наступать рядомъ съ нѣмцами, двигаясь къ Ивангороду.

Во исполненіе этого плана австро-нѣмцы въ концѣ сентября предприняли наступленіе съ значительными силами отъ Силезіи и Познани къ линіи русской Вислы, двигаясь прямо съ запада на востокъ. Несомнѣнно, что сохраненіе Варшавы, какъ важнаго политическаго центра, было для насъ желательнымъ; мосты же, находившіеся въ Варшавѣ и обеспечивавшіе переправу черезъ Вислу, представляли собою такую стратегическую цѣнность, что ими также пренебречь было нельзя. Поэтому съ движеніемъ австро-нѣмцевъ къ Вислѣ нами было предпринято перемѣщеніе главной массы войскъ изъ Галиціи къ сѣверу, къ району Ивангорода и Варшавы. При этомъ войскамъ, оставшимся въ Галиціи, временно пришлось оборонять линію рѣки Сана, задерживая наступленіе австрийцевъ, пока главная масса нашихъ войскъ, сосредоточившаяся у Ивангорода и Варшавы, не разобьетъ австро-нѣмцевъ.

Перемѣщеніе центра тяжести нѣмѣнныхъ громаднѣхъ армій, другими словами, сосредоточеніе современныхъ массъ въ новомъ районѣ представляетъ собою операцію и трудную и длительную.

Карта 13.

Эта карта показываетъ схему наступленія австро-нѣмцевъ къ Варшавѣ и Ивангороду. Германская армія двинулась непосредственно отъ границъ Пруссіи прямо на Варшаву. Австрийская армія, оставивъ часть войскъ на рѣкѣ Санѣ, переправилась въ районѣ Кракова черезъ рѣку Вислу. Здѣсь австрийцы, прижимая лѣвымъ крыломъ къ германской арміи, произвели рядомъ съ послѣдней наступленіе на Ивангородъ. Въ виду этого нашихъ войскъ, находившихся въ Галиціи, пришлось дволутся къ Варшавѣ и произвести новое сосредоточеніе въ районѣ Варшавы и Ивангорода. Такъ какъ новое сосредоточеніе въ районѣ Варшавы и Ивангорода нужно было произвести въ безпосредственныхъ условіяхъ, то оно было произведено подъ прислѣдствіемъ рѣки Вислы, вслѣдствіе чего Зависелская Польша была временно уступлена неприятелю. Вслѣдъ за тѣмъ наши войска, сосредоточившіеся у Варшавы и Ивангорода, перешли въ наступленіе и нанесли поражение австро-нѣмецкимъ войскамъ, отбросивъ ихъ къ границѣ. Операція эта дала основаніе нѣмцамъ утверждать, что они, двигаясь къ Варшавѣ, все же имѣли въ виду брать этого города, а желали лишь вытянуть нашу армию изъ Галиціи, чтобы облегчить тамъ положеніе австрийской арміи.

Оставались на обоихъ берегахъ рѣки Вислы и при появленіи нѣмцевъ нанесли имъ поражение въ бою впереди Варшавы. Австрийцы продолжали еще держаться у Ивангорода, когда наши войска уже разбили нѣмцевъ у Варшавы и гнали ихъ перелѣ собой, загнывая такимъ образомъ лѣвый флангъ австро-нѣмецкой арміи назадъ. Послѣ ряда упорныхъ боевъ нѣмцы, угрожаемые обходомъ съ сѣвера, послѣдно бросили всѣ заранѣе подготовленныя позиціи и отошли къ границѣ, поставивъ австрийскую армию генерала Даниля у Ивангорода въ критическое положеніе. (Карта 13).

Австрийцы очень упорно держались въ лѣсахъ и болотахъ передъ Ивангородомъ, и ихъ удалось сбить только тогда, когда нѣмцы уже отошли. Послѣ этого и австрийская армія уже отошла къ Силезіи и Кракову.

Когда бои подъ Ивангородомъ и Варшавой окончились и нѣмцамъ и австрийцамъ было нанесено одинаковое поражение; арміи нашего противника отошли въ двухъ расходящихся направленіяхъ. Нѣмецкая армія отошла къ сѣверо-западу—къ Торю, а австрийская армія отошла къ юго-западу—къ Силезіи и Кракову. (Карта 14).

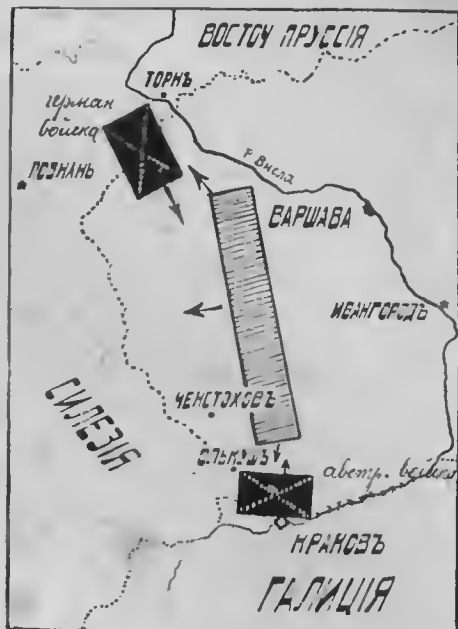
Нѣмецкая оборона границы.

21-го октября въ Краковѣ состоялся военный совѣтъ, на которомъ участвовали Вильгельмъ, начальникъ австрийскаго генеральнаго штаба, эрцгерцогъ Фридрихъ и рядъ высшихъ руководителей обѣихъ нѣмецкихъ армій. На этомъ совѣтѣ было рѣшено, что германская армія останется въ Торнѣ, а австрийская у Силезіи и Кракова, а нашими войскамъ будетъ предоставлено идти въ промежутокъ между этими арміями, на Познань. Когда наши войска втиснутся въ этотъ промежутокъ, то нѣмцы изъ Торна и австрийцы изъ Силезіи ударятъ съ боковъ, выйдутъ на наши сообщенія и отрубятъ ихъ. Планъ этотъ, подобно знаменитому плану войны на два фронта, отличался большой предвзятостью, а именно, онъ основывался на совершенно предвзятомъ предположеніи, что мы обязательно пойдемъ въ промежутокъ между двумя арміями, между торнской арміи и нѣмецкой арміи австро-германцевъ.

Между тѣмъ идти должны были мы. Элемментарно ясно, что отъ насъ зависѣло, куда идти. Мы могли, конечно, пойти въ промежутокъ на Познань, но также могли идти прямо на нѣмецкую армию на Торнъ и одинаково могли идти на австро-нѣмецкую армию въ Силезію.

Пока происходило вышензложенное совѣщаніе, наши войска, оставшіеся въ Галиціи и временно оборонявшія рѣку Санъ, уже прекратили свою насильную оборону рѣки, переправились на тотъ берегъ и послѣ ряда упорныхъ боевъ снова погнали австрийцевъ къ Кракову. Въ то же время намѣчалось наше движеніе въ Силезію черезъ занятый противникомъ Ченстоховъ. Нѣмцы тогда, видя, что мы идемъ не на Познань, какъ они того хотѣли, а на Ченстоховъ—Краковъ и далѣе къ Силезіи, рѣшили произвести ударъ на противоположномъ концѣ по линіи Вислы, чтобы оттянуть наши войска отъ Силезіи и спасти Краковъ отъ обложенья.

Къ этому времени наши войска уже подошли къ германской границѣ, и наша конница разрушила одну изъ желѣзнодорожныхъ станцій на пограничной линіи прусской желѣзной дороги—станцію Плевень. Предъ нѣмцами, кромѣ задачи оттянуть наши войска отъ Силезіи, предстала необходимость отвести угрозу, заисненную надъ ихъ восточной границей. Нѣмцы всегда предполагали вести войну не иначе, какъ на неприятельской территоріи. Они всегда считали, что будутъ наступать, и никакъ образомъ не допускали мысли о томъ, что наступать будетъ противникъ, и что война будетъ происходить на территоріи Германіи. Поэтому то они такъ нѣрвно отнеслись къ нашему первому занятію Восточной Пруссіи. Это была истинно прусская территорія и тамъ находились богатѣйшія ибнѣ нѣмецкихъ аграріевъ и самого Вильгельма, а населеніе Восточной Пруссіи издавна славилось своимъ консерватизмомъ, лояльностью и преданностью династіи Гоген-

Карта 14.

Карта показываетъ положеніе послѣ боевъ подъ Варшавой. Нѣмцы отошли къ району Торна, а австрийцы на линію Олькушъ—Краковъ. Нашимъ войскамъ предлагалось какъ бы идти въ промежутокъ на Познань и частью въ Силезію съ тѣмъ, что, когда наши войска перейдутъ германскую границу, нѣмцы отъ Торна и австрийцы отъ Кракова двинутся другъ другу на встрѣчу и перерѣжутъ наши сообщенія. Какъ извѣстно, наши войска не пошли такъ, какъ это было желательнѣе нѣмцамъ, и тогда нѣмцы, двинувшись отъ Торна по лѣвому берегу Вислы къ Плоцку, пытались прорвать наше расположеніе, но были сами окружены подъ Брезинями и одна прорвалась. Въ настоящее время районъ отъ Ченстохова до Кракова сильно укрѣпленъ. Нѣмцы продолжаютъ держаться на лѣвомъ берегу Вислы, а австрийская войска двинулась за Карпаты и пытаются выйти по направленно съ юга на сѣверъ въ тылъ нашихъ войскъ у Кракова. Изъ этого видно, что противникъ нашъ, укравъ центр по линіи германской границы, имѣетъ войска на фланги: на лѣвый флангъ—къ рѣкѣ Вислѣ и на правый флангъ—къ Карпатамъ. Эти обѣ фланговые группы стремятся нанести намъ ударъ въ тылъ и этой угрозой поспѣеваютъ нашему движенію къ границѣ Германіи.

полтернов. Все это вынудило немцев, несмотря на то, что они были заняты важными и существенными операциями во Франции, выслать оттуда часть своих корпусов для спасения Восточной Пруссии.

Однако и сейчас, когда наши войска подошли к другому участку германской границы, в районе Познани и Силезии, немцы также решили принять все меры, чтобы не допустить перенесения войны на свою территорию. Во исполнение этого немцы решили воспользоваться сетью своих желѣзных дорог.

Эта густая сеть прусских желѣзных дорог дает немцам возможность быстро сосредоточивать войска к определенному пункту. Таким образом, когда наши войска будут к этому пункту медленно двигаться по испорченным шоссе Зависинской Польши, немцы успеют раньше собрать сюда значительные силы и будут иметь временно численный перевес. Этим свойством своих желѣзных дорог немцы и воспользовались и, быстро сосредоточив войска у Торна, повели наступление против наших войска. Наши войска к этому времени, преследуя австрийцев и немцев, не были еще сосредоточены и занимали всю пограничную полосу Польши от Восточной Пруссии до Карпат. Поэтому немцы сосредоточились в Торне и, поведя оттуда наступление, имели сначала значительный численный перевес, который позволил им войти до Плоцка. Наступая всей массой от Торна на Плоцк по лѣвому берегу Вислы, немцы хотели прорвать наш центр и разбить каждую отколовшуюся половину нашей армии в отдельности.

Главная масса немцев наступала перпендикулярно рѣкѣ Вислѣ, примыкая к ней лѣвым флангом. Благодаря этому лѣвый немецкий фланг оказался у Плоцка, центр немного южнее, а правый фланг еще южнее, не доходя Лодзи. Для отражения этого наступления нами было сделано следующее.

Прорыв у Брезинь.

Одна группа наших войска задержала лѣвый немецкий фланг на рѣкѣ Вислѣ у Плоцка, а другая группа, наоборот, отошла передъ немецким правым флангом южнее. Следовательно, лѣвый немецкий фланг остановился у Вислы, а правый оторвался и прошел вперед. (Карта 15).

Наши войска отходили, и правый фланг густой массой полился

Карта 15.

Карта показывает прорыв немцев у Брезинь. Немцы наступали от Торна по лѣвому берегу Вислы и дошли до линии Плоцк—Лодзь. На картѣ это положение показано черным прямоугольником у Плоцка, продолжение которого составляет пунктирный прямоугольник, оканчивающийся против Лодзи. Наши войска остановили движение лѣваго фланга немцев у Плоцка (черный прямоугольник у Плоцка). Правый фланг немцев (пунктирный прямоугольник против Лодзи) прорвался на восток и, обтекая Лодзь, в которой находились наши войска, вышел в тыл Лодзи. Здесь он оказался у Брезинь. Наше расстройство было прорвано, и немцы хотѣли разбить наши расколовшиеся войска, набросавшись всей массой на каждую часть в отдельности. Однако прорвавшиеся немцы были сами окружены у Брезинь. Часть немцев удержалась у Здунской Воли, а часть попала в мѣшок у Брезинь, гдѣ была окружена со всех сторон нашими войсками. С неслыханными усилиями немцам удалось прорваться, при чем прорвавшиеся войска понесли настолько большія потери, что были отправлены в Германию, как окончательно выведенные из строя.

нашими войсками. Съ этого момента стало ясно, что планъ прорыва нашей армии, какъ будто сначала удавшийся, закончился полной катастрофой для немцев и лишь подтвердилъ знаменитый афоризмъ о томъ, что обходящий рискуетъ всегда быть самъ обойденнымъ.

Немцы дѣлали неслыханные усилия, чтобы прорваться къ северу, на Ловичъ, или, вѣрнѣе сказать, въ промежутокъ между Ловичемъ и Лодзью. Съ своей стороны генералъ Гинденбургъ, главнокомандующій на восточномъ германскомъ фронтѣ, спѣшно выслалъ подкрѣпленія, которыя, двигаясь по лѣвому берегу Вислы, подошли къ району Ловича и Лодзи. Такимъ образомъ немцы въ промежутокъ между Ловичемъ и Лодзью протягивали другъ другу руки черезъ наши войска. Одна группа немцев, окруженная у Брезинь, тянулась къ другой группѣ немцев, пришедшей на помощь съ запада. Съ неслыханными усилиями немцы пробивались и стали проходить по узкому коридору между двумя разступившимися группами нашихъ войска, разстрѣливаемые съ обѣихъ сторонъ. Лишь жалкіе остатки прусской гвардіи вышли изъ нашего желѣзнаго кольца и были немедленно отправлены на отдыхъ въ Германию.

Когда случилась эта катастрофа, немецкій генеральный штабъ спѣшно выслалъ новые корпусы изъ Франціи. Немцы продолжали дѣлать все усилія отдалить угрозу отъ своей восточной границы. Новые 6 немецкихъ корпусовъ, быстро пробѣжавъ по желѣзнымъ дорогамъ разстояние отъ Бельгій до восточной границы Германіи, стали высаживаться въ районъ Торна, Познани и Ченстохова и попытались снова возобновить вмѣстѣ съ находившейся здѣсь ранѣе германской арміей Гинденбурга наступление въ нашу сторону. Въ результатѣ кровопролитныхъ боевъ обѣ стороны временно сохранили свое положеніе и сильно окопались.

Въ то же время наши войска успѣли уже подойти къ Кракову и значительно углубиться въ Карпаты южнее Кракова. Каждое наше движеніе къ Кракову производило на немцевъ впечатлѣніе удара бичомъ. Такое острое впечатлѣніе немцы испытываютъ не потому, что они хотѣли отстоять Краковъ, а потому, что наши войска, обложивъ Краковъ, могутъ пройти мимо и оказаться въ прусской Силезіи. А, какъ мы видѣли, этого ни за что не хотѣли допустить немцы, ибо упорно не могутъ себѣ представить войны на своей территоріи.

Такимъ образомъ къ исходу пятаго мѣсяца борьбы положеніе нашихъ противниковъ обрисовывается слѣдующимъ образомъ.

Гдѣ немцы?

Австрийская армія настолько разбита, что отнюдь не можетъ предпринять какихъ-либо серьезныхъ операцій противъ насъ, и немцы стараются, разбавляя австрийскія войска своими, придать имъ какую-либо устойчивость, однако совершенно тщетно.

Французская армія пока блестяще выполнила свою первую часть задачи—оборону Франціи.

Немцы, оставшись въ одиночество послѣ пораженія австрийцевъ, стоятъ передъ двумя неразрѣшимыми задачами. Упорные бои во Франціи доказали, что здѣсь пока вопросъ разрѣшенъ въ лучшемъ для немцевъ случаѣ въ ничью. Следовательно, это какъ бы обязываетъ немцевъ перенести операціи на русскій фронтъ. Однако и это совершенно безнадёжно, такъ какъ немцы никакъ не могутъ достигнуть результатовъ на нашемъ фронтѣ не могутъ добиться. Если допустить даже на минуту, что немцы займутъ территорію до Немана, Вислы, даже до Западной Двины, то все же передъ ними останется необъятная толща Россіи, которую одолѣть невозможно, и все же Россія не будетъ въ такихъ условіяхъ, которыя обязывали бы ее заключить миръ.

Это все показываетъ, что немцы неизбежно должны искать разрѣшенія войны сначала во Франціи. Только во Франціи успѣхъ войска, если бы таковой оказался, можетъ имѣть для нихъ значеніе. Немецкій генеральный штабъ можетъ хотя теоретически себѣ представлять успѣхъ во Франціи и разсчитывать, что тамъ можно дойти до Атлантическаго океана, можно разбить французскую армію и принудить Францію къ миру. Тогда можно будетъ остаться съ однимъ противникомъ и вести противъ него войну всѣми силами. Такой пріемъ совершенно непримѣнимъ по отношенію къ намъ, гдѣ никакой успѣхъ не можетъ вынудить безконечно большую и безконечно сильную Россію къ покорности.

Однимъ словомъ, немцы могутъ побѣдить только черезъ Францію, но не черезъ Россію, и въ силу этого главные массы немцевъ будутъ оставаться во Франціи до тѣхъ поръ, пока это для нихъ представится хоть сколько-нибудь возможнымъ. Немцы срочились съ французами и силою вещей вынуждены вѣчно толкаться въ сторону Франціи, вѣчно искать тамъ первой развязки, ибо этой первой развязки не можетъ наступить въ Россіи.

Поэтому въ тотъ день, когда немцы перевезутъ изъ Франціи свои войска на нашъ фронтъ и откажутся отъ развязки во Франціи, они откажутся одновременно и отъ выигрыша войны. Ибо выиграть эту войну, повторяемъ, они могутъ только черезъ Францію, но не черезъ Россію.

Вотъ, собственно говоря, главная причина, почему немцы такъ чувствительны къ каждому появленію нашихъ войска на ихъ территоріи. Это появленіе вынуждаетъ ихъ взять войска изъ Франціи и перевезти на востокъ, а следовательно, и отказаться отъ выигрыша войны. Вильгельмъ, кронпринцъ и присные ихъ упорно не хотѣли этого сдѣлать, ибо не хотѣли сознаться такъ

явно въ своей неудачѣ. Каждый ударъ нашихъ войска заставляетъ немцевъ брать нѣсколько корпусовъ изъ Франціи и перевозить ихъ на нашъ фронтъ. Благодаря этому немецкія массы во Франціи ослабѣваютъ, и немцы все дальше и дальше отходятъ отъ возможности побѣдить французовъ, а следовательно, и отъ возможности выиграть войну. Понемногу немецкая армія расплывается по полямъ между французскимъ и русскимъ фронтами, и понемногу сходится на нѣтъ всякая надежда немцевъ на выигрышъ войны.

Если немцы были сколько-нибудь близки къ выигрышу войны два мѣсяца тому назадъ, въ тотъ моментъ, когда во Франціи у нихъ было 40 корпусовъ, а у насъ 16, то теперь, когда во Франціи только 30 корпусовъ, а противъ насъ 26, немцы стали во много разъ дальше отъ возможности выиграть эту кампанію. Еще одинъ ударъ нашихъ войска, и снова немецкіе корпусы прѣдутъ изъ Франціи на восточный фронтъ, и надежда немцевъ на выигрышъ войны окончательно испарится, исчезнетъ такъ же, какъ нынче уже исчезъ всякій слѣдъ знаменитаго плана войны съ побѣдой на 16-й день и съ появленіемъ немецкихъ массъ на нашей территоріи на 22-й день.

Англія.

Съ начала войны на материкѣ Европы стала высаживаться авгліяская экспедиціонная армія. Англійскія войска состоятъ изъ экспедиціонной армии со своимъ резервомъ, территориальныхъ войска, предназначенныхъ для обороны острововъ на случай десанта, арміи Британской Індіи и колониальныхъ контингентовъ.

Какъ извѣстно, въ Англіи всеобщей воинской повинности нѣтъ, и армія пополняется вербовкой охотниковъ. На службу принимаются британскіе подданные въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, удовлетворяющіе определеннымъ требованіямъ физической годности: вѣсъ не менѣе 3 пуд. 7 фун. и ростъ не менѣе 5 фут. 3 дюйм.

Англійская экспедиціонная армія нормально состоитъ изъ шести пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской дивизіи съ необходимыми вспомогательными учрежденіями и въ этомъ видѣ достигла численности 170 тысячъ человѣкъ и 70 тысячъ лошадей. Въ настоящее время численность англійской арміи путемъ вербовки доведена до десяти дивизій, насчитывающихъ въ общемъ около 250 тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ видно, что численность англійской арміи вслѣдствіе особыхъ условій ея комплектованія не превышаетъ 4—5 армейскихъ корпусовъ.

Территориальная войска, въ составѣ четырнадцати дивизій, окончательно сформировывается по истеченіи шести мѣсяцевъ съ начала войны и изъ предѣловъ королевства не вывозится.

Армія Британской Індіи составляетъ около 350 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 75 тысячъ британскихъ войска, а остальные — туземная войска. Нѣкоторыя части этихъ войска доставлены англичанамъ на европейскій театръ войны. въ количествѣ,

Душа Метерлинка.

(По поводу новой книги о Морисѣ Метерлинкѣ).

Очеркъ К. Чуковского.

I.

— Кто бы могъ думать, что бельгийцы такіе герои!

— А развѣ вы не читали Метерлинка?

— Да, но будутъ ли они побѣдителями?

— Еще бы! Вѣдь онъ—народъ Метерлинка!

Метерлинка и Верхарна—недаромъ эти два величайшихъ современныхъ поэта созданы бельгийскимъ народомъ. Если поэзія и правда—порожденіе народнаго духа, воплощеніе національной стихіи, то, читая Метерлинка и Верхарна, мы должны были давно уже знать, что Бельгія—отчизна героевъ. Мы не смѣемъ теперь изумляться: «ахъ, какой пріятный сюрпризъ! Вотъ такъ молодцы эти бельгийцы! Кто бы могъ раньше предвидѣть!»—намъ были явлены внятные знаменія, даны великіи предвѣщанія, пророчества, и если мы ихъ не поняли, это была наша вина.

Мнѣ ничего неизвестно о нынѣшней Індіи, но я читаю Рабиндраната Тагора—маленькую книжку стиховъ,—и говорю: «это все еще великій народъ». Или вы думаете, это пустякъ, маленькая книжка стиховъ! Она—свидѣтельство о вѣкахъ и вѣкахъ творческой работы народа. Для того, чтобы создать эту книжку, нужно было столько героевъ и гениевъ, столько мощныхъ величавыхъ поколѣній.

Народъ Верхарна! Не напрасно вѣщай Тебя прославлялъ живъ твой мощный духъ! Онъ молнией въ дыму сраженій блещетъ, Онъ въ грохъ пушекъ намъ вѣщаетъ вслухъ. Намъ не забыть, какъ ты въ любимомъ Яежѣ Свою свободу гордо ограждалъ. Твои сыны, какъ въ славномъ прошломъ.—тѣ же: Поэтъ далъ клятвы, ты ихъ оправдалъ.

Есть круговая порука между народомъ и гениемъ. Народъ оправдываетъ вѣщанія поэта. Но Верхарна мало извѣстенъ въ Европѣ. И потому удивительно ли, что въ наши огненные, страстные дни, когда человѣчество забыло о книгахъ и помнитъ только о штыкахъ, пулеметахъ, единственный поэтъ не забыть, и этотъ поэтъ Метерлинка! Въ немъ хотѣть видѣть весь міръ воплощеніе

повидимому, не болѣе 1—2 дивизій, т.-е. максимумъ около 40—45 тысячъ человѣкъ.

Колониальные контингенты крайне разнообразны по своему составу и имѣются почти во всехъ колоніяхъ Великобританіи. Всего колониальныхъ контингентовъ имѣется около 100 тысячъ человѣкъ, не считая милиціи, выставаемой въ минуту необходимости важнѣйшимъ колоніямъ.

Въ настоящее время, вслѣдствіе большой популярности нынѣшней войны, въ Англіи идетъ весьма успѣшно вербовка волонтеровъ, и англичане надѣются черезъ годъ довести свою армію до одного милліона человѣкъ. Однако изъ этой вполне вѣроятной цифры необходимо выдѣлать постоянныя войска, существовавшія до войны, и отдѣлить ихъ отъ вновь набранныхъ войска, которые стали комплектоваться только съ начала войны. Эти вновь набранныя войска, естественно, должны состоять изъ охотниковъ, набранныхъ только съ началомъ войны и, следовательно, только съ этого времени начавшихъ свое военное обученіе. Поэтому вновь набранныя англійскія войска правильнѣе будетъ приравнять къ ландштурму, или къ ополченію, которые также были призваны въ началѣ войны и только въ началѣ войны начали проходить курсъ солдатскаго обученія. Какъ извѣстно, въ Европѣ ополченіе употребляется главнымъ образомъ для службы внутри страны и для службы въ тылу арміи, и только въ рѣдкихъ случаяхъ употребляется для восторженныхъ боевыхъ задачъ. Поэтому и вновь набранныя войска Англіи естественно должны быть употреблены также для подобныхъ цѣлей и будутъ имѣть значеніе главнымъ образомъ потому, что освободятъ постоянную англійскую армію для дѣйствій въ полѣ, взявъ на себя выполненіе службы въ тылу арміи.

Англійскія войска высаживались свыше двухъ недѣль и по окончаніи высадки прикинули къ лѣвому французскому крылу, принявъ участіе во всехъ операціяхъ французской арміи. Англійскія войска обнаружили большую стойкость въ бояхъ, большую смѣлость при атакахъ и оказали весьма существенную поддержку французамъ во всѣхъ критическихъ моментахъ, которые переживала французская армія. Прибытіе англійскихъ войска усилило французскую армію почти на 25% и значительно ослабило то превосходство, которое имѣли немцы. Съ прибытіемъ англичанъ превосходство германцевъ въ численности стало колебаться лишь около цифры въ полмилліона. Это хоти и давало почти полнотное превосходство надъ французской арміей, но тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, оказалось недостаточнымъ не только для того, чтобы немцы добились какого-либо успѣха, но также и для того, чтобы немцы удержали занятые ими территоріи Франціи на сѣверо-востокѣ.

Главное значеніе англійскаго выступленія, конечно, свелось къ тому господству на моряхъ, которое пріобрѣли союзники *).

изумительной Бельгіи. Франція избираетъ его въ свою Академію безсмертныхъ, англичане приветствуютъ его, какъ Гарibaldi: газеты и журналы всего міра такъ много теперь пишутъ о немъ, что подумаетъ: онъ—полководецъ.

О немъ теперь въ Америкѣ, въ Англіи появляются цѣлыя книги. и объ одной такой книгѣ мнѣ хочется здѣсь разсказать.

II.

Книга напечатана въ Лондонѣ и называется такъ: „Maurice Maeterlinck. A Critical Study by Una Taylor“, т.-е. „Морисъ Метерлинка. Критическое изслѣдованіе г-жи Уны Тейлоръ“.

„Развѣ мы не похожи на человѣка, потерявшаго глаза въ раннемъ дѣтствѣ? Когда-то онъ видѣлъ несмѣтные явленія жизни, видѣлъ солнце, море, лѣса. Теперь эти чудеса навсегда сохранились въ его существѣ“,—но онъ о нихъ почти позабылъ. Всѣ люди позабыли о нихъ, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, и въ числѣ этихъ трехъ-четырехъ—Метерлинка. Онъ не говоритъ ни о чемъ, только объ этихъ явленіяхъ. Спросите у него: который часъ?—онъ величественно отвѣтитъ вамъ: вѣчность. Поведите его въ самую обыкновенную комнату, гдѣ пять или шесть человѣкъ говорятъ о дождливой погодѣ, онъ скажетъ: здѣсь премудрость и тайна! За этими ничтожными разговоромъ шесть человѣческихъ душъ ведутъ такую вѣчную бесѣду, къ которой ни одинъ человѣческій умъ не можетъ приблизиться безъ содроганія!“

Вотъ одно изъ его давнихъ признаній: „Когда я спрашиваю у встрѣчной крестьянки дорогу, я сужу о ней такъ же глубоко, какъ если бы и спросилъ у нея о жизни своей матери, и душа ея говоритъ со мной такъ же интимно, какъ говорила бы душа моей невѣсты. Прежде чѣмъ отвѣтить, она поднялась до величайшихъ тайнъ“.

Онъ чувствуетъ, что въ каждой ничтожной пылинкѣ есть тайна, вѣчность и чудо, и какъ ему чужды тѣ, кто не вѣдаетъ такихъ ощущеній. Въ его трагедіи „Непрощенная гостья“ всѣ

*) Подробности этого морскаго соревнованія обстоятельно изложены К. Шумскимъ въ отдѣльной статьѣ, которая будетъ помѣщена подъ заглавіемъ „Война на морѣ“ въ „Литер. Прилож.“ къ „Нивѣ“ за январь 1915 г.

чувствуют мистическое приближение смерти, одни только не чувствуют—брат умирающей, и этой нечувственности к мистическому Метерлинк ему не может простить. Когда он хочет прославить женщину, он говорит о них:

Он ближе других к безконечному. Их корни глубже, чем наши, погружены в безпредельное. Он, единственный, сберегли на земле чувство тайны!—и это величайшая хвала, которую он может воздать им.

Близость к безконечному—критерий, которым он измѣряет всѣ души. И это мистическое чувство *сверхъчуждѣнности* так глубоко въшло въ него, что, о чем бы он ни говорил, о пчелѣ или цветкѣ, вы видите, как уходитъ отъ нихъ перспектива въ какія-то безпредѣльные дали. Стоитъ любому предмету попасть на страницы къ Метерлинку, какъ этотъ предметъ обрѣтаетъ печать какихъ-то иныхъ мировъ. Въ „Пеллеасъ и Мелисандъ“ служатъ и перекликаются черезъ закрытыя двери съ привратниками и пришли мѣлыя полы, двери и крыльцо. Отопните же! Отопните! А вы чувствуете, что онъ говоритъ о судьбахъ мірозданія, о вѣчности, о жизни и смерти, и это-то вѣяніе тайны, это касаніе мировъ иныхъ придаетъ всѣмъ метерлинковскимъ образамъ такую грандіозную значительность.

Все остальное—детали. Это совершенная случайность, что онъ оказался талантомъ, изысканнымъ и вкрадчивымъ лирикомъ: главное,—что онъ тайновидецъ порвосушностей, первоосновъ бытія!

Это свойство рѣдчайшее и дается природой немногимъ. Можно быть великимъ поэтомъ и совершенно не обладать этимъ даромъ. Грибоѣдовъ, Некрасовъ, Барбье, Томасъ Муръ, Шевченко, Робертъ Бернсъ были большіе поэты, но къ нимъ ни разу не снизошло это чувство. А Рюнсбрекъ Удивительный, или американецъ Уотъ Уитманъ только имъ однимъ и питались, и претворили его въ великія книги, хотя были совсѣмъ не писатели, безъ всякихъ литературныхъ талантовъ.

Когда же природа расщедрится и въ какой-то изумительный мигъ,—однажды въ теченіе столѣтій,—одаритъ одного человѣка *обшири* своими дарами: даромъ тайновѣдѣнія и поэтической мощью,—явится среди насъ Метерлинкъ.

Увидѣвъ въ англійскихъ газетахъ объявленіе объ этой книгѣ, я поспѣшилъ ее выпечатать, и теперь предъ мною объемистый томъ, раздѣленный на десять отдѣловъ.

Въ первомъ отдѣлѣ изучаются тщательно лирика бельгійскаго писателя; во второмъ—его драма „Принцесса Маллизъ“, въ третьемъ—его любовныя драмы; въ четвертомъ—его драмы о смерти; въ пятомъ—его драма „Монна Ванна“, но гдѣ же онъ самъ, Метерлинкъ?

Его нѣтъ, онъ забытъ совершенно. Въ книгѣ о Метерлинкѣ нѣтъ оного: Метерлинка! Душа не яблоко, ся не разлѣжешь, а г-жа Уна Тэйлоръ разлѣзала душу поэта на такіе мельчайшіе ломтики, что, какъ я ни стараюсь ихъ собрать, они снова распадаются врозь.

Национальныя черты его творчества даже не упомянуты критикомъ. Критикъ дошелъ до того, что всѣ книги, изданныя въ Брюсселѣ, называетъ *французскими* изданіями (стр. 197)! Бельгій онъ не упоминаетъ совсѣмъ. Казалось бы, первѣйшій его долгъ указать ту почву, на которой создавался поэтъ, тѣ корни, концы онъ съ почвою связанъ, но для этого у г-жи Уны Тэйлоръ не нашлось ни единого слова.

Какъ пронзительно это чудо, что молчаливый, широкоплечій фламандецъ, съ такой буржуазной наружностью, спортсменъ, вело-

сипедистъ, человѣкъ, вдругъ обрѣлъ неизреченные глаголы, сталъ вѣщимъ мудрецомъ, тайновидцемъ и создалъ грандіозныя трагедіи, полныя неизъяснимаго ужаса, предъ которыми весь *terroir antiquus*—ничто,—критикъ объяснять не берется.

Вообще г-жа Уна Тэйлоръ не видитъ лица Метерлинка, не чувствуетъ *души его души*, и даже не пытается почувствовать. Ея книга—гимназическое сочиненіе, „разборъ произведеній Метерлинка“, и я первый готовъ ей поставить пятерку за прилежаніе и тщательность. Она ученица старательная: подробно излагаетъ своими словами каждое твореніе поэта, которое и безъ нея намъ извѣстно, и при этомъ—неизвѣстно зачѣмъ—цитируетъ то отцовъ церкви, то германскихъ романтиковъ, то народныя бретонскія легенды, то сказанія вогезскихъ крестьянъ, съ неликольнѣной эрудицій шестиклассницы, и за одно только я сбавилъ бы ей баллъ: за неестественный, напыщенный слогъ, который такъ не идетъ къ Метерлинку.

Языкъ Метерлинка самый наивный, простой, а г-жа Уна Тэйлоръ—безъ завитушекъ ни шагу. Этимъ она не только не помогаетъ намъ воспринять и понять Метерлинка, но, напротивъ, заслоняетъ отъ насъ его образъ.

Послѣ прочтенія книги я гораздо меньше знакомъ съ Метерлинкомъ, чѣмъ раньше. Его обликъ сталъ ускользать отъ меня, и, чтобы не утратить его окончательно, я откладываю эту книгу подальше. Какой однако у нея переплетъ! Какая вся она нарядная, милая! Какъ должно быть совѣстно автору видѣть свои бѣдныя мысли въ такой великолѣпной оправѣ!

III.

Въ чемъ же главное естество Метерлинка?

Отбросимъ все второстепенное, лишнее, постараемся найти въ немъ ту черту, безъ которой Метерлинкъ—не Метерлинкъ.

Эта черта—ощущеніе тайны. Онъ не забываетъ ни на мигъ, что мы окружены безконечностью. Только *сверхъчуждѣнности* для него любопытны: лишь непознаваемое онъ хотѣлъ бы познать; лишь непреклонное хотѣлъ бы онъ высказать.

Остальное для него—взоръ, пустяки. Всѣ наши житейскія слова и дѣла, наши биржи, рестораны, газеты. Важно лишь одно: безконечность; остальное недостойно нашихъ душъ.

„По существу своему мы тайнственны; все же намъ извѣстное не любопытно“,—говоритъ онъ въ одной ранней статьѣ.

Ощущеніе тайны и чуда—единственное его ощущеніе. Надменное, свѣсота, не безъ презрѣнія възираетъ онъ на сутолоку жизни и не проклинаетъ ее лишь потому, что и въ ней чувствуетъ чудо и тайну. Юноша Лермонтовъ въ гениальныхъ стихахъ разсказалъ намъ о душѣ человѣка, который еще до рожденія жила въ небесахъ и слышала пѣніе ангела:

И звалъ его пѣсни въ душѣ могодой
Остался безъ словъ, по живой.

И вотъ она явилась на землю, живетъ среди людей, въ суетѣ, но въ минуты просвѣтлѣнія вспоминаетъ мелодію англійской пѣсни:

И зову въ небесахъ замѣнить не могли
Ея скучныя пѣсни земли.

Это, несомнѣнно, была душа Метерлинка. Ему тоже скучны наши здѣшнія, земныя пѣснопѣнія. Творить—для него значить вспоминать о какой-то прежней, безпредѣльной, современной жизни, когда между вѣчностью и нымъ не было никакихъ преградъ.

Этимъ номеромъ завершается **сорокъ пять лѣтъ** существованія „Нивы“. Мы отмѣчаемъ это на грани перехода отъ истекающаго года къ наступающему новому году, какъ залогъ единенія журнала съ нашими читателями, способствующими намъ своею прочною, многими десятилѣтними закрѣпленною, связью съ „Нивой“—неуклонно выполнять наши культурныя задачи въ широкихъ слояхъ русскаго общества.

Въ настоящій моментъ, когда вся Россія сплотилась воедино въ служеніи родинѣ, на долю популярнаго семейнаго журнала, какъ органа гражданственной мысли и общественной совѣсти, выпадаетъ высокая задача отвѣчать на запросы широкихъ массъ народа чрезъ посредство избранныхъ, владеющихъ даромъ художественнаго слова и обладающихъ политическими, научными и техническими знаніями, выяснить, какую великую эпоху мы переживаемъ, какія широкія перспективы предостоятъ нашей родинѣ въ свѣтлыхъ лучахъ грядущаго дня, который смѣнитъ страшную, долгую ночь кровавой мировой войны.

Въ сознаніи этихъ грядущихъ задачъ новой культуры на основахъ братства и единенія народовъ, спаявшихъ неразрывными узами союзныя страны въ переживаемой великой войнѣ за миръ, мы вступаемъ вмѣстѣ съ нашими читателями въ новый годъ, увѣренные въ ихъ общеніе съ нами и въпредѣ.

Вѣрные своимъ задачамъ: отражать современную жизнь и выяснять ея великіе горизонты,—до тѣхъ поръ, пока эти горизонты будутъ багровыми, пока не стихнутъ громы войны,—мы будемъ посвящать страницы „Нивы“ событіямъ мировой войны: въ описаніяхъ и очеркахъ знатоковъ военнаго дѣла будемъ выяснять постепенный ходъ и значеніе военныхъ дѣйствій; въ художественныхъ очеркахъ и разсказахъ выдающихся писателей, картинахъ и рисункахъ художниковъ и безчисленныхъ свѣтописныхъ снимкахъ съ театровъ войны мы постараемся возсоздать на страницахъ „Нивы“ героическую картину борьбы народовъ и воспроизвести великую лѣтопись народныхъ подвиговъ.

Продолжая обогащать культурную сокровищницу—библиотеку нашихъ читателей собраніями сочиненій писателей-классиковъ (Мамина-Сибиряка, Бунина и Куприна) и, прислушиваясь къ голосу современной жизни, включивъ въ ихъ число сочиненія великаго бельгійскаго поэта Метерлинка, въ своей мировой популярности уступающаго нынѣ одному лишь своему королю Альберту I,—мы и въ наступающемъ году будемъ составлять еженедѣльные номера „Нивы“ и ежемѣсячные выпуски „Литературныхъ Приложеній“ въ томъ измѣненномъ видѣ, какой они приобрѣли съ начала войны.

Мирныя нивы превращены въ поля сраженій, жизнь и цветъ жизни народа—на поляхъ битвъ.

Наша мирная „Нива“ всѣмъ своимъ содержаніемъ, отъ первой до послѣдней страницы, будетъ посвящена тому, чѣмъ живетъ и интересуется общество, что свято и дорого народу.

Воинство—вотъ нынѣ единый герой мировой исторіи, и предъ нимъ мы преклонимся и ему сложимъ побѣдные гимны.